

Ордена Дружбы народов
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Российская ассоциация исследователей женской истории

Российский национальный комитет
Международной федерации исследователей женской истории

**ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ
В ТРАДИЦИОННОЙ
И СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРЕ:
СОХРАНЕНИЕ,
ФИКСАЦИЯ, ПОНИМАНИЕ**

*Материалы XIII международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

В двух частях

Часть 1

Москва

2020

УДК 396
ББК 60+63
Ж 553

Российская
ассоциация
исследователей
женской истории

Казанский
(Приволжский)
федеральный
университет

Институт этнологии и
антропологии им. Н.Н.
Миклухо-Маклая РАН

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Институт истории
им. Ш.Марджани
Академии наук
Республики Татарстан

Рецензенты

И.А. Морозов, д-р ист. наук, С.С. Крюкова, к-т ист. наук

Подготовлено при поддержке РФФИ (проект № 19-09-00191), Программы «Этнокультурное разнообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» и Программ НИР ИЭА РАН

Ж 553 **Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание.** Материалы XIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. В 2-х частях / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова. – М.: ИЭА РАН, 2020. Ч. 1. – 439 с.

ISBN 978-5-4211-0251-9

Издание включает в себя материалы конференции «Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание», организованной Центром гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и Российской ассоциацией исследователей женской истории. Площадку для научных дискуссий историков и этнографов, педагогов и специалистов по истории науки, социопсихологов и социологов, литературоведов и фольклористов предоставили Казанский (Приволжский) федеральный университет и Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. Издание дает представление о гендерных аспектах сохранения, фиксации и передачи памяти о женском и мужском в традиционной и современной культурах, о методологических подходах к пониманию мужского и женского типа меморизации, гендерных особенностей и различий в обычной и экстремальной повседневности индивидов, по-разному запечатленных в эго-документах женщины и мужчин, о женских судьбах и женских голосах в исторической биографике, об общем и особенном в традиционных и современных семейных отношениях в памяти людей разного пола, о женском и мужском в изобразительном и исполнительском искусстве (особенностях меморизации художественных форм и современных культурных запросах).

УДК 396
ББК 60+63

ISBN 978-5-4211-0251-9

© ИЭА РАН, 2020

© Институт истории АН РТ, 2020

© КФУ, 2020

© Коллектив авторов, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пушкарева Н.Л.</i> Женское и мужское в традиционной и современной культуре (анализируя гендерные особенности фиксации пережитого)	12
--	----

ТЕОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Раздел 1. Методологические подходы к изучению женской истории и гендерной антропологии. Источниковедение. Историография

<i>Большакова О.В.</i> Женские и гендерные исследования России в англоязычных странах: современная ситуация и перспективы	17
<i>Белова А.В.</i> Женская автобиографическая память как социальный нарратив	21
<i>Попова А.В., Ломоносова М.В.</i> Эвристические возможности комплексных историко-социологических исследований в области гендерной проблематики	25
<i>Чибисов Б.И.</i> Гендерный аспект средневекового детства в западной историографии	29
<i>Жиброва Т.В.</i> К вопросу о судьбах простых обывательниц XVII – начала XVIII в. в Воронежском уезде (по материалам Воронежской приказной избы)	32
<i>Козырьков В.П.</i> Наследие А.И. Герцена и гендерные истоки социологии	35
<i>Морева О.В.</i> Творчество А.А. Кирпищиковой – источник для изучения гендерных аспектов культуры памяти	38
<i>Кривошеева Ю.А.</i> Повседневность текстильщиц Ярославской губернии в источниках личного происхождения и художественной литературе (вторая половина XIX – начало XX в.)	42

<i>Щербич Л.И.</i> «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии»: ретроспективный взгляд на идеи Симоны де Бовуар	46
<i>Икаева М.А.</i> Суфражистское движение как один из конструктов современной исторической памяти в Великобритании	49
<i>Илизарова В.В., Самарина Т.Н.</i> «Хейтспич» как источник изучения гендерных стереотипов (на примере рукодельных блогов Рунета)	53

ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Раздел 2. Женская социально-политическая и экономическая активность в условиях инокультурного окружения. Фиксация и сохранение памяти об участии в движениях и союзах

<i>Морозова Л.Е.</i> Борьба вдов русских князей за наследство юных сыновей во время ордынского ига	58
<i>Ульянова Г.Н.</i> Женщины-предприниматели в Москве в сфере торговли готовой одеждой в 1820–1830-е годы: Китай-город, Новая площадь, Кузнецкий Мост	63
<i>Запелалова Е.А.</i> Женщины – владелицы фабрик и заводов в Нижегородской губернии в 1870–1890-е годы	67
<i>Синова И.В.</i> Женское предпринимательство в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв.	71
<i>Хайлова Н.Б.</i> Женское лицо либерального центризма в России начала XX в.	74
<i>Кудинова А.Е., Бурина Е.А.</i> Решен ли был «женский вопрос»? Трансформация семьи 1920-х годов глазами женщин и статус «женского вопроса» в официальном советском дискурсе	78
<i>Птицына Н.А.</i> Комсомол в памяти и судьбах ивановских женщин	83

<i>Козлова Н.Н., Рассадин С.В.</i> «Десять лет без права передышки»: анатомия политики от Галины Старовойтовой	87
<i>Штылева М.В.</i> Региональное женское движение в печатных средствах массовой информации в 1990-е годы XX в. (на примере Мурманской области)	91
<i>Досина Н.В.</i> Потенциал согласия гендерных групп: реализация в истории и современной России	97
<i>Коробова О.О., Травникова А.Д.</i> Цифровизация как фактор развития женского предпринимательства	102
<i>Гафарова Р.И.</i> Социальный статус крымскотатарской женщины: вехи истории	106

Раздел 3. Феномен советской общности в мужской и женской социальной памяти

<i>Ташлыкова Н.Ю.</i> О советской общности в воспоминаниях Л.Е. Белозерской	111
<i>Богдашина И.В.</i> Женская домашняя работа в социальной памяти горожанок 1950–1960-х годов	114
<i>Пушкарева Н.Л.</i> Повседневный быт конца 1950– 1960-х годов в социальной памяти женщин-ученых новосибирского Академгородка	118
<i>Жидченко А.В.</i> Энтузиазм жителей города Омска 1950–1960-х годов в социальной памяти горожанок	122
<i>Ермолова А.И.</i> Гендерное измерение городской детской повседневности 1960–1980-х годов (на материалах г. Томска)	125
<i>Сальникова А.А.</i> Советские гендерные стереотипы в детской одежде рубежа 1980-х – 1990-х годов на страницах татарского букваря «Алифба»	129
<i>Федотова Е.П.</i> Советский гендерный порядок и концепция общественного воспитания	130

<i>Шманкевич Т.Ю.</i> О значимости женских нарративов. Воспоминания ленинградонок о времени перестройки	134
<i>Мальцева И.А.</i> Феномен советской ностальгии в мужской и женской социальной памяти	138
<i>Попова О.Д., Попова А.Д.</i> Советская женская повседневность: взгляд из XXI века	141

Раздел 4. Гендерные аспекты нормативно-правовой культуры. Право и бесправие женщин и мужчин в традиционном и современном обществе

<i>Сильвестрова Е.В.</i> Заключение брака <i>inter absentes</i> в римской правовой традиции	146
<i>Наумова О.Б.</i> Гендерные особенности личности в традиционном обществе (по материалам казахского эпоса)	148
<i>Ахмедова Ф.А.</i> «Если женщина достойна взойти на эшафот, то она достойна войти и в парламент»	152
<i>Титова Т.А., Гущина Е.Г., Егоров Д.В.</i> Положение невестки в русской сельской семье Среднего Поволжья в конце XIX – первой половине XX в.	157
<i>Крюкова С.С.</i> «Настало время идти расправляться»: женский самосуд в советской деревне 1920–1930-х годов	159
<i>Тюренкова Д.О.</i> Правовые аспекты женской повседневности: защита материнства в ГДР	163
<i>Петров К.А.</i> Влияние традиционных гендерных представлений на правовую культуру народов Тропической Африки в 1980–2000-х годах	166
<i>Попкова Л.Н.</i> Политика гендерного равенства и идентичности: дискуссии в американском феминизме 1990–2000-х годов	170

<i>Бурданова Н.А.</i> Гендерная характеристика субъектов правоотношений как детерминанта разрешения судебных споров о воспитании детей	173
<i>Тельнега М.П.</i> Борьба за феминитивы в Германии: от места в лингвистике до женщины-канцлера	177
<i>Аброськина Е.В.</i> Женские практики покрывания головы в Тунисе: носить нельзя снимать	181
<i>Дегтева А.В.</i> Священные коровы: формальная и неформальная регламентация поведения беременных и кормящих женщин в общественных местах	184
<i>Кукса Т.Л.</i> Флешмобы или петиции: как женские активисты обучают правовым ценностям и языку российскую власть и рожениц	188
<i>Титова Т.А., Фролова Е.В., Мингалиев А.Х.</i> Домашнее насилие: мониторинг социальной сети «ВКонтакте»	192

ГЕНДЕРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПАМЯТИ ОБ ЭКСТРЕМАЛЬНОМ. ВОЙНА, ПЛЕН, АДАПТАЦИЯ

Раздел 5. Гендерные аспекты культуры памяти о войне и жизни в годы войн в традиционном и современном обществе

<i>Горская Н.И.</i> Женский нарратив военного торжества на Бородинском поле, август 1839 г.	196
<i>Левицкая Т.В.</i> Лики «мирного населения»: военный корреспондент Н.А. Лухманова о русско-японской войне	200
<i>Булыгин Е.В.</i> Воспоминания Анны Мачиз как источник по истории женской памяти о Холокосте	203
<i>Носенко-Штейн Е.Э.</i> «Узница гетто, партизанка, продолжательница рода»: женская память и память о женщине (М. Гринвальд и ее судьба)	206
<i>Пивоварова Л.Н.</i> Мужская память о войне, о родной семье: письма с фронта	210

<i>Сактаганова З.Г.</i> К проблеме участия женщин Казахстана на фронтах Великой Отечественной войны	215
<i>Сулейманова Р.Н.</i> Женщина на войне и о войне: воспоминания о Великой Отечественной войне	219
<i>Воронова Е.А.</i> Женская и мужская память о войне: послевоенные гендерные стратегии советских семейных мужчин	222
<i>Ефанова О.А.</i> Женщины на войне и после: особенности современной трансляции памяти на примере истории одной семьи	226
<i>Доброхлеб В.Г.</i> Эхо войны как фактор формирования новых гендерных ролей	231

Раздел 6. Историческая память о Великой Отечественной войне: гендерный аспект

<i>Шаповалова В.О.</i> Вильнюсское гетто в женских воспоминаниях	237
<i>Широкалова Г.С.</i> Дети войны. Историческая память как фактор сплочения семьи	241
<i>Абдирайымова А.С., Ануфриева Е.В.</i> Адаптация женщин к условиям военного времени (по материалам устных интервью)	245
<i>Ануфриева Е.В., Дулина Н.В.</i> Устная история Великой Отечественной войны: на перекрестке коммуникативной и исторической памяти	249
<i>Грошева И.А., Грошев И.Л., Грошева Л.И.</i> Гендерные различия в оценках патриотизма	253
<i>Дулина Н.В., Беликова Е.О.</i> Женское и мужское в пространстве исторической памяти Волгограда	257
<i>Жаркынбаева Р.С.</i> К вопросу о роли и деятельности женсоветов в годы Великой Отечественной войны (на примере Казахстана)	260
<i>Кондратьева Е.Е., Кондратьева Н.Е.</i> Сохранение социальной памяти наследниц и наследников Великой Победы	265

<i>Крюков С.Г.</i> Социальная память о защитницах и защитниках Ленинграда как исследовательская задача современных историков	269
<i>Пармонова С.П.</i> Историческая память – поколение правнуков о войне	273
<i>Куконков П.И., Широкалова Г.С.</i> Локально-территориальные особенности памяти о Великой Отечественной войне	276
<i>Савченко И.А.</i> «Женское» и «не женское» лица войны в фокусе духовных ориентиров наших современников	280
Раздел 7. Проблема смены среды обитания и социокультурной адаптации в традиционном и современном обществе. Жизнь в плену: особенности мужской и женской повседневности в памяти переживших	
<i>Агеева О.Г.</i> Турецкие посольства в Россию и пленные подданные Османской империи, XVIII век	284
<i>Боровик Е.В.</i> Проблемы смены среды обитания и социокультурной адаптации на примере жизни Варвары Федоровны Духовской, жены генерал-губернатора Приамурского края	288
<i>Никонова О.Ю.</i> Женщины и миграция: акушерки, благотворительницы и жены переселенцев на Челябинском переселенческом пункте	291
<i>Секенова О.И.</i> Дневники историка Е.Н. Ошаниной как исторический источник по повседневности советских дипломатов в Китае в 1930-е годы	295
<i>Икута М.</i> Неосознанная память о сибирском интернировании женщин	298
<i>Дерябкина Л.В.</i> «Собирая вещи, уезжая навсегда...»: представления еврейских женщин о вещах первой необходимости в репатриации (на примере алии 1980–1990-х годов)	300

Овчарова О.Г., Китайцева О.В. Трудовые мигрантки в России: сценарии социальной адаптации и интеграции (на примере г. Москва) 303

Анайбан З.В. Социокультурная адаптация женщин и мужчин в современном обществе (на примере Тувы) 307

Липатов В.А. Уязвимость женщин-инвалидов во время стихийных бедствий 311

Чхутиашвили Л.В. Почему во время экономического кризиса в первую очередь страдают женщины? 315

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, СЕМЬЯ,
РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
ЖЕНЩИН И МУЖЧИН
В СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ**

**Раздел 8. Женская и мужская повседневность
в городской и сельской местности: гендерные
различия меморизации бытовых практик**

Шишкин А.А. Репрезентация женской повседневности в Нидерландах Золотого века 319

Новикова А.Д. Москва екатерининской эпохи глазами сестры британского посланника Кэтрин Гаррис 323

Мухина З.З. Социовозрастные группы в традиционном русском и татарском крестьянском социуме пореформенного времени: гендерный аспект 327

Брежнева С.Н. Сарты и сартянки: гендерный аспект повседневной культуры народов Туркестанского края на рубеже XIX–XX вв. 331

Хасбулатова З.И. Функции мужчин и женщин в некоторых народных промыслах в чеченском традиционном обществе в XIX – начале XX в. 335

Семёнова О.А. Образованная прислуга в России на рубеже XIX–XX вв. на примере профессии «садовник» 339

<i>Семёнов А.М.</i> Трудности прачки-поденщицы в России в конце XIX – начале XX в.	342
<i>Давыдов Д.В., Козлова О.В., Сыченкова А.В.</i> Сельские женщины в условиях догоняющей модернизации (1860–1930-е годы): проблема изучения	346
<i>Ванюшина О.В.</i> Прощения как источник изучения мужской и женской повседневности участников революционного движения в условиях административной высылки в Тверскую губернию (конец XIX – начало XX в.)	352
<i>Громова А.И.</i> «Особа, чающая жениха»: какой нам показывает женщину дореволюционная сатирическая пресса (по материалам карикатурного журнала «Шут»)	356
<i>Горячева А.Н.</i> Трансформация стратегий выживания на примере деревни: анализируя женские воспоминания	365
<i>Суржик О.С.</i> Эволюция женского образа в повседневной жизни Московского региона в 1920–1930-е годы	367
<i>Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С.</i> Монголистика, фронт и семья в жизни Лидии Леонидовны Викторовой	372
<i>Васеха М.В.</i> «Женское» и «мужское» как составляющие образа Сибири	376
<i>Фаис О.Д.</i> Мужские и женские традиционные стандарты поведения в сфере повседневности Сицилии в эпоху современности	381
<i>Намруева Л.В.</i> Изменение трудовых занятий сельских женщин (на примере современных калмычек)	384

Раздел 9. Репродуктивное поведение в прошлом и настоящем. Аборты в дискуссиях о традиционных ценностях в Западной и Восточной Европе

<i>Омельяничук С.В.</i> Репродуктивное поведение в древнерусской семье	390
--	-----

<i>Голубева Л.В.</i> «Сколотные» и «любоделанные»: об отношении к внебрачным детям в севернорусской деревне	393
<i>Лисицына О.И.</i> Женская телесность и материнство в России конца XIX в. сквозь призму медицинской периодики	397
<i>Мицюк Н.А.</i> От «плодоизгнания» к аборт: медиализация практик контроля рождаемости в России в XIX в. – 1920-х годах	401
<i>Савчук А.А.</i> Интимная и семейная жизнь советского студенчества по данным половых обследований 1920-х годов	405
<i>Графова М.А.</i> «Наши дети – наша смена, каждый выкидыш – измена»: риторика эпохи и гендерные стереотипы в репродуктивной сфере в эпоху НЭПа. Опыт прочтения агитационной и партийной литературы	408
<i>Араловец Н.А.</i> Медицинское обслуживание беременных женщин в РСФСР в 1970-е годы	414
<i>Мелихова Н.Н.</i> Материнство: от «вовлеченного» к «дистанцированному» выполнению родительских функций	418
<i>Гурко Т.А.</i> Стили жизни современных городских и сельских матерей и отцов	422
<i>Давыдова А.А.</i> Особенности эмоционального состояния женщин в современной российской семье на рубеже 2020 года (на примере Республики Татарстан)	424
<i>Бурмистрова Е.С.</i> Проблема аборт в риторике французского «Национального фронта»	428
<i>Вершинина Д.Б.</i> Проблема аборт в дискуссиях об ирландской национальной идентичности: от традиции к модерну	431
<i>Тимофеева О.В.</i> Свобода совести врача в решении вопроса об аборт в современной Польше	435

ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

**(анализируя гендерные особенности
фиксации пережитого)**

Широкую тему особенностей женского и мужского в традиционной и современной культуре этнографы и специалисты по антропологии повседневности поставили в центр обсуждений на своей ежегодной конференции, проводимой Центром гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН совместно с РАИЖИ – «Российской ассоциацией исследователей женской истории» (www.rarwh.ru) – уже в тринадцатый раз.

Исполнительный комитет РАИЖИ – уникальной для нашей страны некоммерческой организации, объединяющей ученых и преподавателей, считающих для себя важным отстаивать гендерную сензитивность к анализу прошлого, – поставил целью обсуждение традиции как связующего звена цифровизированной и глобализированной современности с исторической памятью. Он рассматривает ее как звено, которое помогает сохранить этнокультурную идентичность в этой сложной социальной цепи, позволяя ставить вопросы, связанные с индивидуальным опытом, переживаниями и воспоминаниями женщин и мужчин и социальными дискурсами о прошлом и настоящем. Как эти гендерно-специфичные опыты, переживания и воспоминания могут влиять на запомненное женщинами и мужчинами и репрезентированное ими в разного рода источниках, от устных рассказов и интервью до биографий и автобиографий, от частноправовых актов до фольклорных текстов и художественной литературы?

Как всегда, РАИЖИ предложила создать множество дискуссионных площадок и секций, поэтому собранные в данном издании материалы показывают плюрализм мнений и подходов, в том числе не совпадающих с мнением Исполкома РАИЖИ и редколлегии данного сборника. Используя теоретические и методологические

подходы устной истории и особенности работы «повседневноведов», которые стремятся в буквальном смысле «задать вопросы» тем письменным текстам прошлого, которые зачастую ставит этнограф-полевик, работающий с живыми респондентами, авторы пытались размышлять о том, как ограничения, накладывавшиеся на публичную и приватную коммуникацию досоветскими (педагогическим, церковным и др.), советскими и постсоветскими дискурсами, влияют на описание прошлого женщинами и мужчинами, когда они рассказывают о своих жизнях.

Мышление, язык, поведение женщин и мужчин тесно связаны с культурой, а социальная среда, в которой появляются на свет и взаимодействуют друг с другом люди разного пола, формирует их поведенческие и эмоциональные реакции, детерминируя их восприятие происходящего, его оценку. Насколько эти оценки гендерно-специфичны или же они зависят более от «назначенных» и принятых в данной общественной группе ролей и приписанного им статуса? Актуализировав те методологические приемы, которые были разработаны в рамках феминистских исследований и анализируя традиционные культуры, обращаясь к множество раз описанному этнографами-бытописателями, современные специалисты в области гендерных исследований ставят вопрос не столько об объединяющем два пола, сколько стараются найти расхождения, различия гендерных ролей в разных этнических и социальных группах, выявить асимметрии и дискриминации, сформулировать этику половых различий.

Об этой этике инициаторы проведения XIII международной научной конференции РАИЖИ и ЦГИ ИЭА РАН размышляли, выбирая город для проведения новой встречи и остановив свое внимание на городе – хранителе исторической памяти российского и татарского народов – Казани, которой несколько лет в середине XVI в. управляла женщина, легендарная Сююмбике. Столица Татарстана – пример удачного сочетания ультрасовременного, европейски организованного городского пространства и сохранения традиционных способов самоидентификации этнического сообщества, уважительного отношения к традиционному и открытости новым идеям и концептам. Неудивительно, что площадки

для научных дискуссий предоставили главные научные организации историко-гуманитарного профиля этого города – Казанский (Приволжский) федеральный университет и Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, в которых уже не первый год ведутся собственные разработки [1; 3; 5], защищаются диссертации в области гендерных исследований, в том числе и по гендерной истории и этнографии [4; 6]. Однако катаклизм мирового масштаба, связанный с распространением коронавируса, поставил под вопрос проведение научной встречи в обычном формате.

Более двухсот заявок на участие в конференции, присланных вместе с тезисами и материалами выступлений в сложном для мировой науки 2020 году, когда в связи с пандемией живые личные контакты уже много месяцев исключены и большинство обсуждений осуществляется онлайн, – были обработаны сотрудниками Центра гендерных исследований ИЭА РАН и сгруппированы в более чем полтора десятка будущих секций, которые в данном издании условно собраны в 7 крупных блоков. Это материалы по теории гендерных исследований и историографии женской истории и гендерной антропологии; по женскому общественному участию (включая не только социальные движения, но также область благотворительности и меценатства) и представленности женщин в политико-правовой сфере в различные времена. Отдельно выделена тема советской социальной общности и памяти о ней в эго-материалах женщин и мужчин. Немалое значение имеет для гендерных исследований область образования и науки, асимметрий и дискриминаций в этой сфере; отличную историографическую традицию имеет проблема самореализации женщин в различных этноконфессиональных практиках, так что новые материалы, которые собраны в данном издании, позволят продолжить ее обсуждение в русле нового понимания традиций и духовных скреп, путей воспитания личности, ее души и благородства.

Но, конечно, в год 75-летия Великой Победы научный форум не мог бы обойтись без темы гендерного своеобразия памяти об экстремальном, о военной повседневности, о различном социальном опыте (в том числе опыта насилия) женщин и мужчин в годы войн и социальных потрясений. В представленных текстах авто-

ры размышляют о том, в каком качестве женщины участвовали во Второй мировой войне, какие роли играли, какие образы доминируют в воспоминаниях и в чем заключалась смена гендерных ролей, порожденная обстоятельствами экстремальной повседневности, какой опыт войн и изменений, вызванных ими, мог в дальнейшем быть переданным следующим поколениям?

Как всегда, на очередной конференции РАИЖИ–ЦГИ ИЭА РАН представлено много материалов об общем и особенном в традиционных и современных семейных отношениях в памяти женщин и мужчин, т.е. по истории семейного быта, репродуктивного поведения, акушерских практик: «женская тема» в истории и этнологии не может без них обойтись, в том числе и ставя вопрос о том, какой социальный женский опыт, связанный с типично женскими областями бытия (вынашивание, беременность, роды), может жить и обсуждаться в семейной памяти, а какой – вытесняться и замалчиваться [2].

Стараясь уделить особое внимание гендерным аспектам сохранения, фиксации и передачи памяти о женском и мужском в традиционной и современной культурах, методологическим подходам к пониманию мужской и женской социальной памяти, гендерным особенностям и различиям в обычной и экстремальной повседневности индивидов, по-разному запечатленных в эго-документах женщин и мужчин, женским судьбам и женским голосам в исторической биографике, авторы представили свои наработки в области источникововедения и новые подходы к анализу индивидуального личного опыта. По-прежнему актуальны вопросы о формах осмысления женского опыта мужчинами и мужского женщинами (в науке, в искусстве, в медиа), о женском и мужском в изобразительном и исполнительском искусстве (особенностях меморизации художественных форм и современных культурных запросах), как и тема табу, которая также остается в фокусе исследовательского интереса.

Н.Л. Пушкарёва,

*председательница «Российской ассоциации исследователей женской истории»,
главный научный сотрудник ИЭА РАН*

ТЕОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

РАЗДЕЛ 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ И ГЕНДЕРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. ИСТОРИОГРАФИЯ

О.В. Большакова

Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН

Женские и гендерные исследования России в англоязычных странах: современная ситуация и перспективы

Изучение женской, а затем и гендерной истории (и современности) России в англоязычном мире имеет давнюю традицию. Начавшись в 1970-е годы, эта область исследований пережила взлет в 1990-х – начале 2000-х годов, затем кривая ее развития стала более ровной, сама же дисциплина пережила серьезные трансформации. В силу этого свести анализ современного ее состояния к англоязычным странам можно только с большой долей условности. За прошедшие 20 лет произошла интернационализация и интеграция дисциплины, причем в двух аспектах. Во-первых, английский является сегодня основным языком научной коммуникации, что побуждает исследователей переводить свои работы – либо, как это делается в скандинавских странах, сразу публиковать их на английском. Во-вторых, сами исследователи получают степени не только у себя на родине, но и в британских либо американских университетах, работают в США, Канаде,

Великобритании, Швеции, Германии, периодически меняя место работы и проживания. Сообщество специалистов по женским и гендерным исследованиям сегодня поистине интернационально.

Тем не менее, мне хотелось бы сосредоточить внимание на англоязычном мире, и прежде всего на Соединенных Штатах, которые изначально являлись локомотивом дисциплины, а сейчас, кажется, утратили пальму первенства. Во всяком случае, такое впечатление создается при ознакомлении с пулом публикаций последних пяти лет. Их более сорока, и примерное соотношение «американских», «британских» и «континентальных» монографий и сборников таково: приблизительно половина написана авторами, проживающими и работающими в Великобритании, треть – сотрудниками американских университетов и организаций, остальные почти равномерно распределены между Канадой, Литвой, Россией, Турцией, Финляндией, Швейцарией и Швецией. Причем большинство сборников и публикаций документов подготовлено международными коллективами авторов, в том числе в сотрудничестве с российскими коллегами.

Если говорить о количественном соотношении вышедших публикаций, лидерство Великобритании на сегодняшний день очевидно. Тематически британские издания тяготеют к советской и постсоветской истории, рассматривая женскую повседневность, опыт революции и репрессий, а также репрезентации женских образов в кино и искусстве. Уделяется внимание и сексуальности в XX в., прежде всего сюжетам, связанным с репрезентациями и повседневным опытом «представителей ЛГБТ-сообщества». Есть работы и о маскулинности – советской и сегодняшней. В целом же постсоциалистической эпохе и сегодняшнему дню посвящено не так много работ, в большинстве своем они написаны авторами из Восточной Европы и в основном рассматривают уже ставшие традиционными темы гендерного неравенства. Однако хотелось бы отметить новый взгляд на женщин и миграцию в книге канадского антрополога А. Блох и глубокий анализ гендерных стереотипов как инструмента политики в современной России американского политолога В. Шперлинг [1; 4].

Тематические интересы американских изданий во многом другие. Выделяются публикации эго-документов, в том числе не известных прежде дневников и воспоминаний еврейских женщин – результат активного развития иудаики. Отражены и другие актуальные в американской историографии России направления, в частности исследования религии и церкви (причем в рамках как политической и социальной, так и культурной истории). Культурная история, которая занимает господствующее положение в американской русистике в новом тысячелетии и давно использует гендерный анализ, представлена монографией о возникновении «модернистской парадигмы женственности» и сборником «Гендер и еда в позднесоветской повседневности», в котором приняли участие специалисты из разных областей знания [2; 3]. В этих работах особенно заметна неразрывная связь истории и литературы, которая утвердилась в 2000-е годы, расширив круг изучаемых литературоведами тем и распространив их исследования на область социального.

«Американские» публикации последних лет выглядят интересными и новаторскими, несмотря на то что *Russian studies* в США переживают сейчас не лучшие времена. Серьезное урезание бюджетов науки и образования администрацией Обамы (для изучения региона постсоветского пространства – фактически на 50%) особенно сказалось на подготовке и защите докторских диссертаций – а ведь это тот потенциал дисциплины, который через несколько лет реализуется в серьезных монографиях. Однако анализ базы данных ProQuest демонстрирует, что, хотя и произошло серьезное сокращение количества диссертаций по истории и литературе – традиционно самых крупных тематических кластеров *Russian studies*, положение дел не катастрофическое. Снижение общего количества диссертаций по женским и гендерным исследованиям в 2014–2016 гг. вполне сопоставимо с тем, что происходило в начале 2000-х годов (5-6 ежегодно), а в 2017–2018 гг. оно стало расти.

Тем не менее точное количество защищенных работ подсчитать невозможно в силу, во-первых, исключительной полидисциплинарности: диссертации, рассматривающие гендерные

вопросы на материале России, могут проходить под грифом «политология», «образование», «исламские исследования» и т.д. и защищаться, к примеру, в подразделении североафриканских исследований. Во-вторых, *Gender studies* наряду с социологией, экономикой и другими дисциплинами, занимающимися современностью, относятся к *Social sciences*, в то время как история (и литература, и искусство), где гендерный анализ используется достаточно часто, теперь принадлежит к *Arts and Humanities*. Далеко не всегда в названии или классификации диссертации имеется указание на «гендерный» аспект, хотя в тексте он присутствует. Только качественный анализ позволяет отнести работу по истории или литературе к «женским и гендерным исследованиям», а также оценить ее перспективность.

При ближайшем рассмотрении целый ряд работ, защищенных в 2015–2019 гг. в США, выглядит весьма перспективно, в то время как в Великобритании защит по женской и гендерной проблематике почти не было. Иными словами, США обладают определенным потенциалом в этой области, и реализовать его будет уже новое поколение специалистов, причем многие из них – выходцы из региона Восточной Европы и постсоветского пространства.

Список источников и литературы

1. *Bloch A.* Sex, Love, and Migration: Postsocialism, Modernity, and Intimacy from Istanbul to the Arctic. Ithaca: Cornell University Press, 2018.
2. *Moss A.E.* Only Among Women: Philosophies of Community in the Russian and Soviet Imagination, 1860–1940. Chicago: Northwestern University Press, 2019.
3. *Lakhtikova A., Brintlinger A., Glushchenko I.* (eds.) Seasoned Socialism: Gender and Food in late Soviet everyday life. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 2019.
4. *Sperling V.* Sex, Politics, and Putin: Political Legitimacy in Russia. Oxford: Oxford University Press, 2015.

А.В. Белова

*Тверь, Тверской государственный университет;
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Женская автобиографическая память как социальный нарратив

Проблема женской социальной памяти [5, с. 268] междисциплинарна: она объединяет эвристический потенциал исторических и этнографических исследований памяти, антропологии памяти, психологии памяти, нейроантропологии, гендерной антропологии и других [4, с. 40]. Нарративы о собственном прошлом, «пережитые истории», запечатлевшие индивидуальную память о повседневной жизни в контексте происходивших политических и социальных событий, в сочетании с актуальными «повседневными заботами и переживаниями» [2, с. 31] не только конструируют идентичность авторов, выявляют характерные для них дискурсы [3, с. 69] о мире, но и по-особому преобразуют общезначимый контент в элементы автобиографической памяти. Каким образом происходит отбор событий для запоминания, каковы гендерные особенности меморизации, как работает механизм женской памяти об общественно-политических событиях, породивших в прошлом травматические опыты, существует ли мнемонический ресурс трансформации болезненных жизненных практик в приемлемые воспоминания? Исследование этих вопросов на примере переживания и осмысления коллизий «короткого» XX в., заполненного мировыми войнами, революциями, тоталитарными диктатурами, военными режимами, милитаризмом, политическими, расовыми, этническими преследованиями, позволит выявить новые аспекты соотношения практик меморизации и социального опыта женщин, уточнить функциональное предназначение автобиографических нарративов для трансляции женской социальной памяти.

Автобиография предполагает воспроизведение собственной жизненной истории, при этом может иметь расширенное толко-

вание. По версии «Британники», «автобиографические произведения имеют множество разновидностей – от глубоко личных записей, делавшихся в течение всей жизни и не всегда предназначенных для публикации (в том числе письма, дневники, мемуары и воспоминания) до формальной автобиографии» [1, с. 8]. При таком понимании они совпадают с автодокументальными источниками, иначе называемыми источниками личного происхождения [3, с. 65], или субъективными источниками.

Определение автобиографической памяти включает женский авторский нарратив, функцией которого является конструирование идентичности. Можно ли утверждать, что в известном смысле любой женский нарратив стоит считать выражением автобиографической памяти? Все ли субъективные источники относятся к ней? Да, если принять не субстанциальность, а инструментальность памяти, то есть воспринимать ее как инструмент проецирования себя в будущее. Можно ли при этом утверждать, что автобиографическая, социальная и историческая память женщин соотносятся как индивидуальная, коллективная и национальная память? В какой мере автобиографический нарратив женщин вписан в метанарратив значимого коллективного и национального опыта? В процессе написания автобиографии происходит переконструирование собственного прошлого на уровне нарративной идентичности. Рассказанная во всех подробностях история позволяет устранить негативные аспекты восприятия и травмы. Вместе с тем дает возможность воссоздать это иначе, чем это переживалось. Происходит создание мифа о себе через «намеренное словесное искажение запомненного» [6].

Автобиографическая память относится к самовосприятию собственной идентичности и имеет незначительное отношение к достоверности передаваемых событий. Она нацелена на воспроизводство субъективных переживаний автора, ментальную переработку повседневных опытов прошлого с целью не просто пересказать о нем, а мысленно создать (смоделировать) будущее. Механизмы бытования и действия автобиографической памяти напоминают отчасти способы функционирования эпической традиции. Эпос не нацелен на историческую достоверность. Его

смысл – посредством воспроизводства значимого социального опыта прошлого обеспечить устойчивое существование сообщества в будущем. Автобиографическая память за счет воссоздания нарратива о прошлом призвана обеспечить устойчивый эмоциональный статус автора в будущем.

Проблемы, с которыми в каком-то возрасте автор не могла справиться, ей удастся переосмыслить и иначе интерпретировать по прошествии времени. Обращение к воспоминаниям о собственной прожитой жизни – это взгляд на себя из «точки будущего». Безвыходная ситуация в прошлом – невозможность взглянуть на себя из «точки будущего». Позднее, когда это «будущее» наступило и прошло, и, миновав статус «настоящего», обрело статус «прошлого», сознание способно обращаться с ним произвольно, переосмыслить в пользу комфортного принятия. Часто, находясь в том, что когда-то было будущим, человек с большим недоумением обращается к образу себя в прошлом, эмоциональному статусу и не понимает, зачем было потрачено столько эмоций и сил на ситуации, которые этого не заслуживали. Но в моменте это было не понятно.

Я выделяю следующие виды автобиографической памяти: инструментальную, экспрессивную (эмоциональную), событийную. Также могут быть выявлены основные функции автобиографической памяти, такие как идентификационная (ресурсная), которая служит ресурсом идентификации себя с родом, семьей, социальной группой; коммуникативная; транслирующая; мифологизирующая; смыслообразующая. Подлежат различению способы легитимизации женской автобиографической памяти, обеспечивающие право на память, право помнить что-либо, варианты официальной или альтернативной памяти и забвения. Возникает вопрос: в какой исторический момент женщина сама выбирает, что ей помнить, а что забывать? В какой мере женщина признается экспертом памяти? Способна ли память поддерживать или разрушать ее внутренний мир, придавать ему искомую устойчивость? В чем потенциал автобиографической памяти? Память о каких этапах жизненного цикла является наиболее конструктивной?

Служат ли личные записи резервуаром воспоминаний, таким же, как фотографии? Наконец, каково соотношение автобиографической памяти с этапами жизненного цикла? Какую роль играют воспоминания в конструировании идентичности?

Все эти вопросы в большой степени нуждаются в проработке, главным образом, потому, что, будучи лишены доступа к производству символического господства в виде запечатленной реальности, женщины на протяжении веков не могли ни создать, ни легитимизировать собственную версию исторического прошлого. Женская автобиографическая память становится, таким образом, способом обретения исторического измерения бытия женщин, конструирования будущего посредством проявленного прошлого, их собственной версией придания значимости своему социальному опыту, его фиксации и закрепления в структуре символического миропорядка.

Выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18-21 век)», проект № 19-09-00191.

Список источников и литературы

1. Автобиография // Britannica: Большой иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: Астрель, АСТ, 2009.
2. Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.
3. Белова А.В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIX вв. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / Под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 64–69.
4. Белова А.В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 39–51.
5. Белова А.В. Женская социальная память как предмет изучения гендерной антропологии // XIII Конгресс антропологов и этнологов России:

- сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 268–269.
6. *Eckman P.* Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage. N.Y.: Norton, 1985.

А.В. Попова, М.В. Ломоносова

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Эвристические возможности комплексных историко-социологических исследований в области гендерной проблематики

Известно, что исторический метод XIX–XX вв. очень часто преувеличивал историческое значение войн, баталий, революций, династий и великих личностей разных эпох, передела имущества и природных ресурсов; поэтому сама история растворялась в иррациональном и случайном, скрывая и искажая объективную логику многих процессов. Преодолеть этот методологический недостаток помогает феминистская критика науки и гендерный подход, с помощью которых можно пролить свет на ряд научных проблем, которые подвергались искажению в ходе истории, и таким образом приблизиться к объективности, тем более, что некоторые проблемы определенными сферами научного знания попросту игнорируются [2]. К числу таких проблем и относятся вопросы, связанные с положением женщин в обществе. Историки в общей перспективе уделяли и уделяют недостаточное внимание в своих исследованиях истории женщин и различным ее аспектам: от репродуктивного поведения до мобильности на рынке труда. Социологов же, наоборот, в основном интересуют количественные показатели для исследований: «число родившихся», «количество браков и разводов». Стоит отметить, что в социологии также происходит процесс чрезмерной теоретизации, что также отрывает исследования от реальности. При этом, практически отсутствуют комплексные исследования в данной области, объединяющие преимущества количественных и качественных методов, и позво-

ляющие не только максимально объективно описывать и объяснять процессы прошлого, но и выступать в качестве методологической основы для принятия решений в настоящем.

Долгое время в исторических исследованиях не признавался факт существования автономного женского рабочего движения в Советской России в период с 1917 по 1920-е годы. Это можно объяснить тем, что одни исследователи, руководствуясь марксистской парадигмой, утверждали, что именно советское правительство директивным методом решило «женский вопрос». Другие исследователи, на волне критики марксистско-ленинской парадигмы и решений большевистского правительства, отрицали независимое женское рабочее движение, так как считали, что его действия постоянно контролировались. Выводы и тех, и других исследователей положили некую традицию при изучении движения, в которых оно лишалось субъектности и объектности одновременно. Эту традицию возможно прервать благодаря использованию социологических теорий социальных движений, использование которых на историческом материале, позволяет изучить женское рабочее движение как отдельный феномен.

Существует несколько концепций социальных движений: теория коллективного поведения (Г. Блумер, Н. Смелзер), теория мобилизации ресурсов (Ч. Тилли, Дж. Маккарти, М. Зальд) и теория идентичности (А. Мелуччи, А. Турен) [1, 4, 5, 6, 7]. Все они с разных сторон раскрывают феномен женского рабочего движения, причины его появления и развития.

Так, согласно концепции коллективного поведения, появление движения связано с резкой политизацией общества, социальными и экономическими изменениями, которые являлись следствием Первой Русской революции, которые поменяли привычный уклад женщин-работниц и крестьянок в обществе. Данное положение вещей вызвало «социальное беспокойство», которое усилилось в течение Первой Мировой войны и продолжало нарастать вплоть до событий Революции 1917 года. «Социальное беспокойство» женщин-работниц и крестьянок вылилось в их активное участие в политических событиях страны, и было использовано будучи-

ми лидерами-женщинами социал-демократической партии для создания женского рабочего движения.

При анализе женского рабочего движения через призму теории мобилизации ресурсов, можно увидеть, что именно под действием таких внешних факторов, как Первая русская революция 1905–1907 гг., обширная политизация общества, а также появление партий и легализация их деятельности после Манифеста 17 октября 1905 г. у будущих лидеров женского рабочего движения возникло осознание необходимости изменения положения женщин работниц и крестьянок. Эти процессы совпали и с активизацией самих работниц. Кроме того, разросшееся женское движение феминистского толка активно включилось в политическую борьбу, продвигая свои интересы через партии, а также занимаясь рекрутированием новых членов движения из среды работниц и крестьянок. В целях укрепления позиций социал-демократической партии и распространения марксистских идей среди населения было решено организовать женское рабочее движение. Однако в скором времени оно стало достаточно независимым и самостоятельно определяло свою политику, больше руководствуясь ситуацией в стране и соответствующими ей потребностями работниц и крестьянок. Общие задачи партии большевиков являлись для женского рабочего движения основным руководством, однако внутри движения создавались свои инструкции и методика работы среди женского населения.

Кроме того, теория позволяет увидеть механизмы и пружины работы женского рабочего движения через его организации — женотделы. Теория дает ответ на вопрос, каким образом была организована разветвленная сеть женотделов, каким образом выстраивалась коммуникация между ними, каким образом выстраивались коллективные действия и т.д. В данном исследовании это важно учитывать, так как именно через женотделы реализовывались все цели и задачи движения, происходил процесс вовлечения работниц и крестьянок во все сферы жизни общества.

Теория идентичностей позволяет увидеть сразу несколько процессов. Во-первых, смену ценностей, установок и мировоззрения женщин. В результате развития женского рабочего движения в

сознании многих работниц и крестьянок закрепились не только марксистские установки, но и феминистские — о финансовой независимости, необходимости работы, а также равного распределения домашних обязанностей. Во-вторых, изменения повседневных практик, отражающие цели и задачи программы движения. Например, практика обращения по любым (экономическим, политическим, общественным, трудовым) вопросам в женотдел и получение соответствующей помощи или руководства к действию. Сюда можно отнести и получение различных льгот, пособий, связанных с трудовой деятельностью и материнством. Через теорию идентичности можно проследить, как менялось положение женщин-работниц и крестьянок в обществе, как расширялись их потребности и возможности. То есть фактически можно увидеть, каким образом женщина из низшего социального слоя, из «самого отсталого элемента пролетариата» превращалась в гражданку своей страны.

Использование социологических теорий представляется верным при работе с историческим материалом, так как сочетание всех трех концепций обеспечивает комплексный анализ исторических документов и фактов, позволяет взглянуть на события прошлого с разных ракурсов и составить более полноценную и сложную картину. В данном случае благодаря историко-социологическому подходу женское рабочее движение предстает перед нами не только как часть социальных процессов, происходящих в российском обществе в период с октября 1917 по 1920-е годы, но и как уникальное явление, аналогов которому нет.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01168 А.

Список источников и литературы

1. *Блумер Г.* Коллективное поведение / Пер. Д. Водотынского // Американская социологическая мысль: Тексты / Сост. Е.И. Кравченко; под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 9–15.
2. *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб: Наука. 1993.
3. *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. СПб.: Наука, 1908.

4. *Тилли Ч.* От мобилизации к революции. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
5. *Турен А.* Введение к методу социологической интервенции // Новые социальные движения в России. М.: Прогресс-Комплекс, 1993.
6. *Killian L.M.* Social Movements // *Handbook of Modern Sociology*. N.Y.: Random House, 1964. P. 426–455.
7. *Zald M.N., McCarthy J.D.* (eds.). *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*. N.J.: Transaction Publishers, 1987.

Б.И. Чибисов

Тверь, Тверской государственный университет

Гендерный аспект средневекового детства в западной историографии

До недавнего времени такие вопросы, как воспитание и социализация детей, считались предметами без истории. Многие исследователи средневекового общества длительное время считали само собой разумеющимся, что жизнь детей в прошлом была похожа на жизнь их современников. Однако в последние десятилетия историки выявили огромное разнообразие культурных и социальных моделей общества, тем самым демонстрируя, насколько это предположение было неверным. Антропология детства длительное время оставалась лишь частью обширных исследований средневековой и раннеמודерной семьи. Центральное место в исследовании детства в средневековом прошлом быстро заняла книга историка повседневности Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» [1]. Эта публикация породила острую полемику, которая в свою очередь ускорила появление нового исторического дискурса. По мнению Арьеса, понятие «детство» в его современной понимании, равно как и сам интерес к детству, отсутствовали в культуре западноевропейского средневековья. Как последователи, так и критики Арьеса первоначально сводили спор к вопросу о том, существовало ли средневековое детство как таковое. Соответственно, вопросы гендерного плана первоначально не ставились. Отчасти это связано с тем,

что источниковая база историков детства первоначально была достаточно узкой: в поле зрения попадали главным образом позднесредневековые и раннеמודерные тексты.

Важным источником по истории детства, который был заново «открыт» исследователями сравнительно недавно, являются агиографические тексты. Создатели житий святых, повествуя о ранних этапах жизни человека, впоследствии признанного святым, зачастую смешивали характерные для этого жанра топоры с бытовыми сюжетами и подробностями, знакомыми референтной аудитории в реальной жизни. Богатые данные предоставляют житийные сюжеты, в которых дети переживают явления святых и испытывают на себе их чудесную силу. С этой позиции проводит анализ средневековой агиографии монография Дидье Летта «Дети и чудеса: детство и общество в Средние века, XII–XIII вв.» [5]. По результатам исследования автора, примерно в 60% сюжетов, повествующих о детях, речь идет о воскрешении святым ребенка, который скончался в результате болезни или трагически погиб. Вопреки тезисам Арьеса, автор выявил в изученных источниках перечень латинских и французских понятий, которые соотносятся с теми или иными периодами детства. Так, латинское слово *infans* использовалось исключительно в отношении мальчиков и девочек в возрасте до двух лет; слово *puer* обозначало мальчиков любого возраста; понятия *adolescens* и *iuvenis* обозначали как мальчиков, так и девочек подросткового возраста, 13–16 лет.

Говоря о трагических происшествиях с детьми, нельзя не упомянуть чрезвычайно важный источник – материалы судебных разбирательств. Б. Ханавальт обратилась к анализу двух тем: младенческой смертности и эмоциональной привязанности родителей к своим чадам [3]. Процент смертности у мальчиков и девочек был различен (как и в агиографии, где, по словам Д. Летта, мальчики составляли 69% воскрешенных детей, а девочки – 31%). По словам Филиппа Гавитта [2], который анализировал статистику Италии в период позднего Средневековья, брошенные дети были в основном незаконнорожденными, в том числе 56% из них были девочками. 60% этих девочек умирали в приюте в течение года

(мальчиков – 42%). Ханавальт отметила, что шансы ребенка на выживание зависели во многом от способности родителей обеспечить его необходимым количеством «стерильной» пищи, и лучший способ здесь – это кормить ребенка грудью. Заключение Кристианы Клапиш-Цубер [4], которая проанализировала практики воспитания в богатых флорентийских семьях эпохи Ренессанса, доказывают, что у мальчиков было главное преимущество – дольше оставаться с кормилицей. Кормилицу вызывали домой вместо того, чтобы отправлять ребенка к ней в деревню для 12% девочек и 23% мальчиков. Следовательно, шансы на выживание были различны для детей разного социального статуса и пола.

Некоторые вопросы детства затронули авторы энциклопедии «Женщины и гендер в Средневековой Европе». В статье «Девочки и мальчики» показано, что к позднему Средневековью довольно устойчивый набор терминов разделил детство и юность на семилетние сегменты, обозначаемые как *infantia* (младенчество), *pueritia* (детство) и *adolescentia* (подростковый возраст), основанные на физическом, социальном, эмоциональном и психическом развитии ребенка. В период *infantia* (от рождения до семи лет) дети не считались разумными и ответственными агентами. Наступление *pueritia* было отмечено растущей личной осведомленностью и социальной подотчетностью. Наконец, переход от детства к юности был отмечен наступлением менархе для девочек и развитием вторичных половых признаков для мальчиков и девочек [6, с. 326]. Авторы кратко показали особенности воспитания и обучения девочек и мальчиков на каждом возрастном этапе.

Таким образом, гендерный аспект средневекового детства стал получать все большее исследовательское внимание в 90-х годах XX столетия. Ученые не просто пришли к выводу, что детство в Средние века действительно существовало и отличалось от детства современного и тем более современного, но и что средневековые дети переживали «свое детство» и получали свое воспитание в зависимости от пола и социального статуса, причем эти две категории были тесно взаимосвязаны.

Список источников и литературы

1. *Ariès P.* L'enfant et la vie familiale sous l'ancien régime. Paris: Pion, 1960.
2. *Gavitt Ph.* Charity and Children in Renaissance Florence: The Ospedale degli Innocenti, 1410–1536. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990.
3. *Hanawalt B.* Growing up in Medieval London: The Experience of Childhood in History. N.Y.: Oxford University Press, 1993.
4. *Klapisch-Zuber C.* Women, Family and Ritual in Renaissance Italy. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
5. *Lett D.* L'enfant des miracles: enfance et société au moyen âge, XII–XIII siècle. Paris: Editions Aubier, 1997.
6. Women and Gender in Medieval Europe: An Encyclopedia. N.Y.: Routledge, 2006.

Т.В. Жиброва

*Воронеж, Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко*

К вопросу о судьбах простых обывательниц XVII – начала XVIII в. в Воронежском уезде (по материалам Воронежской приказной избы)

В XVII – начале XVIII в. Воронеж представлял собой город «на Поле» с характерными, отличительными от центра страны, особенностями и в плане организации административного управления, и в плане достаточно тяжелого быта местных жителей, сопряженного с постоянной военной угрозой нападения кочевников. В исследовательской литературе укрепились традиции называть эту территорию зоной русского фронта [10]. В отличие от центра страны, посадское население на юге России долгое время было немногочисленным, для местных женщин вероятность потерять своего кормильца в лице мужа или отца долгое время оставалась высокой [9]. В этой связи для исследователя интерес представляют ситуации, когда в виде исключения женские имена появляются в челобитных, государственных грамотах, документах сыскных дел и т.д.

Предпримем попытку проанализировать сохранившиеся сведения о некоторых судьбах простых воронежских женщин по материалам Воронежской приказной избы, хранящимся в Госу-

дарственном архиве Воронежской области. Большая часть проанализированных документов касается разного рода правонарушений [7], именно тогда государство начинает видеть в женщине подданного, наделенного такими же обязанностями, как и мужчина [8].

Так, в 1655 г. на вдову полкового атамана Стефаниду Арефьеву была подана жалоба зажиточного торговца Мины Прибыткова, который обвинил женщину в обманном захвате земли при распределении «поместного жалования». К сожалению, чем закончилось дело, на данный момент установить не удалось [2]. Имя еще одной женщины, вдовы крестьянина деревни Маланьино, Матрены Антоновой сохранилось в челобитной ее брата, усманского казака Федора Мочалина, который хлопотал о ее дальнейшей судьбе [3]. К 1668–1670 гг. относится судное дело черной старицы Ульяны Прибытковой и посадского человека Григория Семенова [4].

Целый пласт документов связан со случаями наделения земель женщин в связи с утратой кормильца. Приведем в пример данные Воронежской писцовой книги, в которой были учтены двенадцать прожиточных владений, из них четыре представляли собой совладения вдов и дочерей, семь – владения одиноких вдов и девиц и одно – владение жены служилого человека, пропавшего без вести в татарском плену. Так, например, к 1639 г. относится царская грамота воронежскому воеводе Мирону Андреевичу Вельяминову о выделении прожиточного поместья и вотчины вдове полкового казака Ивана Ильина Настасье и дочери ее Матрене в с. Репном на р. Усмани [1]. Интерес представляет также царская грамота 1677 г. об «отказе» воронежцу Перфилию Михневу по его челобитью «прожиточного поместья» его невесты Прасковьи Гавриловны Павловой, которое располагалось в деревне Н. Мальшеве [5]. 15 декабря 1676 г. землянский воевода писал в Воронеж о помощи в розыске жены и дочери казака городской службы с. Перлевки Матвея Рудеева [6].

Итак, среди документов Воронежской приказной избы встречаются челобитные, царские грамоты, судные дела с упоминанием женских имен простых воронежских обывательниц, которые в силу случая временно оказывались либо без средств к существованию, либо каким-либо образом нарушали закон. Несмотря на

плохую сохранность некоторых из приведенных нами материалов, подытожим, что женщина в русской провинции, в условиях постоянной военной угрозы, нередко должна была сама заботиться о своей судьбе и участии своих детей, принимая участие в судебных разбирательствах, сыскных мероприятиях и земельных тяжбах.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-182. Оп. 5. Д. 6. Л. 1.
2. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 5. Д. 15. Л. 1.
3. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 5. Д. 22. Л. 5.
4. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 5. Д. 31. Л. 1.
5. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 5. Д. 54. Л. 1–4.
6. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 5. Д. 57. Л. 1–2.
7. *Жиброва Т.В.* Будни воронежского целовальника (по ценовым росписям XVII в. как источникам изучения повседневности) // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции, 2–4 апреля 2020 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. В.А. Веремченко, В.Н. Шайдунов. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2020. С. 15–19.
8. *Жиброва Т.В.* Вдовы, девицы и жены юга России в XVII веке (на примере материалов съезжих изб и кружечных дворов) // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х томах / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 1. С. 237–239.
9. *Жиброва Т.В.* Женщина в русской провинции XVII в. (по материалам юга России) // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). С. 131–138.
10. *Мизис Ю.А.* Проблема формирования русского фронта на юге России в XVII – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2, История. 2011. Вып. 1. С. 9–16.

В.П. Козырьков*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

Наследие А.И. Герцена и гендерные истоки социологии

В эволюции различных форм социальной памяти, воспроизводящей опыт отношений мужчины и женщины, представляется полезным обратить внимание на духовное наследие А.И. Герцена, формирование и развитие социологии которого происходили под воздействием «женского вопроса». Русский мыслитель исходил, на что мы уже обращали внимание, из «человеческого значения» пола, поэтому, по его словам, «истина и талант равно принадлежат мужчине и женщине» [1, с. 100]. В предлагаемых тезисах несколько подробнее раскрывается роль гендерной проблематики в становлении социологии Герцена и социологии вообще, насколько это возможно в пределах тезисов.

Безусловно, вначале декабристы разбудили социальную мысль Герцена, но в дальнейшем его мысль постоянно вращалась вокруг судьбы русских женщин, несвобода которых была для него особенно унижительной и оскорбительной. Эта тема побуждала его мысль двигаться вперед, создавая постоянную мотивацию для обдумывания самых сложных философских и социологических вопросов.

В отечественной литературе мотивирующую роль женского вопроса в становлении мировоззрения Герцена впервые была проанализирована в исследовании Л.Я. Гинзбург. Из многочисленных суждений А. Герцена об отношениях мужчины и женщины, роли брака в жизни человека, собранных в этой монографии, можно заключить, что его социальная мысль в этом направлении выражена даже более оригинально и смело, чем в обсуждении общих социальных вопросов и, заметим, в дискурсах многих современных теоретиков гендерных исследований. Она показала, в частности, что «Герцен протестует не только против *рабства брака*, но и против *рабства страстей*, против культа собственных вожделений» [2, с. 292].

Но более существенным для него был практический социальный и духовный опыт русских женщин, выраженный в фольклоре, в профессиональной поэзии. Так, способностью входить во внутренний мир женщины, который раскрывает для себя А. Герцен, он во многом обязан и А.С. Пушкину, который впервые в русской литературе дал образ женщины не в патриархальном, сентиментальном или романтическом стиле, а в общечеловеческом. Если одна из героинь романа А. Герцена «Кто виноват?» «бежала в самое себя», то она это делала в соответствии с образом Татьяны Лариной, которая «сидела молча у окна» и «в семье своей родной казалась девушкой чужой». Личность самого А. Герцена – личность онегинского типа, но духовно выросшая и стремящаяся преодолеть пороки своего «старшего брата» в отношениях с женщиной.

Свой первый практический личный опыт и опыт анализа «женского вопроса» А. Герцен приобрел тогда, когда находился в Вятке в качестве ссыльного. Ему приходилось быть антропологом и социологом поневоле. Попав в чуждую ему социальную среду, как человек талантливый, мыслящий, он преодолевал ее интеллектуально, и результатом его наблюдений становятся повести, заметки, дневники и письма.

Автобиографическими по истоку являются следующие строки из повести «Кто виноват?»: «Она, может быть, бежала бы в полк или не знаю куда, если б она была мужчиной; но девушкой она бежала в самое себя; она годы выносила свое горе, свои обиды, свою праздность, свои мысли; когда мало-помалу часть бродившего в ее душе стала оседать, когда не было удовлетворения естественной, сильной потребности высказаться кому-нибудь, – она схватила перо, она стала писать, т.е. высказывать, так сказать, самой себе занимавшее ее и тем облегчить свою душу» [3, с. 50–51]. Такую творческую гендерную мотивацию А. Герцен отмечает в своей ранней автобиографии и в объяснении мотивов написания своего главного произведения, «Былое и думы» [4, с. 9–10]. Если в западной традиции женская составляющая становления социологии представлена творчеством Мадам де Сталь, создавшей

произведение по социологии литературы [5], то в отечественной традиции женская сторона выражена творчеством А. Герцена.

А.И. Герцен показал, что отношения между мужчиной и женщиной имеют социокультурный характер, поэтому выражаются противоречивой полнотой проявления духовных свойств и качеств человека атрибутивного характера: общительности, рациональности, творческих способностей, эмоций, воли и др. Следовательно, многие свойства и качества человека, его природа в целом имеют гендерно нейтральный характер. Что касается неравенства в степени развития этих качеств, то отдельно между мужчинами или только между женщинами оно не менее ярко выражено, чем между мужчинами и женщинами. Этот теоретический вывод А. Герценом был сделан самостоятельно на основе обобщения опыта своей частной жизни, художественного творчества и философских размышлений. Но важно подчеркнуть, что это вывод был строго социологическим и в чем-то даже опережал развитие мысли европейских социальных мыслителей, а в чем-то протекал в унисон с развитием социальной мысли К. Маркса.

К. Маркс логическое противоречие в отношении полов разрешил радикально: он устранил вообще отношения полов из теоретического воспроизведения системы общественных отношений, рассматривая общество как отношения людей по поводу вещей. Независимо от К. Маркса к такому же выводу пришел Герцен, но с постоянным обращением к женской теме. В социологии понятия человека и личности содержат гендерный аспект в диалектически снятом виде, сохраняя в себе свойства и качества полов. И такое «снятие» происходит постоянно в социальной практике, поэтому теория лишь фиксирует его и доводит до определенного логического завершения.

Герцен показал, что половые различия пронизывают всю культуру с самых ее основ, но имеют не только объективный, закономерный, но и в решающей степени противоречивый характер. Это позволило ему предсказать современную форму развития гендерных отношений, которую он сформулировал в виде пародии: «Запретить их как-нибудь на французский манер, конечно,

можно, и дело пойдет как по маслу: § 1. Женский пол отменяется. § 2. Род человеческий разделяется по образу кавалерии на два мужских пола: а) тяжелый мужской пол б) легкий мужской пол (прежде бывший женский)» [6, с. 75]. Сейчас эта теоретическая пародия выравнивания полов превратилась в реальные отношения пародийного характера.

Список источников и литературы

1. *Козырьков В.П., Балог А.И.* Духовный потенциал гендерных отношений студентов: социокультурный анализ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 3. С. 99–111.
2. *Гинзбург Л.Я.* «Былое и думы» Герцена. М.: Гос. изд. художественной литературы, 1957.
3. *Герцен А.И.* Кто виноват? // Собр. соч.: в 30 т. Т. 4. М.: АН СССР, 1955. С. 7–213.
4. *Герцен А.И.* Былое и думы // Собр. соч.: в 30 т. Т. 8. М.: АН СССР, 1956.
5. *Сталь Ж., де.* О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М.: Искусство, 1989.
6. *Герцен А.И.* Письма к будущему другу // Собр. соч.: в 30 т. Т. 18. М.: АН СССР, 1959. С. 64–99.

О.В. Морева

*Екатеринбург, Свердловская областная универсальная научная библиотека
им. В.Г. Белинского*

Творчество А.А. Кирпищиковой – источник для изучения гендерных аспектов культуры памяти

За А.А. Кирпищиковой (1838–1927) закрепился статус «бытописательницы уральских заводов» [8]. Автор концепции «горнозаводской цивилизации» [1, с. 35] – профессор Пермского университета П.С. Богословский – еще в 1920-х годах отмечал высокий источниковедческий потенциал автобиографических произведений Анны Александровны. «В лице пермской писательницы, – писал он, – мы имеем дело с фактом не только краеведческого, но

огромного историко-литературного и общественного значения» [2, с. 74–75]. На наш взгляд, произведения А.А. Кирпищиковой – незаменимый источник не только по повседневности на уральских заводах в 1840–1890-е годы, но и для изучения гендерных аспектов культуры памяти.

Творчество А.А. Кирпищиковой посвящено жизни на уральских заводах-поселках с их особым укладом и бытом, основанным на организации производства и производственных отношениях. Неслучайно в историографии сложилась традиция рассматривать уральские заводы особо [9, с. 275]. Дебютным рассказом «Антип Григорьевич Мережин» (1865) А.А. Кирпищикова заявила свою главную тему – судьбы женщин на уральских заводах. «Все мои симпатии находятся на стороне народа, – цитировала она свое письмо Н.А. Некрасову в автобиографии, – но тем не менее в жизни его, которая мне хорошо известна, часто бывают очень тяжелые события» [6, с. 729]. Она, как и многие ее современники, хоть и солидаризировалась с позицией «печальника народного», но не идеализировала «народ», видела не только его эксплуатацию «высшими классами», но и угнетение, бесправность женщины.

В первом своем рассказе она раскрыла тему снохачества. Повествование ведется от лица пожилой женщины, «речь ее богата фольклорным элементом, выдержана в народно-разговорном стиле. Старуха повествует о событии, совершившемся на ее глазах в давние времена» [3, с. 7]. Былинную форму рассказа начинающая писательница выбрала, возможно, случайно/интуитивно. Былины, повествующие о событиях прошлого, не имеют одного автора, у них коллективный автор с «коллективной памятью» (термин М. Хальбвакса) [5, с. 10]. Предположу, что ей не хотелось быть рассказчицей о таком позором явлении, и она предпочла стиль, который ассоциируется с «памятью народной». В рассказе перед читателем предстают женщины разных возрастных групп, но все они находятся в подчинении, не могут распоряжаться своей жизнью, должны слушать советы старших и родственников. Такую стратегию поведения демонстрируют не только героини А.А. Кирпищиковой, но и она сама. Первую свою повесть она

«бросила в печку», потому что «муж нашел [ее] очень плохой». И лишь через 4 года, написав новый рассказ, она отправляет его – после одобрения мужа, который «нашел его недурным» [6, с. 728, 729]. Вот как она вступила на литературное поприще.

«Порченная» (1865) – еще одна повесть, название которой свидетельствует о сложной судьбе героини из заводского поселка. Литературоведы сравнивают ее образ с Катериной из «Грозы» Н. Островского [3, с. 8]. Но, в отличие от «Грозы», в этом тексте очень много женского: сама автор, ее героини разного возраста и социального статуса. В текст повествования вплетены рассказы о прошлом женских персонажей, наставления и увещание старших младшим. Речь героев содержит много притч, пословиц и т.п., связанных с женскими практиками.

Особого внимания заслуживает серия текстов автобиографического характера: «Прошлое. Из записок управительской дочери» (1876), «Недавнее. Из воспоминаний управительской дочери» (1877), «Двадцать пять лет назад. Воспоминания из жизни на одном из приуральских заводов» (1889). Такое последовательное обращение к теме прошлого свидетельствует о желании автора высказаться, осмыслить прошедшее, сделать публичным свое переживание. Советские литературоведы отмечали «некую безыскусность, незаданность рассказа» [4, с. 11], но для нас это наиболее важное качество текстов А.А. Кирпищиковой. Ее внимательный взгляд, чувство сопереживания своим героям и соучастия в их судьбе, возможно, несколько уступают художественности, но очень ценны для *memory studies* в гендерном измерении.

Писательница не жила за счет гонораров, ее творчество развивалось неравномерно, с большими перерывами в работе за-за «семейных обстоятельств». Она занималась воспитанием детей и внуков, зарабатывала средства женскими рукоделиями. Анна Александровна не получила никакого систематического образования, в своих произведениях она описала особенности самообразования женщин, опираясь на свой опыт и опыт своих современниц. Приведем один пример. Жена учителя предложила молодой девушке детскую книжку «История кусочка хлеба: описание жиз-

ни человека и животных в письмах» (1863) французского писателя, издателя и просветителя, основателя «Лиги народного образования» с целью освобождения школы от клерикального влияния Жана Массе (1815–1894) со словами: «Вы прочтете ее не без интереса. Я тоже прочла. Ведь мы с вами в некотором смысле – те же дети» [7, с. 295]. По оценкам советского литературоведения, повесть «К свету и жизни» (1890) была «как бы рассказанной с чужих слов» историей «становления личности простой девушки, сделавшейся учительницей» [4, с. 23]. Для *memory studies* этот безыскусный рассказ – значимый источник.

Творчество А.А. Кирпищиковой, в котором ярко отразился специфический опыт женщин, проживавших в уральских поселках, в непосредственной близости от рудников и заводов, имеет источниковедческий потенциал, нуждается в изучении в рамках гендерных исследований. На наш взгляд, ее произведения незаслуженно забыты.

Список источников и литературы

1. *Богословский П.С.* О постановке культурно-исторических изучений Урала // Уральское краеведение. Свердловск: Урал. обл. бюро краеведения, 1927. Вып. 1. С. 33–37.
2. *Богословский П.С.* Сотрудница Современника и Отечественных записок, пермская писательница А.А. Кирпищикова // Пермский краеведческий сборник. Пермь: Кружок по изучению Север. края при Перм. ун-те, 1926. Вып. II. С. 74–94.
3. *Верховская М.М.* Уральская писательница А.А. Кирпищикова // Кирпищикова А. Повести. Рассказы. Очерки. Молотов: Молот. кн. изд-во, 1956. С. 5–17.
4. *Дергачев И.А.* Писательница Старого Прикамья // Кирпищикова А. Как жили в Куморе. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1987. С. 5–32.
5. *Зенкин С.* Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. С. 7–24.
6. *Кирпищикова А.А.* Автобиографическая записка // Повести. Рассказы. Очерки. Молотов: Молот. кн. изд-во, 1956. С. 723–736.
7. *Кирпищикова А.А.* Как жили в Куморе. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1987.
8. *Красильникова Е.В.* А.А. Кирпищикова – «бытописательница ураль-

ских заводов» // Восьмые Бирюковские чтения: тезисы докладов. Челябинск: Книга, 1988. С. 208–209.

9. *Крупянская В.Ю.* Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония / Отв. ред. Л.М. Иванов. М.: Наука, 1970. С. 271–289.

Ю.А. Кривошеева

Ярославль, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

**Повседневность текстильщиц Ярославской губернии
в источниках личного происхождения и
художественной литературе
(вторая половина XIX – начало XX в.)**

Повседневная жизнь каждой группы населения представляет достаточно многогранное явление. В контексте рассматриваемого вопроса уместно говорить о производственной и бытовой повседневности, где первая включает все разнообразие аспектов жизни текстильщиц в трудовых коллективах, а вторая сосредотачивается вокруг семейных отношений и досуговой сферы жизни женщины.

Значительный потенциал для изучения повседневной жизни промышленных рабочих имеют письменные источники – законодательные акты, а также статистические и делопроизводственные материалы, отложившиеся в архивах различных уровней. Обозначенные группы источников составляют корпус документов и материалов, отражающих формальные сведения о производственной жизни рабочих, а также общую информацию о быте текстильщиков. Более «злободневные» сведения содержатся в публицистике и научных трудах дореволюционных исследователей рабочего класса, сконцентрированных преимущественно на актуальных для рабочих вопросах существования, но слабо прослеживающих региональную специфику.

Данные группы исторических источников представляют собой взгляд на обыденную жизнь рабочего человека как бы «со стороны» или «сверху», в то время как группа источников личного происхождения, напротив, фиксирует не только мельчайшие

детали повседневности, но и показывает личное отношение акторов к событиям и явлениям близкой и понятной им жизни.

Источники личного происхождения о ярославских текстильщиках в виде автобиографий, биографий современников и воспоминаний отложились в архивных фондах, часть воспоминаний использована составителями «летописей» текстильных фабрик [1, с. 15–17]. В советское время женские и мужские нарративы также издавались в виде сборников, содержащих тематических статьи, очерки и воспоминания рабочих [2; 5].

Изученные источники были сформированы в XX в. и охватили большой временной период начиная с последних десятилетий XIX в. и заканчивая семидесятыми годами XX в. Источники формировались лично работниками текстильных фабрик, записывались с их слов либо же собирались активистами-общественниками партийных организаций и краеведами.

В воспоминаниях рабочих и работниц дореволюционный период, в особенности до первой российской революции, освещен достаточно слабо ввиду того, что большинство акторов на рубеже столетий, в малолетнем возрасте, едва лишь поступив на фабрику, попадали под влияние «идейных» товарищей по цеху, а в дальнейшем – под влияние советской системы. Воспоминания об этих годах крайне скудны и ограничиваются упоминаниями о ряде элементов дореволюционной повседневности, позволяющими, однако, реконструировать картину жизни текстильщиков и текстильщиц – обстановку жилищ, особенности взаимоотношений мужчин и женщин, взрослых и детей, соседей, земляков, изучить фоновый досуг и общественную жизнь рабочих всех половозрастных категорий, их отношение к религии и образованию.

Изучение источников личного происхождения позволяет выделить из общей массы воспоминаний и биографий мужские и женские нарративы. Значительную часть воспоминаний о жизни при ярославских фабриках оставили женщины, преимущественно ими же был собран обширный биографический материал о современниках – выдающихся революционерах-мужчинах из среды текстильщиков.

В целом воспоминания рабочих обоих полов прежде всего касались тяжелого детства, зачастую сиротского, невозможности получить полноценное образование, бедности, неустроенности быта. Некоторые работницы вспоминали о типично женских трудностях: Е.Н. Ключникова отмечала отсутствие родильного отделения при больнице фабрики П.А. Сакина – женщины рожали на полу в «казармах», там же, где обычно «спала вповалку вся большая семья» [7, л. 66], текстильщица Ярославской Большой мануфактуры Е.Н. Булыгина, рано осиротев, в 17 лет была выдана замуж – «тетка не хотела кормить лишний рот» [7, л. 28], А.П. Преснухина указывала на «чрезмерное внимание мастеров» на Норской мануфактуре [6, л. 68].

Примечательно, что многие работницы – авторы воспоминаний в советское время занимали высокие посты в органах власти, занимались политической работой среди женщин, вели деятельность по организации и развитию «детских учреждений». Таким образом, героини женских нарративов как бы преодолевали «беспросветное дореволюционное прошлое» и приходили к некому освобождению, становясь равными мужчинам, однако круг их профессиональных задач во многом был определен неявными, но все же традиционными гендерными стереотипами – задачами матери и хозяйки. Бытность же мужчин преимущественно определялась «задачами революции». Фигура текстильщика в источниках личного происхождения – это безоговорочный образ героя, борца за «освобождение рабочего класса» и лучшую долю.

Несмотря на очевидные различия мужских и женских нарративов, их фактологическое наполнение в целом оставалось единым и отличалось удручающим однообразием негативных оценок собственной повседневной жизни. Нейтральные и положительные оценки дореволюционного прошлого были редки и принадлежали в основном потомкам текстильщиков во втором и третьем поколении [3, с. 36–46].

К числу источников, дающих представление о повседневной жизни текстильщиц, можно отнести и художественную литературу, героини которой имели реальные прототипы в среде ярославских работниц [4]. Ценность подобных источников состоит в

их способности отражать мировосприятие рабочих изучаемого периода, воссоздавать модели поведения мужчин и женщин, реконструировать отдельные аспекты их повседневной жизни. Безусловно, как исторический источник художественная литература носит явно субъективный характер, но в то же время литературные произведения о рабочих отражают умонастроения запечатленной эпохи и особенности народного быта.

Таким образом, рассмотренные группы источников позволяют не столько сформировать образ изучаемого исторического периода, сколько являются важным дополнением в процессе создания коллективного портрета ярославских текстильщиц как представительниц наиболее крупного «сообщества» рабочих типичного провинциального региона Центральной России.

Список источников и литературы

1. *Виноградов М.В., Землянский А.Ф., Карасев С.М.* «Красный Перевал»: Очерки истории фабрики. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1976.
2. Воспоминания ветеранов Октября. Ярославль: Ярославское книжное издательство, 1957.
3. Жизнь во благо: памяти Е.Е. Классена (1842–1910): сборник статей и материалов. Ярославль: Конверсия, 2010.
4. *Московкин В.Ф.* Потомок седьмой тысячи. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1964.
5. Рядовые ленинской гвардии: очерки и статьи о ярославцах – активных участниках социалистического строительства. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1970.
6. Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 4773. Оп. 6. Д. 72.
7. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 134.

Л.И. Щербич

Москва, Военно-медицинский журнал; Люберцы, АНО МНПКЦ «Прагматика»

**«Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на
расстоянии»: ретроспективный взгляд на идеи
Симоны де Бовуар**

2019 г. был отмечен знаменательной юбилейной датой – 70-летием со дня выхода в свет знакового фундаментального труда Симоны де Бовуар «Второй пол».

Всю свою жизнь Симона де Бовуар посвятила борьбе за права женщин и освобождение от стереотипных маскулинных представлений о женщине как о существе, обреченном на инертность, на неизбежное репродуцирование. Она отказалась признавать существование какой-то особой женской природы, которая, с позиций мужского сексистского общественного мнения, ставила женщину ниже мужчины по интеллектуальным качествам.

По мнению Бовуар, мужчина в традиционном обществе – это всегда «Субъект» и «Абсолют», а женщина – это нечто иное, представительница второго пола. Бовуар резко критиковала стереотипные представления о женщине как о «Другом». Она протестовала против того, что главными регуляторами поведения женщины выступают биология и физиология, определяющие ее судьбу.

На сотнях страниц своего масштабного труда Симона де Бовуар доказывала, что современная женщина имеет право на личностный выбор жизненного пути, состоящий не только в исполнении своей биологической функции жены и матери, но и в профессиональном самоутверждении. Философ и социолог, Бовуар стремилась подчеркнуть, что главным социальным сходством между полами является общность, универсальность человеческой природы. Она отвергала предопределенность женского удела от рождения ребенка женского пола. Она отвергала мнение общества о том, что женщина вносит мрак и хаос в жизнь социума.

Величайшая заслуга Бовуар – решительное идейное наступление на противников реализации женщинами своих способностей

в сфере политических, профессиональных и иных прав, которые в традиционном обществе считались доступными только мужчинам. Она призывала женщин не к отказу быть плотью, но к тому, чтобы женщина делала личностный выбор своего жизненного пути. И в этом главная заслуга Бовуар – одного из драйверов гендерных изменений в истории.

Однако с течением времени некоторые положения Бовуар можно признать спорными и даже в определенной степени негативными. Остановлюсь лишь на двух положениях ее доктрины.

Двойные стандарты, на которые указывала Бовуар, когда мужчина имеет право на свободные сексуальные отношения с любой женщиной, а женщина – нет, оказались легко преодолимыми. Это подтверждают современные сексуальные отношения. Но плюсов в этих отношениях ни для женщин, ни для мужчин нет. Призывая предоставить женщинам право на свободу любить, Симона де Бовуар восставала против полной зависимости жен от мужей в сексуальных отношениях.

Однако свобода любви не бывает свободой от обязательств по отношению к зачатию детей. И ведь женщинам порой в одиночку приходится решать вопрос о рождении детей, зачатых от такой свободной любви.

Решение же Симоны де Бовуар вопроса о зачатии вряд ли можно считать этически нравственным. Она писала: «Нет ничего абсурднее тех аргументов, которые выставляются против легализации аборта» [1, с. 551], объясняя это тем, что даже рожденным детям не всегда достаются необходимые внимание и забота. В дальнейших своих рассуждениях она и вовсе считает, что отказ от абортов связан «со старой тупой традицией, не имеющей ничего общего с моралью» [1, с. 552]. В дальнейшем, в главе шестой, приводится немало разных аргументов, оправдывающих аборты.

Бовуар справедливо замечает, что «мужчины обычно легкомысленно относятся к аборту; они его рассматривают как одну из многочисленных жизненных сложностей, на которые сама немилостивая природа обрекла женщину; они не в состоянии осмыслить, какой ценой это дается женщине. Один и тот же

факт приводит женщину к отторжению того, что отличает ее как женщину, к ущемлению ее женской сущности, мужчину же, его самцовую честь, утверждает самым радикальным образом» [1, с. 558]. Таким образом, протестуя против отношения к женщине как к «Другому», Бовуар одновременно выступает защитником идеологии «прочойса». Утверждения Бовуар, на мой взгляд, негуманны и противостоят самой природе человека независимо от того, мужчина или женщина поддерживает эту идеологию.

Второе спорное положение Бовуар состоит в том, что, восхваляя женскую сексуальность и эротичность, она опровергает потребность женщины в самореализации посредством рождения и воспитания детей, считая эти процессы в жизни женщины излишними. Заметим, что сама Бовуар не имела детей и не стремилась стать матерью.

В этом вопросе Бовуар стала объектом критики многих известных исследовательниц. Среди них французский философ и психоаналитик Люс Иригарэй.

Так, если автор «Второго пола» полагает необходимым вовлечь женщин в сферу универсального, то Иригарэй, критикуя универсализм, отказывается от него как от пути утраты женской специфичности. По мнению Л. Иригарэй, Симона де Бовуар стремится не к социальному освобождению женщин, а к освобождению «женственности» от патриархального дискурса.

Французский психоаналитик Юлия Кристева также опровергала идеи Бовуар о том, что материнство – инстинкт, отбрасывающий женщину назад к несвободе. Были и другие исследовательницы творчества Бовуар, находившие не только аспекты, вызывающие сомнения в ее идеологии, но даже серьезные пороки в рассуждениях Бовуар о материнстве.

Внесу небольшую лепту в эту критику. Симона де Бовуар считала, что «беременность – это драма, переживаемая женщиной внутри себя» и, несмотря на то, что женщина во время беременности чувствует обогащение внутри себя, она ощущает и потерю. Это обусловлено тем, «что зародыш составляет часть ее, и одновременно он, как паразит, эксплуатирует ее»; она им владеет и сама в пол-

ной его власти» [1, с. 564]. В книге Бовуар не желает признавать важность того, что материнство, по мнению многих, – важнейшая функция в жизни женщин. Полагаю, именно эти взгляды Бовуар оказали сильное влияние на возникновение идеологии чайлдфри, которая впитала эту идею о зачатом человеке как паразите, эксплуатирующем женщину. Можно сказать, что Бовуар явилась одним из ее провозвестников идеологии чайлдфри.

Несомненно, рассмотрение двух основных теоретических положений в книге «Второй пол» – это одна из ступеней в переосмыслении значения и роли труда Бовуар в перспективе исследований гендерной истории.

Список источников и литературы

1. *Симона де Бовуар*. Второй пол. Т. 1 и 2. М., 1997.

М.А. Икаева

Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Суфражистское движение как один из конструкторов современной исторической памяти в Великобритании

В современном мире повысился интерес к изучению суфражистского движения, что позволяет проследить изменения на политическом и исследовательском уровнях. Так происходит процесс конструирования исторической памяти суфражистского движения в Великобритании. Конструирование исторической памяти понимается как процесс возникновения объективизирующейся реальности в ходе социальных взаимодействий между людьми. В данной статье проводится попытка проследить, как восприятие исследовательского вопроса на уровне историографии конца XX – начала XXI в. о суфражистском движении взаимосвязано с проблемой исторической памяти о женском движении в Великобритании.

В современных публикациях представление о женском вопросе усложнило восприятие суфражистского движения. Широкий диапазон проблематики работ позволяет проследить, какие

аспекты женского движения используются в области политики исторической памяти и как настоящее определяет прошлое.

С 1990-х годов появились десятки новых книг и статей, где избирательное право для женщин является одной из приоритетных тем для исследования. Однако основной упор был сделан скорее на изучении экстремистского направления суфражистского движения, нежели либерального. Бомбардировки, поджоги, голодовки и налоговое сопротивление предоставили историкам возможность для исследования, а расширение методологической базы, основанной на истории культуры, политической теории и региональных исследованиях, позволило исследовать спектр процессов, через которые женщины стали политизированы и радикализированы. Так, в исследовании Лоры Мэйхолл «Движение за избирательные права: гражданство и сопротивление в Великобритании 1860–1930» воинственность интерпретировалась как преднамеренная и рациональная стратегия, основанная на историческом и правовом прецеденте, особенно эффективная при участии женщин [4].

В 2007 г. тысячи британских читателей следили за спором историков Джун Пурвис и Кристофера Бирмана: можно ли применять термин «террористки» к суфражисткам. Бирман утверждал, что суфражистки участвовали в «тщательно продуманных преступлениях, мало чем отличающихся от “Аль-Каиды” (запрещенной на территории РФ организации. – *Прим. авт.*)» [1, р. 17]. Пурвис защищала благородные мотивы суфражисток, называя их «радикальными борцами за справедливое дело [6, р. 20]. Дебаты продолжались несколько недель на страницах журналов «BBC History», «Times Higher Education», «Daily Telegraph» и «Sunday Telegraph».

Однако в последнее десятилетие сконцентрировано внимание в основном на углубленном изучении отдельных аспектов суфражистского движения. Например, в работах Л. Тикнер [8] и Л. Уолкер [9] был раскрыт такой вопрос, как участие мужчин в женских общественных и политических организациях.

Исследование, проведенное Джулией Буш, дает широкое определение «женскому движению» и концептуализирует фе-

минизм как меняющийся дискурс, зависящий от исторического контекста – нестабильность политического ландшафта Британии на рубеже веков подчеркивает необходимость противостоять гендерным стереотипам [2]. Буш показывает, что женское движение проистекает из сложного набора факторов, включая убеждение в том, что дифференцированные гендерные роли были необходимы для прогресса Великобритании.

На политическом уровне происходит размывание границ между памятью и историей. Так, воспоминания создаются искусственно. «Вырываются» отдельные сюжеты из прошлого, которые используются для интерпретации настоящего, тем самым упрощая феномен суфражистского движения, отделяя от него внешнюю атрибутику при одновременном искажении основной идеи. Память о прошлом включает в себя ценностно окрашенные образы и эталонные образцы как ориентиры для дальнейшего развития женского движения. Конструирование суфражистского движения происходит через персонификацию, например, путем воздвижения материальных объектов.

Среди памятников, которые изображают женскую историческую фигуру, поставлены памятники лидерам суфражистского движения. Статуя Эмелин Панкхерст была установлена 6 марта 1930 г. в парке возле башни Виктории. На современном этапе был торжественно открыт памятник Миллисент Фосетт в Манчестере во время празднования столетия принятия закона об избирательных правах 1918 г. Премьер-министр Тереза Мэй заявила, что «пример Миллисент Фосетт во время борьбы за равенство продолжает вдохновлять на борьбу против несправедливости сегодня. И это правильно, что ее чествуют на площади Парламента вместе с бывшими лидерами, которые изменили нашу страну. Ее статуя будет напоминать о том, что политика имеет ценность, только если она работает для всех в обществе» [3]. Результат данного механизма влияния публикации исследователей и речей политиков можно проследить, например, в опросе Лондонского сайта «Metro» (metro.co.uk), посвященного Международному женскому дню, где Эмелин Панкхерст, основательница Жен-

ского социально-политического союза, стала одной из самых влиятельных женщин Лондона, опередив принцессу Диану [5]. В июне 2018 г. прошли марши по центру Лондона, где тысячи участников «March4Women» выступили против гендерной дискриминации в зарплатах, выдвигая лозунг «Завершим дело, начатое суфражистками» [7].

Таким образом, можно отметить, что обращение к суфражистскому движению в Великобритании на исследовательском и политическом уровнях является важным как для политической истории, так и на уровне конструирования исторической памяти движения для трансформации гендерной идентичности. Обращение к женскому вопросу является важной составляющей для консолидации общества, тем самым увеличивается количество женских движений и организаций. Политики в своих речах обращаются к данной теме для того, чтобы в последствии предпринять серьезные шаги в борьбе с правовым насилием. В историографии история суфражистского движения дает представление о политических стратегиях и культурной политике, что в дальнейшем может помочь лучше понять природу политической жизни, а проблематика исторической памяти женского движения как конструкта позволяет проследить необходимость построения феномена коллективной идентичности.

Список источников и литературы

1. *Bearman C.J.* Confronting the Suffragette Mythology // *BBC History Magazine*. 2007. Vol. 8(2). P. 14–18.
2. *Bush J.* *Women Against the Vote: Female Anti-Suffragism in Britain*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
3. *Hartley-Parkinson R.* Parliament Square to Get Its First Ever Female Statue // *Metro*. 03.04.2017. <https://metro.co.uk/2017/04/03/parliament-square-to-get-its-first-ever-female-statue-6550157/>
4. *Mayhall L.E.* *Nym, The Militant Suffrage Movement: Citizenship and Resistance in Britain, 1860–1930*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
5. *Mills J.* These Are the 20 Women Voted Most Significant in World History // *Metro*. 09.08.2017. <https://metro.co.uk/2018/08/09/these-are-the-20-women-voted-most-significant-in-world-history-7814795/>

6. *Purvis J.* Radical Fighters in a Just Cause // BBC History. 2007. Vol. 5 (2). P. 20–21.
7. *Slawson N.* Women March in London to Call for Gender Equality // The Guardian. 04.03.2018. <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2018/mar/04/women-march-in-london-gender-equality-international-womens-day>
8. *Tickner L.* The Spectacle of Women: Imagery of the Suffrage Campaign, 1907–1914. Chicago: University of Chicago press, 1988.
9. *Walker L.* Party Political Women: A Comparative Study of Liberal Women and the Primrose League, 1890–1914 // Equal or Different: Women's Politics, 1800–1914 / Ed. J. Rendall. Oxford: Basil Blackwell, 1987.

В.В. Илизарова, Т.Н. Самарина

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

«Хейтспич» как источник изучения гендерных стереотипов (на примере рукодельных блогов Рунета)

Тема гендерных стереотипов давно стала заметным и важным направлением российских и зарубежных гендерных исследований [1; 3]. Изучение цифрового пространства и обращение к интернет-источникам логично вылилось в изучение репрезентации гендерных стереотипов в Интернете [напр., 4]. В данном докладе мы обращаемся к хейтерству (или хейтспичу) – феномену, повсеместно встречающемуся в сети, и вряд ли понятие «хейтспич» нуждается в детальной расшифровке. В самом общем смысле оно является калькой английского понятия *hate/hate-speech* и подразумевает широкий спектр агрессивных высказываний в интернет-пространстве, адресованных определенному лицу или широкому кругу лиц [7; 2; 5]. Хейтерству посвящено не так много русскоязычных публикаций, в англоязычных же исследованиях эта тема представлена как минимум с середины 2000-х годов, и исследователи располагают определенными наработками [напр., 6; 8].

Мы предлагаем рассмотреть хейтерские высказывания как источник по изучению гендерных стереотипов (осознавая, насколько этот источник нуждается в критике и аккуратном анализе) на примере агрессивных комментариев, оставленных под

публикациями популярных блогеров из рукодельного сегмента Рунета. Эти комментарии транслируют устойчивые гендерные стереотипы о «месте и роли» женщины, и мы можем выделить присущие комментариям тематические паттерны.

Рукодельное сообщество было выбрано нами в качестве объекта изучения по нескольким причинам: во-первых, его аудитория преимущественно женская и хейтерские высказывания также принадлежат женщинам; во-вторых, рукодельное сообщество позиционируется как неконфликтное и консервативное объединение мастериц, что делает проявления агрессии в жизни этого сообщества достаточно ярким событием.

Мы провели качественный анализ наиболее популярных блогов, ведущихся на платформах *Instagram* и *Youtube* (блоги, собирающие от 20-50 тыс. до 100 тыс. подписчиков считаются крупными в рукодельном сегменте), с открытыми комментариями и разнообразным контентом (*life style*, мастер-классы, личная жизнь и т.д.). Нами были выявлены кейсы хейтспича/критики/негативных комментариев, воспроизводящих гендерные стереотипы (стоит уточнить, что не все агрессивные комментарии гендерно окрашены). В комментариях явно выделяется следующая тематика:

1) критика репродуктивной стратегии или так наз. репродуктивное насилие: подписчики намекают или прямо спрашивают блогера о том, когда у него появятся дети, а также публично осуждают чайлдфри-блогеров или бездетных женщин;

2) критика кулинарных навыков и пищевого поведения: осуждается нелюбовь блогера к готовке (о чем подписчики могут узнать из влога (т.е., видеоблога), в котором показана повседневная жизнь блогера, в том числе и его пищевые привычки). У подписчиков рукодельных сообществ вызывает недоумение тот факт, что женщина, занимающаяся рукоделием, может плохо готовить или не готовить вовсе;

3) критика внешнего вида, голоса, косметики, которой пользуется блогер. Несмотря на то, что тренды бодипозитива проникают в рукодельную блогосферу, замечания, касающиеся внешнего вида женщины, по-прежнему многочисленны;

4) некорректные вопросы о семейном положении: как вопросы о замужестве, так и критика положения блогера внутри семьи (муж содержит женщину-блогера, ведение блога мешает должным образом заботиться о детях и т.д.);

5) *life style* – собирательная критика образа жизни женщины-блогера как неподобающего ее возрасту и/или положению, скептическое отношение к рукодельному блогингу как профессиональному занятию.

Помимо гендерно окрашенных высказываний, в хейтерских комментариях поднимаются и иные темы:

1) критика финансовой стратегии блогера: подписчиков раздражает монетизация контента, аудитория требует от блогера бесплатных мастер-классов, задает вопросы о законности заработка на рукоделии (напр., оформил ли блогер ИП, платит ли он налоги?);

2) критика контента и качества продукции: это не совсем хейтерский кейс, однако потребители, недовольные товаром или услугой блогера, также оставляют негативные комментарии;

3) тема плагиата: известные блогеры редко бывают уличены в плагиате, однако нам интересна инверсия: когда популярный блогер обнаруживает плагиат своих работ и выставляет это на всеобщее осуждение, он косвенно побуждает своих подписчиков к агрессивным высказываниям в блогах плагиаторов.

Данное исследование не претендует на всеохватность, а ставит своей задачей апробировать анализ хейтерских высказываний как нового источника по изучению репрезентации гендерных стереотипов в интернет-пространстве. Домохозяйство, мужа, дети – сопутствующие темы в рукодельной среде, которой очевидно присуща определенная патриархальность, поэтому хейтеры транслируют расхожие стереотипы (*сексизм, эйджизм* и т.д.). Однако «локальная» специфика хейтерских высказываний также присутствует, например, отдельного внимания заслуживает реакция блогеров на критику и негативные комментарии подписчиков (ответ, блокирование, игнорирование).

Список источников и литературы

1. *Назарова И.Б., Лобза Е.В.* (ред.) Гендерные стереотипы в современной России. М.: МАКС Пресс, 2007.
2. *Мозговая А.О.* Провокационные стратегии «троллинг» и «хейтинг» в немецкоязычных интернет-текстах // *Германистика: Nove et nova. Материалы Второй международной научно-практической конференции.* М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019.
3. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007.
4. *Сафонова О.Н.* Концепт «настоящего мужчины» в англоязычном интернет-дискурсе // *Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КУБГТУ».* 2016. № 4.
5. *Эпштейн О.В.* Вербализация агрессивной стратегии «хейтинга» в жанре интернет-комментария // *Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур. III Международная научно-практическая конференция. Сб. статей / Отв. за выпуск Т.Н. Галинская.* Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2019.
6. *Bourgonje P., Moreno-Schneider J., Srivastava A., Rehm G.* Automatic Classification of Abusive Language and Personal Attacks in Various Forms of Online Communication // *Language Technologies for the Challenges of the Digital Age,* 2018. P. 180–191.
7. *Marzano G., Hadzialic S.* Media Literacy, Digital Misinformation, and Online Haters // *Proceedings XVIII International Conference «Development Trends of the Western Balkan Countries Based on Knowledge with a Special Overview on B&H Within the Process of Accession to EU»,* 2018. P. 152–160.
8. *Whittier D.* Cyberethics in the Googling Age // *The Journal of Education.* 2006. Vol. 187 (2). P. 1–86.
9. Вязание с Лодыревой // YouTube. https://www.youtube.com/channel/UCI5ETunWMuiE2A_bsZVLBuwlodyrevaknitting // Instagram <https://www.instagram.com/lodyrevaknitting>
10. Злая Рукодельница // YouTube. https://www.youtube.com/channel/UCeL8Ehb13VyLchcmKhNG_Tg
11. Уроки вязания by Sasha Moon // YouTube. <https://www.youtube.com/user/sashamoonru>
12. Эмили Фриман // YouTube. <https://www.youtube.com/channel/UCN->

- 1Cidkmpm9i9JJDoaC2CkAemily_friman // Instagram. https://www.instagram.com/emily_friman
13. lena_kotikova // YouTube. https://www.youtube.com/channel/UCDzM-SOUgdva_-XJz6w8GR1g lena_kotikova // Instagram. https://www.instagram.com/lena_kotikova/
14. Olik_ask // YouTube. https://www.youtube.com/results?search_query=olik+ask;by_olik_ask // Instagram. https://www.instagram.com/by_olik_ask;olik_ask // Instagram https://www.instagram.com/olik_ask
15. perepelkaj // Instagram. <https://www.instagram.com/perepelkaj>

ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

РАЗДЕЛ 2

ЖЕНСКАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ИНОКУЛЬТУРНОГО ОКРУЖЕНИЯ.

ФИКСАЦИЯ И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ ОБ УЧАСТИИ В ДВИЖЕНИЯХ И СОЮЗАХ

Л.Е. Морозова

Москва, Институт российской истории РАН

Борьба вдов русских князей за наследство юных сыновей во время ордынского ига

В древнейших русских летописях, Лаврентьевской и Ипатьевской, содержатся сведения не только о славных временах в истории Руси, но и тяжелых периодах. Так, в Лаврентьевской летописи отмечено, что после опустошительного набега хана Батые на Северо-Восточную Русь в 1238 г. в живых остались только три взрослых князя. Это были сыновья великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо: Ярослав (1190) – князь Переславля-Залесского, Святослав (1195) – князь Юрьева-Польского и Иван (1198) – князь Стародуба. Перед ними стояла задача восстановить разоренную страну [4, с. 446].

По законам старшинства и воле хана Батые великим князем стал Ярослав Всеволодович. Он попытался заняться переделом земельных владений и отдать Ростовское и Ярославское княже-

ства, ранее принадлежавшие погибшим сыновьям старшего брата Константина Всеволодовича, брату Святославу. Но против этого выступили вдовы князей, ставшие опекунами юных сыновей. В Лаврентьевской летописи содержатся сведения о том, как им удалось это сделать, хотя ранее подобных случаев не было. Женщины не участвовали в разделе княжеских земель [9, с. 183–195].

Константин Всеволодович, умерший в 1218 г., заранее поделил принадлежащее ему Ростовское княжество между тремя сыновьями. Василько (1208–1238) получил Ростов, Всеволод (1210–1238) – Ярославль, Владимир (1214–1249) – Углич [4, с. 420].

Все княжичи успели жениться и обзавестись сыновьями до нашествия Батые. Поэтому после гибели Василько и Всеволода в Ростове остались вдова Василько княгиня Мария Михайловна с семилетними сыновьями Борисом и Глебом, возможно, близнецами, в Ярославле – вдова Всеволода княгиня Марина Олеговна с шестилетним сыном Василием, в Угличе – 24-летний княжич Владимир с юным сыном Романом. На его владения, правда, никто не стал покушаться [4, с. 447, 449].

Новый великий князь Ярослав Всеволодович, как уже отмечалось, решил передать Ростовское и Ярославское княжества брату Святославу, но без разрешения хана Батые он не мог это сделать. Этим и воспользовались вдовы Мария Михайловна и Марина Олеговна и, очевидно, наладили личные контакты с женой хана. Обращаться к самому хану им, видимо не полагалось [6, с. 486–487].

Княгини узнали, что для получения ярлыка на княжение требуется письменное доказательство прав на него. Поэтому Мария Михайловна вместе с ростовским архиепископом Кириллом составили Ростовский летописец, доказывающий, что старший княжич Борис Василькович является «отчичем и дедичем», т.е. сыном и внуком законных ростовских князей – Константина и Василько и, значит, наследником Ростова уже в третьем поколении с бесспорными правами на него. Позднее Ростовский летописец вошел в состав Лаврентьевской летописи и дошел до нас [1, 45–64; 5, с. 282].

В 1244 г. Борис Василькович отправился в ставку Батые с летописцем и без проблем получил ярлык на Ростовское княжество.

Для урегулирования отношений с князем Святославом Всеволодовичем, по совету матери, в 1248 г. он женился на муромской княжне Марии Ярославне – племяннице жены князя Святослава, и стал его внучатым племянником по мужской и женской линиям. Так при участии княгини Марии Михайловны возникла династия ростовских князей [4, с. 401, 412, 444].

В XVI в. ее представители носили фамилии: Голенины, Касаткины, Катыревы, Лобановы, Приемковы, Бахтеяровы, Гвоздевы, Хохолковы, Буйносовы, Щепины, Яновы и др. Среди них были и полководцы, и государственные деятели, и писатели, а дочь князя П.И. Буйносова-Ростовского даже стала царицей – женой царя В.И. Шуйского.

Также по совету матери и, вероятно, при участии ханши младший княжич Глеб Василькович женился на монгольской княжне и получил ярлык на Белозерское княжество. От его потомства пошла династия белозерских князей, ставших соратниками знаменитого великого князя Дмитрия Донского [4, с. 451–452].

Княгиня Мария Михайловна для своего времени была достаточно яркой личностью. Она не только помогла юным сыновьям получить земельные владения и жениться, но и прославила отца – князя Михаила Черниговского, трагически погибшего в Орде в 1246 г. По ее заказу один из книжников написал «Повесть об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора», которая позднее стала основанием для провозглашения их святыми мучениками [7, с. 187–208; 10, с. 110–111]. Сама княгиня в конце жизни основала в Ростове Спасский монастырь (ныне – Спасо-Яковлевский), приняла в нем постриг и была с почетом похоронена там же [8, с. 229–331].

Отстаивать права на Ярославское княжество пришлось и ярославским вдовам-княгиням. После гибели князя Всеволода Константиновича в битве на реке Сить в 1238 г. на ярославском престоле остался совсем юный княжич Василий с матерью-опекуншей Мариной Олеговной.

Вполне вероятно, что во время отстаивания прав сына на отцов престол Марина Олеговна действовала вместе с энергичной

Марией Михайловной и также обращалась за помощью к ханской жене. Поэтому особых проблем с закреплением за Василием Ярославля не было. В 1244 г. вместе с Борисом Васильковичем он съездил в ставку Батые и получил ярлык на Ярославль. Через некоторое время князь женился, и в его семье появилась маленькая дочь. Но в феврале 1250 г., находясь во Владимире со всеми родственниками, Василий Всеволодович внезапно заболел и умер. Наследницей ярославского престола осталась совсем юная княжна (2-3 года), под опекой матери и бабушки [8, с. 327–328].

В этих условиях ростовскому князю Борису Васильковичу, видимо, захотелось присоединить Ярославль к своим владениям. Поэтому в том же 1250 г. он отправился к Батюю за ярлыком на Ярославль. Но хан не удовлетворил его просьбу и лишь подтвердил его права на Ростов.

В Лавреньеvской летописи нет никаких пояснений на этот счет, но под 1262 г. записано, что в Ярославле вспыхнуло восстание против ханского баскака Изосимы. Значит, именно ему Батый поручил собирать дань с города Ярославля, в котором не было собственного князя. К этому времени Батый уже погиб (1255 г.), поэтому горожане действовали смело.

Но восстание, несомненно, испугало ярославских княгинь, поэтому они решили поскорее выдать замуж уже подросткую дочь князя Василия Всеволодовича. Наиболее подходящим женихом был признан смоленский княжич Федор Ростиславич, получивший в наследство только Можайск. Ему в то время было примерно 25, поэтому он с радостью женился на ярославской княжне, получив в качестве приданого целое княжество [8, с. 333–335].

Таким образом, по воле местных княгинь новым ярославским князем стал Федор Ростиславич, отличавшийся отвагой и ответственностью. Он защитил интересы новых родственниц от посягательств других князей и укрепил Ярославское княжество за своими детьми.

От потомства ярославской княжны и Федора Ростиславича пошла многочисленная династия ярославских князей. В XVI в. ее представители носили следующие фамилии: Алабышевы,

Аленкины, Деевы, Заозерские, Кубенские, Засекины, Зубатые, Курбские, Моложские, Морткины, Юхотские, Пенковы, Сисеевы, Троекуровы, Ухорские, Хромые, Шаховские, Шестуновы, Шехонские, Щетинины. Из них наиболее прославились А.М. Курбский, вступивший в переписку с царем Иваном Грозным, и известные писатели-публицисты С. Шаховской и И. Хворостинин.

Версия о том, что династия ярославских князей пошла от второго брака Федора Ростиславича с ордынской княжной, не находит подтверждения в летописях.

Основатель династии князь Федор Ростиславич был прославлен в 1463 г., когда были открыты его нетленные мощи. Данный факт стал основанием для его канонизации вместе с сыновьями [3, с. 375–404].

Княгини Мария Михайловна Ростовская и Марина Олеговна Ярославская были не единственными вдовами, которым пришлось защищать интересы малолетних детей от посягательств взрослых родственников мужей. Настоящую битву за наследство галицко-волынского князя Романа Мстиславича с многочисленными черниговскими, киевскими и смоленскими князьями пришлось вести его молодой вдове Анне, действовавшей в интересах юных сыновей Даниила и Василия. Хотя княгиня вышла победительницей, поскольку ловко использовала зарубежных родственников мужа, венгерского короля и польских князей, но успех дался ей с большим трудом. Деяния княгини Анны подробно описаны в Галицко-Волынской летописи, которую некоторые историки считают жизнеописанием князя-короля Даниила Галицкого. Однако настоящей героиней этого сочинения, вошедшего в состав Ипатьевской летописи, была, несомненно, княгиня Анна. Поэтому в честь нее внук Мстислав в 1291 г. поставил на ее могиле во Владимире-Волынском памятник в виде каменной часовни [2, с. 479–504].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в древнейших русских летописях зафиксированы сведения не только о жизни и деятельности мужчин: правителей княжеств, воинов, церковных и государственных деятелей, но и женщин- вдов, ставших главными опорами и защитницами для малолетних детей, осиро-

тевших после ордынского нашествия. Их оружием являлись не грубая физическая сила, а дипломатия, умение договариваться даже с врагами, способность лавировать в сложной ситуации и использовать элементарную хитрость. Всему этому они, видимо, научились у жен ханов, обладавших в Золотой Орде высоким социально-политическим статусом.

Список источников и литературы

1. *Гольштенко В.С.* К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в. // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963.
2. Ипатьевская летопись. Рязань, 2001.
3. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2001.
4. Лаврентьевская летопись. Рязань, 2001.
5. *Лихачев Д.С.* Русские летописи. М.; Л.: 1947.
6. *Морозова Л.Е.* Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М., 2009.
7. Московский летописный свод конца XV в. Рязань, 2000.
8. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. СПб., 2002.
9. *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII вв. М., 1977.
10. *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1910.

Г.Н. Ульянова

Москва, Институт российской истории РАН

Женщины-предприниматели в Москве в сфере торговли готовой одеждой в 1820-е – 1830-е годы: Китай-город, Новая площадь, Кузнецкий Мост

Изучение истории торговли в Москве в первой половине XIX в. по новым архивным источникам показало, что женщины играли важную роль в предпринимательской деятельности. К примеру, согласно «Ведомостям о торговцах», поданным генерал-губернатору в 1827 г., они торговали в 503 лавках из общего количества 8275, и, хотя это составляло 6,1% от общего числа торговцев, абсолютное число занимаемых ими торговых мест было значительным [1, д. 181–571]. По сословному статусу 47% составляли купчихи, 41% мещанки, 8% солдатки, 4% прочие.

Из этих 503 лавок продажу съестных товаров вели 138 (27,4%), текстиля – 115 (22,8%), готовой одежды, обуви, головных уборов – 80 (15,9%). Еще 53 торговых предприятия (10,5%) включали гостиницы, рестораны, бани. Прочие 117 лавок (23,4%) предлагали покупателям стройматериалы, металлы, табак, химикалии, щепетильный товар (галантерею) и др.

Значительное количество женщин (80 чел.) было занято торговлей в сегменте готовой одежды, обуви, головных уборов. Вопреки ранее господствовавшему в историографии мнению, что рынок готовой одежды стал складываться во второй половине XIX в., новейшие исследования показывают, что в Европе эта сфера торговли, включая и продажу ношенной одежды second-hand, существовала в более ранний период (XVIII в. и первая половина XIX в.) [5; 6]. Это подтверждается на российском материале, например, по подсчетам по «Ведомостям о торговле» 1827 г. в Москве в конце 1820-х годов велась торговля готовой одеждой, обувью и головными уборами приблизительно в 400 лавках, из которых женщины торговали в 80 лавках: из них 66 находилось в Китай-городе и 14 – в двух центральных престижных районах города – в Тверской и Мясницкой частях.

Важнейшим местом продажи этой группы товаров был рынок на Новой площади, административно входившей в Китай-город. Там продавали одежду для лиц с невысоким доходом. Среди принадлежавших женщинам 35 лавок Китай-города, специализировавшихся на продаже новых хлопчатобумажных и льняных мужских и женских готовых рубах (вид одежды, надеваемой на тело, у женщин до середины икры, у мужчин чуть выше колена), на Новой площади располагалось 34. Еще одна лавка, где мещанка Ирина Русина продавала дорогие рубахи с вышивкой, находилась в Табачном и Ножевом ряду. Анализ ведомостей установил, что в этих лавках торговали женщины низших социальных страт – мещанки, солдатки и одна ямщичиха – и покупатели тоже происходили из этих социальных групп.

На Новой площади женщины вели торговлю старой одеждой в 13 лавках. Также шла торговля разными видами обуви и муж-

ских головных уборов, в том числе шляпами и картузами (2 чел.), башмаками (3 чел.), лаптями (1), меховым товаром (1). Еще 10 человек торговали головными платками из ситца. В двух лавках купчиха Воробьева и мещанка Прасковья Логинова торговали «русскими кушаками» – поясами длиной 3-5 м и шириной около 40 см, которые наматывались поверх мужской верхней одежды и стоили довольно дорого.

Можно предположить, что готовое платье производилось в небольших московских мастерских с числом работников от 4 до 12 чел. Согласно сведениям, поданным московскому генерал-губернатору, в 1840 г. среди почти 3 тыс. ремесленных заведений Москвы (в которых работало 29 720 чел.) 406 были портновскими, а 85 – шляпными, шапочными и картузными [4, с. 502]. Часть таких мастерских работала по индивидуальным заказам, а часть занималась серийным пошивом на продажу.

В Китай-городе продавался столь редкие виды русского национального праздничного головного убора, как кокошники и сороки, которые носили замужние крестьянки и купчихи. Ранее исследователи считали, что эти головные уборы изготавливались только на заказ или самими носившими их женщинами, однако в «Ведомости о торговцах» были найдены сведения о существовании лавок, специализировавшихся на продаже готовых кокошников и «крестьянских сорок». Торговля кокошниками была локализована в шести лавках в Старом Сапожном и Шпажном ряду Китай-города. При этом, дорогими кокошниками торговала купчиха 3-й гил. Пелагея Степановна Кочюмина, а крестьянскими сороками торговали пять мещанок [1, д. 273].

За пределами центрального коммерческого района – Китай-города – женщины вели торговлю одеждой в 14 лавках, в том числе «модными уборами» – в 9, обувью – в 3, рукавицами и чулками – по одной.

Наряду с лавками Новой площади и рядами Китай-города, где продавалась преимущественно одежда в национальном стиле, в Москве имелись магазины импортной европейской одежды, которые на 70% представляли собой бизнес иностранок и ино-

странцев. Европейскую одежду, следуя новейшим тенденциям парижской моды, предпочитали носить представители дворянства. Модные магазины располагались в Мясницкой и Тверской частях, где находились особняки богатой аристократии.

Самым известным местом торговли товарами класса люкс была улица Кузнецкий Мост (в Мясницкой части). Здесь в 40 лавках можно было купить французские вина, английские книги, оптические приборы, картины и мраморную скульптуру из Германии и Италии, мужскую и женскую одежду, шляпы, мебель, косметический и галантерейный товар, а также посетить «французскую ресторацию» и выпить кофе с пирожным в двух кондитерских (одна принадлежала француженке Барбаре Дупле, а другая – швейцарцу Иоганну Педотти).

Известный дипломат и поэт того времени Александр Грибоедов писал о Кузнецком мосту в комедийной пьесе в стихах «Горе от ума»: «А все Кузнецкий Мост, и вечные французы, / Откуда моды к нам, и авторы, и музы: / Губители карманов и сердец! / Когда избавит нас творец / От шляпок их! Чепцов и шпилек! / И булавок, / И книжных и бисквитных лавок!»

Согласно «Ведомостям о торговцах», здесь имелось около 15 модных лавок, из которых в пяти вели дело торговли «дамскими уборами» (т.е. платьем, шляпками, обувью, перчатками) купчихи 3-й гил. француженки Виктория Лебур, Мария Арманд, Клеманс Гамбель, Урсюль Иванова Буасель и Анна Карлова Деллавос [1, д. 305].

Просопографическая информация дает возможность реконструировать биографию француженки Виктории (Виктуар) Лебур, урожденной Элуа (1774–1854). Она родилась в г.Эльбёфе (Нормандия) и прибыла с семейством (мужем Констаном и пятью детьми) в 1808 г. в Москву, где прожила 46 лет до своей смерти. Лебур успешно торговала «модными уборами» в магазине, находившемся на Кузнецком Мосту, в помещении, арендуемом у московского купца-немца Андреаса Беккерса. После смерти мужа в 1820 г. Виктория вела семейный бизнес вместе с незамужней дочерью Луизой и сыновьями Габриелем, Николя, Шарлем и Констаном-младшим.

Об успехе бизнеса свидетельствовал ее переход из третьей во вторую гильдию в период между 1820 и 1838 гг. [2, с. 157; 3, с. 156].

Вновь выявленные архивные данные позволяют утверждать, что среди женщин Москвы в изучаемый период было несколько сот самостоятельных предпринимательниц, которые ежегодно брали свидетельство на право торговли на свое имя, заключали договоры аренды на торговое помещение и осуществляли сделки на поставку товаров. Это весьма меняет наши представления о роли женщин в развитии рыночной экономики.

Список источников и литературы

1. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. 14. Оп. 9.
2. Материалы для истории московского купечества. Т. VII. М: тип. М.Г. Волчанинова, 1888. С. 157.
3. Московский Некрополь. В 3 т. / Сост. В.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. Т. 2. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907.
4. Разные сведения о Москве (из отчета г. обер-полицмейстера по январь 1840 года)// Прибавление к «Московским ведомостям». 1840. С. 501–503.
5. *Stobart J., Van Damme I.* (eds.). *Modernity and the Second-Hand Trade: European Consumption Cultures and Practices, 1700–1900.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.
6. *Toplis A.* *The Clothing Trade in Provincial England, 1800–1850.* L.: Pickering & Chatto, 2011.

Е.А. Запевалова

Нижний Новгород,

Нижегородский научно-исследовательский институт радиотехники;

Москва, Институт российской истории РАН

Женщины – владелицы фабрик и заводов в Нижегородской губернии в 1870–1890-е годы

В пореформенный период – 1860–1890-е годы – в Российской империи высокими темпами шла индустриализация. В этом процессе отмечается значительная роль женщин-предпринимателей [4, с. 199–210].

В докладе будут представлены извлеченные из источников и затем систематизированные сведения, касающиеся процесса становления женского предпринимательства в Нижегородской губернии во второй половине XIX в. Для определения уровня участия женщин в производственном предпринимательстве нами были избраны два хронологических среза (1879 и 1895 гг.), обеспеченных статистическими данными.

Источниковая база исследования включает справочные издания по фабрично-заводской промышленности России: «Указатель фабрик и заводов Европейской России» (численность предприятий в 1879 г., их распределение по отраслям производства, объем выпускаемой продукции, количество рабочих, а также сведения о владельцах предприятий) [3] и перечень «Фабрично-заводская промышленность России» (перечень предприятий на 1894–1895 гг., название и местонахождение заведения, владелец, производимая продукция, состав рабочих) [5].

Согласно Указателю–1881 [3] в Нижегородской губернии в 1879 г. было 272 фабрики, из них 25 (9,2%) находилось в собственности женщин. Наибольшее число предпринимательниц было в кожевенной промышленности – 7 (т.е. 28% от числа «женских» предприятий). Женщины также управляли сталелитейными, суконными, кирпичными, лесопильными, свечносальными, скорняжными, клеварными предприятиями. Нижегородские предпринимательницы дворянского происхождения имели также винокуренные заводы.

Согласно Перечню–1897 [5] в Нижегородской губернии в 1895 г. было всего 503 промышленных предприятия. То есть к концу XIX в. количество фабрик и заводов выросло в 1,8 раза по сравнению с 1879 г. В собственности женщин находилось 36 (7,2%) нижегородских фабрик и заводов. Наибольшее число женщин-предпринимателей было в кожевенной (11 чел., т.е. 4,4%) и в пищевой (10 чел., т.е. 12,5%) промышленности.

Предпринимательницы Нижегородской губернии владели в основном мелкими и средними предприятиями с числом рабочих от 2 до 61 чел. В 1879 г. среди предприятий, возглавляемых женщинами, было: микропредприятий – 54,2%, малых – 37,5%, средних – 8,3%, крупных не было вовсе. Суммарный годовой оборот фабрик

и заводов составлял 344 150 руб. В 1895 г. большую часть промышленных предприятий (56,8%) также составляли мелкие производства, где работали от 2 до 63 чел. Годовой оборот предприятий вырос по сравнению с 1879 г. в 2,2 раза и достиг 756 421 руб.

Изучение сословной принадлежности владельцев предприятий показало, что в предпринимательстве, помимо представителей землевладельческой аристократии и купечества, активно участвовали и женщины из низших слоев населения. В 1879 г. среди владельцев промышленных заведений дворянок было 20%, купчих – 40%, мещанок – 10%, крестьянок – 30%. Социальный статус владельцев в 1895 г. определить не удалось.

Анализ агрегированных просопографических данных позволяет составить среднестатистический портрет нижегородской предпринимательницы – это была либо вдова в возрасте 50–60 лет, имевшая взрослых детей мужского пола, либо незамужняя женщина 30–40 лет. Ей пришлось взять на себя ответственность за судьбу семейного бизнеса в случае смерти или тяжелой болезни главы семьи. Она не только сумела сохранить производство, но и расширила его. Нижегородская предпринимательница уделяла внимание социальному обеспечению рабочих, прежде всего здравоохранению. Приведем примеры.

В 1876 г., после смерти Алексея Григорьевича Желтова, кожевенная фабрика (с. Богородское Горбатовского уезда) перешла во владение его жены Марии Ивановны Желтовой. Административными вопросами фабрики занимался сын владелицы, Федор Желтов. На предприятии изготавливались различные изделия из кожи (сбруи, шлеи, уздечки, подпруги, ремни, супони). В качестве двигателя использовался конный привод. На предприятии работали 14 мужчин и 2 подростка [5, с. 526–527]. На Всероссийской художественной и промышленной выставке (Нижний Новгород, 1896) были представлены образцы крестьянской упряжи, изготовленные на фабрике [2, с. 74].

В 1890 г. после смерти купца Дмитрия Никандровича Бабушкина крупный пивоваренный завод (г. Нижний Новгород) перешел к его дочери Евдокии Дмитриевне Гориновой. Предприятие специализировалось на производстве пива, меда,

клюквенного кваса, лимонада, минеральной воды. На заводе использовалась паровая машина в 12 л.с. Для поощрения отечественной промышленности и развития хмелеводства в России Е.Д. Горинова старалась употреблять для пивоварения преимущественно хмель русского произрастания, тогда как при ее отце употреблялся хмель исключительно заграничный [1, с. 97]. Продукция продавалась в окрестных губерниях. В 1895 г. на предприятии работали 38 мужчин, 5 подростков [5, с. 798–799]; было произведено 68 тыс. ведер пива. На Казанской выставке (1890) заводу за производство пива и меда были присуждены серебряная и бронзовая медали. На Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде (1896) фирма была награждена бронзовой медалью [6, с. 16].

Женщины принимали активное участие в технологически новаторских отраслях. В 1892 г. в Нижнем Новгороде был открыт первый завод по производству электротехнических приборов. Во главе предприятия стояли Вера Андреевна Самойлова и Петр Иванович Симонов. Завод выпускал динамомашин и электрические звонки. Годовая производительность составляла 22 тыс. руб. На предприятии работало 57 человек [5, с. 360–361].

На протяжении изучаемого периода неуклонно шло вовлечение женщин Нижегородской губернии в сферу промышленности: в 1879 г. в собственности женщин находилось 25 (9,1%) фабрик и заводов, в 1897 г. – 37 (7,4%). В основном предпринимательницы владели мелкими, реже средними предприятиями. Среди владельцев промышленных предприятий преобладали купчихи. Участие женщин Нижегородской губернии в предпринимательской деятельности в 1870–1890-х годах, несмотря на ограниченный характер, позволяет говорить о растущей в конце XIX в. имущественной независимости женщин.

Список источников и литературы

1. Всероссийская промышленная и художественная выставка (1896; Нижний Новгород). Производства фабрично-заводские. Н. Новгород, 1896.
2. Всероссийская промышленная и художественная выставка (1896; Нижний Новгород). Производства фабрично-ремесленные. Н. Новгород, 1896.

3. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским: материалы для фабрично-заводской статистики. СПб.: Тип. Братьев Пантелеевых, 1881.
4. Ульянова Г.Н. Государство и женщины-предприниматели в Российской империи в XIX в. // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. М., 2013. С. 199–210.
5. Фабрично-заводская промышленность России. Перечень. СПб., 1897.
6. Шустов А.С. Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде 1896 г. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1896.

И.В. Синова

Санкт-Петербург,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Женское предпринимательство в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв.

Законодательство Российской империи гарантировало женщинам право на занятие коммерческой деятельностью. Согласно «Положению о пошлинах и праве торговли и других промыслов» 1865 г., обретение прав купечества в полном объеме становилось доступно всем российским подданным, имевшим соответствующие капиталы [2, с. 19]. «Женское предпринимательство было обычной нормой правовой реальности в провинции Российской империи второй половины XIX в. Нередко женщины также становились полноправными участниками предпринимательской деятельности в купеческой семье при жизни мужей и родителей» [1, с. 19].

Соотношение женского и мужского предпринимательства на рубеже XIX – XX вв. в разных регионах и в разных сферах было примерно от 15 до 20% [3, с. 210], при этом в Петербурге самостоятельной предпринимательской деятельностью занимались 18,5% женщин [4, с. 79].

Репрезентативным источником по изучению предпринимательства в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв. является сборник,

изданный в 1903 г. к 200-летию юбилею столицы. В нем содержатся статистические сведения и фактическая информация о купечестве и торгово-промышленных предприятиях города [4].

Большинство женщин получали бизнес от отца или мужа по наследству, но были и те, кто самостоятельно основал свое дело и был причислен к купеческим гильдиям. Некоторые даже получали профессиональные навыки за границей. Женщины владели успешными фирмами, в первую очередь они были связаны с торговлей, изготовлением швейных, корсетных изделий, шляп, женскими рукоделиями. При наличии несовершеннолетних детей именно вдовы купцов принимали руководство семейными предприятиями, поэтому в этой среде женщины старались заранее, с детства получать представление о правильном ведении дел и знания о коммерции.

Среди женщин не было крупных предпринимателей как в столице, так и в других городах. Вероятно, причиной являются не столько недостаток образования и способностей у них, сколько господствовавшие в обществе стереотипы, которые не позволяли рассматривать женщин как равных управленцев, партнеров, заказчиков и поставщиков.

Среди петербургских предпринимателей были женщины, которым от мужа перешли фирмы, занимавшиеся сложной технической деятельностью. Л.В. Гейслер содержала подряды по очистке труб в Мраморном дворце, Инженерном замке, Окружном суде, Главном казначействе и других зданиях [4, с. 209]. А.В. Соколовой по наследству от мужа досталась лесная биржа, лесопильно-строгательный завод и производство древесной шерсти. Не знакомая с торговыми операциями, она энергично занялась их усвоением и вполне достигла цели, расширив обороты лесной биржи [4, с. 236]. Э.А. Озолинг руководила Чугунно-литейным и механическим заводом, передав впоследствии управление сыну [4, с. 224].

В случае, если женщины самостоятельно начинали заниматься предпринимательской деятельностью, их выбор касался чаще творческой сферы. Р.А. Шуберт являлась владелицей Торгового дома, где продавались детские наряды для мальчиков и девочек до 15 лет, начиная от самых простых домашних и до самых изящных, а также игрушки, детские игры и забавы. Она ежегодно посещала

заграничные центры мод, постоянно снабжая свой магазин парижскими и венскими моделями. С 1901 г. Торговый дом Р.А. Шуберт стал поставщиком одежды для детей Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны [4, с. 243].

Учредительница Торгового дома «Мария» и меблированных комнат «Лувр» Э.Л. Кллчевская прибыла в столицу из имения Виленской губернии с целью заняться торговлей. Она обратила внимание на то, что Санкт-Петербург не знаком с изготовлением мясных и молочных продуктов, производимых на западе как домашними средствами в имениях, так и специалистами в Варшаве, которые по высокому качеству окороков успешно конкурируют с европейскими странами.

Э.Л. Кллчевская решила сначала открыть магазин этих продуктов, а для приготовления собственного товара выписала лучшего специалиста из Варшавы. Покупатели быстро оценили высокое качество товаров, и в скором времени были открыты еще пять магазинов [4, с. 267].

Польская кофейня на Михайловской улице в доме Дворянского Собрания не пользовалась популярностью до тех пор, пока ее не приобрела С.С. Бахминская, которая поставила для себя цель предоставить посетителям за небольшую стоимость здоровую пищу и высокого качества кондитерские изделия, шоколад и кофе. Это привело к большой популярности заведения [4, с. 432].

П.А. Барышева, управляя в течение 30 лет магазином и мастерской детского платья, подготовила 200 учениц, которые впоследствии стали самостоятельными мастерицами [4, с. 398]. Владелица магазина женских рукоделий «Софья Мюнкс» О.А. Госсе получила воспитание в школе Св. Анны, а специальные знания получала в Берлине. Художественные изделия по шелку, гладью и канве, которые продавала Госсе, пользовались спросом среди семейств высшей родовой и финансовой аристократии [4, с. 689].

Мотивацией для женщин, занимавшихся предпринимательской деятельностью, было стремление не только материально обеспечить себя и детей, но и достойно продолжить бизнес, доставшийся им в наследство от отца или мужа. Поэтому, как правило, они не только поддерживали прежний уровень семейного дела, но и

активно его развивали. Если женщины самостоятельно начинали заниматься предпринимательством, они использовали творческий подход к делу и старались внедрять разнообразные новшества, в том числе заимствованные из-за границы. Сфера предпринимательской деятельности женщин касалась преимущественно торговли разнообразными товарами, в основном одеждой, а также питания, прежде всего это были кондитерские и кафе.

Список источников и литературы

1. *Биленко Н.А., Секенова О.И.* Женское предпринимательство в провинциальных городах второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам Тульской губернии) // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х томах / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 1.
2. *Синова И.В.* Российские предприниматели, благотворители, меценаты. СПб.: Изд-во СПбГУЭиФ, 1999.
3. *Ульянова Г.Н.* Женщины-предприниматели в имперской России: законодательство и практическая деятельность (на примере промышленности Москвы в XIX в.) // Экономическая история. Вып. 13 / Под ред. Л.И. Бородкина. М., 2007.
4. *Шустов А.С.* Санкт-Петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города 200-летнему юбилею столицы. Илл. альманах. СПб., 1903.

Н.Б. Хайлова

Москва, Институт российской истории РАН

Женское лицо либерального центризма в России начала XX в.

«Центровики», «умеренные прогрессисты» – так современники революционной Смуты в России начала XX в. определяли деятелей, занявших в либеральном пространстве «срединное» положение

между кадетами и октябристами. Их самоорганизация стала ответом на вызов времени – потребность образования «фактического центра» в политической жизни России, призванного на очередном историческом перевале играть роль опоры и для правительства, и для общества. Именно с представителями этой когорты, боровшимися за конституцию «без оглядки налево», В.А. Маклаков, наиболее последовательный в кадетском руководстве сторонник компромисса с «исторической властью», связывал шанс России на «безболезненное укрепление конституционного порядка» [5, с. 48]. Первый заметный всплеск активности либералов-центристов наблюдался в ходе избирательной кампании в I Думу, на начальном этапе формирования российской многопартийности. Их многочисленные организации (партии, союзы, клубы и т.д.) возникли тогда не только в Москве и Петербурге, но и на просторах российской провинции. Однако и после революции 1905–1907 гг. центристское течение в русском либерализме не ушло «в песок» и давало о себе знать вплоть до прихода к власти большевиков. Наиболее значимыми вехами в его развитии стали Партии демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов, фракция прогрессистов в III и IV Думе, а в 1917 г. – Российская радикально-демократическая партия. Либералы-центристы допускали параллельное членство в других политических объединениях, разделявших начала Манифеста 17 октября 1905 г. Это облегчало «наведение мостов» с единомышленниками как из числа уже связавших себя партийными «узами», так и беспартийными.

Традиционно «мужское лицо» политической жизни было свойственно и либеральному центризму, что проявлялось наиболее наглядно в персональном составе организаторов и руководителей соответствующих структур. Признание ими необходимости уравнивания женщин в правах в то же время иногда несло на себе отпечаток типично мужского взгляда на место женщины в семейно-общественных отношениях. Пример преломления подобной ситуации в личной судьбе – взаимоотношения лидера «демократических реформаторов» М.М. Ковалевского и его не менее знаменитой однофамилицы С.В. Ковалевской [10]. Подчеркивая неоднозначность проблемы женского равноправия, идеологи центристского

течения в русском либерализме в период работы I Думы проводили мысль о том, что в России пока преждевременно приобщать женщин к парламентской деятельности [9, с. 27–28; 8, с. 20]. Они предлагали сделать исключение лишь применительно к порядку образования органов местного самоуправления [11, с. 352, 360]. Вместе с тем, среди прогрессистов было немало тех, которые последовательно заявляли о себе как о «безусловных сторонниках феминизма». Это, в частности, примыкавший к «мирнообновленцам» социолог В.М. Хвостов, внесший вклад в разработку женского вопроса, а также кн. В.М. Голицын, бывший московский городской голова, президент Клуба независимых, близкого к Партии мирного обновления [12, с. 120–121].

Ориентация на постепенные преобразования с учетом исторического своеобразия России, особый акцент на развитии образования, науки и культуры, приоритет ценностей социальной справедливости и «здорового смысла» (гуманизм, разум, солидарность), абсолютное неприятие насилия и произвола, убежденность в том, что «в политике нравственно, обязательно или преступно то же, что и в частной жизни» [4, с. 369], – эти коренные установки либералов-центристов находили отклик во многих женских сердцах. Так, в разного рода собраниях московских прогрессистов участвовали известные исторические личности – В.А. Морозова, благотворительница и меценатка, финансировавшая «Московский еженедельник» (печатный орган «мирнообновленцев»), театральные актрисы Г.Н. Федотова, А.А. Яблочкина, М.Н. Ермолова. В 1912–1913 гг. на посту редактора газеты «Русская молва» углубляла «колею» либерального центризма А.В. Тыркова, член кадетского ЦК.

Современники отмечали также незаурядность личности, глубину и пронизательность ума Е.С. Петуховой («замоскворецкой Семирамиды»), супруги московского предпринимателя, члена ЦК Клуба независимых Г.И. Петухова [1, с. 39]. Тем не менее ее имя давно кануло в Лету. Точно так же, как свидетельства о тех женщинах, которые в составе организаций либералов-центристов пытались внести благоразумие в «перегретую» атмосферу обще-

ственно-политической жизни начала XX в. Скупые упоминания о них удается порой извлечь из архивных россыпей и газетно-журнальных подшивок лишь благодаря счастливому случаю.

Это – «г-жа И. Штернберг» [7, с. 180], входившая летом 1907 г. в состав петербургского руководства Партии мирного обновления. Организацией московского отделения Партии «свободомыслящих» весной 1906 г. занимались С.О. Малиновская и Л.А. Павлова [2, л. 80]. В 1906–1907 гг. женщины принимали «видное участие» в деятельности столичного Демократического союза конституционалистов-демократов (Союза народной правды) [3, с. 22–25]. В 1917 г. в списки кандидатов в органы городского самоуправления Петрограда, составленные Российской радикально-демократической партией, были включены ее члены – З.П. Коробка (урожд. Котляревская), жена ученого и публициста Н.И. Коробки, одного из ведущих сотрудников газеты «Отечество», печатного органа радикал-демократов, а также В.А. Славенсон [13]. Последняя известна как историк, педагог, музейный работник. В прессе о ней сообщалось как о партийной активистке, выступавшей на митингах с речами о роли женщин в политической жизни страны и муниципальной работе [6].

Список источников и литературы

1. *Астров Н.И.* Воспоминания. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2000.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 72.
3. *Иванович В.* Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ, уставов и справочных сведений о российских политических партиях, всероссийских профессионально-политических и профессиональных союзах и всероссийских лигах. СПб.: типо-лит. Б.М. Вольфа, 1906.
4. Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. / Сост. Д.Б. Павлов. М.: РОССПЭН, 2001.
5. *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М.: Центрполиграф, 2006.
6. *Отечество.* 1917. № 30. 19 августа. С. 5.
7. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогресси-

- стов. 1906–1916 гг. Документы и материалы / Сост., автор предисл., введения и коммент. Н.Б. Хайлова. М.: РОССПЭН, 2002.
8. Партия демократических реформ. Речи членов партии в первой Государственной думе. СПб.: «Русская скоропечатня», 1907.
 9. Партия мирного обновления. Ее образование и деятельность в первой Государственной думе. СПб.: типо-лит. п/ф «Эл.-тип. Н.Я. Стойковой», 1907.
 10. *Погодин С.Н.* Несостоявшийся брак // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 142–146.
 11. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. / Отв. сост. В.В. Кривенький, Н.Н. Тарасова. М.: РОССПЭН, 1995.
 12. *Хайлова Н.Б.* Дневник князя В.М. Голицына: новые страницы истории общественной мысли России // В ритме времени: Фронтвик. Учитель. Историк. Памяти доктора исторических наук Б.С. Итенберга: сборник статей и материалов / Отв. ред. О.В. Будницкий, В.В. Шелохаев. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 114–175.
 13. Центр социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России (ЦСПИ ГПИБ). Коллекция листовок. [«Список кандидатов в Центральную Петроградскую думу, предлагаемых Российской радикально-демократической партией совместно с комитетами национально-демократических организаций: Украинской и Латышской» (№ 7); «Список кандидатов в члены районной думы [Коломенский район, г. Петроград], рекомендуемых блоком Российской радикально-демократической партии и национальных групп» (№ 5); 1917 г.]

А.Е. Кудинова, Е.А. Бурина

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Решен ли был «женский вопрос»?

Трансформация семьи 1920-х годов глазами женщин и статус «женского вопроса» в официальном советском дискурсе

С приходом к власти большевиков все сферы социальной, культурной, политической жизни начали претерпевать многочисленные изменения. Исключением не стали и семейные отношения. Особенно активные трансформации приходились на первое десятилетие XX в.

В 1917–1918 гг. в среде большевиков актуализируется «женский вопрос». В партийной программе 1919 г. содержатся составляющие эмансипационной концепции. В ней была определена политическая форма решения женского вопроса (с помощью «прогрессивной» политической партии) и патерналистская модель отношений между партией и широким женским населением. Одной из главных задач партии провозглашалось освобождение женщины от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства, уничтожение на практике ее неравенства в области брачного и семейного права [2, с. 286–291].

В 1918 г. «старыми большевичками», еще до революции имевшими прочную связь с женщинами-рабочими, был инициирован Всероссийский съезд работниц, на котором, в частности, семья и домашнее хозяйство объявлялись «вредными пережитком старины» [9]. Позже по настоянию революционерки А.М. Коллонтай в программу ВКП(б) была внесена поправка о статусе отдельного партподразделения по работе с женщинами, что в дальнейшем дало начало формированию женотделов [5].

К двадцатым годам одной из центральных тем общественных дискуссий становится половой вопрос, в рамках обсуждений которого выдвигаются предположения о дальнейшей трансформации семьи, о возможности ее государственного регулирования [1; 7].

5 января 1930 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)» женотделы ликвидируются, а «женский вопрос» официально провозглашается решенным [3; 9].

В данном исследовании была предпринята попытка проанализировать позицию официального советского дискурса в отношении «женского вопроса» и сопоставить ее с позицией женщин из разных групп населения послереволюционной страны. Посредством изучения зарубежных и отечественных источников, а также партийных документов была рассмотрена ситуация в области половых отношений 20-х годов, обозначены предпринимаемые государством меры для решения «женского вопроса» [1; 2; 6; 11]; была исследована специфика работы женотделов в разных регионах и республиках в послереволюционный период и сложности, с кото-

рыми сталкивались их представительницы [3; 8; 10]. Обращение к периодической печати в процессе исследования («Правда», «Красное студенчество», Красная сибирячка» и т.д.) позволило обозначить взгляды на половой вопрос, выраженные женщинами из рабочей, крестьянской, студенческой среды в форме писем в редакцию. Анализ исследований, посвященных мемуарам участниц женотделов и деятельниц женского движения, позволил обрисовать борьбу за освобождение женщины в памяти активных революционерок, а также сложности в интерпретации содержания мемуаров [5; 9]

В результате проведенного исследования были выявлены значительные противоречия и разногласия по вопросам трансформации семейной системы и раскрепощения женщины как среди членов партии, так и в крестьянской, рабочей, студенческой средах.

Так, Н.Л. Пушкарева обозначила две полярные точки зрения, сложившиеся к началу 20-х годов, между которыми размещались разнообразные мнения участников и участниц дискуссий. Первая точка зрения принадлежала А.М. Коллонтай и заключалась в том, что новый пролетарский строй призван освободить отношения между полами от чувства собственности, навязанной нормами буржуазной морали, моногамии и подчиненности женщины мужской воле [4; 11]. Однако советское государство взяло на вооружение позицию не А.М. Коллонтай, но психоаналитика А.Б. Залкинда. Залкинд придерживался мнения, что брачная жизнь людей должна быть подчинена строгому классовому контролю, который бы обеспечивал приоритет коллективности над частной жизнью. Это мнение разделялось и другими партийными деятелями, главным аргументом которых было то, что от не регулируемых государством отношений страдают преимущественно женщины, оказываясь в положении одиноких матерей. Институционализация половых отношений, легитимация моногамного гетеросексуального брака выступили в качестве средств обеспечения финансовой гарантии для женщины и ее детей. По мнению Т. Осипович, партийные деятели видели в женщине преимущественно пассивную жертву необузданного сексуального желания мужчины. Сексуальность женщины в отрыве от материнских функций не принималась

во внимание [7]. Студенчество в большей степени поддерживало вектор, предложенный Коллонтай, тогда как крестьяне и рабочие чаще склонялись в сторону позиции Залкинда [1, 7].

Были выявлены трудности в осуществлении деятельности женотделов в разных регионах, которые в значительной степени определялись патриархальными предрассудками партийной мужской элиты, а также традиционным менталитетом крестьянского населения [3].

Также в ходе исследования было показано, что материалы мемуаров революционерок-работниц женотделов и активных деятельниц женского движения в советское время урезались и с 50-х годов выпускались с ограничениями той информации, которую власть считала нежелательной. В результате противоречивый процесс решения «женского вопроса» превращался в рассказ об освобождении женщины от тяжелого наследия прошлого [5]. Помимо прямого цензурирования в публичной печати, статус решенности женского вопроса поддерживался официальной исторической наукой [9].

Таким образом, были сделаны выводы о том, что женский вопрос к 1930 г. был решен лишь частично и в основном в его экономическом и политическом измерении за счет принятия декретов и постановлений, гарантирующих юридическое равенство женщин и мужчин и вовлечение женщин в производство. Однако недостаточное внимание большевиков к менталитету населения, патриархальным стереотипам, столетиями складывавшимся в культуре, привело к тому, что освобождение женщин было осуществлено лишь формально, что и стало одним из факторов традиционалистского отката 1930-х годов.

Список источников и литературы

1. *Алферова И.В.* «Не буду больше рабой своего мужа, мы должны быть равными товарищами в жизни!»: трансформация семейных отношений в российском общественном дискурсе (1917–1927 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов:

- Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 10–15.
2. Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: (1898–1939). Ч. I: 1898–1925 / Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). Издание шестое, дополненное. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940.
 3. *Долидович О.М.* Женотделы Енисейской губернии в 1921–1930 гг. // *Женщина в российском обществе*. 2014. №. 3 (72). С. 20–27.
 4. *Коллонтай А.М.* Дорогу крылатому эросу // *Молодая гвардия*. 1923. №. 3. С. 111–124.
 5. *Лабур О.В.* Воспоминания представительниц женотделов как источник изучения советской политики «женского раскрепощения» в Украине 1920-х гг. // *Сторінки історії*. 2014. №. 37. С. 117–126.
 6. *Новиков С.Г.* Воспитание половой морали советской молодежи: ретроспективный взгляд на дискуссии 1920-х годов // *Историко-педагогический журнал*. 2012. № 3. С. 161–171.
 7. *Осипович Т.Е.* Проблема пола, брака, семьи и положения женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х годов // *Общественные науки и современность*. 1994. №. 1. С. 161–171.
 8. *Попова А.В.* Роль женотделов в «организации женских масс» на материалах Ярославской губернии (октябрь 1917 – начало 1920-х гг.) // *Ноябрьские историко-архивные чтения – 2017 г. Материалы научной конференции «Россия в период революционных потрясений. К 100-летию Русской Революции 1917 г.»* (ПермГАСПИ. 14–16 ноября 2017 г.). Сборник / Под ред. С. В. Неганова. Пермь, 2018. С. 321–327.
 9. *Сытник И.Г.* Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале (1918–1930 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, 2006.
 10. *Шевченко Л.А.* Деятельность женских организаций в системе советского общества в 1920-е гг. (на материалах Иркутской губернии) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2011. №. 2 (14). С. 120–123.
 11. *Пушкарева Н.Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (10–20 вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // *Женщина в российском обществе*. 2008. № 2. С. 3–17.

Н.А. Птицына*Иваново, Ивановский государственный университет***Комсомол в памяти и судьбах ивановских женщин**

«Перепутье» современности обуславливает необходимость не только рассуждать о глобальных изменениях в жизни общества, вызовах и перспективах его развития, положении женщин, но и оглянуться назад с тем, чтобы осмыслить исторический путь страны, оценить вклад женщин в ее развитие, понять истоки социальной энергии женщин, во многом невостребованной сегодня. Прошло немногим более года с тех пор, как ветераны комсомола отметили столетний юбилей со дня создания Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Несмотря на формальную «ликвидацию» одной из многочисленных общественно-политических организаций нашей страны, ставшей «школой жизни» для многих юношей и девушек, комсомол продолжает существовать в памяти и повседневности женщин, чья судьба была с ним тесно связана. Информационные встречи, круглые столы, концерты, презентации выставок и многие другие праздничные мероприятия, прошедшие как в стране в целом, так и в Ивановской области, позволили «освежить» в памяти комсомольцев страницы их юности и зрелости (общественной, политической и др.). Во время многочисленных встреч неоднократно звучала мысль о необходимости сохранения истории ивановского комсомола, преемственности поколений, передаче опыта работы комсомола с молодежью. В связи с этим вызывает неподдельный интерес изучение мнений людей, опыт и труд которых заставляет задуматься над рядом вопросов, не имеющих простых ответов. Где пролегают границы ответственности в области сохранения и возрождения наследия комсомола? Чем полезен опыт предшествующих поколений? Что способствовало самореализации женщин в общественно-политической жизни страны и региона? Как живут и что об этом думают ветераны комсомола?

Источником информации послужили неформальные беседы с женщинами-представителями разных поколений комсомольцев, материалы тематического сайта «Комсомол-37.рф» [1]. В основу статьи положены 13 интервью с женщинами-ветеранами комсомола (в возрасте от 45 до 80 лет, на момент интервьюирования проживавшие в областном центре), опубликованные в книге «Комсомол – моя судьба» [2].

Коллективная история ивановского комсомола складывается из рассказов об индивидуальном жизненном пути ветеранов, счастливым началом которого практически все участники интервью считают комсомольскую юность и молодость. Например, Л.А. Соколова (64 года) считает, что «комсомол – это настоящая школа жизни». По мнению Т.А. Сальниковой (69 лет), «все, что мы сегодня по жизни имеем, – это все от комсомола». В.Ф. Кулдошина (75 лет) роль комсомола в своей судьбе определили так: «Мне комсомол “вписан” в сердце как родина в паспорт»»

Около трети женщин активно влились в общественную работу еще в школьные годы, две трети точкой отсчета называют «включение» в комсомольскую жизнь в студенчестве и на производстве. Активная жизненная позиция в сочетании с неумной энергией и юношеским задором обусловили для половины из них дальнейшую занятость в штате районных и областного комитетов комсомола. Опыт комсомольской работы, по мнению женщин, во многом повлиял и на выбор профессионального пути. Среди ветеранов – научные и педагогические работники (4), сотрудники органов государственной власти (4), представители производственных (3) и творческих коллективов (2). Практически все женщины до сих пор продолжают трудиться. За многолетний плодотворный труд награждены многочисленными комсомольскими и государственными наградами, являются обладателями почетных званий и премий.

В ходе интервью женщины охотно рассказывали о содержании комсомольской работы, значимых событиях в их жизни. Что же произвело особое впечатление на ветеранов? Диапазон событий, оставивших яркие воспоминания в памяти женщин, чрезвычайно широк: от участия в мероприятиях всесоюзного и все-

российского масштаба (работа в составе делегаций на съездах ВЛКСМ, фотографирование у знамени Победы в Москве, участие в маевке, посвященной 80-летию первого в России Ивано-Вознесенского Совета рабочих депутатов и XII Всемирном фестивале молодежи и студентов), до областного (организация и проведение «Вахты Памяти», «Студенческой весны», создание центров НТТМ и комплексных творческих молодежных коллективов, работа в студенческих строительных и педагогических отрядах) и районного (организация факельных шествий, создание животноводческих отрядов, соревнования КМК, состязания команд КВН, заседания КИДов и др.). Опыт молодежных (производственных, научных) коллективов заслуживал внимания и не раз освещался на всесоюзном уровне. Например, в 1971 г. опыт ивановцев-меланжистов обсуждался на Всесоюзном совещании секретарей комсомольских организаций.

В трудные, переломные для всей страны годы женщины не растерялись, сумели занять свою нишу на профессиональном и общественном поприще. Что же помогало женщинам справиться со сложившимися обстоятельствами? Насколько пригодился им опыт комсомольской работы? В чем состоит «комсомольская закалка»? Оценивая роль комсомола в своей жизни, женщины фиксируют внимание, прежде всего, на формировании ответственности, постижении многообразия жизни, реальной возможности встречаться и общаться с людьми на разных уровнях. Подчеркивают значение развития аналитических и организаторских навыков, умения работать в команде, а также толерантности и эмпатии. С мнением Т.А. Вороновой (63 года) солидарны многие ветераны: «Интерес к жизни другого, неравнодушие к тем, с кем учился и занимался общественной работой, – есть отличительная особенность, воспитанная комсомолом». Очевидно, что неравнодушие к соратникам по комсомолу и сегодня позволяет многим из ветеранов сохранять дружеские отношения, поддерживать друг друга в трудных жизненных ситуациях.

Доминирующее большинство женщин упоминают в интервью и о своих семьях (родителях, супругах, детях и внуках), делятся

семейными фотографиями. Акцентируют внимание на том, что близкие люди всегда поддерживали советами, проявляли внимание и заботу, оказывали необходимую помощь, поскольку работа в комсомоле занимала значительную часть их личного времени. Примером может служить история создания семьи Михаила Васильевича (68 лет) и Марии Евгеньевны (56 лет) Клюевых [2, с. 106–114]. Молодые люди познакомились, будучи делегатами XIX съезда ВЛКСМ. Съезд стал ярким событием в их жизни, положившим начало знакомству, а в дальнейшем – созданию семьи. «До съезда мы не были знакомы и не могли познакомиться. Я – студентка. Миша – преподаватель другого вуза. Совершенно разный уровень общения. А съезд – это возможность познакомиться. Это – квинтэссенция общения, когда собрались исключительно удивительные люди», – вспоминает М.Е. Клюева. – «А вернулись домой уже вместе. И с тех пор уже 36 лет не расстаемся». Супруги вырастили сына и дочь, у них пятеро внуков. Взаимная поддержка позволила самореализоваться и в профессии. Сегодня М.В. Клюев – доктор химических наук, профессор ИВГУ, член-корреспондент Российской инженерной академии, заслуженный работник высшей школы РФ; М.В. Клюева – доктор химических наук, профессор, зав. кафедрой химии ИВГМА, член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Интересен тот факт, что большинство женщин не склонны идеализировать прошлое, они стремятся к объективной оценке этого этапа в своей жизни, размышляют о проблемах, волнующих многих соотечественников сегодня (превалирование личных интересов над общественными, равнодушие к окружающим, двойные стандарты, отсутствие наставничества, рост аддиктивного поведения в молодежной среде и др.). В воспоминаниях ветеранов комсомола звучит горькая нота сожаления о «развале комсомола». Например, Е.Е. Гордеева (64 года) вспоминает: «Это было для меня трагедией. Можно сказать, личной трагедией. Я чувствовала личную ответственность, как член ЦК за то, что произошло с комсомолом в итоге». Тон рассуждения ветеранов на эту тему нельзя назвать оптимистичным. Многие из них полагают,

что единую молодежную организацию в наше время создать невозможно. Однако работать в этом направлении можно и нужно, ибо у современной молодежи давно назрела потребность в объединении. Очевидно одна из задач и состоит в том, чтобы представители государственных органов власти, наконец, услышали ветеранов комсомола и предприняли реальные действия.

Масштабы и глубина преобразований российского общества, повседневность, насыщенная различными событиями, обуславливает необходимость поиска новых подходов к вовлечению женщин к участию в общественно-политической и экономической жизни общества. Социальная значимость темы обуславливает необходимость ее дальнейшего комплексного изучения.

Список источников и литературы

1. Комсомольская юность моя // Комсомол 37.рф. <http://комсомол37.рф> (дата обращения: 3.04.2020)
2. «Комсомол – моя судьба» // Ред.-сост. Е.Е. Гордеева, А.И. Романов. Иваново: АО «Ивановский издательский дом», 2019.

Н.Н. Козлова, С.В. Рассадин

Тверь, Тверской государственный университет

«Десять лет без права передышки»: анатомия политики от Галины Старовойтовой

«Президентом страны (эта возможность тоже не исключалась) она могла бы быть выдающимся. Если бы это случилось, мы сейчас жили бы в другой стране» [2].

Галина Васильевна Старовойтова относится к тем уникальным женщинам-политикам 1980–1990-х годов, которые способствовали демократизации политической системы страны. Н. Руденский пишет, что «политика была ее призванием, и, наверное, она была счастлива тем, что оказалась в центре политической жизни великой страны в эпоху грандиозных исторических перемен и сумела внести в эти перемены свой вклад» [3].

Г.В. Старовойтова родилась в 1946 г. в г. Челябинске, куда ее семья была эвакуирована во время Великой Отечественной войны. В 1948 г. семья возвратилась в Ленинград. Мама Галины вспоминает: «В школу Галя пошла с большой охотой, умела читать, считать, писать, рисовать... За обширность знаний Галю в школе звали “ходячей энциклопедией”» [1]. В 1964 г. будущий политик окончила среднюю школу № 397 (в 2004 г. гимназии было присвоено имя Г.В. Старовойтовой), поступила в Ленинградский военно-механический институт, но затем переориентировалась на гуманитарные науки. В 1971 г. она закончила психологический факультет ЛГУ им. А.А. Жданова, работала инженером-социологом на предприятиях и в учреждениях Ленинграда. В аспирантуре Г.В. Старовойтова изучала национальную проблематику и участвовала в экспедициях, изучавших культуры Кавказа. Как указывает сама автор: «Впервые я попала в Карабах в 1983 г... Теперь Арменией и армянами “больна” на всю жизнь» [4]. В 1989 г. Г.В. Старовойтова была избрана от Армении народным депутатом СССР, в 1990 г. – народным депутатом РСФСР, в 1991 назначена советником Президента РСФСР по вопросам межнациональных отношений, в 1995 г. избрана депутатом Государственной Думы РФ, принимала активное участие в работе партии «Демократическая Россия». В 1996 г. Центризбирком отказал Г.В. Старовойтовой в регистрации кандидатом на пост Президента РФ. За эти годы она приняла участие во многих знаковых событиях политической жизни России и мира. «К сожалению, мы живем в интересный период истории. Нам особенно не повезло, так как мы являемся свидетелями краха последней в мире империи», – считала Г.В. Старовойтова [4]. Как специалист по национальным проблемам, она опубликовала ряд работ [5] и сожалела, что не успела «написать книгу о парламенте, увиденном изнутри» [4]. Однако часть статей, посвященных политике, была объединены в сборник «Десять лет без права передышки» после ее смерти. Ее наблюдения и размышления являются ценным историческим источником переходного периода российской истории: Г.В. Старовойтова предлагает свое видение причин распада СССР, выявляет алгоритм протекания национальных конфликтов, описы-

вает психологические портреты российских и зарубежных лидеров, философствует о национальном самосознании русских, о месте России в мировой цивилизации.

Г.В. Старовойтова считала, что «перед постсоветской Россией встала задача осуществить три мирных революции одновременно: переход от плановой экономики к рыночной, переход от авторитарного режима к плюралистической демократии и переход от империи к сообществу» [4]. В решении данных задач политик полагалась на роль экспертного знания, предлагала созыв Учредительного собрания, поскольку «ни в одной стране политический строй еще не разу не менялся на референдумах» [4].

Исповедуя демократические, общечеловеческие принципы, Г.В. Старовойтова стремилась решать все политические проблемы только дипломатическим, мирным путем. Она предлагает свое определение национальной политики, рассматривая ее как особый вид гуманитарной, социально-правовой деятельности, направленной на удовлетворение специфических национальных потребностей людей [4]. Г.В. Старовойтова считала, что нация является наиболее естественным и живым организмом, на основе которого может возродиться гражданское общество, а потому признавала права народов (в том числе право наций на самоопределение) выше ценностей государственности и идеи государственного суверенитета.

Для решения национальных проблем Г.В. Старовойтова предлагала исключить паспортную фиксацию национальности, уделять повышенное внимание языковым процессам, этноэкологии и этноэкономике. Новая страница российской истории должна, по мнению политика, начинаться с развенчания стереотипов о русских: «Россия тоже была колонией, колонией режима, истощавшей ее природные ресурсы, истреблявшего ее лучших сыновей. Восстановление российской государственности – это часть общего процесса деколонизации» [4]. Она полагала, что в ходе социальных катаклизмов были уничтожены аристократия и крестьянство, которые являлись носителями социально-исторической памяти и культурной преемственности. Она отстаивала идея конвергенции

Запада и Востока в лице России. Г.В. Старовойтова подметила особую болезненность российского самосознания, которая проявилась в том, что «для русского менталитета очень характерен примат идеи пространства над исторической идеей», «русские плохо знают свою историю, но чрезвычайно дорожат своей географией» [4]. Вера русских в особую миссию, в особые тяготы, выпавшие на долю русского народа, по Старовойтовой, способствовали перераспределению ресурсов из центральной России в национальные окраины. Она считала, что русский народ, интернационализированный более других, испытывает болезненную утрату этничности и в связи с этим особую опасность представляют собой националистические движения в современной ей России. Утверждая, что «не может быть свободным народ, который угнетает другие народы» [4], политик требовала реального суверенитета для других республик, предлагала идею гибкой федерации, реализация которой смогла бы решить в частности, чеченский конфликт.

В. Войнович называет ее «антисоветским советским человеком»: «редкий самостоятельный политик, имеющий собственное совершенно ясное мировоззрение»; «...она была очень критически, даже диссидентски настроена по отношению к советской власти, но, как человек советского времени, <...> могла быть и резкой, и дипломатичной, но со своего принципиального направления не сбивалась» [2].

Список источников и литературы

1. Биография, написанная матерью // Старовойтова Г.В. Десять лет без права передышки: статьи. СПб., 1999. http://starovoitova.ru/rus/texts/06/books/10_let/28.htm
2. *Войнович В.* Антисоветский советский человек. Галина Старовойтова: к 15-летию гибели // Грани.ру. 19.11.2013. <https://graniru.org/opinion/m.221338.html>
3. *Руденский Н.* Предисловие // Старовойтова Г.В. Десять лет без права передышки: статьи. СПб., 1999. http://starovoitova.ru/rus/texts/06/books/10_let/01.htm
4. *Старовойтова Г.В.* Старовойтова Г.В. Десять лет без права передышки: статьи. СПб., 1999. http://starovoitova.ru/rus/texts/06/books/10_let/10let_oglavlenie.htm

5. *Старовойтова Г.В.* Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. СПб., 1999.

М.В. Штылева

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

**Региональное женское движение в печатных средствах
массовой информации в 1990-е годы XX в.
(на примере Мурманской области)**

В данной работе речь пойдет об активности регионального женского движения на Кольском полуострове в 1990-х годах XX в. в региональных средствах массовой информации (далее – СМИ).

В Мурманской области женское движение в общественной жизни региона играло заметную роль. Заметной активностью женского движения стала благодаря взаимодействию женских организаций со СМИ.

В деятельности неправительственных женских организаций СМИ были важным ресурсом, который повлиял на формирование общественного мнения в обществе. Страницы авторитетных печатных периодических изданий Мурманской области стали площадкой для обсуждения проблем женщин, о которых ранее не принято было говорить. Статьи региональных газет отобразили повестку дня женского движения 1990-х годов и кризис роста социального движения.

Женское движение в Мурманской области, как и во всей России, появилось и развивалось под влиянием политических, экономических, социальных изменений, которые происходили в 1990-е годы в стране.

Женщины столкнулись с трудностями и обнаружили несправедливость существующего социального порядка. Переходный период в России повлиял на социально-политический статус женщин. В ходе реформ оформилась тенденция вытеснения женщин из сферы экономики и политической жизни. Осознание несправедливости и нарушения своих прав сподвигло женщин объединяться и проявлять социальную активность для защиты своих интересов.

Таким образом, под женским движением мы понимаем различные проявления активности женщин в области улучшения своего общественного положения, защите своих прав и интересов, а также деятельность по изменению мужской доминации [3, с. 60].

Важным источником в изучении развития женского движения является региональная периодическая печать, статьи из газет. К ним относятся статьи, опубликованные в 1990-е годы в газетах: «Мурманский Вестник», «Полярная Правда», «Вечерний Мурманск».

Региональное женское движение довольно успешно взаимодействовало со СМИ. Ярким эпизодом является сотрудничество регионального женского движения и регионального газетного издания в Мурманской области, когда с 1991 по 1994 гг. еженедельно выпускалась страница «Женский клуб» в главной областной газете «Советский Мурман» («Мурманский вестник»), которая завоевала популярность у читателей. Лидеры женских общественных организаций формировали повестку обсуждения на страницах региональных газет: безработица, рост цен и отсутствие доступных социальных услуг, сексуальные домогательства на работе, насилие в семье, аборт, проституция, проблемы карьерного роста женщин и предпринимательства.

История создания регионального женского движения предваряется работой Мурманского городского женского клуба «Любава». Это одна из первых женских независимых организаций в городе Мурманске и Мурманской области. Клуб был учрежден 30 ноября 1991 г. на собрании жительниц города, которое состоялось по инициативе выпускниц «Школы-студии женского обаяния “Шарм”».

Цель деятельности клуба – «развитие инициативы и самостоятельности женщин, их участия в управлении городскими, государственными и общественными делами, а также защита гражданских, политических, экономических и социальных прав и свобод и удовлетворение профессиональных и любительских интересов; помощь в разрешении личных проблем, самореализации» [1, л. 2].

Клуб стал «неким центром социальной поддержки» для мурманчанок, центром взаимопомощи, где женщины делились опытом, переживаниями, знаниями и обменивались услугами во вре-

мя экономического кризиса [4, с. 3]. Статья «Возьмемся за руки, подруги!» рассказывает об итогах деятельности женского клуба за один год существования. Из статьи читатели узнали, что клуб организовал курсы домашних парикмахеров, потому что парикмахерские услуги стали очень дорогими для большинства мурманчан. С повышением цен на детские вещи клуб стал организовывать и проводить благотворительные ярмарки.

Через год участницы клуба, почувствовав неудовлетворенность и усталость от адаптации к постоянно меняющимся условиям в стране, осознали необходимость региональной женской организации и инициировали проведение первого независимого форума женщин Мурманской области 28–29 ноября 1992 г.

В течение двух дней участницы обсудили положение женщин Кольского полуострова в современной экономике, политике, социальной сфере; пытались выработать на основе обозначенных проблем программу женского регионального движения и его принципы.

Женщины говорили о дискриминационных увольнениях женщин, в особенности имеющих детей, сворачивании бытовых и социальных услуг, бездумной политике правителей в отношении семьи, материнства и детства, о разгуле порнографии, «шоковой» экономике и обнищании пенсионеров, нарушениях прав детей с особенностями развития, проблемах женщин в воинских гарнизонах и др. [10, с. 3]

По итогам двухдневного форума в ноябре 1992 г. было принято решение о создании в Мурманске общественного объединения «Конгресс женщин Кольского полуострова». 20 марта 1993 г. состоялась Учредительная конференция Конгресса женщин Кольского полуострова (далее – Конгресс) [2, л. 5].

Конгресс объединял на добровольных началах женские организации и объединения, представительниц различных групп и слоев региона, отдельных граждан [2, л. 5].

Для равного представительства и участия организаций в работе Конгресса был создан коллегиальный орган управления - координационный совет, в котором каждая организация была представлена непосредственно своим руководителем.

Координационный совет собирался в Мурманске не реже одного – двух раз в месяц, рассматривал вопросы планирования и координирования работы. В состав Координационного совета входили руководители клубов и отдельных программ Конгресса.

Работа организации была организована по направлениям – программам, которые были определены выявленными проблемами. Статья «Мы идем своим путем» знакомит читателей с деятельностью женского движения:

- программа «Особый ребенок» видела свою задачу в создании новых условий для развития и социальной адаптации детей с ограниченными возможностями;
- в рамках программы «Новая экономика. Женщины и рынок труда» оказывалась поддержка начинающим предпринимательницам;
- «Новая политика», цель программы – воспитание и выдвижение способных женщин-политиков в органы власти [10, с. 3].

На страницах газет лидеры женского движения не стеснялись говорить о проблемах внутреннего роста в женских организациях. Этап становления любой организации связан с разработкой правил внутреннего взаимодействия. Руководители женских общественных объединений стремились к солидарности в определении главной цели деятельности общественных организаций: активная жизненная позиция каждой женщины, взаимоподдержка, ответственность за свою судьбу. Для того, чтобы деятельность была эффективной, сотрудничество должно строиться на равных условиях, с соблюдением норм морали и нравственности.

В 1993–1995 гг. в СМИ широко анонсировались две выставки-биржи женских инициатив «Мир женщины», которые успешно прошли при поддержке женского движения в здании областного краеведческого музея. Организаторы выставки понимали, что изменить общество быстро нельзя, но они стремились изменить общественное мнение в пользу женского предпринимательства [5, с. 2]. Помочь женщинам в трудной экономической ситуации: найти, реализовать и показать возможности женщины в сфере бизнеса, а также сформировать восприятие женщины в обществе

как деятельной, самостоятельной, активной и творческой личности [14, с. 3]. Половину выставки занимала экспозиция женщин-предпринимательниц (Боровская Н.И., Рюхтина Г.Д., Краснова В.П., Тимофеева Г.И., Сидякина Н.А. и др.).

Идея продвижения женского предпринимательства через выставку была усилена информационным сопровождением в СМИ. О каждой предпринимательнице была опубликована статья на «женской странице» региональной газеты [6, с. 3; 7, с. 3; 13, с. 3].

Таким образом, Конгресс пропагандировал принцип опоры на собственные силы: «Посмотри, если она это сделала, значит, это можешь сделать и ты».

Цикл статей посвящен «женским портретам» в бизнесе, в которых представлены истории женщин-предпринимательниц. В них героини рассказывали о трудностях, с которыми женщины сталкивались при открытии своих предприятий [9, с. 3; 11, с. 3; 12, с. 3]. Каждая история ужасала своей реалистичностью и вдохновляла силой духа, сохранением человеческого достоинства героинь.

Наибольших результатов женскому движению удалось достичь в области борьбы с насилием в отношении женщин и детей. Взаимодействие с коллегами из стран Северной Европы, ЕС и принятие Пекинской платформы в 1995 г. способствовали обсуждению проблемы насилия в отношении женщин в семье и созданию «кризисных центров для женщин» на территории Мурманской области.

В результате двух лет совместной работы 20 апреля 1997 г. при поддержке Секретариата Баренцева региона в Мурманске был открыт первый на Северо-западе России негосударственный кризисный центр для женщин «Приют». Это была кризисная служба для женщин с возможностью поселения [15, с. 140].

Благодаря регулярному обсуждению в СМИ прав женщин, проведению обучающих семинаров, тренингов, круглых столов и конференций и обмену опытом посредством ознакомительных поездок сотрудников милиции, судей, социальных работников удалось изменить отношение и подход в работе организаций, отвечающих за безопасность граждан.

В кризисных центрах женщины могли получить помощь анонимно и безвозмездно в виде психологической, юридической консультации на горячей линии и на приеме у специалиста, временного приюта и длительной социально-психологической реабилитации [8, с. 3].

Главным достижением данного направления деятельности женского движения стало то, что в социальной политике Мурманской области появились новые социальные услуги для женщин с детьми, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в частности в ситуации домашнего насилия.

В Мурманске и других городах региона появились государственные кризисные центры для женщин.

«Конгресс женщин Кольского полуострова» стал безусловным лидером женского движения, который сформировал повестку дня, востребованную обществом, а в первую очередь женщинами, подвергавшимися дискриминации.

Занять лидирующие позиции в информационном пространстве женскому движению помогли активность лидеров женского движения и взаимодействие женских организаций со СМИ.

Кроме того, отличительной чертой Регионального общественного движения были саморефлексия и стремление к формированию солидарности женщин в обществе и внутри движения, которые демонстрировались в СМИ.

Главным достижением регионального женского движения стало обсуждение проблем, которые ранее не обсуждались в обществе (насилие в семье, сексуальные домогательства, дискриминация женщин и т.д.) и отстаивание интересов и прав женщин разных социальных групп.

Список источников и литературы

1. Государственный архив мурманской области (ГАМО). Ф. 1339. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
2. ГАМО. Ф. 9. Оп. № 1. Д. 2. Л. 5.
3. *Темкина А.* Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерные тетради. Вып. первый / Науч. ред. А.А. Клецин. СПб.: СПб ИС РАН, 1997.

4. *Штылева Л.В.* Возьмемся за руки, подруги! // Советский Мурман. 14 ноября 1992 г.
5. *Штылева Л.В.* Женская инициатива – биржевой товар // Советский Мурман. 11 марта 1993 г.
6. *Штылева Л.В.* И все равно я им скажу: «Держайте!» // Мурманский вестник. 26 ноября 1993 г.
7. *Штылева Л.В.* Курочка по зернышку клюет... и мы так же! // Мурманский вестник. 26 января 1994 г.
8. *Штылева Л.В.* Кто вернет Еву в рай? // Мурманский вестник. 26 апреля 1997 г.
9. *Штылева Л.В.* Место под солнцем // Мурманский вестник. 7 декабря 1993 г.
10. *Штылева Л.В.* Мы идем своим путём // Мурманский вестник. 20 апреля 1994 г.
11. *Штылева Л.В.* На коленях перед рэкетом // Мурманский вестник. 20 апреля 1994 г.
12. *Штылева Л.В.* Не хочу торговать водкой! // Мурманский вестник. 11 февраля 1994 г.
13. *Штылева Л.В.* Радость делиться красотой // Мурманский вестник. 11 февраля 1994 г.
14. *Штылева Л.В.* «Хранительницы очага» – деловые партнерши // Мурманский вестник. 26 января 1994 г.
15. *Штылева М.В.* Кризисный центр – форпост женского движения на Кольском полуострове // Конгресс женщин Кольского полуострова / Сост. Л.В. Штылева, М.В. Штылева, С.В. Паршкова и др. Мурманск: Кн. изд-во, 2008.

Н.В. Досина

*Ярославль, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Ярославский филиал*

Потенциал согласия гендерных групп: реализация в истории и современной России

Женское движение в России начиная с XIX в. по 1917 г. представляло значительный опыт отстаивания женщинами своих интересов в обществе. Оно имело целью выход женщин из приватной сферы в публичную, отмену ограничений по признаку пола, правовое равенство полов. В результате в это время произошло при-

знание и освоение обществом ценности женского образования, а позже, в советское время, и женского труда. Но длительность борьбы женщин за права, отличавшейся сильной эмоциональной составляющей, свидетельствует о трудностях достижения в обществе согласия гендерных групп по этому поводу, об отсутствии настоящей глубины, качества осуществленных мер. Причина, по которой женщинам столь длительное время не удавалось находить согласия с мужчинами в вопросе осуществления своих интересов, становится понятной, если говорить о способности группы представить себя носителем не просто идеи практического осуществления, но и результата постижения, уяснения группой смысла и содержания интеллектуальной деятельности.

После Октябрьской революции большинство мер государственной политики в отношении женщин было направлено на смягчение или устранение гендерной асимметрии в обществе, на выравнивание статусных позиций полов. Более всего это находило отражение в политике образования населения. Уровень практического согласия во взаимодействиях гендерных групп был в этой России достаточно высоким, основанным на приверженности единой (марксистской) идеологии, на патриотических устремлениях советского народа. Но и уровень скепсиса был очень высок, невозможно было уменьшить его рациональными построениями. Согласие гендерных групп реализовывалось поэтому в формах интуитивного, хаотичного, стихийного, с одной стороны, и процессуального, организованного, с другой.

Иной, современный культурно-исторический тип общества, общественных отношений свидетельствует и о другом типе гендерных отношений, гендерного согласия. Действительно, существует признание потребности переоценки всей структуры общества и всех отношений между мужчинами и женщинами внутри него. Однако сама переоценка не имеет, к сожалению, качественной характеристики: речь в ней идет о чрезвычайно слабом, непоследовательном, неэффективном процессе удовлетворения интересов мужчин и женщин как представителей социально-демографических групп, а также их обоюдных интересов.

Стремясь вернуться в концепт европейского общества, Россия в конце 80-х годов XX в. включила в свой общественный и социологический лексикон термин «гендерные взаимодействия». Цивилизованное общество рассматривалось как альтернатива традиционному обществу и постепенно стало склоняться к употреблению все более популярных понятий «культура» и «порядок» [4, с. 58–59]. Широкий процесс формирования социальных компетенций, предпочтений на их основе стимулировал выбор тем, спорных вопросов для анализа. Все более отчетливой делается система координат социальной политики: отстаивается мнение, что внутренняя государственная политика учета интересов женской социально-демографической группы не ограничивается их описанием, а склоняется к анализу государственно-общественного политического содействия формированию новой культуры, культуры согласия гендерных групп, «культуры горизонтальности».

Анализ ситуации опирается в это время на применение принципа универсализации, которое требует признания не интеграции, а диссипации гендерных групп: каждая группа должна переноситься в само- и миропонимание других участников общественных/гендерных отношений. Если это признание будет включать в себя обоюдную критику адекватности истолкования группами ситуаций и интерпретации потребностей, можно будет выявить ядро универсализуемых интересов. Тогда культура станет особой формой жизни, связанной, как писал Г. Зиммель, с творчеством и духовностью и отличающейся динамизмом, противоречием между принципами формы и творчества, стихийным творческим стремлением к преодолению существующих социокультурных границ, но создающим новые границы [2, с. 61–79; 3, с. 234–265]. Характеризуя особые, значимые для развития общества женские и мужские качества, Зиммель подмечал, что доминирует мужская культура, что женщина вынуждена уподобляться мужчине, чтобы добиться равноправия. Какой тогда смысл равноправия для женщин, ставил вопрос Зиммель. Зачем необходимо и возможно создание именно женской объективной культуры, создания новых культурных форм, вырастающих из женских специфических

качеств и характеристик? Да затем, отвечал автор, что наблюдается отставание личной культуры по сравнению с ростом культуры вещей. Противоречие между объективной и субъективной культурой проникает в конце концов во внутреннее переживание повседневной жизни, в формы социальной жизни – господство и подчинение, соперничество, согласие, разделение труда и т.д. Требуется значительная новая информация.

В 80–90-е годы XX в. появились и развиваются далее женские общественные объединения другого типа, касающиеся строительства другого образа жизни. Мужчины, хотя бы экономически, начинают в это время бороться за то, что предлагают, поддерживают женщины, т.е. за привлекательный образ жизни, обращают внимание на культуру общественного поведения. В силу этого и требования женщин становятся более четкими, конкретными, напористыми. В октябре 2018 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Женщины в науке», представившая проблемы неравенства в оплате труда и карьерного роста, сложности в совмещении семьи и карьеры, низкой самооценки молодых женщин [1].

Но как именно это делать? От чего непосредственно зависит сегодня жизнь женщины? Обществу предлагается разная, в том числе примитивная оценка – разделить зоны влияния мужчин и женщин в обществе, поддержать традиционную форму семьи с характерной композицией типичных гендерных ролей. В этом случае, свидетельствуют документы, государству удастся существенным образом сэкономить ресурсы на социальное обеспечение и социальную защиту, поскольку эту ответственность несет на себе женщина в качестве исполнителя неоплачиваемой домашней работы.

Дается и другая характеристика согласия гендерных групп в современной России. Есть женские общественные организации, которые предлагают проект оптимизации взаимоотношений государства и семьи. В нем содержится трактовка социальной политики как особой организации экономики, которая устанавливает правила распределения экономических ресурсов между разными социальными группами людей, а также правила распределения ответственности за благополучие населения между семьей, рынком

и государством. Заметно, что по мере реформирования всех общественных отношений в стране семья либо встает на позицию социального иждивенчества, либо вообще перестает связывать свои интересы с политикой и самостоятельно, с помощью собственных усилий стремится, насколько это возможно, обеспечить себе доступ к различным социальным сервисам. В этих обстоятельствах заявляет о себе необходимость того, чтобы в реальной социальной политике находил отражение полноценный учет основных факторов развития семьи и различных социально-экономических интересов ее членов, а отсюда – учитывалась в ней мера справедливости и эффективности, принимающая во внимание взаимодополняющий, а не антагонистический характер этих факторов. Исследователи в данном случае всегда имеют дело с задачами так наз. векторной оптимизации. Так наз. оптимальность по Парето должна выступать в качестве показателя эффективности социальной политики. Гипотетически реализация этого принципа возможна при росте, когда расширяется пространство кривой производственных возможностей, увеличивая их с положения фиксированной точки оптимальности до сегмента вариантов оптимальности. Этот сегмент охватывает ситуации, при которых оптимальный результат социальной политики в контексте благосостояния достижим.

Выбор стратегий действий в женском движении иногда актуально характеризуется стилем мышления его участников, который интерпретируется как сочетание когнитивной и коммуникативной компетенций. При этом компетенции определяются через отличительные для расы, пола, возраста и социального происхождения черты, т.е. через культурный контекст.

Список источников и литературы

1. Всероссийская научно-практическая конференция «Женщины в науке – ресурс развития России» // НП «Национальный общественный комитет “Российская семья”». [nok – semya.ru](http://nok-semya.ru)
2. *Зиммель Г.* Конфликт современной культуры // Г. Зиммель. Избранные работы. Киев: Ника-Центр, 2006 (Сер. «Сдвиг парадигмы»; вып. 4).
3. *Зиммель Г.* Женская культура. Фрагмент о любви // Г. Зиммель. Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 2.

4. Хабермас Ю. Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 53–67.

О.О. Коробова, А.Д. Травникова

Иваново, Ивановский государственный университет

Цифровизация как фактор развития женского предпринимательства

Среди социально-экономических факторов развития женского предпринимательства следует выделить такой наиболее современный и прогрессивный фактор, как цифровизации экономики. Для женского бизнеса цифровая экономика предоставляет перспективные возможности, а цифровые платформы выводят женское предпринимательство на новый уровень. С помощью интернет-инноваций женщины организуют свое время в более продуктивном ключе, развиваясь при этом и получая навык работы с цифровыми технологиями, а также уделяя внимание семье [3, с. 163].

Одним из положительных моментов влияния цифровизации на женское предпринимательство является ослабление барьеров, которые препятствуют развитию женского бизнеса. Таким образом, ослабляются следующие барьеры: во-первых, барьер «отсутствие у женщин необходимого опыта работы в бизнесе» ослабляется тем, что цифровизация дает возможность любому желающему получить информацию онлайн о том, как начать дело, а также знания об основах бизнес-планирования, маркетинга, технологий продаж; во-вторых, барьер «получение средств для организации собственного дела, неравный доступ к кредитным и финансовым ресурсам» ослабляется тем, что появляются мобильные приложения, помогающие учитывать собственные расходы, дающие базовые знания об инвестировании, предлагающие информацию о различных кредитных продуктах; в-третьих, барьер «нехватка времени для занятий бизнесом из-за необходимости совмещать бизнес и семейные обязанности, воспитание детей» преодолева-

ется тем, что цифровизация создает возможность удаленной работы, фриланса, онлайн-бизнеса [1, с. 96–97].

Цифровой потенциал женщин увеличивается посредством появления новых моделей предпринимательства. Наиболее трендовой бизнес-моделью можно назвать «цифровую модель», которую женщина-предприниматель использует и начинает мыслить на языке «цифры». Используя цифровую модель, женщины становятся участниками развития и распространения цифровизации в России и приобретают навык работы с цифровыми технологиями, получая большие возможности в сфере занятости [5, с. 67]. Цифровизация экономики также оказывает влияние на уже существующие бизнес-модели, которые трансформируются с помощью информационных технологий.

С внедрением цифровых технологий в предприятия малого и среднего бизнеса возрос спрос на качество обучения и развития сотрудников. Цифровая HR-модель и HR-менеджмент выводят предприятия на новый уровень конкурентоспособности. Но для этого HR-специалистам требуется постоянно совершенствовать навыки и внедрять цифровые технологии в HR-процессы [4, стр. 151].

В настоящее время можно увидеть прогрессирующее воздействие цифровизации на предпринимательство, которое проявляется в предпринимательской активности женщин в социальных сетях. У.К. Мутаев называет данный процесс «инстаграммизацией» и трактует как «процесс цифровизации Handmade-бизнеса, когда предприниматели на определенном этапе создают аккаунт в социальной сети Instagram, который становится не просто торговой площадкой, но платформой для ведения бизнеса, включающей поиск потребителей, поставщиков и возможных партнеров» [7, с. 145]. Такой вид предпринимательства, как Handmade-предпринимательство, наиболее актуален среди женщин, которые находятся в декретных отпусках, а также среди женщин, которые хотят реализовать свои творческие способности и заработать.

Социальные сети зачастую являются стартовой платформой для женщины-предпринимателя. На начальных этапах женщины не являются официальными предпринимателями и их принято

называть самозанятыми. С расширением своего бизнеса, активной рекламой и нарастанием дохода женщина приходит к выводу об официальной регистрации свое дела, так как нуждается в стабильности и гарантиях.

Государство ведет активную политику всесторонней поддержки женского предпринимательства. Но авторское качественное исследование «Меры поддержки малого и среднего предпринимательства» 2019 г. на основе экспертной выборки показало, что политика в отношении мер поддержки со стороны органов власти оценивается большинством на среднем уровне и ниже среднего, а иногда некоторые органы власти в чем-то мешают [6, с. 41–44]. Поэтому, исследовав эту проблему и изучив литературу, на основе вышесказанного требуется перечислить необходимые меры государственной поддержки по различным направлениям женского предпринимательства в условиях цифровизации экономики.

Во-первых, стоит сказать о первоначальной мере поддержки, а именно о финансировании, которое является одним из барьеров развития женского предпринимательства. «Финансовый механизм поддержки женского предпринимательства должен включать финансовые методы и рычаги, правовое, нормативное и информационное обеспечение» [2, с.168].

Во-вторых, меры государственной поддержки необходимо направить на женское предпринимательство в области высоких технологий, например, «разработка и осуществление комплекса мероприятий по содействию в обеспечении субъектов цифрового женского предпринимательства современным оборудованием и ИТ-технологиями» [5, с. 67].

В-третьих, государству стоит задуматься о мерах поддержки женского бизнеса в социальных сетях с условием официальности. М.А. Кашина и А.Ю. Москвина предлагают такую меру, как «продвижение и пропаганда, в том числе в социальных сетях, успешных примеров женского предпринимательства, основанного на принципах солидарности, на устойчивой бизнес-модели» [1, с. 100].

В-четвертых, по мнению У.К. Мутаева, «видится перспективным включение Handmade-бизнеса в общественные и государственные программы поддержки женского предпринимательства» [7, с. 148].

Таким образом, фактор цифровизации экономики в настоящем и будущем станет ключевой движущей силой развития женского предпринимательства, а, следовательно, он нуждается в качественных и всесторонних мерах государственной поддержки. Женщины-предприниматели отлично считают цифровые тренды и стараются внести инновационные технологии в свой бизнес.

Список источников и литературы

1. *Кашина М.А., Москвина А.Ю.* Цифровизация как фактор развития женского бизнеса // Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием // Ред. О.А. Хасбулатова, Т.К. Ростовская, Е.А. Смирнов, З.Х.-М. Саралиева, И.Н. Смирнова. М.; Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 93–101.
2. *Коробова О.О.* Основные источники формирования финансовых ресурсов для развития женского предпринимательства // Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием // Ред. О.А. Хасбулатова, Т.К. Ростовская, Е.А. Смирнов, З.Х.-М. Саралиева, И.Н. Смирнова. М.; Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 167–171.
3. *Коробова О.О.* Социально-экономические факторы предпринимательской деятельности женщин // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы международной научной конференции. Москва-Иваново-Плес, 16–18 мая 2019 г. // Отв. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 161–167.
4. *Коробова О.О.* Цифровые технологии в HR-процессах // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Интеграция науки и практики как механизм развития цифровой экономики» // Под ред. В.А. Гордеева. Ярославль, 2018. С. 151–158.
5. *Коробова О.О.* Цифровая экономика: перспективы создания новых моделей женского предпринимательства // Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030): материалы всерос. конф. с междунар. участием, 20–21 апреля 2018 г. ИвГУ, г. Иваново // Отв. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 64–68.
6. *Милованова М.Ю.* Женское предпринимательство: устойчивость тренда в цифровом обществе // Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы всероссийской научной конференции с международным участием // Ред. О.А. Хасбула-

това, Т.К. Ростовская, Е.А. Смирнов, З.Х.-М. Саралиева, И.Н. Смирнова. М.; Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 39–47.

7. *Мутаев У.К.* Цифровизация (инстаграмизация) сферы handmade как расширение возможностей женского предпринимательства в современной России // Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы всероссийской научной конференции с международным участием // Ред. О.А. Хасбулатова, Т.К. Ростовская, Е.А. Смирнов, З.Х.-М. Саралиева, И.Н. Смирнова. М.; Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 145–148.

Р.И. Гафарова

Симферополь, Евразийский институт развития им. Исмоила Гаспринского

Социальный статус крымскотатарской женщины: вехи истории

В современном обществе роль женщины неуклонно возрастает в таких сферах как в экономике, политике, культуре и общественной жизни. В последнее время очень распространенным стало выражение «социальный статус».

Цель статьи – показать социальный статус крымскотатарской женщины-мусульманки, изменение его на фоне различных исторических событий.

Дело в том, что национальный менталитет крымскотатарской женщины порожден не только собственной самобытной этнокультурной базой, но и расширявшимися тысячелетиями многообразными связями и контактами с другими нациями и народностями. Это, по сути, уникальная особенность, на базе которой определено, что из синтеза материальной и духовной культур народов Востока и Запада образовалась самостоятельная культура.

Историк Г. Абдуллаева отмечает: «Многие путешественники, дипломаты и миссионеры в разные времена, посетившие Крымское ханство, обращали внимание на особое положение женщин в государстве Гираев... Восторгаясь приветливостью, гостеприимством и красотой жительниц ханства, они подчеркивали, что здесь представительницы прекрасной половины человечества зачастую являлись главным, хотя порой и невидимым, стержнем патриархальной

крымскотатарской семьи, где отношение к женщине всегда было почтительным. Более того, письменные источники сообщали, что и в Средние века, и в XVIII веке глубокое уважение к матери, жене, сестре и дочери зачастую выражалось в заботе о ее материальной самостоятельности. Другими словами, экономическое обеспечение женщины в крымскотатарском мире было не только предоставлено главой семьи, но и оберегалось законом. Безусловно, такое отношение было заслугой самих женщин» [1, с. 193–194].

Также следует отметить, что в те времена женщины прославились и как правительницы государства, в то время как во всем исламском мире не отмечены факты женской монархии, так как по шариату женщины не имеют права принимать участие в государственных делах [1, с. 188]. Потомки ханов вступали в брак с дочерьми родовитых знатных особ, воспитанных в духе крымскотатарских культурных традиций. Таким союзом Крымское ханство укрепляло свое материальное положение и соблюдало нормы правового равенства в государстве [4].

Таким образом, период Крымского ханства сформировал и утвердил социально-политический статус крымскотатарской женщины в мусульманском обществе.

Возрождение общественно-политической жизни крымских татар берет начало с появлением имени Исмаила Гаспринского, великого просветителя, реформатора всего тюркского мира.

Огромная заслуга Исмаила Гаспринского также в том, что он уделяет большое внимание положению крымскотатарской женщины в обществе. Под руководством великого просветителя повсеместно начинают работать его новометодные школы, во главе которых были не только мужчины, но и женщины.

Отдельной вехой в истории крымских татар было появление на политической арене женского движения, во главе которого стояла дочь Исмаила Гаспринского Шефика-ханым Гаспринская (1886–1975 гг.). В начале XX в. она издавала первый крымскотатарский женский журнал «Алем-и-нисван», на страницах которого поднимала проблемы женщин, объединяя их для решения проблем не только в Крыму, но и во всем мусульманском мире. В середине

апреля в Бахчисарае был проведен женский митинг, на котором избрали городской женский революционный комитет во главе с Шефикой Гаспринской, дочерью Исмаил-бея Гаспринского; в его работе участвовали представительницы Крыма: Диляра Булгакова, Ильгамия Тохтарова, Зейнеб Амирхан, Хакиме Шамседдин.

В период существования Крымской АССР выросла целая плеяда учителей из числа крымскотатарских женщин, которые показали себя подвижницами возрождения национальной культуры, развития народного образования, реформирования образа жизни: Усеинова Сабе, Аджерединова Зуледжа, Аппазова Алие, Бакшишева Зияде, Ислямова Умре, Ибраимова Зайде, Кайярова Махфуре, Кудусова Зейнеп и др. [5, с. 36, 40–47, 100, 104, 109, 115, 117, 161].

В начале XX в. в духовной жизни крымскотатарского народа наряду с процветанием образования при участии Исмаила Гаспринского и городского головы г. Бахчисарая Мустафы-мирзы Давидовича открывается крымскотатарский театр. Один из активных участников создания крымскотатарского театра Джелял Меинов писал: «После февральской революции 1917 года театральное искусство во всем Крыму начало бурно развиваться. Друг за другом организовывались театральные труппы во всех городах Крыма, было сыграно множество пьес. Приблизившиеся к равным правам с мужчинами, крымскотатарские дамы все чаще стали появляться на сцене театра, а также рядом с мужьями или братьями в зрительных залах» [6, с. 169]. Женские роли до 1914 г. играли преимущественно мужчины. Первыми крымскотатарскими девушками, которые сыграли в национальном театре в 1906 г., были Мерзие Солпудай, А. Солпудай, Ф. Ширинская, Е. Челебиева. В 1923 г. в Симферополе открывается Крымский государственный татарский театр, который собрал талантливых артисток, которые оставили неизгладимый след в сценической культуре крымских татар: Айше Пармаксызова, Айше Диттанова, Ава Клычева.

В становлении социального статуса крымскотатарской женщины большую роль сыграло их участие в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.); они сражались в партизанских отрядах против фашистов и погибли за отчизну. Это разведчица Отдель-

ной Приморской армии Алиме Абденнанова, подпольщицы Найле Велиева, Хатидже Чапчакчи, Абибе Асанова, Гульзаде Софу, Айша Абиева, Фаня Берберова и другие [3].

Начавшаяся 18 мая 1944 г. спецоперация по выселению всех крымских татар из Крыма, подготовленная и проведенная органами НКВД и НКГБ, изменила размеренный, устоявшийся уклад жизни крымских татар.

Крымские татары (основную часть выселенцев составляли женщины и дети), размещенные в товарных вагонах, направлялись в Узбекскую ССР: 151529 человек, из них: мужчин – 27 558, женщин – 55 684, детей – 68.287 [2].

В годы депортации женщины, крымские татарки, сыграли огромную роль в сохранении родного языка, традиций и обычаев своего народа. Уже в местах депортации формировалась крымскотатарская интеллигенция, которая пополняла ряды учителей, ученых, медиков и инженеров, большая часть из которых были женщины [7, 88–89].

Таким образом, в современном крымскотатарском семейном быту до сих пор сохранены важнейшие ценности крымскотатарской культуры (почитание и уважение к старшим, воспитание детей в национальных традициях), заложенные со времен Крымского ханства благодаря особым качествам крымскотатарской женщины. Но также на фоне различных исторических изменений сформировался определенный социальный статус, который продемонстрировал место и роль крымскотатарской женщины в системе социальных отношений, связанных и с совокупностью прав и обязанностей, через призму исторических изменений.

Список источников и литературы

1. *Абдулаева Г.* Золотая эпоха крымского ханства. Симферополь: Крымчупедгиз, 2012.
2. *Бекирова Г.Р.* «Вывезены все». Глава из книги «крымскотатарская проблема в СССР (1944–1991)» // Historians. 24.05.2013. <http://www.historians.in.ua/index.php/en/zabuti-zertvy-viyny/711-hulnarabekyrova-vyvezeny-vse-hlava-yz-knyhy-krymskotatarskaia-problema-v-sssr-1944-1991>

3. *Велиев А.* Муаребе аскерлери: кырымтатарлар Экинджи дюнья дженкинде: монография: в 3-х т. Симферополь, 2011. Т. 3.
4. *Возгрин В.Е.* История крымских татар: Очерки этнической истории коренного народа Крыма: монография: в 4-х т. СПб.: Нестор-История, 2013. Т. 2.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р. 20. Оп. 9. Д. 13. 164 лл. Л. 36, 40–47, 100, 104, 109, 115, 117, 161.
6. *Керимова С.* Страницы истории крымскотатарского довоенного театра и драматургии. Симферополь: Доля, 2002.
7. *Кульпин Э.С.* Крымские татары: эволюция самоидентификации // Историческая психология и социология истории. 2013. № 2. С. 86–94.

РАЗДЕЛ 3

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ ОБЩНОСТИ В МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Н.Ю. Ташлыкова

Москва, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

О советской общности в воспоминаниях Л.Е. Белозерской

Мне показалось, что, сравнивая воспоминания Л.Е. Белозерской (второй жены М.А. Булгакова), ее упоминания об отношении к традициям самого писателя, можно выделить некоторые отличия женской и мужской социальной памяти к советской общности, формирующейся в 20–30-х годах XX в. в России.

Любовь Евгеньевна Белозерская (1895–1987) рассказала в своих мемуарах об отношениях с М.А. Булгаковым с момента первой встречи до разрыва отношений, о восьми годах жизни с зимы 1924 по октябрь 1932 г. Когда она писала воспоминания, ей было уже больше 70 лет (1968–1969 гг.), затем, уже в 1983 г., она отобрала материал для публикации в сборнике воспоминаний о М.А. Булгакове [1, с. 192–237].

Любовь Евгеньевна познакомилась с Булгаковым в период развода с первым мужем. Жила она у родителей. Ее отец стал прототипом профессора Персикова. В воспоминании она подчеркивает, что ее отношения с Булгаковым поддерживала сестра писателя Надежда Афанасьевна, которая необыкновенно по-доброму к ней относилась, стремясь сохранить семью. Любовь Евгеньевна и Михаилу Афанасьевичу, детям профессоров, пришлось привыкать к «коммунальным условиям».

Она оставила подробные воспоминания о проживании в коммунальной квартире в покосившемся флигельке дома № 9 по Чистому переулку, который прозвали «голубятней». В описании квартиры встречаются слова: отсек, комнатушка, клетушка, но в

тоже время – наш первый совместный очаг. Позже было проживание в комнатах по Малому Леушинскому переулку (Кропоткинской № 30). У Любови Евгеньевны имеется четкая характеристика первоначального назначения этих комнат на антресолях как комнат для детей гостей с няньками. Она сообщает, что если гости были состоятельнее, то их дети приезжали с гувернантками. И таким детям отводили комнаты попросторнее. Есть упоминание об общей кухне как об особом месте коммунальных квартир.

С глубокой иронией она сообщает о радости переезда в целых две комнаты из прежней одной. Она утешалась, что в комнате с желтыми стенами были широкие окна, напоминавшие итальянские, и на подоконнике она поставила ящик с настурциями, про которые тотчас Булгаков сочинил стишок с любимым с детства словом «босняка». Он замечал «знаки» из прошлого.

Последним адресом совместного проживания супругов была квартира на Большой Пироговской улице, дом № 35а, но в полу-подвальном помещении. Любовь Евгеньевна подчеркнула это обстоятельство, сообщив, что покои бывших хозяев располагались на верхних этажах.

По описаниям заметно, что для нее отношения с М.А. Булгаковым были главным, а бытовые условия она готова была принимать как есть. Но совсем абстрагироваться от трудностей быта она не могла и сообщила читателям, что из дорогих вещей М.А. Булгаков подарил ей только хорошие жемчужные серьги, которые пришлось продать. Но писатель подарил «другое»: одно из ее прозвищ (Банка «Любана») было увековечено. Так зовут собаку Пилата в романе.

Отношение к смене сословной традиции мы находим в рассказах о соседках — Анне Александровне, «выбитой из колеи» пожилой даме с титулованной фамилией, воспетой Пушкиным. По-видимому, соседка пыталась хоть в чем-нибудь сохранять упраздненную сословную иерархию. Это отмечает и Любовь Евгеньевна, сообщая, что весной Анна Александровна украшала широкополую шляпу пучком фиалок, а зимой – мехом горностая. Мы узнаем, что соседка любила привлекать внимание, выкрикивая из

окна: «L'Imperatrix vovs salute» – и громко по-русски: «Императрица вам кланяется». Булгаков настороженно относился к подобным реминисценциям и просил жену «укротить» старушку.

Искренне сообщает Любовь Евгеньевна, что ей больше импонирует другая соседка, простая работающая Марья Власьева – торговка пирожками и кофе, которая умнее и сердечнее, с ее внуком любил поиграть Булгаков. Дополняло картину описания коммунального быта упоминание о милиционере с первого этажа, избивавшего жену.

Об ироничном отношении к смене традиции в костюме тех лет свидетельствуют ремарки в описании одежды друзей. Любовь Евгеньевна отметила, что на первой встрече на литературном вечере в Денежном переулке Булгаков был одет «простовато»: в черную толстовку без пояса и лакированные ботинки с ярко-желтым верхом. Она съязвила по поводу такого ансамбля, который показался ей комичным. После поняла, что Булгаков обиделся. У него было стремление выглядеть достойно. Любовь Евгеньевна считала комичной его привычку носить монокль, которая многих раздражала и вызывала подозрения как признак ниспровержения революции. Толстовку режиссера Вахтанговского театра Алексея Дмитриевича Попова она ехидно охарактеризовала мундиром тогдашних лет.

С живостью она описала эпизод о желании наборщика типографии сделать свое жилье уютным, как у них. После долгого совместного хождения по магазину обоев он выбрал рисунок с изображением цапли, держащей в клюве лягушку, объяснив свой выбор пристрастием к рыбной ловле, о которой ему напоминает вода на рисунке. Мы узнаем о точной оценке этого случая М.А. Булгаковым, продекламировавшим, что рабочий класс и интеллигенция разошлись на эстетической платформе.

Характеризуя общий тон общения с разными людьми, автор мемуаров обратила наше внимание на то, что Михаил Афанасьевич был сдержан, но не терпел обращения просто по фамилии, считая это недопустимой фамильярностью.

Проанализировав воспоминания Л.Е. Белозерской, можно отметить, что она скептически оценивает проводимые больше-

вистской властью в социальной сфере реформы, направленные на нивелирование сословных различий. В статье прослеживается сарказм в отношении людей, которые хотят стать элитой, «преображаясь» только внешне. Приведены примеры фининспекторов, торговцев, актеров, поэтов, наборщиков типографии, прислуги и др. Она иронизирует над своим эстетическим чувством, отношением к красивым интерьерам, архитектурным сооружениям. В воспоминаниях подмечено, что Михаил Афанасьевич также не испытывал иллюзий в отношении формирования «советской общности», пытаясь ей противостоять.

Список источников и литературы

1. Воспоминания о Михаиле Булгакове // Сост. Е.С. Булгакова, С.А. Лендер. М.: Советский писатель, 1988.

И.В. Богдашина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Женская домашняя работа в социальной памяти горожанок 1950–1960-х годов

Домашняя работа относится к так наз. неоплачиваемому женскому труду; это производство для нужд семьи, которое чаще всего не оплачивается (вознаграждаемым он становится лишь в том случае, если женщина, являющаяся членом семьи, делегирует его за плату кому-то приходящему) [4, с. 91]. Именно женщинам традиция патриархатного общества предписывала вести хозяйство и создавать домашний комфорт. Женщины в урон свободному времени, интересам и здоровью веками несли это бремя. Устройство домашнего быта горожанками Волгограда (Сталинграда) в условиях возрождающегося после разрушительной войны города превращалось в первостепенную потребность и назревшую необходимость. Высокоинформативные источники личного происхождения (дневники и материалы устной истории) позволяют

реконструировать данную сферу обыденного через призму женского восприятия [3, с. 241–274]. В рамках коллективного проекта РФФИ 19-09-00191, целью которого является изучение женской социальной памяти в России XVIII–XXI вв., нам удалось собрать материал, позволяющий выявить особенности женской домашней работы в нестоличном советском городе 1950–1960-х годов.

Именно с 1959 г. страна стала индустриальной, однако немногие горожане и далеко не всех регионов имели тогда собственное жилье, значительная часть населения проживала в съемных комнатах и квартирах. Появление личного жилья и его обустройство увеличивало важность индивидуального пространства и комфорта, главную роль в устройении которого играли женщины. Например, врач-хирург Зинаида Сергеевна Седельникова, как и многие другие жители города, была вынуждена проживать в коммунальной квартире на протяжении 1950–1960-х годов. Данное обстоятельство приносило массу неудобств, в частности связанных с режимом уборки, который соблюдали не все жильцы: «Занималась дома уборкой. Перетирала в чуланчике, в коридорах, кухне... сколько грязи! И никому кроме меня никогда нет дела!» [1, д. 33, л. 183]. Нечистоплотность соседней квартиры наносила ущерб всем жильцам квартиры: «Дома опять за уборку и борьбу с тараканами. До прихода соседней у нас ни таракана, ни клопа не было!» [1, д. 32, л. 29]. Проживание на протяжении не одного десятилетия в «общей квартире» не только морально, но и физически опустошало женщину: «Сколько можно жить в общей квартире с двумя еще семьями! Уже нет сил!» [4, л. 80].

Зинаида Седельникова в дневниковых записях неоднократно сетовала на нескончаемый домашний труд, отнимающий драгоценное время и силы: «Весь день в мелочах хозяйских забот. Постирала, погладила, чуточку убралась» [1, д. 18, л. 116]. Облегчение своего труда женщина видела в практике найма домработницы, которая, правда, не всегда добросовестно выполняла свои обязанности: «Дома не убрано. Варя не была, тот час взялась печь блинчики с творогом» [1, д. 30, л. 95]. Стоит отметить, что часть домашних обязанностей на себя брал и муж женщины: «ВИ умница, сидел и чистил морковь для капусты (собрались наконец солить), а утром

сам вымыл нашу комнату, перетряс ковры» [1, д. 28, л. 48].

В своих воспоминаниях женщины указывают, что домашние заботы ложились именно на них: «Основные обязанности по дому на маме и на мне, как на девочке. Хотя отец говорил, что моя обязанность учиться. Но перед приходом мамы я мыла полы, с третьего класса»; «На мне были дети, убирала, готовила, стирала. Муж работал на стройке, в семье я была главной. Я командовала мужем» [2, О.В., Л.В.]. Стоит отметить, что, успешно совмещая роль матери, работницы и хозяйки дома, женщины претендовали и на главенствующую роль в семье.

Девочек старались с раннего возраста приучить к трудовой деятельности: «Детей с детства приучали к труду. Полы мыть, посуду убирать. Подруга вообще свою дочку в трех лет заставляла перемывать всю обувь, чтобы в линейку стояла» [2, Л.В.]. Данная обязанность вменялась молодым девушкам женщинами более старшего поколения, воспитанными в патриархальном духе: «Бабушка всегда нам говорила, что девочки обязательно должны уметь шить, вышивать, готовить, печь, убирать дом и вот этому она нас пыталась научить» [2, Г.Ю.]. Бывало и так, что девушки в условиях семейной трагедии еще в юности брали на себя роль хозяйки дома: «Когда младшей нашей сестре десять лет исполнилось, у нас умерла мама, как раз в тот год, когда я закончила школу, и я осталась за старшего...» [2, Л.Д.].

В некоторых семьях домашние обязанности разделялись поровну между мужчиной и женщиной: «Разграничения обязанностей не было, кто раньше домой придет, тот и начинает либо ужин готовить, либо убирать. Я училась и приезжала поздно ночью, а муж готовил, убирал, забирал дочь с сада»; «Генералили по субботам. Папа маме помогал по дому – полы мыл, готовил» [2, Н.П., Л.В.]. Тем не менее традиционное разделение на гендерные роли во многих семьях являлось определяющим: «Отец по дому ничего не делал, зарабатывал деньги. Главой семьи был папа, мы все ему подчинялись»; «Муж не помогал по дому. Дома я убиралась» [2, О.В., И.В.]. Девочки же, в силу любви и уважения, считали своим долгом помогать старшей женщине в семье: «Мама – это

самый дорогой человек, ей обязательно нужно помогать – полы мыть, мусор выносить»; «По дому я помогала, стирала, гладила, убирала, с 1951 г. мама часто болела и я ей с сестрой помогала»; «Полы протирала, пыль вытирала. Боже упаси, если родители придут, а дома не убрано» [2, Н.В., Н.П., А.И.].

Таким образом, сфера домашнего быта в 1950–1960-е годы традиционно продолжала оставаться женской. Многие женщины, сетуя на домашний труд, отнимающий силы и время, несмотря на трудности, продолжали выполнять вменяемые им обязанности. В различных семьях обязательства четко делились между домохозяйками, а девочек с детства приучали к труду и лишь немногие мужчины соглашались брать на себя часть домашних забот. Женщины, успешно совмещающие роль работницы, матери и хозяйки дома, начинали претендовать на главенствующую роль в семье, что неизбежно вело к трансформации гендерных ролей.

Исследование выполнено в рамках плана НИР ИЭА РАН и гранта РФФИ 19-09-00191.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Коллекция документов медицинских работников. Ф. Р-6880. Оп. 6.
2. Полевые материалы автора (ПМА). Апрель 2019 г. – февраль 2020 г.; г. Волгоград (информанты: Любовь Васильевна, 1936 г.р.; Ираида Васильевна, 1937 г.р.; Нина Васильевна, 1938 г.р.; Нина Петровна, 1941 г.р.; Людмила Васильевна, 1943 г.р.; Людмила Дмитриевна, 1948 г.р.; Антонина Ивановна, 1948 г.р.; Галина Юрьевна, 1951 г.р.; Ольга Владимировна, 1953 г.р.; Любовь Валентиновна, 1956 г.р.)
3. *Пушкарева Н.Л.* «Пишите себя!» (Гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории. Человек – Память – Текст. Казань, 2001. С. 241–274.
4. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002.

Н.Л. Пушкарева

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

**Повседневный быт конца 1950-х – 1960-х годов
в социальной памяти женщин-ученых
новосибирского Академгородка**

История Академгородка под Новосибирском началась в 1957 г. с постановления Бюро ЦК КПСС о создании Сибирского отделения АН СССР и строительства научных учреждений в 25 км от Новосибирска, причем сразу с благоустроенным жильем для сотрудников в сосновом бору на берегу Обского водохранилища. О том, какой путь прошла сибирская наука за прошедшие с тех пор 65 лет, написаны многочисленные исследования. Но «женский голос» мемуаристов в них почти неслышим. Даже первая публикация о женских именах сибирской науки – это исследование научного творчества и организации научных школ, отчасти – пересказ судеб ученых, но в них совсем не затронута женская обыденность и научный быт [2].

Вот почему эвристически ценно обратиться к *женской социальной памяти* об истории создания того уникального локуса междисциплинарного общения, каким был Академгородок. Воспоминаний женщин численно несопоставимо меньше, чем воспоминаний мужских, со всеми типичными для мужских текстов чертами – меньшим вниманием к истории повседневно-бытового, с желанием пересказывать скорее события истории науки, нежели личностные переживания. Но женские мемуары есть, и они ценны тем, что содержат повседневную рефлекссию и переживания, связанные с бытовыми практиками.

Первые жилые пространства для ученых технических и естественно-научных специальностей вырастали одновременно с закладкой зданий для НИИ начиная с лета 1958 г. Это были первые 6 домиков для ученых и избушка для семьи М.А. Лаврентьева, в которой жена академика подушками закрывала от метели окна... Не-

которые из ученых, формулируя отказ от предложения переехать из Москвы в Сибирь, ссылались на жен: *«Я-то согласен, но вот моя жена – ни в какую!»*. Насильно никого не отправляли, но на подобные отказы были готовые ответы: *«В Сибири много прекрасных женщин, и они смогут вам заменить несговорчивую супругу!»*.

Из прибывших в конце 1950-х по объявленному для людей науки призыву более 60% составлял неорганизованный поток мужчин; 14,5% – «прибывшие по семейным обстоятельствам» (после развода, по необходимости разъехаться со старшим поколением и т.п.), 8,5% – молодые специалисты по заранее объявленным направлениям, 9,3% – прибывшая на учебу молодежь, привлеченная «духом авантюризма и холодком неизвестности» [4].

Строящийся с 1957 г. поселок стал поначалу локусом смешения социальных страт, совместного проживания молодых научных работников и строительных рабочих «Сибкадемстроя», созданных по комсомольскому набору. Приехавшие весной и осенью 1958 г. поселялись в палатках, зиму с 1959 на 1960 г. им пришлось провести в деревянных бараках и щитовых домиках, поставленных прямо в лесу или на берегу Обского моря *«Снегу было так много, что иногда поутру невозможно было открыть входные двери. Их все-таки открывали, и мужчины, а иногда и женщины, разгребали снег на дорожках, ведущих к дровам, к куче угля, к столовой, к производственным помещениям, и чистили дорогу, ведущую в строящийся городок...»*.

Даже примерную численность женщин в Городке в момент его создания подсчитать сложно. На сохранившихся фотоснимках женщин среди строителей немало, и они одеты в простую одежду, не похожую на одежду женщин из среды интеллигенции: все они в косынках, платках, в отличие от представительниц семей ученых – те на снимках со стрижками, с непокрытой головой [1]. Кого-то из жен, отправившихся вслед за мужьями, другим женщинам, уже переехавшим, приходилось уговаривать. *«Я должна была убедить их, что в Новосибирске у них будет интересная жизнь...»*, – признавалась одна из первых женщин-академиков, математик П.Я. Кочина [3].

Магазинов в растущем городке не было, снабжение осуществлялось через систему совместных заказов на всех, организацию таких закупок брали на себя приехавшие из столиц со своими мужьями-учеными жены. Им же приходилось продумывать последовательность использования бани, пока все приехавшие жили в полупоходных условиях и «воду ведрами таскали из Зырянки и печи топили собственноручно заготовленными дровами». Еще одной сложностью оказалось отсутствие роддома, ясель и детских садов. *«Семейные сотрудники институтов, не понимали, что им делать. Как работать, как жить. У подавляющего большинства не было бабушек, и детей не на кого было оставить»*, потому неудивительно, что «первый неофициальный детский сад» устроили сами жены ученых под руководством первой леди Академгородка, В.Е. Лаврентьевой.

Вспоминая позже то непростое время, «сибирские академики» (как их позже называли жители Академгородка) полагали, что их пространство повседневности было пространством свободы: *«мы жили на свободе; свобода творчества и свобода жизни – это все взаимосвязано»*. На пустыре между строящимися и жилыми домами была открытая сцена-площадка, на которой не только в вечернее, но и в обеденное время можно было увидеть танцующих: «строители Академгородка приносили патефон, ставили пластинки и приглашали девушек танцевать – отказов не было». По советской традиции корпоративности научных учреждений, жены ученых сами были научными сотрудницами или выполняли какую-либо близкую к научной сфере работу в административном аппарате институтов, *«каждая имела какую-нибудь специальность»* (хотя и *«не все сумели найти на новом месте подходящее для себя занятие, одни сделали только женами»*).

Если следовать известному уже полвека определению сути нашей науки, данному М.О. Косвеню («этнография – это наука о мелочах») [5], то проведенный анализ истории эволюции пространства повседневной жизни с точки зрения женского восприятия и женского типа меморизации имеет познавательное значение. Ныне лучше можно понять *бытовой контекст* складывания того уникального

феномена в истории отечественной науки, каким был новосибирский Академгородок в период политической оттепели и ранней стагнации – «это была «форма жизни». Корпоративная научная среда, взаимопомощь и тесные дружеские связи интеллектуальной элиты позволили сформировать особый тип культуры повседневности, в которой любые ограничения для женщин могли быть продиктованы не столько гендерными установками, сколько собственными желаниями, амбициями, способностями и внутрисемейными правилами. История Академгородка доказала, что ученые там имели высокий социальный статус и определенный набор привилегий (поездки за границу, спецснабжение, благоприятные жилищные условия, карьерные преимущества для детей). Они зачастую ставили в зависимость жен ученых от их мужей, диктуя условия сохранения брака и становясь тормозом в карьере (не получать ученой степени или звания раньше мужа, не переходить дорогу супругу). В совокупности с общими советскими семейными установками, предполагавшими выполнение именно женщинами домашней работы [6], это было причиной того, что руководящие должности, известность и признание получали почти исключительно мужчины-ученые, а их жены были для них поддержкой и опорой.

Подготовлено по гранту РФФИ 19-09-00191, Программе НИР ИЭА РАН, Программе РАН «Этнокультурное разнообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности».

Список источников и литературы

1. Володарская Е.А., Разина Т.В. Образ женщины-ученого в изобразительном искусстве СССР как отражение гендерного неравенства в науке // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 1. С. 125–127.
2. Запороженко Г.М., Шелегина О.Н. «Сибирские академины»: женщины-ученые, вошедшие в историю Сибирского отделения Российской Академии наук // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). С. 237–250.
3. Кочина П.Я. Воспоминания. М.: Наука, 1974.
4. Марчук О.Н. Сибирский феномен. Академгородок в первые двадцать лет. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997.
5. Чеснов Я.В. Этнологическое мышление и полевая работа // Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 6–9.

6. *Schlögel K.* Das sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt. München, 2017.

А.В. Жидченко

Лоуренс (США), Университет Канзаса

Энтузиазм жителей города Омска 1950–60-х годов в социальной памяти горожанок

Период хрущевской оттепели в советской истории был отмечен социальными изменениями, которые позволили гражданам с новыми силами включиться в выполнение планов очередных пятилеток, осуществлению быстрых темпов строительства жилья и промышленных предприятий в городах СССР. В это время советские граждане с энтузиазмом осуществляли прорывные проекты, поскольку заданная планка о строительстве коммунизма в 20 лет, обещания роста социального обеспечения и другие перспективы, в эти годы еще позволяли большей части населения доверять партийной верхушке и принимать деятельное участие в преобразованиях как на местном уровне, так и на уровне всей страны.

В предлагаемой работе мы обратимся к воспоминаниям женщин об одном из локальных исторических фактов – озеленении и благоустройстве сибирского города Омска в 1950–60-е годы силами самих жителей в условиях социалистического соревнования с Ленинградом за звание «города-сада». Данное исследование проведено на стыке новой локальной истории, устной истории, истории повседневности и гендерного подхода.

В центре нашего внимания не просто аспект повседневности, а один из наиболее ярких эпизодов хрущевской оттепели – «социалистическое соревнование», которое, с одной стороны, было идеологически заданным сверху, а с другой стороны, в него в той или иной степени было вовлечено практически все население, проявлявшее разное отношение – от энтузиазма до безразличия.

В целом, судя по воспоминаниям, новость о всеобщем для омичей выходе на озеленительные работы горожане восприняли с эн-

тузиазмом. «Конечно, это же наш город, и мы делали это для нас и для наших детей...» [2]. Однако некоторых пугали сверхурочные неоплачиваемые работы. Для них находились причины, чтобы не участвовать в общем движении. «Были тунеядцы, которым лишь бы выпить. Их даже не уговаривал никто идти на субботники...» [1].

Стоит отметить, что многие из работ по созданию новых зеленых массивов в городе были начаты несколькими годами ранее, когда было опубликовано обращение ЦК ВЛКСМ 1956 г. ко всей советской молодежи – выступить в поход за озеленение городов и сел. В городе, где население составляло 600 тыс. чел, на каждого жителя приходилось 70 кв. м. зеленых насаждений [4].

Старожилы разных возрастов вспоминали об общей идее озеленения, захватившей всех омичей летом 1959 г. Спустя несколько десятилетий никто не давал отрицательной оценке тому, что участие в работах по озеленению и благоустройству города становилось обязательным. Каждая омская средняя школа получала свою определенную улицу, которую должна была очистить от мусора и высадить здесь деревья и кустарники. В свою очередь, территория самой улицы делилась на отрезки, каждый из которых давался на содержание в чистоте и порядке под ответственность соответствующему классу.

Аналогично распределялась территория города среди учреждений, организаций и предприятий. На озеленительные работы выходили по очереди целые бригады. Весь последующий советский период в истории города практика участия работников в субботниках и средниках сохранилась. «С отдела один человек ежедневно выходил на озеленение все лето. Пыльные, грязные заканчивали. Сразу потом отпускали домой...» [3].

В промышленном городе, где каждый крупный завод имел собственный жилой район для своих работников, жители чаще всего благоустроивали именно ту территорию, где сами и жили. Например, работники омского нефтезавода озеленяли в основном тот район, в котором сами и проживали – Городок Нефтяников. Бригады коммунистического труда ставили цель благоустроить вверенный им участок лучше всех, чтобы подтвердить свое знание.

Дополнительным стимулом для омичей участвовать в соцсоревновании становилась неблагоприятная экологическая обстановка. Поскольку город был ориентирован на нефтехимическую промышленность, организаторы озеленительных работ на местах (общественники, партийные и комсомольские секретари) использовали аргументы в пользу того, что посадка новых деревьев важна для здоровья самих жителей и их семей.

Анализ воспоминаний женщин-старожилов города Омска показал, что несмотря на отдельные случаи нежелания горожан участвовать в социалистическом соревновании, в городе в целом была атмосфера энтузиазма и всеобщего участия. Этот аргумент, с одной стороны, характеризует общую атмосферу творческого подъема периода «Хрущевской оттепели», а с другой – эксплуатацию энтузиазма органами власти для достижения поставленных целей (в отличие от предыдущих периодов в истории СССР, когда действовали нормы принуждения, и от последующих периодов, когда этот энтузиазм начал снижаться).

Подготовлено по плану НИР ИЭА РАН и в рамках проекта РФФИ 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18–21 век)».

Список источников и литературы

1. Воспоминания Г.Ф. Гусевой, 1935 г.р., записаны автором 12.10.2008 г.
2. Воспоминания Л.Е. Артамоновой, 1939 г.р., записаны автором 17.10.2008 г.
3. Воспоминания Н.Н. Сливиной, 1951 г.р., записаны автором 11.11.2009 г.
4. *Малунцев А.М.* Хорошеет Омск // Пусть хорошеют наши города: соревнование Ленинград-Омск по благоустройству городов. Л.: Лениздат, 1960. С. 52–53.
5. *Пушкарёва Н.Л.* Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 1. С. 3–11.

А.И. Ермолова*Томск, Томский государственный университет***Гендерное измерение городской детской повседневности
1960–1980-х годов (на материалах г. Томска)**

Изучение повседневной жизни советского человека становится одним из актуальных направлений в исторических, антропологических и социологических исследованиях. Все чаще объектом изучения выбираются дети. Школа и школьная жизнь [1], детство в экстремальных условиях [5], детское пространство [11] – вот лишь небольшой перечень тем, к которым обращаются ученые.

Общим теоретическим основанием для рассмотрения детской повседневности в рамках нашей темы может служить социально-конструктивистский подход (А. Шютц, П. Бергер, Т. Лукман, И. Гоффман, Г. Гарфинкель) [12, 2, 4, 3], в логике которого детство – это не биологически обусловленный возрастной период, а социально-исторический феномен, на трансформацию и содержание которого оказывает влияние государство, общественные институты, сами люди и их идентичности (этническая, профессиональная, гендерная и т.д.).

Нас будет интересовать определенная проблематика, сформулируем ее в виде вопросов: оказывает ли влияние гендер на повседневные детские практики? Отличаются ли они у мальчиков и девочек? В чем заключаются эти отличия? Особенно интересным кажется рассмотрение данных вопросов в переходные и динамичные исторические периоды, поэтому мы обращаемся к опыту 1960–1980-х годов. Выбранный хронологический этап можно охарактеризовать как время политических, общественных и социокультурных трансформаций: конец «хрущевской оттепели», во время которой была принята Третья программа КПСС, продолжающая традиционные идеи о счастливом советском детстве и о ребенке как о «новом человеке», которому предстояло жить и строить общество будущего, приход к власти Л.И. Брежнева, правление которого из светлых надежд о строительстве коммунизма трансформируется в «брежневский» застой.

В качестве конкретного кейса можно привести пример повседневных практик детей в советском Томске. В основе данного исследования лежат материалы биографических интервью о своем детстве, собранных автором среди томичей, рожденных в промежутке 1950–1970-х годов. Всего состоялось 31 интервью, учитывалось соблюдение гендерного баланса респондентов, в выборку вошли и мужчины, и женщины: 14 мужчин и 17 женщин. Кроме того, в качестве дополнительных источников автор обращался к данным областного архива, местной периодике – газетам «Красное знамя» и «Молодой Ленинец». Для описания специфичных детских практик юных томичей сквозь призму гендерных различий нами было выделено несколько составляющих их повседневной жизни.

Учеба и школьная жизнь. Одной из важных составляющих учебного процесса в школе было трудовое воспитание, закрепленное в таких формах, как практики самообслуживания (поддержание чистоты в классах, субботники и т.д.), производственные практики на заводах, особенно популярные в начале 60-х в 70-е годы, институализировались в форме учебно-производственных комбинатов (УПК). Гендерный компонент присутствовал в распределении обучающихся по специальностям. Девочки, как правило, обучались на швей и секретарей, а молодые люди – на автомехаников, столяров и токарей. Респондент Инесса вспоминает: *«Один день в неделю мы должны были заниматься там швейным делом. И после того как мы 2 года туда отходили, учась в старших классах, мы получили корочки швей-мотористок 6 разряда. Нас учили шить именно на электрических машинках: пришивать пуговицы, оверложивать петли. То есть был 1 день недели, который мы посвящали общественно полезному труду, учебно-производственному комбинату. А мальчики ходили куда-то в авторемонтную мастерскую»* [8].

Важным компонентом повседневной жизни ребенка в советском Томске было посещение учреждений *дополнительного образования*: музыкальные, художественные и спортивные школы, дворец пионеров, детские клубы в жилых микрорайонах города. Выбор направления для занятий часто различался по гендерному признаку: мальчики в первую очередь выбирали спортивные секции, де-

вочки предпочитали эстетическое и творческое развитие. *«У меня было трудное детство, я ходила в музыкальную школу пять дней в неделю, обучалась игре на фортепиано»* [11]. *«Посещал стандартный для мальчика набор кружков: футбол и самбо»* [7].

Кроме учебы в школе и посещения внешкольных учреждений, обязательным в череде повседневных практик был *детский досуг*. Пространство двора стало основным местом для его реализации; материалы интервью позволили выявить интересную информацию о существовании так наз. *дворовой сегрегации* среди компаний мальчиков.

«Мы, допустим, жили на Короленко улице, а были ребята с 350-летия... Не всегда мирно было у нас между собой. И во дворе гуляли толпой ребятнишек и даже в магазин ходили толпой тоже, а иначе пройти так нельзя было. Один пойдешь – обязательно получишь. Не наш район... Вот наш район – здесь мы, а там не наш, можно нарваться на неприятности» [6].

Детские игры – еще один способ проведения свободного времени во дворе. Девочки предпочитали ролевые игры (дочки/матери, игра в магазин, библиотеку) или игры творческого содержания, мальчики предпочитали спортивные или военизированные игры, также были распространены и азартные игры, например, «чика», когда нужно при помощи биты выбить монетки.

«Во дворе ставили спектакли, у нас была девочка постарше, Люба, она нами и руководила, приглашали родителей на премьеру, выносили для этого стулья, рассаживали их во двор» [9].

Что касается выбора книг и журналов для чтения, то в целом большинство респондентов говорили о том, что читали журналы «Мурзилка», «Веселые картинки», «Костер». К гендерно маркируемым изданиям можно отнести «Юный Техник», «Технику молодежи», «Искатель» – журнал, где в основном публиковались детективные, военно-патриотические произведения, а также заметки научно-популярного характера. Все эти журналы предпочитали читать и выписывать только мальчики.

Отдельного упоминания заслуживает *материальная культура детства*: одежда, игрушки. Предпочтения в игрушках зави-

сели от пола ребенка. Девочки любили кукол и пупсов, пластмассовых и бумажных. *«Я очень любила дома играть в куклы. Все же девчонки любят играть в куклы. Раньше были такие модели кукол, на них надо было одежду одевать бумажную, вырезать там надо было все. Это было любимое занятие. Куклам платья шила, вязала для них»* [10]. Количество игрушек у мальчиков было гораздо скромнее, многие из них делались самостоятельно: пистолеты, лук и стрелы, рогатки, кораблики. *«Автоматы, ружья – вот это все, я с малых лет сам делаю игрушки, те мои были игрушки были, что сам сделал»* [6].

Одежда детей в заявленный период была очень простой, девочки носили платья и юбочки, мальчики штаны и футболки, большую часть времени при этом дети проводили в школьной форме, которая также имела гендерные отличия: у девочек – коричневое платье и фартук, у мальчиков – синие курточка и брюки.

В целом детскую повседневность в советском Томске можно охарактеризовать как разнообразную. Жизненный мир детей не ограничивался только рамками учебы и школы; посещение спортивных секций, музыкальных и художественных школ, игры во дворе – вот лишь небольшой перечень возможного детского времяпровождения. Проведенное исследование иллюстрирует, что многие из повседневных детских практик носили гендерно окрашенный характер, это позволяет говорить о существовании отдельной культуры повседневности для мальчиков и девочек.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90023.

Список источников и литературы

1. Антропология советской школы: культурные универсалии и провинциальные практики: сборник статей / Ред и сост. С.Г. Леонтьева, К.А. Маслинский, М.В. Ромашова. Пермь. Пермский государственный университет, 2010.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.
3. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.

4. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003.
5. *Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / Под ред. М.А Рыбалова, Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина.* Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015.
6. Полевые материалы автора (ПМА). Респондент: Александр Иванович, 1954 г.р.
7. ПМА. Респондент: Владимир Сергеевич, 1968 г.р.
8. ПМА. Респондент: Инесса Эрвиновна, 1973 г.р.
9. ПМА. Респондент: Марина Анатольевна, 1967 г.р.
10. ПМА. Респондент: Марина Ивановна, 1965 г.р.
11. ПМА. Респондент: Светлана Николаевна, 1961 г.р.
12. *Ханипова И.И.* Детское пространство провинциального города: приобщение к культуре. 1920–1930 годы (по материалам Татарской АССР) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Серия: Отечественная история. 2017. № 1 (50). С. 52–60.
13. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

А.А. Сальникова

Казань,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

**Советские гендерные стереотипы в детской одежде
рубежа 1980-х – 1990-х годов
на страницах татарского букваря «Алифба»**

Одним из важнейших средств гендерной идентификации является, как известно, одежда ребенка. В советской детской одежде существовали четко определенные гендерные стереотипы, которые складывались на протяжении десятилетий, окончательно оформились к 1960-м годам, а затем стали медленно размываться, не утратив, впрочем, своих базовых составляющих вплоть до рубежа 1980-х –

1990-х годов. Властные представления о гендерной норме / ненорме в одежде советских мальчиков и девочек нашли свое яркое отражение в школьных учебниках и, в частности, в букварях с их богатым визуальным рядом и особой ролью в закреплении гендерной самоидентификации у детей младшего школьного возраста.

В национальных регионах страны советский дискурс разбавлялся этнонациональным компонентом. На примере визуальных и вербальных текстов татарского национального букваря «Алифба» можно проследить, как на исходе советского строя соотносились в одежде детей и взрослых, в кукольной одежде элементы «советского» и «национального», маркирующие «женское» и «мужское», и как в ранний постсоветский период происходил пересмотр стандартных представлений об одежде, соответствующей традиционным гендерным ролям. Процесс этот шел крайне медленно, что свидетельствовало об устойчивости сложившихся гендерных стереотипов в общественном сознании, а, следовательно, и в социальной практике. Ограничения и запреты на присутствие в букваре «чужой», «чуждой» одежды как системы символов и знаков «чужой», «чуждой», несветской жизни, «тлетворного» западного влияния постепенно сходили на нет, открывая, с одной стороны, дорогу для широкого использования в иллюстрациях одежды unisex, а, с другой, национальной татарской одежды или ее атрибутов, также означающих «постсоветскость» в условиях обновленного политического пространства.

Е.П. Федотова

*Саратов,
ГАУ ДПО «Саратовский областной
институт развития образования»*

Советский гендерный порядок и концепция общественного воспитания

Создание «нового» советского гендера («новых» отношений между полами) происходило в рамках семейной политики и вовлечения женщины в общественное производство и политическую

жизнь через государственное регулирование семьи, формирование и изменение официальных дискурсов, интерпретирующих женственность и мужественность.

Отечественные исследователи определяют гендерный порядок советского общества как «задающий возможности и барьеры для действий людей» [1, с. 436], суть его заключается в том, что основным агентом формирования и контроля гендерных отношений являлось государство, а сама модель выглядела как треугольник, в котором государство занимало доминирующую позицию, задавая и утверждая при этом гендерную норму.

Так, например, в книге «Социология в СССР» необходимость вмешательства государства в жизнь семьи обосновывается так: «недопустимо предоставлять самотеку интимные процессы в семье, связанные, прежде всего, с руководством семейным коллективом. Полное овладение этими процессами и направление их в желательную сторону возможны только на основе усиления воспитательной работы с каждой семьей» [7, с. 178]. Советский гендерный проект предполагал вмешательство государства в частную жизнь граждан с целью контроля решения семейных вопросов.

Советская гендерная система «распределяла» обязанности членов семей в зависимости от их пола, определив тем самым два варианта гендерного контракта. В обязанности женщин входило участие в профессиональной деятельности, воспроизводство новых советских граждан, выполнение заботы о детях и неоплачиваемой домашней работы. Взамен они получали «защиту» от государства как матери и независимость благодаря доступу к оплачиваемому труду. Женский гендерный контракт – это «работающая мать» [10, с. 251].: совмещение профессиональных и семейных, материнских обязанностей, которые вменялись советской женщине государством [5, с. 291]. Мужской вариант контракта – «строитель коммунизма», который предполагал исключительно выполнение долга перед страной и практически не учитывал семейных обязанностей мужчины [9, с. 142]. Отметим, что на протяжении всей советской истории женский гендерный контракт практически не претерпел содержательных изменений, однако в зависимости от этапа разви-

тия общества и приоритетных задач, которые ставило перед собой государство, акцент делался то на работе, то на материнстве, учитывая тем не менее эту двойственность предписаний.

По мысли советских идеологов, новая коммунистическая семья должна в корне отличаться от семьи традиционной, ее хозяйственно-экономические функции в большей степени отомрут благодаря обобществлению быта; так, например, питание будут обеспечивать общественные фабрики-кухни, столовые при жилых блоках, закусовые; одежду будут выдавать или продавать на общественных складах и в магазинах. Отпадут также и культурно-воспитательные функции, поскольку уход за детьми и их воспитание станет общественным делом, ответственность за которое возьмет на себя государство [6, с. 251]. Вот как описывает коммунистическую семью А.М. Коллонтай, одна из идеологов советских семейных отношений: традиционная семья «перестанет быть нужной. На месте прежней семьи вырастет новая форма общения между мужчиной и женщиной – товарищеский и сердечный союз двух свободных и самостоятельно-зарабатывающих, равноправных членов коммунистического общества» [2, с. 12]. Как мы видим, традиционные распределение семейных ролей было серьезно пересмотрено. Словом, в идеологическом дискурсе в качестве нормативной утверждалась семья, состоящая из двух работающих супругов, заботу о детях которых полностью или частично осуществляло государство.

Общественное воспитание рассматривалось как важный инструмент построения нового общества, воспитания подрастающего поколения. Главный аргумент в пользу приоритета такой системы воспитания над семейной заключался в том, что новый коммунистический человек может быть создан «не путем семейного, а путем общественного воспитания детей» [7, с. 26]. Политическая линия партии в этом вопросе предусматривала государственную и общественную заботу о матери и ребенке, создание детских учреждений, отвечающих запросам трудящейся женщины, обеспечение системы коммунистического воспитания в дошкольных и школьных учреждениях [Цит. по: 8, с. 83], поскольку традиционная семья

рассматривалась как менее компетентная и транслировала буржуазные ценности, которые шли вразрез с идеологической установкой. Задача учреждений общественного воспитания заключалась в том, чтобы «способствовать переустройству старой семьи, установлению единых задач общественного и семейного воспитания» [4, с. 75]. Таким образом, идеологическая гегемония государства в области гендерных отношений касалась не только супружеских, но и детско-родительских отношений» [5, с. 33].

В идеале предполагалось, что практически все дети сразу после рождения будут переданы в государственные учреждения: ясли, детский сад, затем школа-интернат, где о них будут заботиться профессиональные воспитатели и учителя. При таком разделении социальной заботы важно то, что государство будет определять содержание и контролировать процесс воспитания, и соответственно все расходы на содержание ребенка тоже несет государство. Конечно, этот идеологический проект не был реализован на практике в полной мере. Однако можно говорить о том, что действия государства были направлены на то, чтобы развить саму концепцию общественного воспитания, разработав ее содержание и методы, создать соответствующую инфраструктуру, которая охватила бы практически всех детей.

Противоречащие друг другу действия государства в сфере семейных отношений создавали предпосылки для превращения декларируемой политики гендерного равенства в «войну полов». В отношении каждой гендерной категории граждан государство проводило особую политику, вменяя им различные обязанности и наделяя разными правами. Асимметричность предписаний создавала условия для того, чтобы представители обоих полов выработали институционально поддерживаемые способы злоупотребления своими правами и манипулирования друг другом в семейных отношениях.

Список источников и литературы

1. Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная

- история / Под. ред. Н.Л. Пушкаревой. М.: Росспэн, 2003. С. 436–463.
2. Коллонтай А. Семья и коммунистическое государство. Екатеринбург; Харьков: Всеукраинское государственное издательство, 1922.
3. Курганов И. Семья в СССР. 1917–1967. Нью-Йорк, 1967.
4. Народное образование в СССР. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1957.
5. Пфау-Эффингер Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // Социс. 2000. № 11. С. 24–35.
6. Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 169–200.
7. Хасбулатова О. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Ивановск. гос. ун-т, 2005.
8. Чернова Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138–168.
9. Ashwin S. Introduction: Gender, State, and Society in Soviet and Post-Soviet Russia // Gender, State, and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. L.: Routledge, 2000. P. 1–29.

Т.Ю. Шманкевич

Санкт-Петербург, Социологический институт ФНИСЦ РАН

О значимости женских нарративов.

Воспоминания ленинградок о времени перестройки

В преддверии 30-летней годовщины окончания перестройки своевременно обратиться к вопросу, как этот общественно-политический период запечатлелся в частных биографиях бывших советских людей, каким образом предопределил их последующую жизнь. 30 лет – отрезок, когда память о перестроечном времени еще достаточно крепка. С другой стороны, дистанция в 30 лет задает оптику, позволяющую взглянуть на данный период из фокуса приобретенного жизненного опыта: не только реконструировать свои собственные надежды и страхи, вызванные происходящими в стране событиями, но и осмыслить прошедшее в качестве

спускового механизма, запустившего последующие перемены, в том числе – личные потери и приобретения.

Поскольку накопленный значительный массив воспоминаний о перестройке представлен преимущественно: а) мужскими воспоминаниями; б) нарративами активных участников политических событий этого периода, – при разработке данного проекта выбор был сделан в пользу гендерно-чувствительного и индивидуально-центрированного подхода (запись женских интервью с акцентом не на общественно-политических событиях, а на частной жизни информанток).

Идея записать интервью о перестройке именно с петербурженками (бывшими ленинградками) выросла из желания продолжить проект 2008 г. «Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991», в рамках которого были взяты интервью с представителями разных общественно-политических группировок Ленинграда (всего 68 интервью, из них большинство мужские) [3]. В 2017 г. было принято решение дополнить архив воспоминаний о перестройке в Ленинграде женскими интервью.

Первоначально новый проект был нацелен на продолжение традиции исследований гендерного измерения политики и проблем женского политического участия [1]. Предполагалась, как и в 2008 г., записывать интервью исключительно с активными участницами политических событий 1985–1991 гг. При этом важно было не только выявить мотивы, побудившие женщин к активному участию в политической жизни города, но и записать рассказы об их повседневной жизни в перестроечном Ленинграде. Именно из таких рассказов формировался континуум воспоминаний, позволяющий реконструировать надежды и страхи ленинградонок, вызванные происходящими в перестройку общественно-политическими и социально-экономическими событиями; проанализировать последующие перемены в индивидуальных женских судьбах. В итоге акцент с «политического участия» был перенесен на описание собственных историй информанток, что значительно расширило возможности реконструкции перестроечной повседневности, поставив в центр исследовательского внимания не общественно-политическое событие, а жизнь отдельного человека.

Чтобы прийти к более полной палитре женских нарративов, при выборе информанток организаторы отказались от обязательного критерия «активное участие в общественно-политической жизни города». Если собеседница изначально не была известна своей активной позицией, при общении с ней намеренно не упоминалось само слово «перестройка», вместо этого предлагалось вспомнить свою собственную жизнь в 1980-е годы. К конструкту «перестройка» интервьюер в обязательном порядке обращался лишь в конце интервью, задавая вопрос о нынешнем отношении информанток к изучаемому периоду. Такой подход позволяет понять, чем запомнилось время перестройки, а что ушло из памяти; что в своих воспоминаниях об этих годах актуализируют представительницы разных поколений, разных профессий. С возможностью проследить, когда и в связи с чем в нарративах возникает тема перестройки (если вообще возникает), исследователь получает основание для аргументированных суждений о том, насколько перестроечная проблематика актуальна для женских воспоминаний о второй половине 80-х годов XX в.

Тема анонсируемого исследования напрямую связана с исторической памятью, с тем, каким образом общественно-политические события реконструируются в частных воспоминаниях. Цель проекта – проанализировать, 1) как период перестройки запечатлелся в частных женских биографиях; 2) каким образом он предопределил последующую жизнь информанток.

На первом этапе проекта (2017–2018 гг.) решалась задача создания видеоархива женских воспоминаний о Ленинграде времени перестройки. При поддержке Фонда им. Г. Бёлля за период с августа по декабрь 2017 г. было записано 19 неформализованных биографических интервью. В начале 2018 г. видеозаписи и транскрипты взятых интервью были размещены на сайте *cogita.ru* под оглавлением «Женщины в Перестройке» [2]. Временные ограничения не позволили на тот момент записать все запланированные интервью, но главный минус – богатейший собранный материал остался без должного аналитического осмысления.

С 2020 г. можно говорить о начале аналитического этапа, в рамках которого решается комплекс задач: 1) создание типологии собранных женских нарративов в зависимости от сюжетной линии (кто и о чем вспоминает; когда и в связи с чем в воспоминаниях возникает сюжет перестройки). 2) систематизация основных страхов и надежд, связанных с перестройкой; 4) схематизация женских биографических сценариев, сложившихся под влиянием общественно-политических и социально-экономических событий перестройки; 5) интерпретация полученных конструкторов, исходя из критерия «личные потери – приобретения».

Проект относится к качественным социологическим исследованиям. Здесь нет понятия репрезентативной выборки опроса, в отличие от количественных исследований, где полученные статистические данные подкрепляются формулами, насколько полно обследуемая генеральная совокупность отражает особенности изучаемого объекта. В качественном исследовании существует понятие типологического насыщения, то есть в идеале мы до тех пор продолжаем общение с нашими информантками, пока получение новой информации не перестанет добавлять принципиально новых смыслов к уже собранному корпусу знания. Поэтому, хотя главная задача нового этапа – перейти к осмыслению уже собранного материала, предполагается продолжить пополнение архива.

Список источников и литературы

1. Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. научных статей / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной СПб.: ЦНСИ, 1996. Вып. 4.
2. *Косинова Т., Шманкевич Т.* О проекте «Женщины в Перестройке» // Cogita.ru. 30.01.2018. <http://www.cogita.ru/restructuring/intervyu/zhenschiny-v-perestroike/o-proekte-zhenschiny-v-perestroike>
3. *Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991: Сб. материалов / Сост. О.Н. Ансберг, А.Д. Марголис. СПб.: «Серебряный век», 2009.*

И.А. Мальцева

Казань, Казанский федеральный университет

**Феномен советской ностальгии
в мужской и женской социальной памяти**

Актуализация недавнего советского прошлого в коллективной памяти постсоветского общества отражается на сегодняшний день в различных коммуникативных практиках. Исследователи выделяют две основные тенденции: ностальгия (восприятие прошлого посредством положительных эмоций) [5; 6; 7; 9] и рессентимент (доминирование негативной, реактивной памяти в восприятии прошлого) [1, 10]. Музеефикация стала одним из способов утверждения «правды» о прошлом и в том и в другом случае [1].

С точки зрения гендерологии было бы правомерным поставить вопрос о различиях мужской и женской памяти. Данные исследований о различиях женской и мужской памяти неоднозначны в силу того, что необходимо учитывать различные факторы: возраст, среду обитания, генетическую наследственность. Тем не менее, преобладают исследования, которые выявляют половые различия в памяти. Данной тематикой занимались такие ученые, как В.Ф. Коновалов, Я.И. Петров, К. Ховланд, В.П. Умнов, М.Э. Тынцс, Тонма Шарма. Исследования нейропсихологов отмечают особенности мозговой организации речевых процессов. По некоторым данным, у женщин по сравнению с мужчинами вербальный интеллект развит лучше. Женщины обладают более высокими показателями вербальной памяти, чем мужчины, что связывают с большей скоростью межполушарного переноса информации у женщин по сравнению с мужчинами [4].

Важным источником по ностальгической памяти являются отзывы посетителей так наз. народных музеев [1]. Если музеефикация травматического опыта, которая преобладает в странах Восточной Европы и Прибалтики, связана прежде всего с построением национальной памяти [2], то массовое ностальгирование по советскому времени имеет прямое отношение к памяти поколенческой [3].

Для «народного музея», по-нашему мнению, характерны следующие признаки:

1. инициаторами создания музея выступают не профессионалы в области образования и музейного дела, а активные граждане, любители истории;
2. доминирование ностальгического восприятия прошлого; по мнению Р. Абрамова, волна музеефикации советского прошлого произошла на фоне массовой ностальгии по социализму [1];
3. тематика музея в первую очередь освещает быт советского общества и не имеет прямого отношения к политической истории;
4. каждый «народный музей» имеет свою репрезентацию в интернете в виде веб-сайта или веб-страницы.

Нам удалось идентифицировать 26 музеев, которые можно причислить к процессу массового ностальгирования. Самое большое количество музеев было создано в период с 2010 по 2012 г. и с 2016 по 2018 г. Группа музеев, созданная в первый период, очень неоднородна, посвящена несколько различным аспектам советского: быт советских ученых, быт коммунальной квартиры, проявление культа личности в быту, быт «индустриальной культуры», советский дизайн. Как правило, организации подобных музеев способствовали органы местного самоуправления. Группа музеев, созданная во второй период, имеет большую однородность. Посетители знакомятся в этих музеях с бытом советского горожанина и советским детством.

В Казани свои отзывы посетители могут оставить на кирпичной стене при входе в музей, в специальной тетради и на веб-странице музея. Большое количество отзывов размещено на веб-сайтах и веб-страницах музеев.

Информативность данного источника позволяет анализировать его с разных сторон. С точки зрения изучения коллективной памяти можно заострить внимание на следующих моментах:

1. особенности женской и мужской памяти о советском прошлом;

2. особенности поколенческой памяти о советском;
3. роль быта в процессах памятования и забвения.

В результате источниковедческого поиска было отобрано 160 отзывов, 40 из которых были выбраны для изучения мужской и женской памяти (20 м. и 20 ж.) [8].

Семантический анализ (seo-анализ) всех отзывов показал, что в процессе посещения музея большинство посетителей испытывает положительные эмоции от посещения музея. Самые часто употребляемые слова и словосочетания: музей, спасибо, детство, Москва, отличный, вспомнить, ностальгия, отличный музей, ребенок, огромное спасибо, понравиться, воспоминание, окунуться, процветание, быть, вернуться, замечательный, интересный, прекрасный, прошлый, СССР, счастливое детство, атмосфера.

Примерно 80% отзывам присуща традиция безличного написания текста, тогда как 20% отзывов, где упоминается личное местоимение «я», принадлежит молодому поколению 1990–2000-го годов рождения.

Основные отличия мужских и женских отзывов заключаются в следующем:

1. женские отзывы отличаются распространенностью предложений (5326 символов/4890);
2. у женщин прошлое определяется словами: детство, юность, игрушка, родители (СССР упоминается редко, в основном детьми); у мужчин: СССР, советский, история, девяностые, эпоха, народ;
3. женщины склонны описывать и свое эмоциональное, и эмоциональное состояние своих попутчиков;
4. в отзывах мужчин присутствует призыв к действию: вернуть СССР, выходите на федеральный уровень, добавляйте [8].

Таким образом мы видим, что гендерные различия четко прослеживаются даже в таких специфических и лаконичных текстах, как отзывы.

Список источников и литературы

1. *Абрамов Р.Н.* Музеефикация советского: историческая травма или ностальгия? // Гефтер. 22.01.2014. <http://gefeter.ru/archive/11132>
2. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
3. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
4. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002.
5. *Мельникова Е.* Алейда Ассман. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика, 2014. Алейда Ассман. Новое недовольство мемориальной культурой, 2016. Алейда Ассман. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна, 2017 // *Laboratorium*. 2017. № 9 (2). С.169–177.
6. *Молчанова О.В.* Искусство забывания, или ностальгия по советскому мифу// *Вестник РГГУ*. 2011. №. 17. С. 57–64.
7. *Очкина А.В.* К вопросу о социальной природе «советской ностальгии» // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского*. 2012. № 28. С. 50–57.
8. Полевой дневник фотографий Музея Социалистического быта и Музея Счастливого детства. 2019. Ч. I. 150 файлов.
9. *Смолина Н.С.* Тема «Советского» в социально-философском дискурсе 2000-х: проблематизация коллективной идентичности постсоветского человека // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2009. № 97. С. 154–161.
10. *Чикишева А.С.* Феномен ностальгии и его проблематизация в современном культурологическом знании // *Культурологический журнал*. 2012/3. № 9. С. 1–9.

О.Д. Попова, А.Д. Попова

*Рязань, Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина*

Советская женская повседневность: взгляд из XXI века

На сегодняшний момент советская эпоха в сознании тех, кто ее застал, превращается из воспоминания в миф. А это очень важный элемент в общественном сознании, поскольку миф существует не сам по себе: он глубоко функционален и обслужи-

вает современную действительность. Поэтому он построен на противопоставлении современности, образует платформу для ее критики и морального укора в ее адрес. В аспектах данной конференции представляется важным проследить, как фиксируется в современном общественном сознании представление о женской повседневности советского периода, как люди помнят и передают эту эпоху тем, кто это время уже не застал.

В данном докладе предполагается рассмотреть такую форму репрезентации нашего советского прошлого, как дискуссии интернет-пользователей на площадках Форум «Леди Mail.ru» [1], Яндекс.Дзен [2]. О том, как жили в СССР, на Яндекс.Дзене пишут много. Например, «Дачи в СССР – как это было...», «Стиральная машинка в СССР», «Как мы питались в СССР...», «Правда ли, что многие советские женщины плохо выглядели». Например, автор статьи «Выходной день советского человека...» пытается убедить читателей, что мужчины проводили его в гараже, главным женским занятием в воскресный день называет уборку и стирку, а развлечений у взрослых особо не было.

На Форуме «Леди Mail.ru» стартовой позицией является вопрос от участника форума. Причем, следует отметить, что само качество таких статей на Яндекс.Дзене порой очень примитивна по содержанию, а постановка вопроса на Форуме «Леди Mail.ru» иногда носит провокационный характер. Например: «Плохой знак, что люди хотят в СССР: не было по сути там ничего хорошего... Железный занавес, вечный дефицит на все!!!! Уродливые дома, машины, одежда». Однако именно такое начало порой является поводом для обильных дискуссий, которые происходят после статьи или заданного вопроса. Эти обсуждения формируют так наз. ветку. Следует отметить, что ни сами публикации на Яндекс.Дзене, ни вопросы на «Леди Mail.ru» не указывают конкретных авторов, имена скрыты под никами, так же как и имена вступивших в дискуссию. Кроме того, все высказывания носят чисто субъективный характер, многие авторы ретранслируют свой собственный личный опыт и свои воспоминания на все страну в целом, занимая при этом порой весьма агрессивную позицию к

своим оппонентам. Поэтому данные высказывания не могут быть достоверным историческим источником, однако они представляют интерес именно как репрезентация исторического прошлого в общественном сознании.

Проведенное исследование позволило выявить наиболее обобщаемые стороны советской действительности, выделить наиболее часто встречающиеся мифологемы о советской бытие. В частности, к таким мифологемам относятся представления о том, что в СССР «всем давали бесплатные квартиры», «все ездили на море бесплатно», «продукты питания были качественные и натуральные», «все были равны».

Когда речь заходит о женской повседневности, многие участники дискуссий признают, что некоторые проблемы в жизни советского общества были, однако считают совершенно естественным, что преодолевались эти трудности именно за счет женского труда. Некоторые авторы считают нормальным решение продовольственной проблемы за счет подсобного хозяйства: *«Если Вы жили в глухой деревне, Вам зачем колбаса? Там хозяйство свое, при наличии своего хозяйства покупать в магазине колбасу – сверх лени»*. А дефицит промышленных товаров – за счет рукоделия: *«у нас бабушка, мама – хорошо шила, вязала. Мы всегда были хорошо одеты...»*. Например, автор статьи «Правда ли, что многие советские женщины плохо выглядели», пытаясь опровергнуть это утверждение, пишет: *«Да, в советских магазинах преобладали платья и пальто, сшитые по одной и той же выкройке. Но это совсем не значит, что женщины в СССР ходили “как инкубаторские”*. Многие из них умели красиво шить и вязать и потому гораздо чаще покупали в магазине ткани и пряжу, чем готовую одежду». Так же как о вполне естественном процессе многие вспоминают о покупке дефицитных товаров через знакомых или у спекулянтов: *«У мамы было много духов, покупали в валютных магазинах и в продаже были – самые дешевые 25 рублей и до 85. В Минск ездили за ними, там на каждом углу. У прибалтов тоже были в магазинах. Мама говорит, прекрасно жили»; «Да джинсовый “вареный” костюм в универмаге не продавался, но*

почти у всех был. При зп в 175 рублей джинсы за 120 покупали в легкую». Все эти высказывания говорят о том, что многие проблемы повседневной жизни решались за счет расширения женского труда: женщины в дополнение к основной работе еще занимались домашней скотиной, работой на дачном участке, вязали, шили. Покупка товаров у спекулянтов откачивала значительные средства из семейного бюджета, которые надо было дополнительно зарабатывать. При этом авторы, восхваляющие такую практику, порой даже не понимают, что этот серьезный труд, который занимает много сил и времени, выполнялся за счет отдыха.

Правда, когда возникает отдельная «ветка», в которой вспоминают конкретные предметы быта из периода СССР, понимание трудностей женской повседневности проявляется гораздо больше, чем когда обсуждают именно политическую систему. В этом плане очень показательна ветка обсуждения статьи «Стиральная машинка в СССР». Большинство авторов отмечают, что стирка – одно из самых трудозатратных действий из быта советских женщин: *«Помню это чудо))) да, действительно стирка длилась около полудня. Я помогала полоскать. Полоскали белье в ванне!»*. Здесь большинство авторов связывают усовершенствование процесса стирки не со сменой политического строя, а с усовершенствованием научно-технического прогресса, хотя при этом иногда и возникают споры о преимуществах того или иного строя.

Таким образом, процесс мифологизации советского прошлого меняет представления о нормах и аномалиях и мешает адекватно оценивать проблемы повседневного быта женщин. Процесс мифологизации – это естественный процесс в восприятие любого исторического периода, что происходит и сейчас. Его восприятие упрощается и лакируется, а некоторые вещи явно приукрашаются. Однако данные дискуссии ярко отражают некоторые общие черты советской ментальности, в том числе и ее одну специфическую черту: смещение представлений о нормах и аномалиях. Трудности советского быта, которые во многом ложились на плечи именно женщин, оцениваются не как недостаток, а как достоинство. Дефицит вещей, по мнению многих авторов, не вос-

принимается как симптом кризиса экономической системы, а как проявления трудолюбия и находчивости. Во многом это объясняет неоднозначное отношение общества к процессам, которые происходят в современном обществе.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Эволюция ценностей и идей гражданского общества в ментальных установках российского общественного сознания» (№ 18-09-00130\18).

Список источников и литературы

1. Леди Mail.ru. Женский журнал. <https://lady.mail.ru/>
2. Яндекс.Дзен. <https://zen.yandex.ru/>

РАЗДЕЛ 4

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ.

ПРАВО И БЕСПРАВИЕ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.В. Сильвестрова

*Москва, Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия*

Заключение брака *inter absentes* в римской правовой традиции

В римском классическом праве допускалось заключение брака *inter absentes*, т.е. действительным признавался брак, заключенный в отсутствие жениха или невесты [9, с. 157; 10, с. 89].

Впрочем, в романистике *communis opinio* состоит в признании возможности заключения действительного римского брака только в случае отсутствия жениха, тогда как невеста должна была присутствовать при церемонии заключения брака лично [9, с. 153]. Невеста должна была участвовать в церемонии «введения в дом мужа» – *deductio in domum mariti*, которая, якобы представляла собой существенный элемент процедуры заключения римского брака [2, с. 320; 3, с. 132; 6, с. 199; 11, с. 134]. Жених же мог выразить согласие на заключение брака или через письмо, или через посредника – *per litteras... vel per nuntium posse nubere placet* [4].

Единственный дошедший до нас текст римских юристов, в котором допускается заключение действительного брака в отсутствие невесты, приписывается Ульпиану [5]. Исследователи, за некоторым исключением, высказали сомнение в подлинности

данного текста Дигест [10, с. 88-90]. Общепринятое толкование данного фрагмента состоит в том, что упоминание отсутствующей невесты обусловлено ошибкой переписчика, тогда как в первоначальном варианте текста обсуждался вопрос об отсутствующем на церемонии заключения брака женихе, а не невесте [12, с. 48].

В греко-римской (византийской) традиции по-прежнему допускается возможность заключения действительного брака *inter absentes* [1, с. 300–301]. Но речь идет только о заключении брака в отсутствие жениха, но не невесты. Так, в Прохироне допускается заключение помолвки женихом через письмо или представителя, заключение брака женихом через письмо или представителя [7], [8].

Синодальный указ от 9 сентября 1796 г., со ссылкой на Кормчую книгу (а, точнее, на Прохирон, перевод которого вошел в Печатную Кормчую как Закон Градский), также допускает возможность заключения брака через представителей.

Вместе с тем, если обратиться к тексту Ульпиана [5], можно привести аргументы в пользу его подлинности. В таком случае, если признать подлинность данного текста, можно сделать вывод о том, что в римском классическом праве допускалась возможность заключения брака *inter absentes* вне зависимости от того, кто именно отсутствовал – жених или невеста. В последующей же традиции – «греко-римской», или «восточной», этот принцип мог быть утрачен; стало возможным заключение брака через представителя только со стороны жениха.

Должная оценка подобной эволюции понимания процедуры заключения действительного брака связана, в свою очередь, с необходимостью адекватной интерпретации природы римского брака (и его последующих исторических форм) с точки зрения консенсуальной теории брака.

Список источников и литературы

1. Бенеманский М. О ПΡΟΝΕΙΡΟΣ ΝΟΜΟΣ императора Василия Македонянина. Вып.1. Сергиев Посад: Типография Св.-Гр. Сергиевой Лавры, 1906.
2. Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Издательская группа «Норма-Инфра», 1999.
3. Санфилитто Ч. Курс римского частного права. М.: Издательство БЕК, 2000.

4. Corpus iuris civilis. I. Institutiones. Digesta. Ed. Mommsen Th., Krüger P. Berolini apud Weidemannos, 1889. D.23.2.5 = пятый фрагмент второго титула двадцать третьей книги Дигест Юстиниана.
5. Corpus iuris civilis. I. Institutiones. Digesta. Ed. Mommsen Th., Krüger P. Berolini apud Weidemannos, 1889. D.23.2.6 = шестой фрагмент второго титула двадцать третьей книги Дигест Юстиниана.
6. *Fiori R.* La struttura del matrimonio romano // BIDR. Dott. A. Giuffrè Editore. Milano, 2011. P. 197–233.
7. О ПРОХΕΙΡΟΣ ΝΟΜΟΣ. Iperatorum Basilii, Constantini et Leonis PROCHIRON // Ed. Zachariae C.E. Heidelbergae, apud J.C.B. Mohr, Academiae Bibliopolam. 1837. Proh.1.11 = одиннадцатый фрагмент первого титула Прохирона Василия Македонянина.
8. О ПРОΧΕΙΡΟΣ ΝΟΜΟΣ. Iperatorum Basilii, Constantini et Leonis PROCHIRON // Ed. Zachariae C.E. Heidelbergae, apud J.C.B. Mohr, Academiae Bibliopolam. 1837. Proh.4.6 = шестой фрагмент четвертого титула Прохирона Василия Македонянина.
9. *Orestano R.* La struttura giuridica del matrimonio romano dal diritto classico al diritto giustiniano. I. Dott. A. Giuffrè Editore. Milano, 1951.
10. *Robleda O.* El matrimonio en derecho romano. Roma: Università Gregoriana Editrice, 1970.
11. *Talamanca M.* Istituzioni di diritto romano. Dott. A. Giuffrè Editore. Milano, 1990.
12. *Volterra E.* La conception du mariage d'après les juristes romains. Padova: La Garangola, 1940.

О.Б. Наумова

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Гендерные особенности личности в традиционном обществе (по материалам казахского эпоса)

Казахский героический эпос «Кобланды-батыр» дает возможность воссоздать характеры людей не только в архаичную эпоху создания эпоса, но и в более позднее время: он прошел многовековой путь развития, приобрел развитые романизированные формы; глубокий психологизм характеров его героев отмечен исследователями [2, с. 31–33]. Анализ мотивов поступков героев, их слова и мысли позволяют реконструировать личности мужчин и женщин

традиционного казахского кочевого общества, понять их взаимоотношения и выявить специфические гендерные особенности.

Женщины в эпосе по сравнению с мужчинами предстают более мудрыми, глубже понимающими характеры и взаимоотношения людей. Это хорошо видно на примере отношения Кобланды и Кортки к Карлыге. Кортка ценит все, что сделала Карлыга для спасения ее мужа в разных ситуациях. Она переживает несправедливость Кобланды по отношению к Карлыге; Кортка сочувствует ее обиде и понимает ее месть; посылая сына за отомстившей Кобланды Карлыгой, она ставит ему условие не бить и не мучить ее, потому что она сделала много добрых дел для отца [3, с. 370–371]. Кобланды же, судя по его действиям, хоть и понимал, что сделала для него Карлыга, тут же забывал об этом, принимая ее помощь как должное. Поэтому ее месть становится для него неожиданностью [3, с. 367].

Кобланды вторит его сын: «Неужели не отличает до сих пор / Низость от благородства [она]?» [3, с. 371], совершенно забывая о благородных поступках Карлыги (даже после нанесенных обид – Кобланды отдал ее в качестве добычи своему ровеснику – она приходит Кобланды на помощь) и неблагородных действиях отца.

Эпос, а с ним и традиционное общество оправдывают отношение Кобланды к Карлыге. В сцене примирения Кобланды обвиняет ее в том, что она предала своих отца и брата ради любви к нему, Карлыга же «сражена» этим обвинением [3, с. 381]. Этот упрек кажется отговоркой – ведь когда благодаря Карлыге Кобланды смог убить своего врага – ее отца, они вместе радуются и резвятся, как дети [3, с. 304]. Тогда вопроса о «неблагородстве» Карлыги не возникает, наоборот, Кобланды говорит слова благодарности, а впоследствии неоднократно называет ее другом. Поэтому его обвинение звучит неожиданно: «Своему отцу и брату своему / Ты столько причинила зла! / Кому же сможешь другом стать? / Как же тебе доверится кипчак?» [3, с. 380]. Современному сознанию такое поведение кажется непоследовательным и конъюнктурным; оно также свидетельствует о некоторой эмоциональной неразвитости, неспособности понять чувства другого человека.

Если женщины проявляют эмпатию, то мужчины больше сосредоточены на себе. Для них важно быть первыми; их легко вывести из себя, если задеть их самолюбие. Ценность для них – битва с врагом: и положительные, и отрицательные героини-мужчины радуются, увидев противника, тоскуют, не видя врага [3, с. 275, 356].

Действия женщин разумны, как правило, направлены на помощь мужчинам, поддаются логическим объяснениям. Этого не всегда можно сказать о поступках мужчин. Кобланды отправляется в поход, несмотря на предостережения своей мудрой жены, не дождавшись, когда его богатырский конь окрепнет, поддавшись, как подросток, на провокации Карамана. Неразумность его поведения усугубляется тем, что он едет не защищать свой народ, а в грабительский набег. Не всегда можно рационально объяснить отношения Кобланды с ровесником Караманом, который на протяжении повествования проявляет себя не с лучшей стороны – он жаден, труслив, предает Кобланды, злоупотребляет своим статусом ровесника. Однако Кобланды как будто не замечает этого, постоянно называя Карамана другом. Лишь в конце Караман оправдывает это отношение.

Женщины в эпосе представлены как сильные и зрелые личности, а не пассивные существа. Они действуют активно, умно и решительно. Женщины обладают чувством собственного достоинства и самоуважения: «Достойный меня, кого искала, пришел», – говорит Кортка [3, с. 228]; Карлыга рассказывает, что посчитала Кобланды ровней себе и полюбила его за это, но «такой драгоценной не приметил ты», – укоряет она его [3, с. 377]. Женщины не бессловесные создания, наоборот – их речи развернуты, эмоциональны, разумны. Они говорят даже больше мужчин. При расставании с Кобланды его сестра говорит прощальные слова от своего лица, а также от лица отца и матери, и ее речь занимает 180 строк, речь жены 131, матери – 99 строк. Отец же не произносит ни слова. В сцене примирения монолог Карлыги занимает 127 строк, Кобланды – 37.

Несмотря на то, что эпические героини как личности по современным меркам не уступают мужчинам, а иногда и превосходят

их, в традиционном восприятии женщины – люди второго сорта. Через весь текст эпоса проходит присказка: «Хоть и женщина ты, но...», например: «Что поделаешь – ты женщиной родилась, / Если бы мужчиной родилась, / Стала бы опорой народу [своему]» [3, с. 331]. В опубликованном варианте эпоса насчитывается 14 таких уступительных предложений. Они дают понятие о свойствах, которые, согласно традиционным представлениям, присущи мужчинам, но которых лишено большинство женщин: властные полномочия, сила, храбрость, мужественность, мудрость, способность к самостоятельным действиям, решимость отомстить. И сами женщины признают превосходство мужчин: «Хуже, чем мужчин, / Длиннополых женщин создал бог» [3, с. 323] – говорит Кортка.

Объяснение этому видится в том, что важнейшие задачи, стоявшие перед обществом в ту эпоху – физическое выживание народа, обеспечение его существования и развития – могли быть осуществлены именно мужчинами, которые защищали народ от врага. Для этого им нужно было бесстрашие, некоторое безрассудство, которое сегодня воспринимается как неразумность, нелогичность поведения. Нельзя избежать судьбы, чем и объясняются иррациональные поступки героев, как это было замечено А.Я. Гуревичем для персонажей исландских саг [1, с. 104–108]. «Все предначертано судьбой!» – не раз говорится в эпосе. Исламизация казахов наложила отпечаток на эти воззрения: судьба, рок заменяются в большинстве случаев волей Всевышнего, герои уповают на помощь его и пиров.

Напротив, высокая эмоциональность, сложные чувства, которые демонстрируют женщины, их способность к сочувствию помешали бы мужчинам в их главном предназначении – сражении с врагом. В мирных условиях, под защитой мужчин женщины развили эти личностные качества, которые будут полностью востребованы и оценены обществом лишь в последующие эпохи.

*Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ
Института этнологии и антропологии РАН.*

Список источников и литературы

1. *Гуревич А.А.* Индивид и социум на средневековом Западе. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
2. *Кидайш-Покровская Н.В., Нурмагамбетова О.А.* Героическая поэма «Кобланды-батыр» // Кобланды-батыр. Казахский героический эпос. М.: Восточная литература, 1975. С. 9–61.
3. Кобланды-батыр. Казахский героический эпос. М.: Восточная литература, 1975.

Ф.А. Ахмедова

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

«Если женщина достойна взойти на эшафот, то она достойна войти и в парламент»

В статье кратко рассматривается история развития женского движения, в том числе суфражизма, в США в XX в.; ключевые моменты, значение и актуальность всестороннего изучения истории борьбы американских женщин.

«Многие думающие и знающие историю люди относятся к Америке негативно. Но надо быть исторически справедливыми и рассмотреть, как же все-таки складывалась история США?» [1]

В условиях глобализации вопросы равенства мужчин и женщин сохраняют свою актуальность, находясь в числе первых задач современной политики. Построение политического курса для обеспечения равных прав в условиях многоликого демократического общества невозможно без критического осмысления женской истории.

В последнее время в России наблюдается рост интереса к проблемам женской истории. Это вполне объяснимо, поскольку женщины составляют большую часть населения, играющую ключевую роль в жизни страны, являющуюся объектом и инициатором реформ, чье положение в обществе остается острой социальной проблемой с точки зрения общепризнанных правовых норм и господствующих моральных принципов. Особое значение в данном контексте приобретает анализ процесса развития женского движения в мире и изучение разнообразных аспектов борьбы женщин за свои права.

Принято считать, что борьба за женские права впервые вспыхнула во Франции во время Великой французской революции. Имена Олимпии де Гуж, Теруань де Мерикур известны исследователям женской истории. Первая закончила жизнь на эшафоте, представив французскому Национальному собранию свой труд, посвященный равноправию, который назывался «Декларация прав женщины и гражданки». Вторая, стоявшая во главе женщин, сочувствующих революции, участвовавшая во взятии Бастилии, провела остаток жизни в психиатрической больнице. Результатом революции явился запрет женщинам появляться на политических собраниях и в общественных местах, изданный в 1795 г. В 1804 г. император Наполеон лишил всех женщин гражданских прав и обязал их находиться под опекой мужа или отца.

Однако женское движение не переставало обретать все более масштабный характер. К началу XX века нигде в мире женщина не имела избирательного права. В середине XIX века о равноправии с мужчинами заявили суфражистки в США и Великобритании (от французского «suffrage» – «избирательное право») [2], считавшие, что избирательное право дарует им свободу от других форм дискриминации.

Со времен возникновения США в 1776 г. женщины были лишены права участия в выборах, как в качестве избирателей, так и в качестве избираемых. Подобное ограничение воспринималось как естественная практика, распространенная в мире и не вызывающая никаких вопросов. Однако и при таком положении дел женщина была юридически защищена достаточно развитой на то время в стране судебной системой. Существует мнение, что именно этот факт повлиял на то, что женщины стали задумываться о равных обязанностях и правах не только перед законом, но и в жизни. Как правило, суфражистки принадлежали к кругу образованных и состоятельных граждан. Тем значительней их роль в истории борьбы за равноправие. Среди активистов стали выделяться женщины, показавшие себя искусными ораторами: Л. Мотт, Э.К. Стэнтон, С. Энтони, М.К. Райт, Г. Табмен и др. [1; 3; 5; 6; 7]

В начале XIX в. развернулась борьба женщин против рабства и расизма в США. Но и после принятия 13-ой поправки к Конституции в 1865 г. борьба с расизмом не была окончена. Вдвойне затруднительным оставалось положение черных женщин. Они несли на себе бремя стереотипов, сохранявшихся в обществе вплоть до середины XX в., одновременно прилагая чудовищные усилия для улучшения своего положения: матери, осознавая важность образования, боролись с вопиющей нищетой для того, чтобы дать образование своим детям; жены взваливали на себя дополнительную работу (стирка, глажка, шитье), чтобы дать возможность мужьям доучиваться; в некоторых семьях муж и жена ходили в школу лишь по полгода каждый, работая в остальные полгода так, чтобы дать возможность другому получать образование. В 1955 г. в США получила широкий резонанс история первой черной женщины, отказавшейся публично признать превосходство белой расы и уступить свое место белому пассажиру в автобусе. Р. Паркс поддержали все пассажиры автобуса и несколько сотен жителей Монтгомери. Через несколько дней сегрегация в городских автобусах в Монтгомери была отменена законодательно. Действия Паркс и участников бойкота сделали М.Л. Кинга важнейшей фигурой в борьбе против расизма.

Вообще, вклад черных женщин в развитие суфражизма в XIX–XX вв. часто недооценивается. Они участвовали в политических собраниях, создавали общественные организации, посещали конвенции в местных церквях, где также разрабатывали стратегии для борьбы за избирательное право. В конце XIX в. черные женщины работали в газетах, школах, колледжах, церквях, что расширило платформу для разработки и воплощения идей. Черным женщинам приходилось не только бороться за свои права, но еще и понимать и учитывать положение белых женщин, белых мужчин и черных мужчин. Несмотря на их труды, многие в обществе не слышали их голоса. Черные женщины исключались из общественных организаций, членами и организаторами которых были черные мужчины и белые женщины. К примеру, Национальная ассоциация американских женщин запрещала черным женщинам

посещать свои конвенции. Обе группы маршировали по отдельности во время суфражистских парадов [9,10,11].

Если белые суфражистки сконцентрировали свою борьбу вокруг своего избирательного права, то черным суфражисткам прежде всего приходилось бороться с предрассудками и дискриминацией, а потом уже за свое избирательное право, т.е. их программа носила более универсальный характер.

Благодаря высокому уровню политической культуры США женщины стремились «к мирным, цивилизованным формам защиты своих интересов... Женщины организовывали зрелищные шествия и театральные парады, проводили разъяснительную работу среди различных групп населения, читали публичные лекции по волнующим их проблемам» [8].

Понадобилось почти сто лет для того, чтобы в 1919 г. в США была принята 19-ая поправка к Конституции: «Право голоса граждан США не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку пола» [4; 7].

Таким образом, женщины в США завоевали свое право голоса в долгой борьбе. Идеи суфражисток имели международное значение и послужили образцом для дальнейшего развития женского движения в мире. Борьба женщин за права продолжается. Лишь в 2015 г. женщины в Саудовской Аравии получили избирательное право. В России на сегодняшний день большинство женщин-кандидатов в депутаты заранее лишены права на победу в силу ограниченных материальных, информационных и организационных возможностей. В странах Средней Азии на фоне растущего экономического неравенства разница в правах превратилась в пространственную форму притеснения.

Вышесказанное доказывает важность всестороннего изучения характера и достижений движения за права женщин под иным углом с целью более объективной оценки процессов и развития научного анализа.

Список источников и литературы

1. *Баландина А.* Тюрьма и смерть: как женщины боролись за свои права // Газета.ru. 08.03.2019. <https://www.gazeta.ru/social/2019/03/07/12228769.shtml>
2. *Буланова О.* Мифы об истории США // Россия сегодня. 06.03.2013. <https://inosmi.ru/world/20130306/206651957.html>
3. *Мурзина Е.* Лукреция Мотт / Lucretia Mott // Люди: биографии, истории, факты, фотографии. 06.04.2012. https://www.peoples.ru/state/statesmen/lucretia_mott/
4. *Нечаева В.* Американское движение за права женщин // История США: материалы к курсу. 24.10.2010. <https://ushistory.ru/populjarnaja-literatura/157-amerikanskoe-dvizhenie-za-prava-zhenshin>
5. *Новикова Н.В.* Первый Всероссийский женский съезд: объединение или раскол движения женщин // Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра (Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского съезда 1908 года). 21–23 марта 2008 года. СПб.: «Алетейя», 2008. С. 209–213.
6. Олимпия де Гуж // Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B8%D1%8F_%D0%B4%D0%B5_%D0%93%D1%83%D0%B6 (дата обращения 30.04.2020)
7. *Попкова Л. Н., Антонова Ю. А.* Элизабет Кэди Стэнтон: дискуссии о женской эмансипации // Женщина в российском обществе. 2002. № 1. С. 14–19.
8. *Садовникова О.А.* Женское движение в борьбе за гражданские и политические свободы в США: начало XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2007.
9. *Davis A.* Women, Race and Class. Vintage Books International, 1983.
10. *Nardo D.* The Split History of the Women's Suffrage Movement: A Perspectives Flip Book. Minneapolis: Compass Point Books, 2014.
11. The Woman Suffrage Movement: The Most Significant Achievement of Women in the Progressive Era // The National Women's History Museum. <https://www.womenshistory.org/resources/general/woman-suffrage-movement> (дата обращения: 01.05.2020)

Т.А. Титова, Е.Г. Гущина, Д.В. Егоров
Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

**Положение невестки в русской сельской семье
Среднего Поволжья
в конце XIX – первой половине XX в.**

Этнографическое исследование русского населения Среднего Поволжья вплоть до середины XX в. было фрагментарным. Систематические исследования начинаются с 1947 г. – со времени первой экспедиции по изучению русского населения этнографами казанского университета Е.П. Бусыгиным и Н.В. Зориним. С этого времени началось и продолжается планомерное изучение русского населения Поволжья этнологами Казанского университета. Десятилетия целенаправленной работы Е.П. Бусыгина и Н.В. Зорина, их учеников и единомышленников позволили поднять мощный пласт этнографического материала. В том числе и посвященной социальной культуре русских [1]. Так, Н.В. Зорин одним из первых в российской науке рассмотрел региональные особенности и локальные традиции русской свадьбы в Среднем Поволжье. В его монографии «Русская свадьба в Среднем Поволжье» содержится подробное исследование брачных норм, характерных для русского населения региона [2].

Особый интерес представляет анализ трансформаций традиционной культуры русского населения, в том числе и социальной, произошедший в XX в. и происходящий в настоящее время. На основе обширной этнографической литературы и собственных полевых материалов авторов в своем докладе мы рассматриваем особенности традиционного положения невестки в русской семье Среднего Поволжья и изменения в XIX–XX вв. Заключение брака в традиционной семье всегда рассматривалось в качестве долгосрочной перспективы и имело под собой, прежде всего, хозяйственную основу [3, с. 27]. На протяжении XX в. этот базовый тезис менялся и во многом утратил свою актуальность. Это повлияло и на положение и восприятие всех членов в семье, в том числе и невестки.

При этом в общественном сознании русского сельского населения середины XX в. брак рассматривался также как долгосрочная перспектива: *«С самого детства они прививали мне правильные манеры и поведение молодой жены. Отец всегда мне говорил, что я должна выйти замуж только один раз и если я попробую сбежать от мужа, то он меня не возьмет обратно к себе»* [4].

Традиционно для русского населения Среднего Поволжья было характерно два типа заключения брака: по усмотрению родителей (большинство браков заключалось так) и «убегом». Были случаи, когда родители не могли повлиять на решение молодых вступить в брак, однако такие браки были большой редкостью. Как отмечают респонденты, вступившие в брак в середине XX в., выбор жениха также во многом зависел от выбора родителей (прежде всего отца). Продолжали существовать и кража невест, и, как отмечают респонденты, брак «убегом» также был распространен в этот период [4].

В середине XX в. также сохранялась традиция перехода невесты в семью жениха. Также большую роль для невестки играло богатое приданое, так как это подчеркивает статус и достаток ее семьи. Продолжали сохраняться и традиционные обрядовые действия – после того, как невеста переступала порог дома мужа, она должна была прежде всего навести порядок в нем и сменить все занавески, перину и подушки на свои, которые она привезла вместе с приданым. А перед входом в дом мужа невестка раздавала подарки родителям мужа.

В традиционной русской семье вне зависимости от расположения и ее типа главой семьи всегда был старший по возрасту мужчина, на которого возлагалось управление всей семьей и ведение хозяйства. Женщины всегда находились в подчинении. Положение невестки и ее взаимоотношения с родственниками мужа в середине XX в. во многом зависели от личных качеств и характера. Работящую, уважительно относившуюся к свекру и свекрови невестку поддерживали. Зачастую главной обязанностью невестки было послушание, которое заключалось в выполнении работ и обязательств по дому и в хозяйстве, возложенных на нее

старшими членами семьи либо мужем. Все члены семьи выполняли те или иные обязательства по дому, и невестка должна была работать со всеми. Характер ее работы зависел лишь от того, что ей поручит свекровь или муж. Мужчина всегда рассматривался как хозяин, добытчик, человек, который выполняет тяжелую работу, женщина же была призвана помогать ему и заниматься всеми теми делами, до которых руки мужа просто не доходили [2]. Хотя по факту в середине XX в. женщины выполняли такой же большой объем работ, как и мужчины.

Продолжали сохраняться основы функционирования русской семьи: главенство мужа в семье и абсолютное подчинение и зависимость от него жены. Притеснение и насилие по отношению к невестке, зафиксированное в ряде случаев на территории края, не представляют укоренившейся традиции.

Список источников и литературы

1. Бусыгин Е.П. Сельская женщина в семейной и общественной жизни / Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, З.З. Мухина. Казань: Изд-во Казанского университета, 1986.
2. Зорин Н.В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981.
3. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2004.
4. Полевые материалы автора (ПМА). Экспедиция в Аксубаевский район Республики Татарстан. Февраль 2020 г. (информант: женщина, 1933 г.р., с. Кривоозерки)

С.С. Крюкова

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

«Настало время идти расправляться»: женский самосуд в советской деревне 1920–1930-х годов

Тема крестьянского самосуда в России во второй половине XIX – начале XX в., хорошо известная по дореволюционным исследованиям обычного права русской деревни, все чаще оказывается в фокусе постсоветской историографии. Однако если

прежде под крестьянским самосудом понимали одну из неписанных традиций деревенского сообщества, то сегодня его трактуют значительно шире и рассматривают как проявление специфики российского правового менталитета в целом [4; 7].

До сих пор русский деревенский самосуд рассматривали в научном дискурсе (при всем разнообразии его интерпретаций) как маскулинный феномен. Мужчины доминировали не только в официальном и неофициальном общественном самоуправлении, но и в отправлении дисциплинирующих и правовых функций общины. И хотя участниками-наблюдателями общинных разбирательств с преступниками и прочими нарушителями порядка зачастую были все жители деревни, исполняли наказание мужчины. Женский самосуд в дореволюционной деревне сводили, как правило, к суду семейному – к разбирательствам между разными членами семьи. Сюда относили самосудные расправы крестьянок с детьми, мужьями, невестками, свекровьями и др. Отличительной чертой деревенской женской преступности в сравнении с городской было преобладание детоубийств и отравлений.

В первое послереволюционное десятилетие в ходе радикального переустройства судебной системы и всего правового порядка общества самосудная традиция получила в деревне свое дальнейшее развитие в русле этих новаций. В том числе в немалой степени под влиянием чрезвычайных мер советского государства, узаконившего практику расправы без суда и следствия со своими «классовыми врагами», а также «чуждыми элементами». Подобного рода расправы, освященные властью, существенно расширили и сферу самосуда в деревне, и круг его непосредственных участников. Самосуд обрел ярко выраженный пафос социального протеста и превратился в институт революционной чистки. Наряду с противниками нового режима в разряд «преступников» попали и его защитники – представители сельской власти. На волне растущего недовольства и неверия в возможность законной справедливости крестьяне прибегали к традиционным формам самосуда, спровоцированным теперь на почве «классовой мести». Из различных мест поступали сообщения, что участились случаи

поджогов официальных зданий и домов, принадлежавших сельским активистам. Среди осужденных за них были и женщины [3].

Протесты крестьянок набирали обороты, выливаясь в политический самосуд. Контролирующие советские органы уже тогда обратили внимание на неожиданно возросшую «контрреволюционную активность» женщин. Так, согласно докладной записке Секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике классово-борьбы в деревне, во втором полугодии 1930 г. процент женских выступлений составил 40% от общего числа всех анти-советских, а к сентябрю-октябрю достиг уже 54–55 % [6, с. 793]. В 1930 г. было зафиксировано 3700 выступлений, почти исключительно женских по составу. Из 2897 учтенных женских коллективных протестов первой половины 1930-х годов 1154 носили антиколхозный характер, 778 – направлены против закрытия церквей и репрессивных мер в отношении священников, 422 – в защиту раскулаченных, 336 – вызваны перебоями с продовольствием. Тема «бабьего бунта» в первые годы советской власти уже звучала в историографии [1; 2 и др.], а в художественной литературе он запечатлен М.Н. Шолоховым в его романе «Поднятая целина». Однако вопрос о его самосудных основе и формах, о преемственности обычно-правовой традиции русской деревни в этот период, ее трансформации в новых условиях советской повседневности оставался вне поля зрения исследователей.

Женский коллективный самосуд первых советских лет зачастую проявлялся в привычных для деревни формах, воспроизводил традиционный обычно-правовой ритуал. В этом смысле он напоминал позорящие акции дореволюционной общины, когда преступников, например, водили по деревне, сопровождая шествие «барабанным боем в железную меру» или печную заслонку. Атрибуты массового действия, как и в прежних общинных судилищах, должны были привлечь внимание общества. Но теперь, согласно сводкам ОГПУ, крестьянки использовали не заслонки и меры, а ведра и железные кочерги. Эффект усиливал звон колоколов [5, с. 341–342, 359, 368, 386, 414, 480]. Женские самоуправные акции переняли и свойственную мужскому коллективному

самосуду черту – насилие. Оно в полной мере нашло свой выход в женских расправах над представителями новой власти.

В докладе будут раскрыты причинно-следственные связи женского коллективного самосуда первых двух десятилетий советской власти, разные его сценарии и особенности, выявлены социальная подоплека подобного рода выступлений и их резонанс. Анализ феномена женского самосуда в русской деревне первых десятилетий советской власти провоцирует более общий вопрос о тогдашней трансформации правосознания крестьянки, отвечавшего и в то же время противоречившего требованиям нарождавшегося советского государства. Оно оказалось восприимчивым к лозунгам строительства нового порядка и общества, раскрепощения женщины. Вместе с тем становится понятно, что крестьянки и сами адаптировали новое право под себя, когда осознали, что могут оказаться безнаказанными – согласно советскому уголовному законодательству, привлечь их к ответственности за участие в самоуправных акциях можно было лишь в исключительных случаях.

Работа выполнена в рамках НИР ИЭА РАН.

Список источников и литературы

1. *Бондарев В.А.* «Бабы бунты» на юге России в 1930-х гг.: к вопросу о гендерной специфике крестьянского протеста против сплошной коллективизации // Клио. 2010. № 3 (50). С. 142–143.
2. *Гадицкая М.А., Скорик А.П.* Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и ментальность. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.
3. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-2442, Р-2461.
4. *Медушевский А.Н.* Российская правовая традиция – опора или преграда?: Доклад и обсуждение. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014.
5. Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: хроника головокружения. Документы и материалы / Отв. ред.-сост. Л. Виола, С.В. Журавлев и др. М.: РОССПЭН, 1998.
6. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000.

7. Шатковская Т.В. Самосуд как проявление российского правового менталитета // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2012. № 6. С. 35–39.

Д.О. Тюренкова

Тверь, Тверской государственный университет

Правовые аспекты женской повседневности: защита материнства в ГДР

Одна из дискуссионных проблем в современной германской и российской историографии – отражение социальной политики СЕПГ в отношении семьи, материнства и детства в повседневной жизни женщин. В отечественной науке тема рассмотрена в рамках социальной политики ГДР [1], в т.ч. политики в отношении женщин [3]; изучен процесс развития системы гендерных отношений в Германии [4], анализируются процессы государственного регулирования положения женщин в ГДР и ФРГ. Непосредственно проблема правового статуса женщин рассмотрена в статье И.Н. Мухиной [2], изучена реализация законодательных установок с опорой на данные статистики и исследования специалистов в области истории женщин в объединенной Германии.

Ключевые акты, регулировавшие вопросы материнства в ГДР: Закон о труде для поощрения и сохранения рабочей силы, повышения производительности труда и дальнейшего улучшения материального и культурного положения рабочих и служащих от 19 апреля 1950 г. [8]; Закон о защите матери и ребенка и правах женщин от 27 сентября 1950 г. [9]; Трудовой кодекс ГДР от 12 апреля 1961 г. [10]; Семейный кодекс от 20 декабря 1965 г. [7], вступивший в силу одновременно с вводным законом к семейному кодексу ГДР [6] (позднее в кодекс вносились изменения в 1975 и 1990 гг.); Трудовой кодекс от 16 июня 1977 г. [5]. В законодательстве повсеместно подчеркивалась особая ценность материнства и детства для будущего страны, важность всесторонней поддержки.

На период беременности и кормления женщина была защищена от увольнения, не допускалась на работу в ночное время, не могла быть привлечена к тяжелым или опасным для здоровья работам; позднее право отказаться от ночной и сверхурочной работы получили матери детей дошкольного возраста. Если в период беременности или кормления женщина вынуждена сменить работу с заработной платой ниже средней, то разницу она получала в виде компенсации. Защита от необоснованного увольнения беременных, кормящих матерей, матерей с детьми до года, матерей, приступивших к трудовой деятельности после послеродового отпуска, а также одиноких трудящихся с детьми до 3 лет подтверждалась в Трудовом кодексе 1977 г.

С 1966 г. женщина имела право на освобождение от работы в случае посещения консультационного центра по беременности, а также медицинского центра с ребенком, если в нерабочее время услуги не могли быть оказаны. В течение первых шести месяцев жизни ребенка кормящие матери имели право на два перерыва по 45 минут, в начале и конце рабочего дня. Снабжение необходимым бельем, предметами гигиены и ухода за новорожденными организовано на законодательном уровне, за поставку в необходимом количестве отвечали министерства промышленности и торговли. Оплачиваемый отпуск предоставлялся за пять недель до и шесть недель после родов, мог быть продлен до 8 недель. Неоплачиваемый отпуск с сохранением рабочего стажа был предоставлен до конца первого года жизни ребенка. Если ребенок не мог быть устроен в ясли по каким-либо причинам, отпуск по уходу мог быть продлен, но не более чем до достижения ребенком 3-летнего возраста. С 1977 г. отпуск мог быть взят другим членами семьи.

Для работающих матерей-одиночек предусматривались преимущества при устройстве детей в ясли, детские сады, существовала возможность передать ребенка на воспитание в детский приют (на этот период выплаты матери приостанавливались; право забрать ребенка из приюта сохранялось за матерью). В обязанности государственных органов и общественных организаций было вменено оказание консультативной и иной помощи родителям в процессе воспитания.

Содержание ребенка после развода родителей признавалось совместной обязанностью, вопрос о месте проживания детей решал суд после предоставления сведений об условиях будущего содержания и образования детей, а также взаимоотношениях с ними. Приоритета матери в праве воспитания детей после развода в семейном кодексе не содержится.

Рождение детей вне брака в ГДР на уровне права не должно было негативно сказаться ни на ребенке, ни на родителях, что было достигнуто за счет финансовой поддержки, законодательно-го закрепления полных родительских прав матери и равных прав ребенка при наследовании по отцовской линии до совершеннолетия и т.д.

Итак, основными факторами, повлиявшими на изменения законодательных основ социальной политики ГДР в отношении материнства, были потребности государства – на начальном этапе ключевую роль играла необходимость привлечения женщин к трудовой деятельности, после 1965 г. под влиянием спада рождаемости в официальной риторике на первый план выходит поддержка материнства. Интерес государства в сохранении женщины как работника при возможности реализации ее в рамках семьи способствовал формированию развитого социального законодательства.

Список источников и литературы

1. *Бетмакаев А.М.* «Заботливая диктатура» (о специфике социальной политики в ГДР) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2–3 (54). С. 21–25.
2. *Мухина И.Н.* Социально-правовое положение женщин в Германской демократической республике // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1. Т. 2. С. 32–35.
3. *Погорельская С.В.* Некоторые особенности семейной политики в Германии // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 2. С. 112–128.
4. *Хорольская М.В.* «Чтобы женщина могла совмещать свои задачи гражданки и трудящейся со своим долгом жены и матери»: отношение общества и государства к проблеме соотношения материнства и женской занятости в ФРГ, ГДР и объединенной Германии // Материнство и от-

- цовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицок. Смоленск; М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 1. С. 89–92.
5. Arbeitsgesetzbuch der Deutschen Demokratischen Republik vom 16. Juni 1977. <http://www.verfassungen.de/ddr/arbeitsgesetzbuch77.htm>
 6. Einführungsgesetz zum Familiengesetzbuch der Deutschen Demokratischen Republik vom 20. Dezember 1965. <http://www.verfassungen.de/ddr/zivilgesetzbuch75-einfuehrung.htm>
 7. Familiengesetzbuch der Deutschen Demokratischen Republik vom 20. Dezember 1965. <http://www.verfassungen.de/ddr/familiengesetzbuch65.htm>
 8. Gesetz der Arbeit zur Förderung und Pflege der Arbeitskräfte, zur Steigerung der Arbeitsproduktivität und zur weiteren Verbesserung der materiellen und kulturellen Lage der Arbeiter und Angestellten vom 19. April 1950. <http://www.verfassungen.de/ddr/gesetzderarbeit50.htm>
 9. Gesetz über den Mutter- und Kinderschutz und die Rechte der Frau vom 27. September 1950. <http://www.verfassungen.de/ddr/mutterkindgesetz50.htm>
 10. Gesetzbuch der Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik vom 12. April 1961. <http://www.verfassungen.de/ddr/gesetzbuchderarbeit61.htm>

К.А. Петров

Тверь, Тверской государственный университет

Влияние традиционных гендерных представлений на правовую культуру народов Тропической Африки в 1980–2000-х годах

В обществах современной Тропической Африки правовые системы достигли существенного прогресса в отношении политики гендерного равенства, улучшения положения женщин, ликвидации бесправия женщин и мужчин в различных областях жизни населения. Однако существующее в субсахарском регионе законодательство продолжает транслировать традиционные для местных этнических групп представления и стереотипы, закрепляет исторически сложившиеся практики, дискриминирующие как женщин, так и мужчин.

Правовая культура Тропической Африки на постколониальном этапе развития связана с сохранением в ней норм обычного права, которые воспроизводят традиционные гендерные представления. Они оказывают влияние на правовую культуру субсахарских обществ тремя способами.

Во-первых, обычное право, отражая традиционные представления, является одним из источников законодательства, что приводит к трансляции через нормативно-правовые акты губительных стереотипов и дискриминационных практик. Так, например, до 1993 г. мужчины в Бурунди обладали правом на произвольный односторонний развод, от женщины не требовалось согласие при вступлении в брак, а семейные отношения, согласно Лично-семейному кодексу, строились на повиновении жены [5, с. 8]. В большинстве субсахарских государств Семейный кодекс и иное законодательство, регулирующее брачно-семейные отношения, устанавливали главенствующую роль мужа, который определял domicilio, контролировал трудовую деятельность жены, представлял ее интересы в суде [4, с. 22, 28–29; 6, с. 118; 9, с. 33]. Утверждение роли мужчины как главы семьи является дискриминационным в отношении не только женщин, но и мужчин. Подобная установка приводит к гендерно-ролевому стрессу, когда мужчина не имеет возможности или желания соответствовать устоявшемуся стереотипу [10, с. 41]. Гендерно-ролевой стресс имеет последствия как для самих мужчин, которые переживают таким образом психологическое насилие, так и для женщин, становящихся жертвами агрессии со стороны своих мужей. Девочки и мальчики, получающие воспитание в семье и школе в контексте закрепленных законодательством семейных ролей, не имеют возможности выбора занятий или траекторий жизненного пути.

Традиционные представления о превосходящей роли мужчины также находят отражение в уголовном законодательстве, которое часто не рассматривает мужчину как возможную жертву насилия, в том числе сексуального. В нормативных правовых актах, регулирующих преступления на сексуальной почве, жертвой обычно обозначается исключительно лицо женского пола [8, с. 18].

Во-вторых, обычное право в некоторых государствах Тропической Африке существовало наряду с официальным законодательством. В частности, в Бенине в 1980–2000-х гг. продолжал действовать Свод обычаев Дагомеи, принятый в 1931 г. Несмотря на наличие противоречий между обычаями и нормативными правовыми актами постколониального Бенина, применение первых не запрещалось. Это приводило к тому, что при рассмотрении дел, попадающих под действие одновременно Свода обычаев и официального законодательства, судебные инстанции обращались к традициям. Подобная ситуация являлась несправедливой по отношению к женщинам по причине существенного количества дискриминационных положений в Своде обычаев.

Аналогичная проблема была характерна и для ряда других государств Тропической Африки. В рамках патриархального характера культуры субсахарских обществ при выборе между обычаем и нормативно-правовым актом органы судебной власти, особенно традиционные суды, отдавали предпочтение первому.

Наконец, обычное право применялось различными этническими группами, несмотря на существующее законодательство, которое напрямую запрещало те или иные практики. Местные общества отвергали изменения, которые национальные правительства вносили для улучшения положения женщин и мужчин. Это показывает, насколько сильно традиционные представления определяют современное восприятие африканцами социальной действительности.

Прежде всего, к такого рода проявлением традиционных представлений стоит отнести проблему сохранения в постколониальных субсахарских обществах практик калечащих операций на женских половых органах, или женского обрезания. Несмотря на то, что национальные правительства большинства государств уже в 1980–2000-х годах отнесли эти практики к разряду делинквентного поведения, значительное число этнических групп продолжали их применять. Калечащие операции различаются по степени жестокости и функциональному назначению, но наиболее частыми являлись практики клитеродэктомии, проводимые как обряд

инициации с целью «очищения» девушки и контроля над женской сексуальностью [1, с. 17–19].

Также остро стояла проблема сексуального насилия в семье, которое было запрещено законодательством, однако, согласно традиционным представлениям и обычаям, являлось нормой. В ряде государств Тропической Африки в 1980–2000-х годах изнасилование женщины мужем не воспринималось в качестве преступления [3, с. 16–17; 7, с. 22]. Однако даже в тех случаях, когда бытовое сексуальное насилие подвергалось криминализации, согласно обычаю случаи изнасилования или инцеста замалчивались родственниками и правоохранительными органами, воспринимавшими это в качестве «семейного вопроса» [2, с. 35; 8, с. 70].

Таким образом, традиционные представления, в том числе отражающиеся в нормах обычного права, оказывали разностороннее влияние на правовую культуру государств Тропической Африки 1980–2000-х годов. Обычное право, которое либо являлось источником нормативных правовых актов, либо сосуществовало с ними на легальных или нелегальных основаниях, приводило к сохранению и воспроизведению гендерных стереотипов и дискриминационных практик.

Список источников и литературы

1. *Camara P.O., Soumaoro S., Yoder P.S.* Female Genital Cutting and Coming of Age in Guinea. Calverton, 1999.
2. CEDAW. Combined Initial, Second, Third, Fourth and Fifth Periodic Reports of States Parties. Sierra Leone. 14 December 2006. Rep. UN CEDAW/C/SLE/5.
3. CEDAW. Combined Second, Third, Fourth and Fifth Periodic Report of States Parties. Malawi. 28 June 2004. Rep. UN CEDAW/C/MWI/2-5.
4. CEDAW. Initial Report of States Parties. Namibia. 10 February 1997. Rep. UN CEDAW/C/NAM/1.
5. CEDAW. Initial Reports of States Parties. Burundi. 3 July 2000. Rep. UN CEDAW/C/BDI/1.
6. CEDAW. Initial Reports of States Parties. Guinea. 6 March 2001. Rep. UN CEDAW/C/GIN/1.
7. CEDAW. Second and Third Periodic Reports of States Parties. Nigeria.

- 26 February 1997. Rep. UN. CEDAW/C/NGA/2-3.
8. CEDAW. Third Periodic Reports of States Parties. Uganda. 3 July 2000. Rep. UN CEDAW/C/UGA/3.
9. Combined Second, Third, Fourth and Fifth Periodic Reports of States Parties. Gabon. 25 June 2003. Rep. UN CEDAW/C/GAB/2-5.
10. *Harrel-Bond B.E., Rijnsdorp U.* Family Law in Sierra Leone. A Research Report. Leiden, 1975.

Л.Н. Попкова

*Самара, Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева*

**Политика гендерного равенства и идентичности:
дискуссии в американском феминизме 1990–2000-х годов**

В современном глобальном мире поиск новых стратегий достижения равноправия женщин и мужчин обостряет феминистские дискуссии о сочетании социально-экономической политики равенства и культурной политики признания отличий женщин и мужчин. В 1990-е годы традиционной для феминизма тема значимости особого женского опыта и женской культуры стала частью американской общественной дискуссии по проблеме мультикультурализма. Наряду с расовыми, этническими и иммигрантскими сообществами многие женские группы сосредоточили свое внимание на политике идентичности. Вслед за идеологами мультикультурализма они утверждали, что общественное уважение и признание идентичности женщин не только способствует обретению ими чувства коллективного достоинства, но и является важным фактором достижения гендерного равенства.

Молодое поколение американских активисток объявило о начале третьей волны феминизма, «феминизма силы», противопоставляя себя предыдущему этапу «феминизму жертвы». Журналистка Наоми Вулф, известная своим бестселлером «Миф о красоте», публикует в 1994 г. новую книгу, предлагающую перспективные модели обретения «женской власти». Самыми значимыми, по ее утверждению, оказываются психологические стра-

тегии преодоления неверия в собственные силы, в выбор своей судьбы, в обретении подлинной женской идентичности. «Вы сами ответственны за свое падение и свой успех, если вами движет гордость и самоуважение, а не ощущение себя жертвой» [4, р. 315]. Признание значимости «женского мироощущения и самоуважения» оказывается первостепенным фактором достижения гендерной справедливости. Как писала одна из активисток, «возможность делиться интимными переживаниями, говорить “своим голосом”, доверительность общения создавали особый “женский мир”. В этом мире взаимная поддержка и принадлежность сообществу конструировали наши представления о собственных возможностях и стратегиях сопротивления» [3, р. 45].

Своего рода культурный поворот в движении за права женщин вызвал серьезную критику со стороны левого академического феминизма. Политический философ Нэнси Фрейзер формулирует новую идеологическую дискуссионную проблему как дилемму: «перераспределение или признание». Она полагает ошибочным сосредоточение исключительного внимания на вопросах гендерной идентичности, искажающее понимание стратегий достижения реальной эмансипации женщин. По мнению Фрейзер, в неолиберальную эпоху кризиса социального государства, ослабления левых и социал-демократических сил «требования о признании групповых различий звучат все более громко, заглушая требования социального равенства. Результатом стало отделение культурной политики от политики социальной» [2, р. 2]. Философ не призывает игнорировать вопросы статусного признания и обеспечения уважения женщинам через положительную оценку женственности. Ее беспокоит, когда этот сценарий не подкрепляется программами, нацеленными на решение проблем бедности, социальных пособий матерям, преодоления гендерной сегрегации в сфере занятости. «Необходимо признать, что оси несправедливости пересекаются. Сегодня мы завязли в порочных кругах взаимно усиливающих друг друга культурного и экономического угнетения» [1, с. 106]. Идеи Н. Фрейзер о значимости учета пересекающихся видов неравенства получили развитие в формирова-

нии нового подхода к изучению механизмов господства и к выработке женским движением солидарных программ сопротивления.

Культурному феминизму с его идеей о существовании единого женского субъекта с его отличным от мужчин женским миром впервые был брошен вызов со стороны афроамериканского феминизма, возникшего как отдельное течение в 1980-е годы. В центре внимания идеологов этого направления оказывается особый опыт черных американок, характеризующийся множественным угнетением. Начиная с работы Анжелы Дэвис «Женщины, раса и класс», опубликованной в 1981 г., черные феминистки доказывали, что, несмотря на то, что расизм и сексизм постоянно пересекаются в повседневной жизни, антирасистские и феминистские движения продолжают существовать отдельно. Предложенный в 1990-е годы новый подход к изучению социального неравенства был обозначен чернокожей феминисткой, юристом Кимберли Креншоу термином «интерсекциональность», перекрестком социальных позиций и распределения власти в обществе. Призывая к отказу от фокуса бинарных гендерных оппозиций, сторонники нового подхода настаивали на том, что при анализе опыта индивидов необходимо учитывать не только наиболее значимые различия, такие как гендер, класс, раса, этничность, но также гражданство, сексуальную ориентацию, возраст, состояние здоровья и другие.

В стратегию борьбы за женское равноправие должны быть включены задачи преодоления всех практик социального исключения. По мнению известной феминистской исследовательницы Ниры Ювал-Дэвис, признание культурных различий, даже если они являются специфичными только для конкретной группы, влияет на практики социального исключения, поэтому не могут рассматриваться как отдельная политика. «Если вы не допускаете к профессии учителя или священника, человека с нетрадиционной сексуальной ориентацией, вы лишаете его тем самым и экономических ресурсов» [5, p. 200].

Общественные дискуссии формировали новый политический вызов для американского феминизма: как возможна женская солидарность и единое действие, если опыт женщин так разноо-

бразен и множествен? Ответом на этот вызов стало определение задач феминистской политики в XXI в. Новые цели должны состоять не в борьбе за реализацию равенства определенной группы с общей идентичностью под названием «женщина», а в борьбе против многочисленных форм угнетения, в которых категория «женщина» сконструирована как подчиненная. Солидарная борьба с другими группами против всех различных видов неравенства будет направлять женское движение США.

Список источников и литературы

1. *Фрейджер Н.* От перераспределения к признанию? Дилеммы справедливости в «пост-социалистскую» эпоху// Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 85–114.
2. *Fraser N.* Justice Interruptus: Critical Reflections on the «Postsocialist» Condition. N.Y., 1997.
3. *Heywood L., Drake J.* Third Wave Agenda: Being Feminist, Doing Feminism. L., 1997.
4. *Wolf N.* Fire with Fire: The New Female Power and How It Change the 21st Century. L., 1993.
5. *Yuval-Davis N.* Intersectionality and Feminist Politics // European Journal of Women's Studies. 2006. № 13 (3). P. 193–209.

Н.А. Бурданова

Санкт-Петербург, Московский районный суд Санкт-Петербурга

Гендерная характеристика субъектов правоотношений как детерминанта разрешения судебных споров о воспитании детей

Под родительскими правами в современной правовой науке понимается совокупность прав и обязанностей, принадлежащая родителям как субъектам родительских правоотношений [11, с. 303]. Права родителей признаются юридически равными (ст. 61 Семейного кодекса Российской Федерации [13]). Среди личных неимущественных прав основополагающими являются права на воспитание детей как формирующие личность ребенка. Объем и

содержание личных неимущественных прав каждого из родителей на различных этапах эволюции российской государственности претерпевали существенные изменения.

До XVIII в. в России осуществление личных родительских прав и обязанностей преимущественно регулировали нормы обычного права [2, с. 19]. По точному определению К.А. Неволина, «власть родителей над детьми, и при том власть обоих родителей, была признана у нас уже во времена язычества» [6, с. 317]. Принятие христианства в 988 г. определило главенствующую роль религиозных норм в регулировании родительских прав и обязанностей [1, с. 14.] В силу патриархальности русской семьи полнота родительской власти была сосредоточена в руках главы семейства. К матери она переходила в случае смерти отца и сохранялась за ней даже в случае повторного замужества [7, с. 63].

В Российской империи родительские права не ограничивались во времени, поскольку не прекращались после достижения детьми определенного возраста. Объем указанных прав не изменялся в зависимости от применения к дочери или сыну (статьи 164, 165 Свода законов гражданских [12]). Государством в безусловном порядке защищались права родителей. Отец имел широкий круг родительских прав при отсутствии какой-либо существенной ответственности [9, с. 8–9]. Формальные изменения в данной области произошли в середине XIX в., но в силу консервативности и замкнутости института семьи не были повсеместно реализованы [15, с. 238].

После 1917 г. правовое регулирование осуществления родительских прав претерпело кардинальную перемену. В советский период безусловная власть отца семейства утратила значение, родители были уравнены в правах, государство стало активно вмешиваться в процесс воспитания детей (статья 150 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 22 октября 1918 г. [4], статья 38 Кодекса законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г. [5], статьи 3, 54 Кодекса о браке и семье Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 30 июля 1969 г. [3]). Постсо-

ветский период не внес существенных изменений в правовое регулирование данной области. Позволим отметить исправление отдельных недочетов, совершенствование законодательства, признание его в соответствие с объективными обстоятельствами (глава 12 Семейного кодекса Российской Федерации).

Современная судебная практика свидетельствует о реализации принципа равенства родительских прав и обязанностей [8]. Впрочем, публичными властями осуществляется необходимое реагирование на родительские правонарушения: отобрание ребенка, лишение родительских прав, некоторые случаи ограничения родительских прав [10]. Встречаются ситуации необоснованного препятствования одним из родителей, с которым проживает ребенок, прав другого родителя на воспитание несовершеннолетнего, на общение с ним. Суды принудительно определяют порядок осуществления родительских прав родителем с целью сохранения равенства родителей. Исполнение решения суда осуществляется судебными приставами-исполнителями с привлечением органов опеки и попечительства, общественных организаций, однако при отсутствии налаженного контакта между родителями является малоэффективным. В данной сфере внедряется относительно новый институт профессиональных посредников между спорящими сторонами – медиаторов для оказания родителям помощи в создании новой модели взаимодействия. Они обладают комплексными навыками в области психологии, философии, конфликтологии [14].

Таким образом, права родителей на воспитание детей в ходе развития Российского государства неоднократно претерпевали существенные трансформации, обусловленные гендерными различиями родителей и переосмыслением роли и положения ребенка в семье. В настоящее время судебная практика российских судов дает уверенные основания констатировать свершившийся переход от патриархальной зависимости ребенка решениям отца в дореволюционный период к равенству родительских прав отца и матери применительно как к дочерям, так и сыновьям.

Список источников и литературы

1. *Беляева Н.В.* Регулирование брачных отношений у русских славян в семейном праве // В мире права. 2001 г. № 2. С. 12–26.
2. *Ефременкова Д.А.* «Богу и мужу угодить и дом свой устроить...»: система гендерных отношений и правовой статус супругов в брачно-семейном законодательстве России в IX–XX вв. М.: NOTA BENE, 2008.
3. Кодекс о браке и семье Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 30 июля 1969 г. // Ведомости Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. 1969. № 32. Ст. 1086.
4. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 22 октября 1918 г. // Собрание узаконений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. 1918. № 76. Ст. 818.
5. Кодекс законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г. // Собрание узаконений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. 1926. № 82. Ст. 612.
6. *Неволин К.А.* История Российских гражданских законов: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005.
7. *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Юридический центр пресс, 2006.
8. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г. // СПС Консультант-Плюс.
9. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. По изд. 1896 г. М.: Статут, 2003.
10. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС Консультант-Плюс.
11. *Пчелинцева Л.М.* Семейное право России. М: НОРМА, 2004.
12. Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1: Гражданские законы. СПб., И.В. Вернадский, 1878.
13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 6 февраля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 46. Ст. 5243.

14. Федеральный закон РФ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ред. от 26 июля 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.
15. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. По изд. 1907 г. М.: СПАРК, 1995.

М.П. Теленьга

Краснодар, Кубанский государственный университет

Борьба за феминитивы в Германии: от места в лингвистике до женщины-канцлера

В одном из своих эссе, опубликованном в 2015 г. в *Time* и посвященном идеальному, по ее мнению, образу женщины-президента, профессор гуманитарных наук Университета искусств Филадельфии Камилла Палья высказывает мысль, которую в дальнейшем вставит в книгу «Свободные женщины, свободные мужчины: секс, гендер, феминизм»: «[Но] лучшая на сегодняшний день модель для начинающих женщин-политиков – канцлер Германии Ангела Меркель, которая сочетает в себе неповторимую личность с привлекательной спонтанностью и интересом к жизни» [2]. Исследовательница отмечает, что немецкая политик жесткая и дерзкая в конфликте, но излучает тепло и юмор, а также легкость обычной человеческой жизни.

Известная немецкая феминистка Криста Вихтерих аналогично отмечает положительный эффект присутствия Меркель на главном посту ФРГ: несмотря на то, что канцлер не является феминисткой, она очень поддерживает женщин, подчеркивает, что они должны идти и в политику в том числе, что имеет позитивные последствия [1].

Несмотря на увеличивающееся число женщин-политиков, например в Хорватии, Финляндии, Новой Зеландии, Бангладеше, образ Ангелы Меркель остается примером для начинающих женщин-политиков.

Сам факт того, что Меркель занимает так долго пост канцлера, является уникальным случаем. И мы видим в этом одну из возможностей связать такой политический успех с заслугой немецкого языка и введения феминитивов.

Феминизация немецкого языка уходит своими корнями в 1970-е годы. С одной стороны, рассматривалась разница между мужчинами и женщинами в разговорной речи и в рамках взаимодействия и насколько это отражает дискриминацию. С другой – процесс воспринимал грамматику немецкого языка как некий инструмент для борьбы за равные права. Луиза Пуш (Luise Pusch), немецкая лингвист, пионерка феминистической лингвистики, писала: «Мы, женщины, уже давно осознаем, что феминизация языка приведет человеческую расу немного ближе к гуманизму» [3], одновременно с этим задаваясь вопросом, как по отношению к студенческой аудитории, состоящей из 99 девушек и одного молодого человека, может быть использовано определение «Студенты» (Studenten) [3].

Наряду с Луизой Пуш основательницей феминистической лингвистики в Германии считается Зента Трёмель-Плётц (Senta Trömel-Plötz), которая в своих работах первой обратила внимание на взаимосвязь между грамматическим гендером и гендером в целом. Приводя пример с доктором и пациентом, Трёмель-Плётц рассуждала, что грамматический гендер обоих слов мужской, что совершенно никак не соотносится с полом и гендером личности, которая выступает в роли врача или пациента [4]. Ее предложением было выйти на гендерно-нейтральную лингвистику. Со стороны традиционных лингвистов последовала критика: Хартвиг Кальверкемпер (Hartwig Kalverkämper) настаивал на том, что Трёмпель-Плётц в частности и вся феминистическая лингвистика в целом спутывают понятия грамматического гендера и гендера как такового. Он расписывал, что грамматический гендер имеет под собой 2 основания: в зависимости от контекста он может быть гендерно-нейтральным или акцентировать внимание на биологическом поле или гендере участников. Кальверкемпер был не единственным, кто выступил с критикой. Споры между сторонниками и противниками послужили основанием для того,

что были проведены анализ соответствия немецкого эквивалента латинскому слову *genus Geschlecht* и разбор соотношения парных слов мужского и женского рода, обозначающих схожие явления (*die Sonne – der Mond, der Tag – die Nacht*), провозглашен тезис о том, что употребление гендерно-нейтральных слов спровоцирует дискриминацию мужчин, и в итоге привели к тому, что был опубликован ряд указаний и инструкций по использованию гендерно-нейтральной лексики [4].

Более поздние исследования показали, что использование даже не гендерно-нейтральной, а гендерно-симметричной лексики – употребление суффикса *-in* для обозначения женского рода или парных форм (*der Bürger/die Bürgerin*) – приводит к более яркому проявлению женщин в рамках языка. Однако существуют противоположные результаты, где подчеркивается, что мужская форма слов (*MAN-bias, Man As Norm-bias*) представляет собой норму в виду долгой языковой традиции [4].

Одним из первых и ярких примеров использования женской формы слова на официальном уровне является предвыборная кампания Ангелы Меркель 2005 г. В качестве лозунга одного из первых интернет-видеороликов была использована игра слов: Меркель именовали «*Die Kandidatin*», а далее следовал вопрос: «*Kann die dat?*» («Может ли она это сделать?») [5]. Несмотря на то, что во время дебатов Меркель не подчеркивала свой гендер, поддержка со стороны немецких феминисток последовала. Во время последующих трех кампаний она подчеркивала, что не является феминисткой, создавала образ сильного лидера («Сила брючных костюмов», как прозвал это журнал «*Der Spiegel*»), однако окружала себя достойным коллегами-женщинами – примерно 50% Федерального кабинета канцлера составляют женщины. Был учрежден День девочек, когда канцлер встречается с молодыми женщинами и обсуждает с ними проблемы. Любое официальное мероприятие начинается с обращения к аудитории с использованием парных форм слов. Но самое главное, Меркель выдернула свою партию из существовавшего долгое время стереотипа, что предназначение женщины – дети-кухня-церковь (*Kind-*

er-Küche-Kirche). Помимо того, она служит образцом для подражания – молодых женщин привлекают к политике. И несмотря на нежелание называть себя феминисткой, Меркель придерживается целостного подхода ко множеству вопросов занятости, науки и техники, демографии и миграции, что составляет ее собственную версию «учёта гендерной проблематики».

Список источников и литературы

1. *Смирнова Ю.* Криста Вехтерих: «Я – феминистка поколения 70–80-х, и мы должны защитить то, чего мы добились» // Colta. 17.03.2018 <https://www.colta.ru/articles/mosty/17608-krista-vihterih-ya-feministka-pokoleniya-70-h-80-h-i-my-dolzheny-zaschischat-to-chego-my-dobilis>.
2. *Paglia C.* Camille Paglia: What a Woman President Should Be Like // Time. 13.07.2015. <https://time.com/3955817/camille-paglia-hillary-clinton-angela-merkel-woman-president/>
3. *Pusch L.* Language Is Publicity For Men – But Enough is Enough! // German Feminist Writings. <https://books.google.ru/books?id=luLfPGt3Va0C&pg=PA243&lpg=PA243&dq=german+feminist+writing+on+feminization+of+language&source=bl&ots=QFRHh91G-x&sig=ACfU3U-22PUMZZUR2UJILVDzjvZGuAnx6Q&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKew-jX9tu3gZbpAhV6wMQBHZYAAUcQ6AEwAnoECAoQAQ#v=onepage&q=german%20feminist%20writing%20on%20feminization%20of%20language&f=false> (дата обращения: 02.05.2020).
4. *Posch C.* Feminist Language Forms in German: A Coprus-Assisted Study of Personal Appellation with No-Human Referents. https://books.google.ru/books?id=pzA_BAAAQBAJ&lpg=PA79&dq=german%20feminist%20writing%20on%20feminization%20of%20language&hl=ru&pg=PA68#v=onepage&q&f=true (дата обращение: 02.05.2020)
5. *Mushaben J.M.* Kan-di(e)-dat? Unpacking Gender Images Across Angela Merkel's Four Campaigns for the Chancellorship, 2005–2017 // German Politics and Society. Spring 2018. Iss. 126. Vol. 36 (1). P. 31–51.

Е.В. Аброськина*Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН***Женские практики покрывания головы в Тунисе:
носить нельзя снимать**

Современное распространение практик ношения хиджаба в мусульманских сообществах зачастую подается через призму независимого женского выбора. Так, антрополог Кэтрин Буллок спорит с основательницей исламского феминизма Фатимой Мернисси о том, что ношение хиджаба не имеет ничего общего с притеснением женщин, приводя в пример интервью с мусульманками и цитаты из Корана и Сунны. Более того, она утверждает, что «женщины ученые, которое не покрываются сами, являются авторами большинства исследований в области движения “развуалирования” [4, с. 9]. Мы позволим себе не согласиться с Буллок и пойти вслед за Мернисси: наша задача – показать, как практики покрывания головы у женщин в таком мусульманском регионе, как Тунис, тесно связаны с вопросом власти, политики и мужского волеизъявления.

В античный период и в период исламизации региона женщины в Тунисе традиционно покрывали свою голову, начиная с вхождения в фертильный возраст. Нормы, касающиеся покрывания головы в период римского правления, достаточно широко описаны в историографии [1]. Что касается периода арабского завоевания, то начиная с VII в. женщинам предписывается покрывать голову – согласно установлениям Корана и Сунны пророка Мухаммада. Так, например, в суре 33 аяте 59 сказано: «Пророк! скажи супругам твоим, дочерям твоим, женам верующих: плотнее опускали бы они на себя покрывала свои: при таком опускании они не будут узнаваемы, и потому не будут оскорбляемы» [3, с. 795–797].

Колониальное завоевание Туниса Францией и последующее за ним противостояние и война за независимость послужили толчком для обсуждения женского вопроса в целом и вопроса покрывания в частности. Несмотря на то, что французские власти не

вели на территории Туниса борьбу с традиционным покрывалом (в отличие от Алжира [7]), оно регулярно помещалось в центр внимания политиков и борцов за свободу Туниса. Хабиб Бургиба – первый президент – в начале своей политической карьеры имел весьма нетипичное для того времени отношение к покрывалу. 8 января 1929 г. в Тунисе проходило открытое собрание, организованное культурным объединением левых сил, которое называлось «Мусульманская женщина завтрашнего дня. За или против покрывала», на нем обсуждалось, предписано ли ношение покрывала Кораном [6, с. 30]. Тунисская феминистка Хабиба Меншари, которая была членом Французской секции Интернационала трудящихся, выступила на собрании и публично сняла с себя покрывало. Данный поступок был раскритикован присутствующими, в частности – молодым адвокатом Бургибой, который не преминул осветить эти события в своей статье. Он допускает, что однажды, когда символическое значение покрывала исчезнет, женщина почувствует себя в безопасности без него, однако пока этот день еще не наступил. Бургиба призывает к постепенным переменам, а не к революционным порывам с традицией. Таким образом, впервые тунисское покрывало было помещено в политическое поле, внутри которого его значение было обозначено как маркер национальной идентичности. М. Шаррад в своей статье отмечает, что, делая женщин невидимыми, покрывало создавало наиболее заметный разрыв между колонизатором и колонизируемым [5, с. 292]. Пока страна находилась под властью Франции, националистическое руководство Нового Дестура (партии Бургибы) встало на позиции защиты культурной самобытности, а «женский вопрос» и «национальный вопрос» оказались переплетены: Е. Гапова обозначает такое переплетение как «отождествление “тела нации” с телом женщины», чтобы путем манипуляций с последним «защитить» нацию от опасности [2, с. 33].

После обретения независимости Бургиба меняет свою политику (или считает, что процесс эволюции общества пройден). Желая «освободить женщин», он понимает, что закутанная в покрывало женщина не сможет работать на фабрике или учиться в колледже.

Поэтому он проводит ряд публичных акций снятия покрывала, чтобы показать, как нужно женщинам действовать дальше. Отношение к подобным действиям были неоднозначными, однако говорить об этом в публичном пространстве стало возможно лишь после смерти Бургибы и революции 2011 г. На наш взгляд, снятие покрывала в данном случае было символическим насилием по отношению к женщинам. Стоит напомнить, что покрывало обладало высоким символическим статусом. Так, Болонь подчеркивает тот факт, что ношение покрывала являлось вожделенной привилегией: признаком общественного положения и статуса [1, с. 31]. Кроме того, покрывало было знаком неработающей женщины, что также говорило о ее высоком социальном статусе. Теперь можно предположить, каким ударом была для традиционного общества эмансипационная политика Бургибы.

В заключении мы хотели бы обратиться к утверждению уже упомянутой нами Фатимы Мернисси, которая считала, что текст Корана используется в качестве подавления женщин, однако, проблема вовсе не в самом тексте, а в том, как с ним обращаются имеющие власть мужчины [8]. На протяжении истории Туниса мужчины решали (и решают до сих пор) за женщин, что им требуется делать со своим телом: закрыть его или открыть, обосновывая и то, и другое требование самыми разными причинами и используя самые разные инструменты, главным из которых является стыд. Разница заключалась лишь в том, что до 1956 г. стыдным считалось не носить покрывала (дабы не прослыть порочной женщиной), а после 1956 г. считалось постыдным его носить, тем самым демонстрируя свою непросвещенность.

Список источников и литературы

1. Болонь Ж.-К. О женской стыдливости. Женщины скрытые, раскрытые, распознанные. М., 2014.
2. Гапова Е. Классы наций: феминистская критика нациостроительства. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
3. Коран. Репринтное воспроизведение издания 1907 г. В 2-х томах // Пер. Г.С. Саблукова. Управление внешних связей мусульманских организаций СССР. М., 1992. Т. 2.

4. *Bullock K.* Rethinking Muslim Women and The Veil. Challenging Historical and Modern Stereotypes. IIT Books-In-Brief Series. Herndon, VA: International Institute of Islamic Thought, 2010.
5. *Charrad M. M.* Policy Shifts: State, Islam, and Gender in Tunisia, 1930s – 1990s // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society.* Summer 1997. Vol. 4 (2). P. 284–319.
6. *Hopwood D.* Habib Bourguiba of Tunisia: The Tragedy of Longevity. L.: Palgrave Macmillan, 1992.
7. *MacMaster N.* Burning the Veil: The Algerian War and the “Emancipation” of Muslim Women, 1954–62. N.Y.: Manchester University Press, 2009.
8. *Mernissi F.* Beyond the Veil: Male-Female Dynamics in a Modern Muslim Society. Cambridge: Schenkman Publishing Co., 1975.

А.В. Дегтева

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

**Священные коровы:
формальная и неформальная регламентация поведения
беременных и кормящих женщин в общественных местах**

В области отношения к материнству, как и во многих других сферах общественного знания, современное российское общество сложно назвать гомогенным. Постсоветская трансформация породила несколько гендерных контрактов, предписывающих различные нормы производства материнства в повседневности – как в общественной, так и в приватной сферах [2].

Столкновение этих моделей предсказуемо может приводить к конфликтам как в реальной жизни, так и в области сетевого общения, причем обе эти сферы активно влияют друг на друга. В своем докладе мне бы хотелось показать через анализ комментариев к резонансным постам в сети Facebook, каким образом пользователи конструируют образ беременных и кормящих женщин и какие предпосылки о сущности беременности и грудного вскармливания пользователи используют для обоснования предлагаемых ими норм поведения в общественных местах.

Оба примера обсуждений, взятых мной для анализа, относятся к 2018 г. и представляют собой сообщение организации или ее

представителя о конфликте с клиенткой. В первом случае ресторан отказался последовать требованию беременной посетительницы подать ей стейк высокой степени жарки – этот способ приготовления не предусматривает политика заведения, на момент конфликта нигде не прописанная формально (<https://www.facebook.com/DmirtyLevitsky/posts/1544281599003835>). В другом случае официант попросил посетительницу прекратить кормление ребенка грудью, сославшись на правила, содержащие пункт о том, что кормление на территории кафе запрещено (<https://www.facebook.com/Coffeemia.ru/posts/1602477713170590>).

Первый пост собрал более семи тысяч комментариев, второй – более двух тысяч. Основным предметом обсуждения стала попытка выработать и мотивировать правила, которым заведение должно следовать в этих случаях – и, соответственно, особые правила и права, связанные с материнством.

Одной из ядерных тем обсуждения становится сам факт особого статуса матерей (беременных и кормящих женщин), подразумевающий особое к ним отношение. Здесь убеждения пользователей колеблются от представления об эссенциальности такого статуса – *«безусловно заслуживают отдельного внимания и отношения, так и в животном мире и в человеческом обществе принято»*, так и о его сконструированности и нелегитимности: *«с беременными нужно общаться ровно так же, как с любым другим человеком»*, причем ключевая роль в конструировании такого статуса ради получения выгод может приписываться самим матерям: *«отставании кормящими мамами (которым молоко в голову ударило), каких-то своих прав»*. Впрочем, некоторые пользователи рассматривают особое положение матерей, напротив, как обоснование для поражения в правах: *«Беременность – хуже наркомании. И к беременным нужно относиться соответственно, как к больным неизлечимой психической болезнью, опасной для окружающих»*. Таким образом, несмотря на разный характер особого положения, приписываемого беременным и кормящим женщинам, и разные мнения по поводу справедливости такой ситуации, материнство конструируется как принадлежность к особой аут-группе.

Набор качеств, приписываемых представительницам этой группы, достаточно предсказуем: от «женщин вообще» матери в момент максимальной проявленности этой категории в телесной форме отличаются тем же, чем «женщины вообще» отличаются от «людей вообще»: повышенной эмоциональностью, в том числе в ущерб когнитивным способностям: *«временное помутнение рассудка, в связи с беременностью»*. В своем крайнем выражении такое изменение эмоционального статуса описывается как опасное, требующее изоляции *«Эта категория женщин опаснее бойцовских собак, их нельзя пускать в общественные места»*.

Категоризация грудного вскармливания, включающего в себя одновременно и принятие пищи, и выделительный процесс, также является проблемной. Попытка описать процесс как «естественный» приводит к противоречивым результатам – от нормализации (естественное не безобразно) до запрета и необходимости вынесения в особое пространство по аналогии с другими телесными процессами. Такая аргументация часто сопровождается выразительными иллюстрациями, призванными вызвать у собеседника то же отвращение, которое оно вызывает у автора. Сторонники грудного вскармливания при этом могут апеллировать как к высокому значению материнской роли, так и к недостаточной цивилизованности противников.

Подобное сочетание качеств – с одной стороны – святость, миссия, высокий статус – с другой – неприглядность и вызываемое отвращение, характерны для категории, которую антрополог Мэри Дуглас [1] обозначает как «сакральное» – священное и нечистое одновременно. Сущности, относящиеся к этой категории, должны быть отделены от прочих ради предотвращения осквернения. Именно в этом архаическом представлении могут крыться корни требования отделить матерей в особые пространства, в лучшем случае – в «специальные комнаты» внутри общественных пространств; в худшем случае их ждет предложение «сидеть дома» как во время беременности, так и во время младенчества ребенка.

Тем не менее ограничиться обсуждением основания для дискриминации матерей в данном случае было бы неправильно. Сле-

дует упомянуть, что в каждом из случаев авторы обновили пост по результатам обсуждения: в первом случае результатом стала письменная фиксация политики заведения в отношении прожарки мяса, во втором администрация удалила из правил запрет на грудное вскармливание в кафе. Второе особенно примечательно, так как изначально речь шла не о конкретном случае, но о выработке закреплённой формально нормы.

Данная дискуссия ярко проявила конкурентоспособность альтернативного дискурса о материнстве – идеологии интенсивного материнства в рамках контракта «мать-профессионал»: его носительницы, преимущественно представительницы среднего класса, отстаивают свое право на присутствие в социальной жизни во время беременности и младенчества детей. Одним из ключевых аргументов является логика общества потребления – мать с младенцем является клиенткой заведения и требует адаптации общественного пространства под свои нужды [3]. Дискурсивно это часто облекается в формулировку, связанную с «цивилизованностью» – соответствием новым нормам поведения.

Список источников и литературы

1. *Дуглас М.* Чистота и опасность Анализ представлений об осквернении и табу. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц КУЧКОВО ПОЛЕ, 2000.
2. *Темкина А.А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в постсоветской России // Социальные исследования. 2002. № 11. С. 4–15.
3. *Шпаковская Л.Л., Чернова Ж.В.* Город, дружественный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 160–177.

Т.Л. Кукса

*Москва, НИУ «Высшая школа экономики»;
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Флешмобы или петиции: как женские активисты обучают правовым ценностям и языку российскую власть и рожениц

Последние четыре года участницы ряда профессиональных сообществ, объединенных темой сопровождения родов, прежде всего доулы, юристы и психологи, активно отстаивают права и свободы неопределенного круга беременных женщин и рожениц, а не только своих частных клиентов. Какие способы активистского высказывания они выбирают? Кому они адресованы? С чем связана такая активность? Какова результативность такого активизма?

Для ответа на поставленные вопросы в хронологическом порядке изложим пять кейсов преимущественно женского и сетевого активизма, чтобы посмотреть на них как на особую разновидность коммуникации.

Осенью 2016 г. две доулы, Юлия Горячева и Мария Ушанкова, запустили флешмоб #насилие_в_родах, не ожидая, что за четыре года существования сетевой акции только в социальной сети «ВКонтакте» получат 980 письменных и преимущественно анонимных рассказов от женщин, пострадавших от жестокого обращения в родах. Создатели паблика пишут, что «тема акушерской агрессии табуируется обществом, ведь главное в родах – это “живая мама, живой ребенок”, а роды – ну да, больно, страшно, грязно, следует потерпеть, а потом попытаться все забыть». Согласно классификации, предложенной организаторами сетевой акции, женщины в родах подвергаются:

- психологическому насилию (оскорбления, шантаж, газлайтинг);
- физическому насилию (битье по лицу, выдавливание ребенка, разрез промежности и другие вмешательства без предупреждения и согласия женщины).

29 марта 2017 г. московская правозащитница, юрист и психо-

лог Арина Покровская запустила сетевую кампанию по поддержке бесплатных родов с сопровождением для всех беременных женщин независимо от места жительства и достатка. Петиция была размещена на портале Change.org. под названием: «Роды с поддержкой должны быть доступны всем российским женщинам». За три года под петицией было поставлено 13752 виртуальных подписей (на момент написания заметки 1.05.2020, <https://www.change.org/p/роды-с-поддержкой-должны-быть-доступны-всем-российским-женщинам>). Суть этой петиции заключается в изменении статьи 51 ФЗ № 323 от 21.11.2011 в части расширения круга лиц, которые могут быть бесплатно допущены к помощи роженицы в роддоме. В текущей трактовке некоторые роддома документально оценивают степень родства партнеров и осуществляют не свойственную им функцию органов дознания, допуская к родам только мужа, мать или дочь. Поэтому в дискриминационном положении, с точки зрения автора петиции, оказываются следующие категории женщин:

- Вдовы, незамужние, женщины, зачавшие путем ЭКО с помощью донорской спермы;
- Женщины, живущие далеко от семьи;
- Женщины, не имеющие близких родственников, сироты;
- Несовершеннолетние, воспитанницы детских домов;
- Женщины, мужья которых работают вахтовым методом, находятся в долгосрочных командировках, являются военнослужащими в удаленных местах службы, находятся в местах заключения;
- Женщины, мужья или другие члены семьи которых не хотят присутствовать на родах по личным убеждениям или по состоянию здоровья,
- Женщины, которые сами не хотят присутствия никого из близких родственников на своих родах, но хотят позвать кого-то другого (подругу, сестру, тетю и т.п.).

Автором петиции предлагается разрешить присутствовать сопровождающему партнеру в ситуации оперативного родовспомо-

жения, как это принято в мировой практике, а также исключить предоставление медицинских справок, подтверждающих отсутствие ряда заболеваний (по аналогии с ситуацией посещения реанимации). Также предлагается исключить право медиков устанавливать ограничения на партнерские роды по своему усмотрению, которое предоставляется им на основании расплывчатой формулировки — «с учетом состояния роженицы».

12 марта 2018 г. Арина разослала текст коллективного обращения (подписанного уже только 28 (невиртуальными) гражданами) заказными письмами в органы власти РФ и общественные организации (ГД РФ; Правительство РФ; Минздрав России; Минюст России; Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка; Уполномоченный по правам человека; Комитет ГД РФ по охране здоровья; Комитет ГД РФ по вопросам семьи, женщин и детей; Движение «МАТЕРИ РОССИИ»; Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека). Со слов Арины, согласно полученным на обращение ответам ведомства обещали учесть представленную «законодательную инициативу».

В феврале 2018 г. другой правозащитник и автор ряда вебинаров о прививках и правах в родах Руслан Трофимов продублировал одно из требований приведенной выше петиции и направил письмо в ГД РФ с просьбой разрешить любым лицам принимать участие в родах по желанию женщины.

26 февраля 2019 г. идейный вдохновитель и директор Института перинатальной поддержки (первого образовательного доульского проекта в России, организовавшего 17 выпусков «профессиональных доул» за шесть лет существования программы.) Екатерина Житомирская-Шехтман инициировала в социальной сети «Facebook» кампанию по направлению личных обращений в Минздрав России в связи с необоснованными ограничениями волонтерских инициатив доул. В этих электронных обращениях заинтересованные женщины указывали на факты их дискриминации и невозможность в рамках ОМС выбирать «моральную и физическую поддержку от сопровождающей роды профессиональной помощницы (доулы) по причине закрытия волонтерских проектов на базе родильных

домов (в том числе московского Перинатального центра при ГКБ № 24)». В рамках неформальных бесед доулам отвечали об отсутствии массового запроса со стороны женщин, в письменных ответах на электронные обращения указывали на отсутствие закрепленного в законе права роженицы на «несемейного» партнера в родах. До сих пор Минздрав России не пошел навстречу профессиональному сообществу и не сделал волонтерство доул обязательным элементом медицинского ландшафта.

В марте 2020 г. гражданский активист и юридоула Мария Молодцова обратилась в прокуратуру города Москвы по факту запрета партнерских родов роддомами Москвы в связи с Covid-2019 без достаточных для ограничения действия статьи 51 323-ФЗ правовых оснований.

В доульской сети можно встретить представителей самых разных специальностей. Однако для целей защиты прав неопределенного круга женщин, лоббирования корпоративных интересов, легализации участия доул в поддержке рожениц на территории роддома используются профессионально оформленные электронные обращения в органы власти, инициируемые, как правило, юридически образованными доулами и/или юристами, работающими с перинатальными проблемами. Эти активистские высказывания по шаблону и с множеством копий имеют прямую и открытую адресацию в органы власти, на понятном для последней языке, а, значит, могут считаться, на мой взгляд, своеобразными юридическими тактиками потребления (легальных механизмов обратной связи) по Мишелю де Серто [1]. В период совместной акции и мобилизации юридических ресурсов представители доульского сообщества артикулируют проблемы, обозначают способы их решения, соединяют профессиональный и бюрократический дискурсы, на пересечении которых пересобираются правовые ценности и вокабуляр для беременных женщин и рожениц.

В же время создание сетевых пабликов доулами-психологами и участие в флешмобах, посвященных непризнаваемым медицинским сообществом проблемам в родовспоможении, в частности акушерской агрессии и насилию в родах, можно квалифицировать

в качестве другого типа активистского высказывания – с необозначенным напрямую адресатом. По мнению перинатальных психологов, участие в подобных флешмобах и психологическое «закрывание родов» помогают женщинам отпустить неоправдавшиеся ожидания и обиды, преобразовать негативные и агрессивные эмоции с помощью наррации, почувствовать поддержку и выразить солидарность с другими участницами. При этом высказывания самих рожениц, их интенции могут быть, на мой взгляд, квалифицированы в качестве рутинного/символического сопротивления («оружия слабых») в понимании Джеймса Скотта [2; 3].

Список источников и литературы

1. *Serто, Мишель де*. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
2. *Scott J.C.* Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1985.
3. *Scott J.C.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, CT: Yale University Press, 1990.

Т.А. Титова, Е.В. Фролова, А.Х. Мингалиев

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Домашнее насилие: мониторинг социальной сети «ВКонтакте»

Насилие в семье – деструктивный социальный процесс, который в той или иной форме наблюдается, согласно оценкам экспертов, почти в каждой четвертой российской семье [1, с. 130]. Подобные насильственные отношения могут возникнуть между близкими людьми: мужем и женой, другом и подругой, партнерами, родителями и детьми. Любой человек может подвергнуться насилию дома, однако по статистике больше всего жертв – среди женщин и детей [1, с. 131].

Статья написана на основе контент-анализа мониторинга в социальной сети «ВКонтакте». Были отобраны девять групп, посвя-

ценных проблеме насилия в семье, с наибольшим количеством участников. В отобранных для анализа сообществах было обнаружено 58 сообщений от жертв домашнего насилия, что составило 1/5 от всех прочитанных публикаций. Все истории делятся на три категории: насилие в отношении женщин, мужчин и детей. Актуальность исследования проблемы домашнего насилия можно определить количеством опубликованных историй. В основном сообщения публиковались под тегами #ЯнеБоюсьСказать, #я_нашла_выход и #metoo.

Таким образом, источниковой базой явились проанализированные нами истории о домашнем насилии.

Работу с людьми, пережившими домашнее насилие, проводят правозащитные организации и кризисные центры, оказывающие правовую, материальную помощь и морально-психологическую поддержку [3].

На территории Республики Татарстан проблемами преодоления насилия над женщинами занимаются две организации: Центр социально-юридической помощи пострадавшим от насилия «Ника» в Набережных Челнах и Женский Кризисный Центр «Фатима» [2]. Помимо кризисных центров в сети «Вконтакте» есть множество групп, созданными жертвами домашнего насилия для взаимопомощи. Таких сообществ было найдено несколько десятков, рассматривались девять основных, с относительно большим количеством участников. В этих группах публикуются личные истории, сообщаются о мероприятиях, психологических тренингах, митингах и пр. Также здесь проводятся просветительские беседы, приводят статистику – все это направлено на то, чтобы показать людям, пережившим насилие, что они не одиноки в своей проблеме и что всегда есть выход из подобной ситуации. Также и сами кризисные центры, например центр «Сестры», активно ведут свою деятельность в социальных сетях. Количество участников в данных сообществах колеблется от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Всего в этих сообществах около 30 тыс. публикаций.

Найденные нами группы можно поделить на несколько видов:

- Группы с личными историями от людей, переживших до-

машнее насилие (например, группы «#щастьебытьженой» и «Домашний ад. Насилие в семье...»);

- Группы, освещающие проблемы насилия в семье («Против насилия над женщинами» и «Бьет — значит не любит»);
- Группы кризисных центров, проводящие профилактические мероприятия и семинары (Центр «Сестры» и «Кризисный Центр для Женщин»).

Таким образом, мы видим, что в социальных сетях идет активная работа как кризисных центров, так и сообществ, созданных на добровольной основе. В них женщины, пережившие насилие, делятся своими историями, узнают о специальных мероприятиях и получают советы. Однако не каждое обращение здесь получает ответ, и, в отличие от кризисных центров, сообщества в социальной сети – это все-таки не специализированная помощь.

Были прочитаны около трех сотен историй в четырех группах социальной сети «Вконтакте» и на личных страницах пользователей. Из этого количества 58 относились к тому или иному типу домашнего насилия, т.е. каждая пятая история относилась к проблематике насилия в семье.

В основном к женщинам применялось физическое насилие. Сообщалось и о проявлении психологического насилия, например, о запрете общаться с друзьями, контроль за кругом общения, переписками, временем прихода и ухода на работу и проч. Часть женщин зависела от мужчин экономически: либо им запрещалось работать, либо мужа следили за тратами их личных средств.

Насилие по отношению к детям фигурирует в 31 истории, из которых в 30 насилию подверглись девочки, в одной – мальчик. Почти все эти случаи связаны с сексуальным насилием. Такое сужение темы может быть обусловлено разными факторами: например, под тегом #яНеБоюсьСказать чаще всего публиковались истории об изнасилованиях, а обычное физическое насилие над детьми в обществе воспринимается как норма, считается допустимым видом наказания (несильные шлепки, подзатыльники, удары ремнем и пр.).

В основном насилие исходило от отчимов, отцов, братьев и прочих родственников, почти все они были мужского пола. Почти

во всех историях говорилось о последующих травмах и о тяжелом эмоциональном состоянии после пережитого. Из пяти историй, опубликованных мужчинами, четыре были посвящены абьюзу со стороны жены. Во всех них происходило физическое насилие.

В трех рассмотренных категориях (женщины, дети, мужчины) есть общие черты: большинство претерпевших насилие не обращались за помощью к кому-либо из знакомых, оставляя эту проблему внутри семьи. Насилие происходило чаще от самых близких (муж, жена, родители и братья); почти во всех историях так или иначе фигурирует физическое насилие, которое сопровождается другими видами, но является доминирующим. В большинстве случаев пережитые события оказались травмирующими.

Но есть и различия: женщины подвергались систематическим избиениям, и все другие виды насилия, в т.ч. сексуальное, сопровождали физическое, не доминируя над ним; насилие по отношению к детям было преимущественно сексуальным; насилие по отношению к мужчинам принимало так же форму физического насилия, но это были травмы легкой степени тяжести, в то время как у женщин – и средней, и высокой степени.

Таким образом, насилие может принимать разные формы: физическое, сексуальное, психологическое, экономическое и быть разным в зависимости от объекта насилия (возраст, пол, состояние здоровья и т.д.). Однако, домашнее насилие актуально для всех категорий людей, ибо так или иначе насилию могут подвергнуться все, в том числе и мужчины (гомосексуальные отношения тоже не являются исключением).

Список источников и литературы

1. Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex Russica. 2018. № 9. С. 129–138.
2. Фатима. Женский кризисный центр в Казани. <https://vk.com/fatimakazan> (дата обращения: 10.06.2020).
3. Центр для женщин, пострадавших от домашнего насилия «АННА». <http://anna-center.ru/index.php/ru/o-nas-glavnaya> (дата обращения: 10.06.2020).

ГЕНДЕРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПАМЯТИ ОБ ЭКСТРЕМАЛЬНОМ.

ВОЙНА, ПЛЕН, АДАПТАЦИЯ

РАЗДЕЛ 5

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ И ЖИЗНИ В ГОДЫ ВОЙН В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.И. Горская

Смоленск, Смоленский государственный университет

Женский нарратив военного торжества на Бородинском поле, август 1839 г.

«Вхождение женщин в мир, считавшийся ранее “мужским”, началось... с литературы» [5, с. 48]. Оценивая широко известные [1; 6; 7] и вновь открываемые в архивах женские эго-источники, можно утверждать, что нарратив играл особую роль в женском восприятии и осмыслении «чужого», мужского мира.

26 августа 1839 г. на Бородинском поле состоялось открытие памятника Героям Бородинского сражения. Оно проходило в присутствии членов императорской фамилии и иностранных гостей и сопровождалось военным парадом и маневрами. На празднике была помещица Гжатского уезда П.Н. Неелова, ее дочери и сыновья. Одна из дочерей, Александра Дмитриевна, оставила воспоминания об этом событии [2].

Исходя из того, что нарратив утверждает обыденное знание в качестве социально значимого, текст воспоминаний А.Д. Не-

еловой рассматривается нами как «пространство культурного... сообщения» [3, с. 15], а используемый метод деконструкции позволяет обнаружить противоречивость текста и скрытые смыслы. Поскольку Неелова несколько раз возвращалась к воспоминаниям, то этот нарратив можно расценивать и как конкретный результат творческой деятельности, и как продукт духовно-нравственного опыта русской дворянки.

Воспоминания Нееловой – это текст о знаковом событии в жизни России, поскольку война 1812 г. была частью общенационального мифа, память о ней питала теорию официальной народности и лежала в основе патриотического и духовного воспитания народа, а военные парады были в России центрами празднеств [8, с. 405].

Бородинские торжества воспринимались Нееловой как праздник, героями которого были военные, мужчины: «Вдруг мы очутились в совершенно военной сфере. Повсюду слышались то выстрелы, то музыка с барабанным боем, то солдатские песни» [2, л. 3об].

В воспоминаниях отражены социально значимые темы: «женщина и верховная власть», «женщина и война». Центральное место в них занимает образ императора Николая I. Император – образец монарха, защитник народа и Отечества, повелитель армии. Чувство обожания императора было заложено в семье: «все члены императорской фамилии были в наших глазах идеалом совершенства» [2, л. 8]. Оно усилилось на военных торжествах. «У меня сердце билось от волнения и радости! Мне не верилось, что я когда-нибудь увижу помазанника Божия, нашего Русского царя, опору и гордость России императора Николая. Мы привыкли любить его с самого малолетства и благоговеть перед его мужеством, твердостью, прямотушием, энергией и неимоверным трудом, подъятым для блага России» [2, л. 7об].

Николай предстает грозным, но справедливым и милостивым монархом, способным понять опоздавшего на доклад брата или разрешавшим кучерам не снимать перед ним шляпу, чтобы не понесли лошади [2, л. 6]. Он для Нееловой, как и для А.Д. Блудовой, остался идеалом самодержца, образ которого не поколебало время [4, с. 20].

Вместе с тем Николай – мужское совершенство, идеал мускулинности. Неелову умиляет его красота, физическая сила, сила

голоса, которым он повелевает многотысячной армией. «Осанка его была исполнена величавости, мужества и энергии» [2, л. 8].

Женский взгляд выделяет в свите императора привлекательные качества красоты и молодости и вызывающие улыбку физические недостатки. Так, «на государе наследнике была надета Андреевская голубая лента, и так шла к голубым глазам его», а «генерал Дорохов был необыкновенно полон, а его лошадь громоздка» [2, л. 9, 11]. Обожание императором переходит на Михаила Павловича: «Я смотрела на него с таким благодарным чувством, зная его беспредельную любовь к Августейшему брату, с которым он так ревностно разделял труды и с полным сочувствием содействовал благоденствию и процветанию России» [2, л. 11].

Большое участие народа – помещиков, статских, купцов, дам разных сословий, крестьян и крестьянок – придавало этому торжеству значение общенародного праздника. Народ наделял царя былинными качествами: «государь любит очень скоро ездить, несется без оглядки, что есть силы мочи, словно стрела летит». Простая женщина, в отличие от восторженной Нееловой, отличала царя от других просто и бесхитростно: «кто впереди всех ходит, тот и есть царь» [2, л. 60б, 42].

Военные маневры, парад, войска воспринимались Нееловой как живое воплощение войны. Женский взгляд на войну представляет ее как нечто неизменно героическое, где торжествует «доблесть», «храбрость», «мужественность». Эти термины наполняют страницы воспоминаний.

Армия в глазах Нееловой – олицетворение героев-богатырей, победивших в войне 1812 г. Солдаты наделены идеальными в ее глазах качествами: физической красотой, образцовым поведением, мужественностью. В полевом лагере царили порядок и дисциплина. «Вообще русские солдаты были такими бодрыми и красивыми молодцами, на их мужественных и вместе добродушных лицах, просвечивалось довольствие и веселость» [2, л. 5].

Эпическая картина торжества «мужского» нарушается чувством женского страха. Чувство страха обнаруживает внутреннюю противоречивость женского восприятия «мужского» и «военного».

Во время военных маневров под Успенским женщины поддались паническому чувству коллективного страха. Когда войско начало марш, когда «все задвигалось, заколыхалось», женщины вообразили, «что кавалерия понесется прямо на них и особенно грозная и страшная артиллерия» [2, л. 11об–12]. «Одна дама можайская... упала в обморок», «все бежали в разные стороны, только и желая о своем спасении» [2, л. 12]. Мужчины отреагировали на эту коллективную панику как на ожидаемое поведение, вызывавшее улыбку и даже умиление, о чем можно судить по поведению брата Николая, пытавшегося унять женскую истерику [2, л. 12].

Воспоминания проникнуты любованием природой, всем происходящим и чувством глубокой религиозности, апогей которого Неелова пережила во время открытия Бородинского памятника: «Горячо и пламенно молился народ и войска, эта историческая минута потрясала душу! Вечная память раздавалось звучно и сильно в воздухе» [2, л. 17].

Список источников и литературы

1. *Блудова А.Д.* Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. М: Университетская типография, 1888 (обл. 1889).
2. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 598. Оп. 1. Д. 412.
3. *Зверева Г.И.* Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // *Одиссей: человек в истории.* М., 1996. С. 11–24.
4. *Кочукова О.В.* Графиня А.Д. Блудова и ее воспоминания // *Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения.* 2015. Т. 15. С. 17–24.
5. *Лотман Ю.М.* Женский мир // *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (VIII – начало XIX века).* СПб.: «Искусство – СПб», 1997.
6. *Милютин М.А.* Из записок М.А. Милютиной // *Русская старина.* Т. 97. Кн. 1–3.
7. *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. М: Захаров, 2000.
8. *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М.: ОГИ, 2004.

Т.В. Левицкая

*Москва, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова*

**Лики «мирного населения»: военный корреспондент
Н.А. Лухманова о русско-японской войне**

В 1904 г. писательница Надежда Александровна Лухманова (1841–1907) приняла неожиданное решение – отправиться на русско-японскую войну. Она поехала туда в начале апреля того же года вместе с эшелонами Красного Креста, но не в роли сестры милосердия (точнее, не только в этой роли), – ей суждено было стать одной из первых русских военных журналисток. «Петербургская газета» и «Южный край» анонсировали, что о продвижении русской армии своими «впечатлениями и наблюдениями» будет делиться женщина-корреспондент.

Многие издания восприняли этот поступок писательницы как кощунственную насмешку над священной мужской сферой – войной. Чтобы поставить амбициозную даму на место, в ход шло все: от критики до откровенной издевки. Ее обвиняли в легкомысленном до цинизма отношении к происходящему, статьи называли непрофессиональными и неуместными, а некоторые издания намекали на фривольное поведение пожилой корреспондентки. Газета «Русь» выставила Лухманову глупой похотливой старухой, в поисках сенсации отправившейся на войну; «Крымский курьер» строго отчитал за непрофессионализм; «Биржевые ведомости» не церемонились с точностью цитат, интерпретируя работы писательницы на свой лад. Многочисленные критики сошлись в одном: «баба» о войне ничего путевого не напишет.

Дерзостью Лухмановой были возмущены настолько, что особенно и не вчитывались в ее статьи. Между тем записи можно отнести к жанру травелога: писательница фиксировала свое взаимодействие с иной культурой, делая акцент на собственных чувствах и мыслях. По мере развития военной кампании менялся и тон ра-

бот. Если в ранних заметках, несмотря на негативное отношение к войне, чувствовались воодушевление и готовность к борьбе, то статьи, написанные в разгар военных действий и после окончания войны, пронизаны ужасом, горечью, отчаянием. Смыслообразующая для травелога дихотомия «свое/чужое» описывает состояние русской армии, растерянно продвигающейся вглубь враждебного азиатского мира. Бытовые зарисовки писательницы пронизаны атмосферой чуждости. Столкнувшись с подробностями жизни мирных обитателей манджурской деревни, Лухманова подводит итог: «Тут черта, за которой начинается непонятная для нас жизнь народа, который – и покоренный нами – остается чужд нашему пониманию» [4, л. 83]. Неизгладимое впечатление на писательницу произвела казнь, на которой ей довелось присутствовать. «Публичное убийство» произошло настолько буднично, с бытовой ленцой, что привело Лухманову к страшным выводам: «...если бы в такой стране, среди этого так добродушно, так вечно смеющегося народа, произошло восстание, то и мы все легли бы не героями <...>, а были бы позорно, хладнокровно измучены, полужарезаны и выброшены околевать» [3, с. 2].

«Потаенной» жизни китайского народа писательница посвятила рассказ «Ли-тунь-чи» [2, с. 2] о восьмилетнем мальчике, самоотверженно охранявшем свой дом от разграбления русскими солдатами. Отказываясь от всяческой помощи со стороны захватчиков, ребенок питался из одной миски со своей собакой, девять новорожденных щенков которой потом без жалости убил для того, чтобы помочь своей голодающей семье. Лухманову поразила жестокость мальчика, но в то же время ей импонировали его самоотверженность и стойкость. И ребенка, и собаку она назвала невинными жертвами войны: в ее статьях между строк все настойчивее проступало чувство вины перед китайским народом за происходящую на их земле бойню.

Страшной аллегорией в статьях Лухмановой предстало разрушение стены в Ляояне (для того, чтобы «обрусить» город, улицы переименовали на русский лад и проломили городские стены). Писательница провела аналогию с крахом старого мира и втор-

жением в него новых порядков: «Когда клалась эта стена? Может быть, не один век тому назад... Когда-то она считалась неприступной и ограждала манджурский город Ляоян от внешнего общения и влияния... И вот теперь сильной рукой этот новый город “белых дьяволов” постучался в старую стену, и та, разрушившись, открыла ему свой проход» [4, л. 91–92]. Наблюдая за этим победоносным разрушением, Лухманова все пристальнее вглядывалась в лица мирных жителей. И ей становилось страшно: «Весело смеясь, перекидываясь шутками, разрушали солдатики священную стену, китайцы стояли вокруг молчаливой толпой, некоторые тоже улыбались, и объяснить, что думала и чувствовала эта толпа, что значили эти улыбки, – очень трудно. Только одно верно – не индифферентность и не доброта скрываются за этими вечными осками губ» [4, л. 92].

Писательница убеждена, что на первый взгляд мирное взаимодействие завоеванного народа и завоевателей не является залогом взаимопонимания. О хрупкости и эфемерности «идиллического» сосуществования различных культур Лухманова упоминала и позднее. К этой мысли она вернулась во время поездки в Княжество Финляндское. Размышляя о том, что эта чуждая русской культуре земля, несомненно, добьется независимости при первой же возможности, Лухманова провела параллель со своим опытом пребывания на русско-японской войне: «Какие мы культуртрегеры, какие мы насадители чего бы то ни было, когда мы можем каждую минуту уйти из страны, считавшейся нашей, и унести с собой в своем мешочке все, что мы сделали. Пустого места после нас нигде не останется, напротив, после нас все будет использовано гораздо с большей выгодой и рациональностью, и самое воспоминание о нашем пребывании сотрется немедленно из памяти оставшихся. Когда я вспомню все постройки, все благоустройство: и казенные учреждения, и больницы, и церкви, – все, что казалось так прочно, основательно в Мукдене, Ляояне, Инкоу, Порт-Артуре, Дальнем, то становится просто страшно. Стоило дунуть японцам, и все это полегло, как карточные домики, и духу русского не осталось там, где мы считали себя полноправными хозяевами» [1, с. 2]. Разница

культур предстает в ее работах нерушимой границей: все попытки стереть народную память, растворить прошлое, «насадить» ценности оказываются бесплодными и разрушительными.

В статьях о русско-японской войне Лухманова не приводила точных цифр и подробностей военных тактик. Она обращала внимание на быт и психологию мирных жителей, жизнь которых погрузилась в хаос, и на судьбы солдат, не понимающих, для чего они должны идти на смерть. Писательнице удалось расширить тематическое поле военной журналистики, что способствует глубинному пониманию феномена войны.

Список источников и литературы

1. *Лухманова Н.А.* В Гельсингфорсе // Санкт-Петербургские ведомости. 1906. № 273. С. 2.
2. *Лухманова Н.А.* Ли-тунь-чи // Санкт-Петербургские ведомости. 1906. № 174. С. 2.
3. *Лухманова Н.А.* На поле военных действий // Петербургская газета. 1904. № 170. С. 2.
4. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ). Ф. 32. Оп. 1. Д. 571.

Е.В. Булыгин

Тверь, Тверской государственный университет

Воспоминания Анны Мачиз как источник по истории женской памяти о Холокосте

Исследования памяти о Холокосте являются актуальной проблемной областью исторической науки. Изучение гендерных аспектов памяти о Холокосте дает возможность существенно расширить проблемное поле настоящих исследований, а также по-новому взглянуть на историю трагедии. В обществе зачастую война представляется типично мужским делом, но воспоминания могут дать обширное представление о том, что это не так. Целью доклада является рассмотрение воспоминаний активистки подполья минского гетто, Анны Мачиз — с двух ракурсов: во-первых, это женщины в условиях Холокоста (гендерная специфика, пове-

дение, роли), и, во-вторых, специфика воспоминаний как источника по истории женской памяти о Холокосте.

Анна Семеновна Мачиз (1910–1988 гг.) в 1941 г. оказалась с матерью под немецкой оккупацией и была направлена в минское гетто. Являлась участником антифашистского подполья в гетто. В 1943 г. после смерти матери ушла в партизаны: с апреля служила в партизанском отряде № 106. Закончила войну в должности заместителя начальника особого отдела партизанской бригады. Воспоминания о событиях, происходивших в гетто, Анна записывала в декабре 1943 г. в партизанском отряде. Историк Э. Иоффе повествует, что эти записи – первая история гетто и подполья в нем [3]. Он утверждает, что в основе «Истории Минского гетто», вошедшей в «Черную книгу» В. Гроссмана и И. Эренбурга, лежат именно свидетельства Анны. Полный сборник ее воспоминаний издан в 2011 г. с приложением нескольких статей историков и документов, которые касаются существования Минского гетто [1].

Применяя дихотомию Д. Рингельхайм о женском опыте в условиях Холокоста [2, с. 257], а именно, смысла собственно женского опыта как части Холокоста: что делалось по отношению к женщинам (их уязвимость), и что делали они (их возможности), мы можем проследить опыт женщин минского гетто на примере воспоминаний Анны Мачиз. В ее тексте женщины зачастую упоминаются вместе с детьми, что может явиться одним из аспектов уязвимости женщин, а именно – уязвимость из-за детей. Наряду с этим, в воспоминаниях Анны Мачиз наличествует множество свидетельств о трансформации (как и о нетрансформации) привычек женщин в условиях Холокоста, что может стать маркером выявления аспекта возможностей женщин – по Д. Рингельхайм, это трансформация привычек, связанных с заботой: будет предпринята попытка выявления форм взаимопомощи женщин, а также определения специфики сохранения и трансформаций женских моделей поведения в условии трагедии. Помимо этого, женщины проявляли стойкость и непреклонность, о чем пишет Мачиз – она отмечает то, что женщины зачастую отказывались следовать за палачами на кладбище, даже зная, что их все равно убьют.

Помимо этого, в воспоминаниях Мачиз обращает свое основное внимание на женщин, стариков и детей без отрыва друг от друга: «Толпы народа: женщины, дети, старики – стояли и ждали своей смерти» [1].

В значительной мере интерес представляет также отношение немецких войск и их приверженцев к женщинам и мужчинам: в воспоминаниях Анны Мачиз имеется определенное количество свидетельств различных форм насилия над жертвами Холокоста – представляется возможность выявить гендерные аспекты и в этой части общей картины происходивших событий, описанных Мачиз. Ей фиксируются различные показательные сюжеты. Например, зверства работника гестапо Риббе, который отличался особой жестокостью: однажды он объезжал предприятия, где работали немецкие евреи, и обратил внимание на красивых, молодых девушек. Он отобрал из них 13 человек – полных сил и энергии молодых евреек – и приказал им явиться к 10-ти часам на Биржу труда в гетто. К этому же времени Эпштейн (начальник еврейской милиции) привел туда 13 евреев-милиционеров. Рабочие возвращались домой, многие останавливались и ждали, всех интересовало: зачем собрали самых красивых женщин. Риббе приказал каждому из присутствующих милиционеров взять женщину под руку и медленным шагом пойти по улице. 13 юных пар медленным шагом шли к воротам кладбища. Одна еврейка попросила попрощаться с мужем: его привели на кладбище и убили на глазах у жены. Затем раздели женщин догола, издевались над ними, а после расстреляли. Цинизм был настолько велик, что у одной из евреек Риббе снял лифчик и спрятал его в карман, и пояснил: «На память о красивой еврейке». Такие зверства были направлены не против отдельных личностей: цель подобного насилия – нападение, направленное в равной степени против личной идентичности и культурной целостности. Подобным занимался Менгеле: собирал евреек, имеющих аристократический вид, приглашал солдат, пришедших с фронта, а после актов насилия говорил еврейкам, что это будет регулярным.

Насилие нацистов могло иметь определенную цель: люди являются не только буквально, но и метафорически воспроизводителями этнической группы. Именно люди несут ответственность за передачу культурных традиций и ценностей. Третий рейх наносил удар по границам европейской еврейской культуры, пытаясь разрушить все, чем было «еврейство». В этом смысле фиксация подобных сюжетов очень показательна и интересна: она, не опуская насилия над мужчинами, отмечает различные аспекты насилия как отдельно над женщинами, так и совместно над мужчинами и женщинами.

Список источников и литературы

1. Анна Мачиз: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто 1941–1943 гг. / Сост. Л. Цыринский; под ред. К.И. Козака. Минск: И.П. Логвинов, 2011.
2. Антология гендерной теории / Под ред. Е.И. Гаповой, А.Р. Усмановой. Минск: ПроPILEI, 2000.
3. *Иоффе Э.Г.* Женщина из легенды: следователь уголовного розыска НКВД БССР – летописец подполья в Минском гетто // Анна Мачиз: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто 1941–1943 гг.: сборник. Минск: Логинов И.П., 2011.

Е.Э. Носенко-Штейн

Москва, Институт востоковедения РАН

«Узница гетто, партизанка, продолжательница рода»: женская память и память о женщине (М. Гринвальд и ее судьба)

Еврейская историческая память в XX в. претерпела значительные изменения. Это было связано как со множеством внешних, в том числе трагических событий мировой и еврейской истории (среди них обе мировые войны, Холокост, создание Государства Израиль, революции 1917 г. в России и др.), а также череда внутренних кризисов еврейской идентичности. Последние, в свою очередь, были обусловлены, помимо внешних причин, возросшей

секуляризацией большинства еврейского населения, его отходом от иудаизма, гибелью носителей традиционной восточноевропейской культуры (*идишкайт*), ростом протестных настроений среди еврейской молодежи. В результате в мире в настоящее время не существует единой еврейской самоидентификации [3; 11; 15]. То же самое можно сказать и о еврейской исторической памяти, о характере и содержании которой в науке нет единого мнения [1; 3; 8]. В то же время большинство исследователей сходятся в том, что память о Холокосте, во время которого нацистами было уничтожено 2/3 европейского еврейства, является одной из основ еврейской идентичности и исторической памяти в большинстве европейских стран и США (подробный обзор см.: [3; 9]). Как ни парадоксально, но на территории бывшего СССР и современной России Холокост опорой исторической еврейской памяти не стал [4; 6]. Этому есть ряд объяснений (замалчивание Холокоста в советский период, слабость еврейских общинных структур, тот факт, что геноцид еврейского народа происходил на западных территориях СССР, а на территории РФСР – значительно меньше, и др.), что не входит в задачи этой работы.

Здесь я собираюсь рассмотреть воспоминания о страшных событиях середины XX столетия женщины, пережившей Холокост и тяготы военные поры в партизанском отряде. Очевидно, что в такого рода кризисных ситуациях женщинам нередко приходится труднее как в силу физиологических причин, так и в силу причин социального и гендерного неравенства. Все это пришлось пережить Марии Самойловне Гринвальд (1924–2007), интервью с которой мне удалось записать во время моей экспедиции в Великий Новгород в июле 2007 г. [5]. (М. Гринвальд скончалась в ноябре того же года). Она родилась в городе Мир (Восточная Польша, а после пакта Молотова–Риббентропа – Западная Белоруссия). Детство ее прошло в традиционной еврейской семье, у Марии было пятеро братьев, в доме соблюдались еврейские традиции и праздники. После присоединения этих мест к СССР Мария поступила в медицинское училище и стала медсестрой, но поработать ею не успела [5]. Мир был вскоре оккупирован нацистами, создавшими там (на тер-

ритории Мирского замка) еврейское гетто, где были собраны евреи не только из самого Мира, но и из окрестных мест. Вскоре начались массовые «акции», т.е. расстрелы еврейского населения [10; 14], во время которых погибли отец и три брата Марии. Готовилась еще одна, последняя и самая крупная акция. Однако действовавшее в гетто подполье с помощью знаменитого О. Руфайзена – еврея из Польши, сумевшего скрыть свое еврейское происхождение и выдавшего себя за немца, работавшего переводчиком в местной полиции – удалось организовать побег примерно тремстам узникам [3; 10; 12; 13]; в основном это были молодые люди. Среди них была Мария и ее младший брат, немолодую и болезненную мать пришлось оставить. Эти события описаны в романе Л. Улицкой [7]. Большинство бежавших нацисты выловили в ближайшие дни, но Марии и брату удалось добраться до партизанского отряда.

Марию как медсестру приняли в отряд, она также вскоре стала подрывником. Она рассказывала о страшных днях в гетто, гибели отца и братьев, бегстве, гибели брата в партизанском отряде, о тяжелом быте, который был особенно сложен для женщин, не имевших ни белья, ни средств гигиены, в результате чего попавшие туда девушки и женщины боялись остаться бесплодными. Марии также пришлось сойтись с одним из партизан, который стал, таким образом, защитой от сексуальных домогательств со стороны других мужчин. После освобождения Белоруссии Мария рассталась с ним. Но на этом военные тяготы для Марии не закончились: от нее как от медсестры и специалиста-подрывника потребовали поехать в Югославию оказывать помощь партизанам Тито. Мария отказалась, заявив, что она осталась единственной выжившей из всей семьи и хочет продолжить свой род [5]. В дальнейшем Мария встретила человека, с которым создала семью и родила детей, продолжив свой род. В беседе со мной М. Гринвальд неоднократно подчеркивала, насколько трудными подобные испытания были для женщин.

Публикации в прессе, Интернете и публицистике, посвященные событиям того времени, довольно многочисленны, хотя и содержат множество ошибок (о судьбе О. Руфайзена и событиях в г. Мир подробнее см.: [2; 13]). Таков механизм конструирования

коллективной и исторической памяти. Женские истории военных лет являются важным историческим источником, они также позволяют представить гендерную специфику того времени.

Список источников и литературы

1. *Иерушалми Й.* Захор. Еврейская история и еврейская память. М.: Иерусалим, 2004. С. 88–114.
2. *Носенко Е.Э.* «Судьбы скрещенье»: реальность, миф и история в «высокой» и народной культурах // История-миф-фольклор в еврейской и славянской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 214–230.
3. *Носенко-Штейн Е.Э.* «Передайте об этом детям вашим, а их дети следующему роду»: культурная память у российских евреев в наши дни. М.: МБА, 2013.
4. *Носенко-Штейн Е.Э.* Кому нужен пепел Клааса? Память о Холокосте и войне у российских евреев // Помнить о прошлом ради будущего. Еврейская идентичность и коллективная память. М.: ИВРАН, 2014. С. 132–160.
5. Полевые материалы автора (ПМА). Июль 2007 г.
6. *Полян П.* Советские и постсоветские традиции замалчивания и отрицания Холокоста // Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем / Под ред. А.Р. Коха, П.М. Поляна. М.: Три квадрата, 2008. С. 48–66.
7. *Улицкая Л.* Даниэль Штайн, переводчик. М.: ЭКСМО, 2006.
8. *Функенштейн А.* Коллективная память и историческое сознание // История и коллективная память. Сборник статей по еврейской историографии. Москва; Иерусалим; Гешарим: Мосты культуры, 2008. С. 15–40.
9. *Ханин В., Писаревская Д., Эштейн А.* Еврейская молодежь в постсоветских странах: национальное самосознание, общинная жизнь и связи с Израилем. М.: ИВ РАН, 2013.
10. *Метельская Н.* Штетл Мир – отражение еврейской истории Беларуси // Союз. http://www.souz.co.il/clubs/read.html?article=1722&Club_ID=1
11. *Gitelman Z.* (ed.). Religion or ethnicity? Jewish identities in evolution. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2009.
12. Resistance Plans and Escapes from the Mir Ghetto // Holocaust Encyclopedia. <http://www.ushmm.org/wlc/article.php?lang=en&ModuleId=10007239>
13. *Тес Н.* In the Lion's Den. The Life of Oswald Rufeisen. N.Y., 1990.
14. The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps

and Ghettos, 1933–1945. 7 vols. Bloomington: Indiana University Press, 2009. <http://www.ushmm.org/research/center/encyclopedia/>

15. *Webber J. Modern Jewish Identities // Jewish Identities in the New Europe / Ed. J. Webber. L.: Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies, Littman Library of Jewish Civilization. P. 76–80.*

Л.Н. Пивоварова

*Старый Оскол, Старооскольский технологический институт
им. А.А. Угарова (филиал)*

Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»

Мужская память о войне, о родной семье: письма с фронта

Фронтовые письма являются уникальным историческим источником при изучении событий военных лет, так как в них отражены не только события Великой Отечественной войны, но и память о родной семье, о счастливой довоенной жизни, чувства и переживания бойцов в условиях военного времени.

В фондах Старооскольского краеведческого музея мне удалось прочитать несколько десятков писем с фронта. Все они были написаны бойцами-мужчинами, я не встретила ни одного женского письма. В основном с войны писали письма родителям, чаще матерям, так как отцы тоже были на фронте. Очень много писем было адресовано женам и детям. Анализируя содержание писем, обращаешь внимание на то, что бойцы интересовались не только повседневной жизнью своей семьи, но и очень часто передавали приветы и спрашивали о родственниках, друзьях, соседях. Часто встречаешь в письмах воспоминания о счастливой довоенной жизни, отдельные эпизоды семейных событий, признания в любви матерям, женам и детям. Сегодня эти письма-воспоминания позволяют сохранить главное в человеке – память!

Прежде чем перейти к анализу писем, хранящихся в фондах, хотелось рассказать об организации военно-полевой почты. Она рассматривалась правительством СССР как дело особой государственной важности. В самом начале войны в Главном управлении связи Красной Армии было сформировано специальное Управле-

ние военно-полевой почты. Для доставки писем использовались все возможные способы: на грузовиках по суше, самолетами, на подводных лодках, по льду Ладожского озера, днем и ночью работала голубиная почта. В годы Великой Отечественной войны было написано шесть миллиардов писем. Ежемесячно только в действующую армию доставлялось 70 млн писем и 30 млн газет. Пересылка корреспонденции с фронта и на фронт (кроме посылок) была бесплатной [1, с. 108–109]. Шли письма долго. Судя по почтовым штемпелям, примерно полтора месяца. Не все письма доходили до адресата.

Для фронтовой корреспонденции выпускались конверты, открытки и секретки. Большинство почтовой продукции сопровождалось текстами: «Воинское», иногда «Письмо с фронта» – и обязательно призывом: «Смерть немецким оккупантам!». Иллюстрации на конвертах были самыми разнообразными. Вот лишь некоторые из них: «Чтобы победить, нужна величайшая борьба, нужна военная дисциплина!»; «Воины Красной Армии! Постоим за Родину, как стоял Суворов, Кутузов, Александр Невский!»

Самое большое распространение во время войны получили знаменитые треугольники, или бесконвертные письма. Письма обязательно просматривались цензорами и ставился штамп: «Проверено военной цензурой».

В Старооскольском краеведческом музее есть фонд, где хранятся письма наших земляков с фронтов Великой Отечественной войны. Письма были отправлены родным и близким, знакомым, бывшим коллегам, школьным учителям, преподавателям, партийным и советским органам, организациям, где их авторы трудились до войны, незнакомым людям и родственникам погибших.

Не все письма дошли до нас невредимыми. Многие из них выцвели, стерся простой и химический карандаш. Истрепаны так, что не все в них разберешь. Писали о том, что было дорого каждому бойцу и командиру: о ратных подвигах земляков, о благодарности тыловикам за их самоотверженную работу, об особой тревоге за судьбы близких людей, о желании скорее увидеть своих любимых детей и жен. В качестве примера мы взяли лишь несколько писем-староо-

скольцев с фронта. Это письма Зубова А.М., Рожкова Н.М., Станкевича Л.Д., Попова В.Е., Богатырева П.Н., Коновалова С.И.

Из письма Зубова Антона Михайловича к своей жене, который на фронт ушел добровольцем и погиб в сентябре 1942 г., становится ясно, что фашисты натворили на советской земле: «Большинство деревень, встречаемых на пути, сожжены и представляют жуткую картину следов немецких вояк. Немцы оказались настоящими варварами». Солдат тоскует по своим родным, детям: «Вспоминаю своих деток: Клару, Геню, Олю. Ты знаешь этих милых ребят – и сердце сжимается, хочется видеть их». И в конце письма он пишет о том, что будет служить своей Родине до последнего дыхания: «Воспитанный Ленинским комсомолом, я всегда помню, чем обязан своей Великой Родине и Коммунистической партии. Надо смело защищать Родину, потому я сменил кисть художника на винтовку!»

А вот это письмо было отправлено в далекую глубинку, в село Шмарное Старооскольского района Курской области. Читаем письмо от простого солдата Попова Василия Егоровича к своей жене в мае 1943 г.: «Акулина, что такое вы не пишете мне писем? Я вам уже несколько писем послал, но от вас получил лишь только три письма. Получите письмо, пишите ответ и прописывайте все новости. Акуля, пришлите мне Винину и Тонину фотокарточки» [2].

Писем на фронте очень ждали, беспокоились о детях, просили прислать их фотографии [3]. Ведь бывало и так, что солдат уходил на фронт, а в его семье рождались его дети. В руках письма с фронта от Богатырева Петра Никитовича к своей жене Марии: «Маня, письмо пишу на коленках. Если были бы крылья, полетел бы посмотреть на своих деток» [4]. И уже пишет в следующем письме: «Бумагу три листа получил, ... за которую я вас благодарю и целую. Маня, постарайтесь сфотографироваться с детками, сестрой и родственниками и выслать фото» [5].

Письма с фронта и письма из дома приносили счастье, возвращали в обугленные будни любовь и радость [6]. Вот одно из писем Коновалова Сергея Ивановича, с июля 1942 г. он воевал в составе 8-ой отдельной лыжной бригады, которая принимала

участие в освобождении Старого Оскола. Сергей Иванович писал своей жене: «Здравствуй, родная моя Сашенька! Как приятен мне тот миг, когда я увижу твой живой образ, родные твои глаза. Сколько в них красоты и простоты! Их жду, о них мечтаю. Не раз видел тебя во сне... Обрадовался... Но увы, это только сон. Лечу и лечу к тебе, только к тебе! Жди и я вернусь к тебе навсегда».

Автор другого письма – Рожков Николай Матвеевич, уроженец Воронежской области, села Дурово Хворостянского района. Был ранен в ходе Курской битвы, лечился в госпитале в Старом Осколе, после войны переехал сюда жить. В тексте этого фронтового письма от 19 мая 1943 г. мы не увидим конкретных цифр и «сводок с фронтов», не увидим и бравадно-плакатных лозунгов. Зато увидим обычного русского парня, который беспокоится о жизни родных в тылу. Николай в своем письме пишет: «Мама, пропиши, как обходитесь с пропитанием, отелилась ли корова, как управились с огородом, как дела в колхозе с севом? Не волнуйся, пиши мне письма чаще».

Да, действительно, почтовой бумаги и стандартных открыток не хватало на всех, поэтому писали на обычных тетрадных листах, листочках из блокнота, обрывках газетных бумаг, кусочках обойной бумаги, на оборотной стороне этикеток от тушенки и бумажных мешках.

Приходили письма с фронта, адресованные целым коллективам. Я хочу поделиться содержанием необычного письма, которое было адресовано коллективу Старооскольской городской школы, 1 «А» классу и дочурке Аллочке. Пришло это письмо от фронтовика-старооскольца Станкевича Л.Д.: «Дорогая дочурка Аллочка! Дорогие мальчики и девочки – ученики 1-го класса “А”! Поздравляю Вас всех с Новым Годом, годом счастья всех советских детей, годом окончательного разгрома немецких захватчиков. Сейчас мы далеко от Вас, воюем в горах, на чужой земле. Каждый день мы убиваем немцев, каждый день нас приближает все ближе к звериному логову – к Германии. Скоро наступит час, когда мы сожжем стальное кольцо на немецком горле и задушим бешеного немецкого зверя. Дорогие мальчики и девочки 1 класса “А” и малышка Аллочка! Старайтесь учиться на “отлично”!

Будьте послушными учениками. Помогайте своим мамам дома. Пишите чаще письма своим папам на фронт» [7]. Вот такое жизнеутверждающее письмо было прочитано детям на уроке учительницей начальной школы. Такие письма приходили в школу и от вчерашних выпускников.

С началом Великой Отечественной войны миллионы людей оказались в действующей армии. Шла массовая эвакуация из прифронтовой полосы. Война разлучила тысячи семей. Вся надежда была на почту, которая помогала найти близких людей в тылу и на фронте. В фондах Старооскольского краеведческого музея мы прочитали несколько писем бойцов-старооскольцев с просьбой найти их семьи, от которых они не получали вестей.

Сегодня фронтовые письма для современников – как связующая нить между поколением военных лет и нами, живущими уже в другом тысячелетии. Теперь они, сохранившиеся, стали уже реликвиями. Ведь судьба каждого человека важна для потомков, из этих историй складывается история всей страны.

Список источников и литературы

1. Почта фронтовая, почта полевая // Календарь филателиста. 1975. М.: Связь, 1974.
2. Старооскольский краеведческий музей (СОКМ). Папка «Великая Отечественная война. Письма с фронта». КП 22255.
3. СОКМ. Папка «Великая Отечественная война. Письма с фронта». КП 22248.
4. СОКМ. Папка «Великая Отечественная война. Письма с фронта». КП 19666.
5. СОКМ. Папка «Великая Отечественная война. Письма с фронта». КП 19670.
6. СОКМ. Папка «Великая Отечественная война. Письма с фронта». КП 19661.
7. СОКМ. Папка «Великая Отечественная война. Письма с фронта». КП 2523.

З.Г. Сактаганова*Караганда, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова*

К проблеме участия женщин Казахстана на фронтах Великой Отечественной войны

Проблема «женщина и война» в современной казахстанской историографии начинает активно разрабатываться лишь в последние два десятилетия. В Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова в Центре этнокультурных и историко-антропологических исследований ведется исследовательская работа по теме «Женщины Казахстана в годы Великой Отечественной войны». Одно из первых монографических исследований в региональном аспекте о женщинах Центрального Казахстана в годы войны опубликовано карагандинскими авторами [7]. В КазНУ в рамках исследовательского гранта исследователями разрабатываются гендерные аспекты Великой Отечественной войны в истории Казахстана [4]. Ряд историко-документальных книг о женщинах Казахстана на фронтах войны опубликованы в различных регионах республики [3]. Однако комплексных научных исследований, посвященных женщинам Казахстана в годы войны, их деятельности на фронтах и в тылу, их повседневной жизни, бытовым, психологическим и другим проблемам, работ, где в центр исследования поставлена женщина (в том числе депортированные, эвакуированные женщины и т.д.), где она стала объектом специального исследования, в казахстанской историографии единицы.

Одной из важнейших проблем в казахстанской историографии является уточнение числа казахстанских женщин, которые были мобилизованы на фронт, принимали участие в военных действиях и т.д. Это очень долгий, сложный и трудоемкий исследовательский процесс, так как специалистам по военной истории хорошо известно, что отдельных коллекций или подборок документов по национальной и половой принадлежности военнослужащих бывших республик СССР не имеется в архивах Министерства обороны РФ или РК, нет полных сводных данных в центральных

архивах других ведомств, нет полных или сводных материалов и во многих местных, например, областных или районных архивах. Анализ казахстанской историографии демонстрирует, что до сих пор данные по количеству мобилизованных на фронт казахстанских женщин (ни по республике, ни по областям Казахстана) в исследованиях казахстанских авторов расходятся.

Рассмотрим некоторые варианты постановки данной проблемы. В работе Г.Д. Нурбековой, опубликованной в конце 1980-х годов, обозначено, что всего в боях на фронтах Отечественной войны, по неполным данным, участвовало около 6 тысяч женщин из Казахстана [6, с. 23]. Исследователь П.С. Белан в своей работе называет цифру 5183 женщины [2, с. 73]. Журналист Ж.О. Доспанов, занимавшийся данной проблемой, называет цифру – 7477 женщин-фронтовиков Казахстана [3, с. 3].

Но в единственном опубликованном документе из Архива Президента РК (АП РК) в сводной таблице определены другие цифры: 5250 женщин [1, л. 2]. Эти данные в казахстанской историографии в настоящий момент стали хрестоматийными, их цитируют в публикациях последних лет. Но эти данные требуют уточнения: цифра не верна и не отражает, по нашему мнению, реальную картину мобилизации женщин в КССР. Проанализируем этот документ. В АП РК (фонд 708) имеются «Сведения о числе военнообязанных запаса и призывников, призванных в Красную Армию и мобилизованных для работы в промышленность с начала Отечественной войны по 1 мая 1945 г.» [1, л. 2]. По этим сведениям, категория мобилизованных – женщины из сержантского и рядового состава в количестве 5250 человек. Из них по областям: Алма-Атинская – 1780, Джамбульская – 368, Южно-Казахстанская – 755, Кызыл-Ординская – 457, Северо-Казахстанская – 706, Кокчетавская – нет данных, Акмолинская – 574, Карагандинская – 112, Павлодарская – 84, Семипалатинская – 74, Восточно-Казахстанская – 333, Талды-Курганская – 7.

Эти данные не являются полными и не включают всех мобилизованных девушек и женщин из Казахской ССР. Во-первых, обращаем внимание на то, что эти данные отражают лишь сер-

жантский и рядовой состав женщин, но ведь имелись женщины – более 670 женщин — офицеров, численность которых не вошла в эту сводную таблицу. Во-вторых, в этих документах отсутствуют количественные данные по ряду областей западного региона республики (Актюбинская, Гурьевская, Западно-Казахстанская, Кустанайская). Кроме того, отсутствуют данные по Кокчетавской области (она была создана в марте 1944 г.). Не исключено, что мобилизация женщин в этой области происходила и в 1944–1945 гг. Исходя из этих посылов, мы уверены, что численность мобилизованных из республики женщин была значительно выше.

Карагандинскими историками в рамках исследовательского проекта в течение 3 лет собирались и обобщались данные о казахстанских женщинах-фронтовиках. Исследовательская группа из КарГУ, работая по проекту, составила сводные таблицы по областям о количестве мобилизованных женщин в Казахстане, в том числе были собраны данные о женщинах-фронтовиках из западного региона республики. Эти данные позволяют утверждать, что количество женщин, мобилизованных на фронт из Казахской ССР, были приведены в значительно усеченном варианте. По нашему мнению, с учетом женщин-офицеров и мобилизованных в неучтенных областях (по административному делению Казахской ССР в годы войны: Костанайская, Актюбинская, Гурьевская и Западно-Казахстанская области) женщин, участвовавших в войне, было около 9,5 тыс. человек.

Имеются сведения по донесениям областных военкоматов, что к августу 1944 г. из Казахстана были мобилизованы женщины в различные воинские подразделения [2, с. 73]. Но сделанные ссылки на текущий архив областного военкомата г. Алма-Аты в 1944 г. не позволяют уточнить: на начало или конец 1944 г. даны цифры. Если исходить из имеющихся данных на 1944 г., женщины КССР были мобилизованы в следующие воинские части: в подразделения технического обслуживания авиачастей – 45,3% всех мобилизованных девушек, для войск связи и войсковых курсов связистов – 25,7%, женщин-медиков – 22,8%, для стрелковых частей – 4,8%, на курсы снайперов действующей армии – 1,2%, для подразделений ПВО – 1,2%, в войска НКВД – 0,2%.

В центральных архивах Казахстана (ЦГА РК, АП РК) в документах представлены лишь разрозненные данные по нарядам на мобилизацию и сводки о выполнении разверсток по мобилизации девушек и женщин в разные военные годы. Они, к сожалению, не позволяют составить полную картину мобилизации женщин по Казахской ССР.

В годы Великой Отечественной войны на фронтах воевали от 600 тыс. до 1 млн женщин [5, с. 4], и это действительно беспрецедентный факт в мировой военной истории. Героизм советских женщин изучался и тиражировался в историографии, эта тема получила достаточно широкое освещение, однако многие проблемные и спорные вопросы остались вне исследовательского поля историков.

Статья выполнена в рамках проекта АР05131992 КН МОН РК «Великая Отечественная война и женщины Казахстана на фронтах и в тылу: женские истории и повседневность».

Список источников и литературы

1. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 9. Д. 1363.
2. *Белан П.С.* На всех фронтах: Казахстанцы в сражениях Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. Алматы: Гьлым, 1995.
3. *Доспанов Ж.О.* Женщины-фронтовики Казахстана. В 6 т. Т. 1. Атырау, 2019.
4. *Жаркынбаева Р.С.* Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (гендерный аспект) // *Женщина в российском обществе.* 2017, № 1 (82). С. 103–116.
5. *Женщины Великой Отечественной войны / Авт.-состав. Н.К. Петрова.* М.: Вече, 2018.
6. *Нурбекова Г.Д.* Женщины Казахстана – фронту. Трудовой подвиг женщин Казахстана в промышленности и сельском хозяйстве республики в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-ое. Алма-Ата: Казахстан, 1988.
7. *Сактаганова З.Г., Турсунова Ж.Ж., Смагулов А.Ж.* Женщины Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны: монография. Караганда: Изд-во КарГУ, 2016.

Р.Н. Сулейманова

*Уфа, Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН*

**Женщина на войне и о войне:
воспоминания о Великой Отечественной войне**

9 мая 2020 г. – особенный праздник, многонациональный народ Российской Федерации вместе со всеми народами бывшего СССР будет отмечать 75-летие нашей общей Победы в Великой Отечественной войне. Это немалый срок. Уходят из жизни ветераны войны, тихо и незаметно. Все меньше остается тех, на чью долю выпали тяжелейшие испытания, кто на фронтах и в тылу встал на защиту Родины. Выросли поколения, которые не видели ужасов войны, не испытали голода, холода, оккупации, слез и горя потерь близких людей. Подготовка к празднованию Великой Победы значительно повысила интерес к истории войны.

По истории Великой Отечественной войны издано огромное количество научных работ, документальных сводов, проведены научные конференции. В то же время необходимость в объективном изложении событий, этапов, итогов войны в соответствии с новыми документальными материалами и фактами продолжает сохранять свою актуальность. Это позволит избежать ошибок в толковании истории войны, принять все меры по защите нашей Победы и достойному отпору фальсификациям и попыткам переписать историю войны. В этом отношении возникает необходимость в издании и введении в научный оборот новых документальных материалов и различных источников. Среди них нужно выделить воспоминания участников войны, важность которых заключается в видении войны «изнутри». Несмотря на субъективный характер этих источников, они позволяют подойти к рассмотрению многих событий и явлений войны через их личное восприятие. Согласимся с Е.С. Сенявской, которая отмечает, что в воспоминаниях участников войны особенно интересны отрывочные воспоминания об отдельных эпизодах боевых действий,

конкретных событиях жизни в чрезвычайных условиях и пр. [6, с. 22]. Это позволяет пролить свет на многие проблемы войны или к их изучению подойти по-новому. В своем воспоминании медработник Г.А. Осташевская вот как описывает начало войны: в 15-летнем возрасте после гибели родителей в первые дни войны уходит с отступающими советскими частями с запада страны. Она описывает трудности, особенно морально-психологического характера, непонимание остающихся в деревнях жителей: «... больно и горько было оставлять родные места, население провожало нас одни со слезами на глазах, другие озлобленные, вслед говорили: “Довоевались, теперь драпаете, драпаете”. <...> Прошло много лет, и невозможно забыть, как в августе 1941 года наш плохо вооруженный батальон без привалов, не имея продовольствия, кроме нескольких сухарей, прошел ускоренным маршем 80 километров под ударом авиации противника...» [5, с. 21].

С началом войны в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. в советской стране были развернуты мобилизация, а также призыв добровольцев в ряды Вооруженных сил. Военные комиссариаты и местные органы власти организовали мобилизационную работу повсеместно, в том числе в Башкирии. Среди выразивших немедленную готовность идти на защиту Отечества были и женщины. Они проявляли большую настырность и решительность, добиваясь отправки на фронт. В. Забалуева перед войной работала на заводе в Уфе и в воспоминании рассказывает, как добивалась отправки на фронт: «... Решила, что мое место там, где решается судьба Родины. Уговорила отца отпустить меня на фронт. Он согласился и даже пошел со мной к военкому района, но тот категорически отказал. <...> В начале зимы я снова сделала попытку попроситься на фронт, мне опять отказали, заявив, что я нужна там, где работаю. Меня это не обескуражило, весной 1942 года с подругой пошли в военкомат, с трудом добились и нам выписали повесток. Но на заводе начальник цеха их порвал и приказал идти к рабочим местам. На другой день после смены мы опять пришли в военкомат за повестками. Наша настойчивость одержала верх, мы получили

новые повестки» [3, с. 187, 188]. Или другой подобный случай. Разведчица 1-й Чехословацкой интернациональной партизанской бригады имени Яна Жижки Н. Ермакова-Мурзина в своем воспоминании рассказала, как добивалась отправки на фронт. В 17 лет она пришла в военкомат, чтобы отправили на фронт. Ей отказали, заявив: «Куда такая маленькая? иди, еще учись». И Надя пошла учиться... на курсы медсестер. А в марте 1942 г. упрямая девушка сумела настоять и ее отправили на фронт радисткой-телеграфисткой, затем санинструктором [1].

За первые две недели войны, по сведениям военного отдела Башкирского обкома ВКП(б), в Уфе, Белорецке, Стерлитамаке и др. о добровольном вступлении в ряды Красной Армии подали заявления около 4 тыс. человек, более половины из них были женщины [4, с. 312]. Всего за период с июня 1941 г. по июль 1944 г. на фронт из республики было мобилизовано почти 3 тыс. девушек и женщин [2, с. 228]. Это указывает, что тысячи советских женщин, как и мужчин, воспринимали общую ответственность за Отечество и направлялись на передний край борьбы с врагом. Е.С. Сеньявская отмечает, что они были готовы к подвигу, но не были готовы к фронтовым реалиям, к тому, с чем им пришлось столкнуться с первых дней на фронте [6, с. 164]. Подтверждением является восприятие фронтовой службы Г.А. Осташевской: «я не представляла, что такое фронт и война. Настолько не представляла, что уже много позднее, став бойцом, я еще не понимала, что это и есть война. И вот настал мой боевой час. Как и все солдаты, я познала все: и горечь отступления, и бои в окружении, и прорыв, и контузию, и ранения...» [5, с. 17].

Г.А. Осташевская, как и тысячи советских женщин, с июня 1941 г. и до конца войны находившаяся в действующей армии, в воспоминании написала: «С каждым днем все дальше вглубь истории уходят события Великой Отечественной войны. И когда вспоминаешь о войне, далекие события становятся как бы ошутимо зримыми, их переживаешь заново. <...> для тех, кто воевал, кто полной чашей испил и горечь отступления, и радость великих побед, эти события никогда не изгладятся из памяти. И бесценны

те подробности, которые вместе с людьми уносит время» [5, с. 5, 6]. Поэтому обращение к истории войны, выявление и привлечение новых документов и источников сегодня имеет не только научную, но и общественно-политическую значимость. И воспоминания фронтовиков, в их числе женщин, о войне, событиях, боевых действиях, однополчанах и проч. – особенно бесценны.

Список источников и литературы

1. Баронова А. Женщина легендарной судьбы // Советская Башкирия. 1965. 7 марта.
2. Документы мужества и героизма. Сборник документов и материалов / Отв. ред. Т.Х. Ахмадиев. Уфа: Башкнигоиздат, 1984.
3. Женщины Башкирии // Сост. Х.М. Вафина, А.Н. Киселева, А.И. Нухрат. Уфа: Башкнигоиздат, 1968.
4. История Башкортостана. 1917–1990-е годы: в 2-х т. Т. 1: 1917–1945 / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2004.
5. Осташевская Г.А. Шла на фронт девчонка... Уфа: Китап, 2009.
6. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.

Е.А. Воронова

Москва, Институт российской истории РАН

Женская и мужская память о войне: послевоенные гендерные стратегии советских семейных мужчин

По мнению ряда исследователей [6], Великая Отечественная война раздвинула социальные, национальные, гендерные рамки для советских граждан и дала существенный эмансипационный толчок к возникновению новых межличностных отношений и связей, в том числе сексуальных. За годы войны, на фронте и в тылу, создавались новые браки и новые семьи, и порой это касалось семейных мужчин, у которых уже была семья и дети. Однако после окончания войны возник выбор – возвращаться домой, к своей «старой» семье, или остаться с новой?

На выбор мужчин в значительной степени повлияло действующее законодательство. В условиях послевоенного гендерного дисбаланса и существенных демографических потерь советское правительство проводило довольно прагматичную семейную политику, у которой было два, на первый взгляд, противоречивых направления: поощрение внебрачного деторождения и консервация уже существующих юридических отношений между женщинами и мужчинами [7]. Воплощением этой политики стал указ Верховного Совета Президиума СССР от 8 июля 1944 г. – комплекс нововведений в области социальной поддержки одиноких матерей, помимо этого постулировавший освобождение мужчин от юридической ответственности за детей, рожденных вне брака. С нормативной точки зрения мужчина находился в более привилегированном положении, поскольку, в отличие от женщин, он имел выбор: оформить фактический брак юридически или же отказаться от этой семьи [3]. Однако, если дети от такого сожительства были рождены до 8 июля 1944 г., действовала предыдущая законодательная норма, и мужчины были обязаны выплачивать алименты. Возникает вопрос, как эти законодательные нормы воспринимались в обществе и, в частности, какими принципами руководствовались советские семейные мужчины, что могло повлиять на выбор той или иной стратегии поведения мужчин? Позиционировали ли себя мужчины как привилегированную в обществе группу?

Указ от 8 июля 1944 г. казался морально устаревшим для многих советских граждан 1950–1960 годов. Тем не менее юридические нормы, принятые и действовавшие во время Великой Отечественной войны, просуществовали, с некоторыми изменениями, до принятия нового Семейного Кодекса в 1969 г. Граждане писали «письма во власть», которые впоследствии попадали в законодательные комиссии при Верховном совете, или на заседания консультативных групп по разработке и принятию нового семейного законодательства. В этих многочисленных письмах, написанных людьми с разным уровнем дохода, образования, социального и семейного положения, довольно часто артикулировалась тема войны, однако в письмах женщин и мужчин она звучала совершенно по-разному.

Нормативные документы довольно продуктивно рассматривать в сравнении с источниками, транслирующими «голоса снизу». Письма граждан, адресованные в Комиссию законодательных предположений Верховного Совета СССР (ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45) и Совета национальностей СССР (ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а) включают в себя значительное количество писем мужчин, которые протестуют против назначения им алиментов или просят о снижении процента выплат. В этих письмах, особенно 1950-х годов, многие мужчины использовали различные гендерные дискурсивные стратегии с практической целью – добиться снижения или отмены алиментов. Источники позволяют вычислить стратегии гендерной саморепрезентации, которые сформировались в существовавших во время войны социальных и нормативных обстоятельствах, а также установить, какие дискурсивные практики использовались гражданами, с одной стороны, для описания своей частной жизни и для конструирования гендерной памяти о войне – с другой.

Обращаясь к государству с личной просьбой или с законодательными предложениями, мужчины – авторы писем опирались на существующие модели гендерного поведения, общественные и культурные представления о маскулинности. В первую очередь, мужчины стремились подчеркнуть свой опыт участия в войне, используя модель «воина», «защитника Отечества», и это особенно часто можно увидеть в письмах, подписанных как «инвалиды войны»: «Я инвалид отечественной войны. Жена и бросила меня потому что я изуродован войной. Она забрала ребенка – и вот эта наглая женщина спустя год, несмотря на то, что я посылая ребенку посылки, что она забрала у меня все до войны из имущества, что я никогда не отказывал в помощи ребенку, все же предъявила иск, и получает от меня 50% а когда год закончится будет получать 25%. Вот и получается, что я должен был найти жену другую. У нас есть теперь 2е детей будет и третий скоро [1, л. 228–229].

При разговоре с властью мужчины выбирали одну из стратегий самопозиционирования в контексте войны: мачистско-эссенциалистскую позицию «жертвы обстоятельств» или «жертвы женского обмана». Большинство мужчин подчеркивало, что из-за

«ошибки» во время войны им не удастся теперь, в мирной жизни, выполнять гендерно-обусловленную функцию «добытчика», поскольку часть денег из их бюджета идет на алименты: «Очень озлобляет, что получается алименты обогащается, кутит, а ты крутись как белка в колесе. Прощу со слезами на глазах, не по мужски плачу на фронте не ревел теперь приходится» [1, л. 101]. Мужчины объясняли внебрачные связи военным временем, упоминая войну в качестве одной из причин, которая должна или ослабить «алиментное бремя», или полностью освободить мужчин от этой обязанности: «Тяжелые условия жизни во время блокады Ленинграда толкнули меня на это... я был вынужден искать себе помощи в бытовых условиях жизни. Отопление и приготовление пищи имело в то время значение существования. И вот эти бытовые условия толкнула меня в сожительство с женщиной. Последствия этого – родились двое ребят» [1, л. 164]. Таким образом, советская маскулинность, выработавшаяся в годы войны, была нормативно оформлена к концу войны, однако сами мужчины, описывая свою гендерную повседневность, стремились артикулировать дихотомию «победитель vs жертва».

В письмах и дневниках некоторых замужних женщин 1950–1960-х годов фигурирует тема супружеской неверности мужчин во время войны, мужской «распутный» образ жизни уже после нее [4, 5]. Другие женщины, несмотря на то, что они направляли свои письма во властные структуры, не стеснялись в выражениях и в сердцах бросали о своих супругах: «Мы завидуем тем женщинам, чьи мужья погибли на войне!» [2, л. 233]. Женщины, идеализировавшие в дневниках военного времени своих мужей-воинов, в послевоенное время зачастую узнавали об их «фронтowych женах». Эмоциональное восприятие супружеской измены в годы войны и механизмы ее принятия или неприятия включали в себя характерные для послевоенной эпохи дискурсивные практики, к которым прибегали женщины, попавшие в такую ситуацию: разочарование в муже или оправдание его поступка условиями войны, агрессия в адрес других женщин, прощение и примирение или же разрыв отношений и развод. Дневники и «письма во власть» жен-

щин позволяют вычислить стратегии гендерной саморепрезентации, которые сформировались в существовавших во время войны социальных и нормативных обстоятельствах, общественных и культурных представлений о мужественности и женственности.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-39-90050 «Конкурс на лучшие проекты фундаментальных научных исследований, выполняемые молодыми учеными, обучающимися в аспирантуре (“Аспиранты”）」.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 231.
2. ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 232.
3. Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке. Брак. Семья. Быт. М.: Росспэн, 2007.
4. Жильцова Антонина Лукьяновна. 22 ноября 1925 – 18 июля 1990 // Прожито. Личные истории в электронном корпусе дневников. <https://prozhito.org/person/826> (дата обращения: 20.04.2020)
5. Мечтова Зинаида Алексеевна. 1908–1986 // // Прожито. Личные истории в электронном корпусе дневников. <https://prozhito.org/person/160> (дата обращения: 20.04.2020)
6. *Conze S. Women’s Work and Emancipation in the Soviet Union, 1941–50// Women in the Stalin Era* Ed. by Melanie Ilic Palgrave, 2001.
7. *Nakachi M.N.S. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language // East European Politics and Societies. 2006. Vol 20. P. 40–68.*

О.А. Ефанова

*Москва, Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН*

Женщины на войне и после: особенности современной трансляции памяти на примере истории одной семьи

Великая Отечественная война характеризуется невиданной вовлеченностью в нее гражданского населения, в том числе жен-

щин, которые трудились на производстве вместо ушедших на фронт мужчин, в военных госпиталях, выполняли вспомогательные работы в армии, участвовали в партизанском движении, наравне с мужчинами воевали на передовой. Общая численность женщин, участвовавших в боевых действиях во время Великой Отечественной войны, составляет, по мнению историков, 800 000 человек [1, 256]. Женщины составляли в этот период примерно 8% личного состава Красной армии [2].

Интерес к проблеме участия женщин в войне за последние годы значительно вырос, но, несмотря на это, в ней еще достаточно белых пятен. Положение усугубляется тем, что непосредственных участников событий почти не осталось, а те члены их семей, которые слышали от них воспоминания о войне, нередко владеют лишь частичным знанием их жизненных историй, поскольку в своих воспоминаниях фронтовички нередко умалчивали о некоторых сторонах своей военной повседневности в силу определенных культурных особенностей нашего менталитета. Несмотря на это, значение каждой такой семейной «женской» истории очень велико. Поиск владеющих такой информацией родственников и фиксация их воспоминаний позволит предотвратить превращение памяти об Отечественной войне в лишенный гендерных различий, официозный миф о ней.

История Юлии Анатольевны Даргевич, прошедшей всю войну, проливает свет на некоторые гендерные особенности положения женщин на войне и их жизни в послевоенный период. Сведения о семье Даргевич-Фишганг-Фин были получены методом биографического интервью со старшей дочерью Юлии Анатольевны Даргевич, Наталией Семеновной Фишганг-Фин. Интервью проходило в Москве 25 апреля 2020 г. Длительность интервью – 2 часа 30 минут.

Наша героиня родилась в 1920 г. в Москве. Ее родители были интеллигентными, образованными людьми. Папа – моряк, военный музыкант, артист и композитор. Мама окончила два факультета Бакинского университета: исторический и факультет восточных языков. Семья пережила немало трудностей: высылку в 1933

г. из Баку в Саратов, где царил ужасающий голод. Там Юля получила от мамы, Александры Ивановны, первый урок мужества и стойкости. Мама, сумевшая каким-то чудом сохранить принадлежащие ей драгоценности, спасла семью от голодной смерти, продавая эти драгоценности. Саратов был столицей поволжских немцев, в соседних городах Энгельс и Маркс они вообще составляли основное население. Юля училась в немецкой школе, дружила с немецкими детьми и овладела немецким языком, как родным. В последствии она говорила на всех его диалектах, выучила французский, понимала итальянский и испанский языки.

Окончив школу, она поступила в Саратовский университет на исторический факультет. Страна жила напряженной, милитаризованной жизнью, девушки наравне с юношами готовили себя к возможной будущей войне, чаще всего проходя в ОСОВИАХИМ курсы медсестер. В июне 1941 г. закончила такие курсы и студентка третьего курса Юлия Даргевич, и ее с двумя подругами командировали на практику в Белоруссию, служить в воинскую часть. Родным запрещалось сообщать о месте их назначения. Девушки рассматривали свою практику как интересную прогулку. Юля захватила с собой подаренные французские духи «Суар», запах которых она не могла забыть всю последующую жизнь, и тонкое шелковое белье. 22 июня, при подъезде к городу Бобруйску, поезд разбомбили, многие погибли. Юле и ее подругам повезло, они спрятались в придорожной канаве и им удалось уцелеть. Багаж пришлось бросить, но Юля взяла с собой и спрятала на теле комсомольский билет, любимые духи и шелковое белье. Девушки решили пробираться пешком в свою воинскую часть, но, когда они добрались до ближайшей деревни, оказалось, что она занята немцами. Ночью хозяйка дома, возле которого они укрылись в сарае, дала им гражданскую одежду, накормила, и они поспешили покинуть деревню. Два долгих месяца Юля с подругами болотами пробирались к своим. Девушка сильно простудилась и получила воспаление суставов, которое мучило ее до конца дней. Серьезно пострадали и женские органы, ей долго не удавалось родить, несколько беременностей закончились выкидышами.

Девушки часто сталкивались с немцами. Чтобы их не угнали в Германию и не подвергли насилию, они притворялись дурочками, ходили в испачканной одежде, мазали лица грязью, наряжались, как старушки. Чем дальше они продвигались на восток, тем чаще сталкивались с настороженным, недоверчивым отношением местных жителей, которые принимали их за шпионок. Девушки жестоко голодали, поддерживая силы тем, что воровали капусту на огородах. Через два месяца они наконец нашли свою часть. Юля стала хирургической медсестрой, ассистировала на бесконечных операциях, а между ними вытаскивала раненных с поля боя. Хрупким, худеньким девушкам физически очень трудно было тащить тяжелых, крепких мужчин, но они спасали бойцов, зачастую под ураганным огнем. За спасение полковника Юля была награждена медалью «За отвагу». Под Сталинградом ее контузило и в госпитале, куда она попала, выяснилось, что она прекрасно владеет немецким языком. До этого она скрывала свое знание языка, так как знала о судьбе своих одноклассников-немцев, которые сразу после начала войны были высланы вместе со своими семьями в Казахстан. Юлия Анатольевна никогда подробно не рассказывала дочерям о том, что пережила под Сталинградом, ограничиваясь короткой фразой: «Там был ад».

Юля стала переводчицей, участвовала в допросах пленных немцев, получила офицерское звание и в 1943 г. была уже старшим лейтенантом. В том же году ее направили на Южный фронт, в Донбасс, где шли тяжелые бои. Там она встретила Семена Самойловича Фишганг-Фина, служившего в политотделе армии. Впоследствии Юлия Анатольевна не раз рассказывала дочерям об их первой встрече, которая стала семейным преданием. Юля пересылала донесения с материалами допросов Семену Самойловичу, но однажды принесла их лично. Войдя в комнату, она увидела очень симпатичного мужчину с лукавыми синими глазами и копной кудрявых темных волос, который после ее представления строго спросил: «Даргевич, а где ваши усы?» Дело в том, что, видя на донесениях подпись «Переводчик Ю.А. Даргевич», Семен Самойлович решил, что это бравый офицер с густыми уса-

ми, а увидел перед собой довольно высокую, но очень худенькую девушку с густыми кудрявыми волосами. Семен Самойлович был на 15 лет старше Юли. Талантливый журналист, умный, начитанный, с блестящим чувством юмора покорило сердце девушки, и с тех пор они пошли по дорогам войны уже вместе, хотя Семен Самойлович был женат и у него подрастала дочь. Вместе они дошли до Берлина. После капитуляции Германии их перевели в Польшу, так как Семен Самойлович хорошо знал польский язык. Они поселились в Лигнице, маленьком городке недалеко от Познани, где Семен Самойлович работал в редакции газеты «Вольность». Юлия Анатольевна быстро освоила польский язык и писала на нем заметки в газету. В феврале 1947 г. у пары родилась долгожданная дочь Наташа, а в конце года они расписались. В 1949 г. в семье появилась вторая дочь, Лена.

В начале 1952 г., демобилизовавшись, Юлия Анатольевна с мужем и двумя дочерьми поселились в Саратове у мамы, занимавшей одну комнату в коммунальной квартире. Из Польши семья привезла хорошую мебель и огромную библиотеку. Все это с трудом разместилось в комнате, которую перегородили, сделав две маленькие комнатки. Юлия Анатольевна экстерном закончила университет, одновременно преподавая в книготорговом техникуме. Весь быт семьи был на ее плечах, так как мама готовить не любила, а Семен Самойлович вообще не касался этой сферы, проводя все свободное время за книгами, от которых отрывался только для того, чтобы поиграть с подрастающими дочерьми в интеллектуальные игры. Зарабатывал супруг мало, но ему обещали на этой работе квартиру, так что и материальное обеспечение семьи тоже лежало на плечах Юлии Анатольевны, но она справлялась со всем. Однако 20 мая 1960 г. Семен Самойлович внезапно скончался от сердечного приступа. Юлия Анатольевна в это время была на последних месяцах беременности. С этого времени она постоянно работала на нескольких работах, без выходных и отпусков. Необходимость продолжить преподавание немецкого языка на филологическом факультете СГУД заставила Юлию Анатольевну пойти учиться на этот факультет, который

она и закончила через два года. В 1964 г., когда домик, в котором жила Юлия Анатольевна с семьей, сломали, она наконец-то получила долгожданную квартиру. Для того, чтобы ее обставить, наша героиня устроилась на третью работу логопедом в интернат для умственно отсталых, так как там можно было работать в воскресенье, кроме того по ночам она печатала на машинке, сначала на русском, а затем и на иностранных языках, поскольку за это платили гораздо больше. Постоянная непосильная работа подорвала здоровье Юлии Анатольевны, последние годы жизни она много болела, но оставалась всегда жизнерадостной оптимисткой, прекрасной рассказчицей и интересным собеседником.

Приведенная история свидетельствует о необходимости всемерно усилить внимание к неформальной истории женского участия в Отечественной войне, что позволит сохранить «женское лицо» этой великой вехи истории нашего народа.

Список источников и литературы

1. *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М., 2002.
2. *Физелер Б.* Женщины на войне: ненаписанная история // Mascha + Nina + Katjuscha: Frauen in der Roten Armee 1941–1945. Berlin, 2002. <http://7r.net/forum/thread150.htmlht>

В.Г. Доброхлеб

*Москва, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН;
Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН*

Эхо войны как фактор формирования новых гендерных ролей

Без углубленного анализа, выявления роли женщин в защите Отечества невозможно в полной мере понять причины победы, выявить динамику социальных изменений, проявившихся как в годы войны, так и в последующий период. Изменение гендерных ролей под слиянием экстремальной военной ситуации требует более при-

стального внимания исследователей. В данном докладе на примере одной из женских жизненных историй показано, как девочка из рабочей среды стала «героем великой эпохи». Около 800 тыс. женщин принимали участие в военных действиях. В рядах Красной Армии женщины и девушки сумели овладеть почти всеми военными специальностями, несли военную службу во всех родах войск. В тяжелейшем втором году войны (1942 г.) из женщин-добровольцев было создано три авиационных полка, прошедших легендарный воинский путь. Например, в 1944 г. в 13-й Воздушной армии Забайкальского фронта служили 1749 женщин и девушек. В 10-й Воздушной армии Дальневосточного фронта проходили воинскую службу 3000 женщин и девушек. Женский авиационный полк «Ночные ведьмы» стал легендой еще в годы войны [4; 6]. Одной из легендарных военных летчиц была [2] Евгения Андреевна Жигуленко. Она родилась через три года после революции, когда еще шла гражданская война, в городе Краснодаре в семье русского рабочего. После окончания железнодорожной средней школы № 34 имени В.И. Ленина в городе Тихорецке Краснодарского края поступила в Дирижаблестроительный институт (Московский авиационно-технологический институт). Окончила также школу летчиков при Московском аэроклубе. Служба в Красной Армии началась с октября 1941 г. В 1942 г. окончила курсы штурманов при Военной авиационной школе пилотов и курсы усовершенствования летчиков. На фронтах Великой Отечественной войны – с мая 1942 г. Ее жизненная история связана с 325-я ночной бомбардировочной авиадивизией, 4-я воздушной армии, 2-го Белорусского фронта. Командир звена 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиаполка (325-я ночная бомбардировочная авиадивизия, 4-я воздушная армия, 2-й Белорусский фронт) гвардии лейтенант Е.А. Жигуленко к ноябрю 1944 г. совершила 773 ночных боевых вылета, нанесла противнику большой урон в живой силе и технике. В феврале победного 1945 г. гвардии лейтенанту Жигуленко Евгении Андреевне «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство» присвоено звание Героя

Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 4854). Ее воинский путь – один из легендарных примеров личного участия в достижении Великой Победы. Это показывает, что мужчины и женщины, ковавшие Победу, попадали в новый контекст взаимоотношений. Они по-иному, чем до войны, организовывали работу и разделение труда. Инновационный характер взаимодействий заставлял не только опираться на институциональные схемы, привычные гендерные роли, с которыми они уже знакомы, но и создавать новые. Личный выбор молодой девушки Жени Жигуленко формировал иную жизненную судьбу, а значит, вносил вклад в создание иной социальной роли женщины.

Примечательно, что в доступных сведениях нет информации о частной жизни Евгении Андреевны, ее муже, детях, внуках. Можно предположить, что эхо войны затронуло и ее. Победа в Великой Отечественной войне потребовала напряжения народных сил. Значительные изменения численности населения связаны с высоким числом погибших, умерших от ран, голода, тяжелейшего труда. Война изменила соотношение мужского и женского населения. Изменение половозрастной структуры населения привели к социальным изменениям во всех сферах жизнедеятельности. Многие женщины остались вдовами или никогда не смогли создать семью. При этом даже женщина-легенда не вполне вписывалась в [3, с. 356] базовый контракт советского периода — «работающая мать», который основывался на этакратическом мобилизующем характере, предполагая совмещение ролей матери и работницы при частичной поддержке государственного социального обеспечения и помощи старшего поколения. Была ли она в полной мере счастлива? Сегодня трудно ответить на этот вопрос. При этом она определено была успешным человеком. Исследователи считают, что идеалы, цели и жизненные ориентиры материализуются через личные устремления и показывают определенные будущие облики социума, его желаемый образ, предугадывают перспективы дальнейшего развития общества в целом. Достижение цели воплощаются в понятии «жизненный успех». Стремление к успеху мотивирует человеческую деятельность, играет важную роль в системе формирования

жизненных целей и системы ценностных приоритетов, которые служат основой определения жизненной стратегии личности.

По окончании войны Е.А. Жигуленко продолжала службу в Вооруженных Силах СССР. Летала штурманом на Дальнем Востоке. В 1955 г. она окончила заочный факультет Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Однако с 1955 г. гвардии майор Е.А. Жигуленко отправлена в запас, а затем в отставку. В 35 лет она начинает жизнь заново.

После увольнения жила в городе Сочи. Работала лектором, депутатом Горсовета, председателем Горкома профсоюзов государственных учреждений, начальником управления культуры города. Оказывала помощь в решении многих проблем жителей г. Сочи. Благодаря ее личному участию и энергии в г. Сочи был организован выставочный зал изобразительного искусства, концертно-театральный зал «Фестивальный». Е.А. Жигуленко стала зачинательницей «Праздников песни» в г. Сочи. На «гражданке» она связала свою жизнь с культурой и творческой деятельностью. В 1970-х годах стала москвичкой. Работала в Министерстве культуры РСФСР. В 1975 г. была ведущей «Голубого огонька», приуроченного к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 1976 г. в возрасте 56 лет окончила Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова, работала режиссером киностудии имени М. Горького. В 1981 г., когда ей было больше шестидесяти лет, сняла фильм «В небе “ночные ведьмы”» о боевой деятельности 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиаполка, а в 1984 г. – военно-приключенческий фильм «Без права на провал». Жила в Москве, где и скончалась 27 февраля 1994 г. Последние годы ее жизни пришлись на «лихие девяностые».

Ученые отмечали в российской трансформации 1990-х годов признаки патриархатного ренессанса или неотрадиционализма [7, с. 277], когда жизнедеятельность людей, политика и экономика гендерных различий/неравенства затрагивают не только экономическую сферу, но и сферу, связанную с различными статусными характеристиками [3, с. 357]. Однако при этом в постсоветский период гендерные контракты 1990-х годов стали более разноо-

бразными: «работающая мать», «женщина-профессионал», «домохозяйка», «гламурная женщина». Жизненная история Героя Советского Союза Жигуленко Евгении Андреевны вплетает свою нить в изменение гендерных стереотипов, дает пример социального успеха в кризисных обстоятельствах.

Феномен жизненного успеха многомерен и сложен, результаты исследований противоречивы, задача по выявлению универсального профиля успешного человека труднодостижима. При этом очевидно, что понятие успеха в общественном сознании тесно переплетено с положительной социальной мобильностью и достижением желаемого социального статуса [1, с. 314]. Подспудные и массовые перемены в миропонимании мужчин и женщин изменяют облик экономической, политической и социальной жизни: меняются политические и экономические цели, религиозные нормы и семейные ценности, это, в свою очередь, влияет на темпы экономического роста и определяет перспективы развития политических, экономических, социальных институтов» [5, с. 6]. Тем самым, по справедливому замечанию известного российского социолога, члена-корреспондента РАН Жана Терентьевича Тощенко, «мы выходим на необходимость познания в известной мере нового для социологии понятия – смысла» [8, с. 159]. Изменение гендерных ролей, движение в сторону большего равноправия позиций женщин и мужчин способствуют как социальному, так и экономическому благополучию, расширению возможностей социальной мобильности, формированию новых жизненных смыслов.

Список источников и литературы

1. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / Под ред. И.В. Котлярова. Минск: Беларуская навука, 2017.
2. Жигуленко Евгения Андреевна. <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 29.04.2020)
3. *Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А.* 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб: Издательство Европейского университета, 2015.

4. *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М., 2002.
5. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.
6. История Великой Отечественной войны в Советском Союзе. 1941–1945 гг. В 6 т. М., 1960–1965 гг.
7. *Римашевская Н.М.* Человек и реформы: Секреты выживания. М.: РИЦ ИСЭПН.
8. *Тоценко Ж.Т.* Социология жизни. М., 2016.

РАЗДЕЛ 6

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В.О. Шаповалова

Сан-Диего (США), Университет штата Калифорния

Вильнюсское гетто в женских воспоминаниях

Дневники, записки и воспоминания тех, кто пережил Холокост, относятся к особой категории эго-документов. Писатель и историк Эли Визель считал, что эго-документы, созданные в гетто и нацистских концентрационных лагерях, не могут быть источниками информации о быте и жизни заключенных. По мнению Визеля, эти документы описывают события столь ужасные и несопоставимые с понятиями «жизнь» и «человеческое существование», что должны рассматриваться как единый религиозно-философский текст о смерти. То, о чем пишут пережившие Холокост, настолько исключительно, что не может быть связано с реальностью и не может служить источником сведений о ежедневной жизни в гетто или концлагере. Тем не менее женские дневники и мемуары о гетто (и о концлагерях) не только раскрывают детали жизни в гетто, сложности в отношениях между разными группами населения гетто и отношение женщин к страшным событиям Холокоста. Согласно расовой идеологии немецкого нацизма, еврейские и цыганские женщины подвергались наибольшему преследованиям только за способность к деторождению. В этой работе я рассматриваю женские эго-документы Вильнюсского гетто, которые имеют и историческое, и литературное значение.

Вильнюсское гетто было создано в августе 1941 г. и ликвидировано в сентябре 1943 г. Кто же из жителей гетто вел дневники

и записи? В первую очередь вели дневники подростки 15-16 лет. Очень немногие выжили после ликвидации гетто, смогли пройти через концлагеря и дожить до освобождения. Их маршрут лежал через концлагеря Кайзервальд, Штраценгоф (Рига) и Штуттгоф на севере Германии (ныне территория Польши). Наибольшее количество воспоминаний оставили те, кто бежал из гетто и присоединился к партизанским отрядам в Литве и Белоруссии.

Почему писали о гетто, о том месте, где авторы переживали самые страшные моменты в их жизни, где они потеряли своих близких? Хорошо известно, что запись травмирующих событий заставляет автора пережить их вновь. Воспоминания нельзя рассматривать как случаи скриптерапии – слишком ужасны были описываемые события и переживания. Основная причина – желание рассказать об увиденном, о потерянной семье и друзьях и о тех, кто совершал преступления и не понес наказания. Всех мемуаристов заставляло писать именно отсутствие справедливого возмездия и понимание своего долга – рассказать о преступлениях и не допустить их повторения или оправдания.

Социальные и политические изменения, которые начали происходить после инкорпорирования территорий Прибалтики в состав СССР (июль 1940) и миграция населения Литвы в Вильнюс как в столицу новой Советской республики привели к увеличению численности семей высокообразованных еврейских специалистов – врачей, юристов, деятелей культуры. Почти все они оказались в Вильнюсском гетто. Мария Рольникайте, как многие девочки, вела дневник, в котором до войны писала о прочитанных книгах и поездках к родным, событиях в школе и дома. Отец Марии Григорий Рольниккас, известный юрист, защищавший коммунистов в буржуазной Литве, сотрудничал с советским правительством и переехал в новую столицу из Каунаса. Мария вступила в пионерскую организацию и с первого дня оккупации называла фашистов врагами своей Родины. Она хотела воевать с врагом, пыталась своим поведением бросить вызов гитлеровцам – ходить по улицам без обязательной нашитой на одежду желтой звезды, но страх и забота о маме, а самое главное, млад-

ших детях в семье быстро заставили ее отказаться от таких экспериментов. Маша продолжала вести дневник и в гетто, и в лагерях. Уже в гетто, быстро повзрослев, она поняла, что ее дневник—это ее орудие сопротивления. Некоторое время Мария ходила в школу, которая была открыта в гетто, но ни школа, ни больница, ни концерты и спектакли в театре гетто не оставили заметного следа в ее дневнике. Все это не было в центре ее внимания. Главными целями жизни была помощь маме, записи в дневнике и желание присоединиться к движению сопротивления.

В гетто попала и семья известного врача Григория Рана, незадолго до начала войны переехавшая в Вильнюс. Григорий Ран заведовал терапевтическим отделением Республиканской больницы Красного Креста. С момента объявления о начале войны он работал и жил в больнице, организуя помощь больным и раненым. Сразу после прихода к власти новой фашистской администрация города, он – как еврей – был отстранен от работы. Его старшая дочь Жанна, выпускница немецкой и еврейской гимназий, свободно владевшая литовским, немецким, английским и русским языками, попала на черную работу – мытье полов и уборка квартир офицеров гестапо. Она хорошо понимала, о чем говорят немцы, иногда ей удавалось даже заглянуть в бумаги на столе. Она помогала семье и друзьям прятаться от предстоящих акций уничтожения, проводившихся в гетто. Жанна твердо решила уйти из гетто, но не хотела оставлять там семью. Несмотря на то, что отец относился к Жанне как ответственной за всю семью в его отсутствие, традиционный уклад еврейской семьи, где главой безоговорочно был отец, сохранялся и в экстремальных условиях. Григорий Ран ставил свой врачебный долг и, в меньшей мере, честь имени – категорический отказ жить по подложным документам – выше своей жизни. Именно его долг врача был главной причиной, по которой семья осталась в гетто. Жанна была вынуждена уйти к партизанам одна.

Отношения между жителями гетто и еврейской администрацией – Юденратом – были часто непонятны девочкам-подросткам. Для них все контакты с еврейской администрацией сводились к личному знакомству и получению информации или помощи от

знакомых членов Юденрата. Глава Юденрата Яков Генс был несомненным врагом для Марии Рольникайте и Хени Бразг. Члены подпольного сопротивления – такие как Жанна Ран – относились к Генсу по-иному. Они знали о его роли посредника между немецкой администрацией гетто, гестапо и населением гетто. Часто Генс вел прямые переговоры с участниками сопротивления – как это было в случае требования гестапо о выдаче Ицхака Виттенберга, руководителя движения сопротивления, который бежал из-под ареста. После долгих переговоров с руководителями сопротивления Виттенберг был выдан гестапо, но вскоре после ареста он успел покончить жизнь самоубийством – принял цианид.

Очень четко прослеживается в мемуарах отношение литовских соседей, которые хотели помочь знакомым в гетто, но эта помощь была недолговременной и очень ограниченной. В деталях описывают все авторы помощь тех, кто рисковал жизнью ради спасения и реальной помощи своим друзьям в гетто. Некоторые из них внесены в книгу праведников мира в Яд-Вашеме в Израиле.

В большинстве случаев женщины в мужских мемуарах выступают в традиционной роли матери, которая неустанно заботится о семье и обустроивает быт в самых тяжелых условиях, изобретает удивительные способы прокормить и одеть детей. Жанна Ран пишет о запрете беременности в гетто, приказ был издан вестной 1942 г. Все беременные женщины подлежали расстрелу, поэтому беременность скрывали, рожали тайно и всеми силами старались передать ребенка за пределы гетто. Несомненно, это было важно в условиях войны, гетто, жизни под постоянным страхом смерти. В женской мемуаристике Вильнюсского гетто роль женщины-автора меняется. Все они активны в социальной жизни. Творческое начало проявилось в Марии Рольникайте еще в гетто – она начала писать стихи. Стремление участвовать в сопротивлении осуществлялось в концлагере Штуттоф – Мария стала автором гимна подпольного лагерного движения сопротивления.

Процесс восстановления полной картины жизни в Вильнюсском гетто далеко не закончен. Все авторы мемуаров вели огромную работу по сбору материалов, касающихся Холокоста и ев-

рейских гетто в литовских городах, восстанавливаю памяти о праведниках мира. Эта работа должна быть-продолжена историками исследователями. Как показывает реальность XXI в., в странах Балтии и Польше память о последней главе еврейских общин – гетто и лагеря уничтожения – становится частью популярной культуры и туристическим аттракционом. Как гласит реклама автобусных экскурсий в Кракове «Отличная прогулка! За один день вы посетите Аушвиц и замечательные соляные шахты».

Список источников и литературы

1. *Ран-Чарная Ж.Г.* Невероятная правда. Вильнюс: Шантурис, 1993.
2. *Рольникайте М. Г.* Хроники Вильнюсского гетто. Екатеринбург: Издательство «Гонзо», 2013.
3. *Шур Г.А.* Евреи в Вильно 1941–1943. СПб.: Образование-Культура, 2000.
4. *Brazg H.* Passport to Life: Memories and Dreams. Johannesburg, S.A.: Kayor, 1981.
5. *Maren R., Leiserowitz R.* (eds.) Women and Men at War: A Gender Perspective of World War II and its Aftermath in Central and Eastern Europe. Osnabrück: Fibre, 2012.
6. *Margolis R.* Partizan of Vilna, Brighton. Massachusetts: Academic Studies, 2010
7. *Rothchild-Galerkin S.Z.* Walking, Running, Hiding. Memories of a Child in Vilno During Second World War. Toronto, Ontario: Azriel Foundation, 2014
8. *Rudashvsky I., Matenko P.* The Diary of the Vilna Ghetto, 1941–1943. Beit Loha Litinskaya, mei Haghetaot: Ghetto Fighters' House, 1979.

Г.С. Широкалова

Нижний Новгород, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия; Приволжский филиал ФНИСЦ РАН

Дети войны. Историческая память как фактор сплочения семьи

За 75 лет послевоенной жизни официальная историческая память о Великой Отечественной войне не раз была переформатирована. Живая историческая память свидетелей тех лет то под-

тверждала официальную версию, то опровергала ее, то начинала корректироваться/подстраиваться под нее. Свою лепту внесли избирательность человеческой памяти, утрата отдельных эпизодов в силу возрастных особенностей, осознанное смещение акцентов в силу разных причин, вытеснение реальных событий информацией из СМИ, кинофильмов и т.д. Достоверность рассказов о прошлом «простых людей» зачастую невозможно верифицировать, поскольку их жизнь не была публичной.

Сказанное не отрицает важности живой исторической памяти как исторического источника. Но в данном случае подчеркнем ее значимость для сплочения «большой» семьи из трех/четырёх поколений, не обязательно объединенных в одно домохозяйство. В условиях, когда старшее поколение перестало быть главным субъектом передачи ценностей, эмоционально окрашенная семейная история может стимулировать укрепление семейных отношений, предотвращая разрыв поколений.

Интерес к семейной истории, как правило, приходит в зрелом возрасте, когда уже задать вопрос о давних временах некому. Учитывая эту реальность, задание в школе/вузе на тему, например, о военном детстве бабушки/дедушки имеет не только воспитательное значение, но сохраняет историю семьи для следующих поколений.

Воспоминания близких о военном времени студенты второго курса Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии в 2019 г. записывали в рамках подготовки к юбилею Победы. Наиболее эмоциональны и подробны записи девушек, поэтому именно они были выбраны нами для примера. Приведем их без стилистических правок.

Д.П. «Все дальше в прошлое уходят от нас годы войны. На смену одним поколениям приходят другие. Но память о тех, кто не вернулся с кровавых полей войны, кто грудью защищал независимость нашей Родины, кто не жалея сил работал в тылу – память о них живет в наших сердцах. Мое поколение не знает, что такое война. Мы живем в мирное время. Но пока среди нас живут еще те, кто помнит страшное время. М.Н.Ф. родилась в 1939 году.

Когда началась война, ей было всего 2 года. Что может помнить маленький человек в 2 года? Но видимо, человеческая память избирательна. 25 июня отца М.Н. забрали в Армию. Тогда многих мужчин забирали из села. М.Н. вспоминает: “Все наши односельчане собрались возле машины, на которой потом увозили наших односельчан. Женщины плакали. Отец уже сидел в машине. Волосы у него светло-песчаные, глаза серые. Он поцеловал меня, а на глазах слезы. Вот таким он остался в моей памяти. Отец погиб 15 августа 1945 года.

Война вообще оставила в жизни тяжелый след и горькие воспоминания. Помогали собирать по полям мерзлую картошку, летом рвали лебеду и молодую крапиву. Из этой травы лепешки делали. Еще сусликов ловили, обдирали, на костре жаривали, тем и питались в войну, никто с голода не умер.

Когда война закончилась, мне было уже 6 лет. Воспоминания об этом Дне Победы более четкие. Все кругом, радовались, плакали, кричали «ура». Мы маленькие бегали, спрашивали у взрослых, что случилось. Нас обнимают, кричат «война закончилась, больше войны не будет, будет мир». Мы спрашивали, что такое мир? Тяжелое это время война. Дай, Бог, чтобы ее никогда не было”».

В.Е. «Приведу рассказ от первого лица моей бабушки – П.М.И.: “Я родилась в августе 1937 года в Мордовии и начало войны помню только по беспокойным лицам родителей и отсутствию веселья в нашем доме. Папе к тому времени было уже 38 лет и его не призвали на войну, так как из-за каких-то медицинских показаний он никогда не служил в армии. Как рассказывала мама, он очень нервничал, потом написал заявление, что хочет пойти добровольцем на войну, попросил в артиллерию, так как был учителем физики и математики. Его два месяца готовили к службе и отправили на передовую. Мы остались одни: мама, бабушка (папина мама), мой старший брат и я. Много из того времени мне вспоминается какими-то отрывками. Осенью мы ходили на колхозные поля собирать колоски и детей предупреждали, чтобы сразу ложились на землю, если увидят кого-то чужого. Весной ходили на картофель-

ные поля, собирали мороженую картошку и потом из нее пекли очень вкусные драники. Всю зиму мы ходили в лес за «сушняком», чтобы топить печку. Я помню, что «черные кошки» подбрасывали записки: «Сегодня будет гореть ваша улица», и тогда мы всю ночь спали одетые, а взрослые дежурили по очереди на улице.

Папа рассказал нам одну историю, произошедшую с ним на фронте: немцы начали танковую атаку. Танки шли по полю, а пушка была спрятана в лесочке. Первый танк подбили, после него последний, а когда они пытались отступить и разворачивались, подбили еще 9 танков. По радиосвязи передали информацию только о 2-х подбитых танках и связь прервалась. Наша пехота отошла, артиллеристы тоже должны были отступить, но из-за отсутствия связи, им это не передали, папу ранило. Но за те 2 подбитых танка, о которых удалось сообщить, папу наградили орденом Отечественной войны. Если бы связь была исправна и сообщили о всех 11 танках, папа получил бы Орден героя Отечественной войны. Когда он пришел из госпиталя документы уже были отправлены. Также у него есть Орден Красной Звезды и другие медали. Папа рассказывал, что в начале войны было очень страшно, так как считали, что все равно живыми не вернуться, а в конце войны появилась надежда и желание выжить. До сих пор мы храним его ордена и медали, знаем и помним, за что он их получил.

В мае, когда все уже ждали победу, от папы не было писем. Он вернулся только в конце июля. Очень хорошо помню, как мы приехали за ним на станцию на лошади, а он ждал нас худой, седой, постаревший, а на его чемодане лежал кулечек со сливами.

Внучкам я рассказываю о войне и молю Бога, чтобы им не пришлось этот ужас пережить»».

Коммуникативная память в силу объективных причин живет 3 поколения. О воспоминаниях участников войны их правнуки узнают уже только опосредованно – через детей войны, поколению которых около восьмидесяти лет. Теряется фактологическая точность. Усиливается фрагментарность. С поколениями уходит и сакрализация тех событий, поскольку сакральность невозможна без глубокого эмоционального отношения к чему-либо. Семейная

память еще одного поколения, возможно, будет сопротивляться амбивалентности оценок исторического прошлого, зависящих от политических обстоятельств [1]. Но условия жизни, атомизация отношений в современной семье, манипулятивные технологии в образовании и СМИ и как результат – мегацентричность современной культуры сформируют иную историю Великой Отечественной.

Список источников и литературы

1. *Широкалова Г.С.* Историческая память и патриотизм повседневности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10 (№ 3). С. 161–174.

А.С. Абдирайымова

*Алма-Ата (Казахстан), Казахская академия транспорта и коммуникаций
им. М. Тынышпаева*

Е.В. Ануфриева

Волгоград, Волгоградский государственный технический университет

Адаптация женщин к условиям военного времени (по материалам устных интервью)

Великая Отечественная война стала событием, изменившим в одночасье жизнь миллионов людей. Для военнообязанных, мобилизованных на фронт, ситуация была ясна: там враг, с ним нужно воевать, защищать и освобождать свою страну. Адаптация к новым условиям была ожидаема и в основном понятна. У оставшихся дома ситуация складывалась иначе. Для жителей западных территорий, первыми подвергшимся нападению врага, жизнь на оккупированной территории диктовала свои условия, связанные с ежедневной заботой о выживании семьи и налаживании быта. Забота легла прежде всего на плечи женщин. Жители на линии фронта, переходившего туда-обратно по несколько раз за военное время, адаптировались по-своему. В блокадном Ленинграде жизнь в условиях почти 900-дневной осады складывалась иначе.

Жители тыла, куда волна военных действий не докатилась, устраивали не только свою новую военную жизнь, но и жизнь тысяч эвакуированных людей.

О военной повседневности, об особенностях адаптации женщин к суровым условиям военного времени, о повседневности фронтовой и тыловой жизни, о производственной адаптации опубликовано много работ [4, 5, 7, 8]. Под социальной адаптацией мы понимаем «отношение человека и социальной среды, направленное на разрешение возникающих между ними противоречий. Разрешая противоречия, личность развивается, приобретая необходимый для полноценной и эффективной жизнедеятельности в социуме опыт, знания, умения, навыки» [9].

Большое внимание исследователи уделяют точкам соприкосновения гендерной и устной истории, отмечая, что «женская устная история – огромный ресурс пробуждения женского социального самосознания» [6, с. 174].

Представим результаты исследования методом устно-исторического интервью с современниками Великой Отечественной войны в Казахстане и России. Мы беседовали с женщинами, родившимися в 1920–1925 гг., как воевавшими, так и труженицами тыла. Учитывая почтенный возраст наших собеседниц, отметим их доброжелательность и готовность рассказать о своей юности, хотя эмоциональные воспоминания иногда и у интервьюера, и у респондента вызывали слезы. Мы спрашивали, как они узнали о начале войны, о их бытовой и повседневной жизни во время войны. Респонденты часто давали лаконичные ответы, а просьба пояснить что-либо наталкивалась на недоумение: «кому это может быть интересно?», «не важно»... Многие женщинам в то время приходилось постигать самим, а на слова «не умею» или «не знаю» был ответ: «не наша забота». Приходилось отвечать: «Я все сделаю как надо», и делали.

Одна из наших собеседниц рассказала: «В то время (начало войны) я была несовершеннолетняя. Я была шесть месяцев в оккупации, нас оккупировали немцы, (потом) нас освободили. И военкомат послал нас, 50 человек, снаряды ближе к фронту возить,

на вozy, и мы были совсем не сельские и мы не знали, что с этими быками делать.<...> После этого начали нас распределять. Сказали, будешь связисткой».

Отвечая на вопрос о фронтовом быту и о том, что самым ценным было на фронте, она рассказала: «Мы страшно проголодались, когда мы освободили Джанкой, а у немцев такие были запасы, склады чего только там не было, вплоть до шоколада. Плитки шоколада были коробками. Я даже на гражданке такое никогда не пробовала. И, помню, что наши ребята где-то нашли телегу чулков женских, а я у них одна (смеется). И говорят бери-бери, ну, сколько я возьму максимум 2-3 штуки» [1].

Уроженка села Гусевка Волгоградской области так вспоминает о войне: «Недоедаем, холодно. Ну, и бомбили нас. Нам сколько было? Ну да, 17-18 лет, самый расцвет, а нам надо ту землю таскать.<...> В 43 году, после девятого класса нас посылали в колхозы. Собирали бригады и отправляли на трудовые рубежи. В общем, работать. Мы работали первые... строили аэродром. Такие большие делали, куда самолет заходил, обволоки (*посадочная полоса*) мы их называли. И сверху тогда натягивали такие, ну сетки, и вроде как маскировка была. Мы все это делали, ребята, а я говорила, что и умру. Как они у нас держались... вот этот вот первый грунт земляной, где растет трава, вот мы их вот такими плитами... ну как... вырезали, как дерн делали и выкладывали все вот на этой обволоке и оттуда, и отсюда, а в середину возили на быках землю, туда землю бросали, засыпали землей. И один раз так привезли <...> налетели и стали бомбить нас. Нас разогнали, быки разбежались, и мы остались живые. Он улетел, а мы опять эту яму заделывать. Это было дело в 9 классе. Потом оттуда на <...> противотанковые рвы. То мы делали для самолетов, это мы делали для танков. Мы работали до октября, за нами приехал классный руководитель.<...> А с 10 класса нас больше не посылали» [2].

Вспоминая о войне, наши собеседницы единодушны: «Война страшная! Жизнь самое главное, <...> сохранить жизнь!» [3].

К сожалению, мы ограничены требованием объема публикации, но считаем, что приведенные фрагменты воспоминаний

о войне ее участниц позволяют прикоснуться к нелегкой адаптации молодых женщин и девушек в условиях войны. Работа с современниками Великой Отечественной войны продолжается, поскольку важно успеть узнать из первых уст не официальную, а очень личную историю войны.

Список источников и литературы

1. Интервью с Горковской Любовью Николаевной, 1925 г.р. Взято в августе 2019 г., г. Алматы.
2. Интервью с Сидоренко Марией Николаевной, 1923 г.р. Взято в июле 2018 г., Волгоградская область, с. Гусёвка.
3. Интервью с Целуевой Марией Андреевной 1923 г.р. Взято в феврале 2019 г., г. Алматы.
4. *Мурманцева В.С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. <http://www.a-z.ru/women/texts/murman1r.htm> (дата обращения: 05.04.2020)
5. *Потемкина М.Н., Савичева Ю.О.* Производственная адаптация женщин в условиях Великой Отечественной войны (на примере Магнитогорского металлургического комбината) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2016. № 1. С. 77–86.
6. *Пушкарева Н.Л.* Устная история и гендерная история: сближение и перспективы развития // *Общественные науки и современность.* 2012. № 1. С. 168–176.
7. *Реброва И.В.* «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны // *Женщина в российском обществе.* 2008. № 2. С. 1–7.
8. *Реброва И.В.* Женская повседневность в экстремальной ситуации: по материалам устных и письменных воспоминаний женщин о Великой Отечественной войне // *Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сборник статей / Сост. Н.Л. Пушкарева.* М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 605–630.
9. *Ростовцева М.В.* Природа социальной адаптации и методы ее изучения // *Социодинамика.* 2017. № 7. С. 1–7.

Е.В. Ануфриева*Волгоград, Волгоградский государственный технический университет***Н.В. Дулина***Волгоград, Волгоградский государственный университет*

Устная история Великой Отечественной войны: на перекрестке коммуникативной и исторической памяти

За последние десятилетия события сороковых годов XX в. благодаря и открытию архивных документов, разносторонне анализировались, становились предметом дискуссий. Во всем многообразии обсуждаемых вопросов, методов и способов постижения истории Великой Отечественной войны крайне редко можно обнаружить свидетельства людей, принадлежащих к так наз. молчаливому поколению 1924–1943 годов рождения. Это обычные люди, фронтовики и труженики тыла. Одной из важнейших характеристик этого поколения называют терпение. Сами они о времени войны вспоминают крайне неохотно. Да никто их особо и не спрашивал (другие герои тогда были на виду), а может им хотелось забыть ужасы пережитого. Поделимся размышлениями о точке соприкосновения коммуникативной и исторической памяти, которые оживают в устных историях свидетелей того времени.

Обращение к устной истории как методу исследования, популярного среди историков, антропологов, этнографов, социологам интересно по следующим причинам: их увлекает разработка гайда интервью, изучение полученного материала и возможность получить «обратную связь» от интервьюера.

Обычно во время интервью интервьюер задает вопросы, фиксирует ответы респондента. Данное интервью было полуструктурированным, что позволяло в ходе интервью «отступить» от перечня предлагаемых для обсуждения вопросов. В нашем случае это необходимо, учитывая возраст собеседников (самому молодому участнику было 77 лет, самому пожилому – 97 лет) и чувствуя эмоциональную атмосферу во время беседы. По окончании интер-

вью интервьюер (а в нашем случае – это студенты) уже сам, рефлексирова / анализируя услышанное и увиденное, в той или иной степени сопоставляет результаты с уже имеющимися знаниями. В этой интерпретации встречаются истории в «виде “life story”» непосредственных участников, полученной путем опроса и фиксации нарратива» [3, с. 3], или коммуникативная память, «историческая ценность <которой> в фиксации эмоционально-психологического отношения к прошлому, что позволяет понять мотивацию и причинно-следственные связи событий [2, с. 223]. Ж.Т. Тощенко подчеркивал, что «историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [1].

Память и история – это то, что нас как преподавателей волнует, поскольку мы работаем со студентами, и от их отношения к истории и памяти зависит будущее нашей страны. Среди них есть те, кому интересна история, история своей семьи, своей страны. Именно с ними в последние два года организована работа с современниками Великой Отечественной войны.

За 2018–2019 гг. были взяты интервью у 140 современников Великой Отечественной войны (ветеранов войны, тружеников тыла, детей войны), проживающих в самых разных регионах нашей страны. Студенты оказываются под большим впечатлением от услышанного, узнаваемого не из книг или фильмов, а из рассказа собеседника, сидящего напротив, которому во время войны было столько же лет, как и ему. Важно, что студенты оказываются очень чуткими к своим собеседникам и часть вопросов не задают, а иногда получают ответы на незадаанные вопросы и даже не предусмотренные опросником. Это яркий пример воспитания человека и гражданина. Бывает, что после интервью студенты продолжают навещать теперь уже «своего» ветерана, оказывая ему помощь в быту, поддерживая в праздничные дни.

Эмпирической базой статьи является анализ содержания эссе, написанных интервьюерами после интервью с современниками

Великой Отечественной войны. В нем они должны были записать свои впечатления о беседах. Форма предоставления такого «отчета» – эссе в свободном изложении. Такие эссе очень разные, как и те, кто их написал. Из 112 полученных эссе авторами 37 являются девушки, остальных – юноши.

С одной стороны, в своих эссе студенты используют «штампы» о войне: «героизм народа», «страшное время», «все как один» и т.п., о которых, как в своих работах отмечали студенты, «мы знаем из уроков литературы, истории и фильмов о войне». С другой стороны, знакомые по учебникам слова и события приобретают иное звучание. Приведем отдельные выдержки из эссе студентов, сохраняя их стиль, орфографию и проч.

«Он пришел в армию, когда ему не было 17 лет. Он был молод, младше меня и пережил войну. Он остался жив, помогал своим товарищам, но воевал не за Сталина, как все привыкли показывать это в фильмах, а за свой дом, за свою семью, которую он защищал, и которая осталась дома. Ему было тяжело, но дружеские отношения, взаимопомощь помогали в то время, без этого было никак» (Сергей, 19 лет).

«Несмотря на то, что я никогда не испытывала огромной любви к истории, мне было очень интересно слушать. <...> Я обычно не очень эмоциональный человек, но разговор с Валентиной Матвеевной на тему войны вызвал у меня неоднозначные эмоции. В общем, я расплакалась!» (Диана, 19 лет).

«Удивительно, как много мы не знаем о своей истории и о тех, кто мог бы нам ее поведать» (Егор, 19 лет).

«Как она, моя прабабушка, улыбается, смеется и счастлива после всего пережитого ею? А что было бы со мной? Надеюсь, я никогда не узнаю ответа на этот вопрос... Услышать от своего родного и любимого человека про войну это совсем другое ощущение нежели от просмотра документального фильма, урока в школе или даже рассказа незнакомого тебе ветерана. Слушая ее, я чувствовал, что она заново переживает все это, и я стал гораздо лучше осознавать, что такое “надежда” и “вера” в победу» (Олег, 20 лет).

«Невольно начинаешь задумываться “А смогла бы я в ее годы поступать так же?” Хоть она и не была участником боевых действий, но в возрасте 5 лет пошла с другими женщинами за шиповником, для фронта, и собрала половину наволочки. Нынешние дети в этом возрасте ходят в детский сад, спят мягко, да едят сладко. <...> Для меня это не понятно и странно ... Маленькая Мила жила в эвакуации, в селе, где остались одни женщины, мужчины ушли на фронт. И для нее еще долго было странно видеть мужчин, особенно здоровых с целыми руками и ногами» (Василиса, 18 лет).

Полагаем, что в дополнительной интерпретации выдержки из эссе не нуждаются – они красноречивы, убеждают простотой слов и правдой жизни.

Статья написана в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) №АР 05133556.

Список источников и литературы

1. *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM#1>
2. *Широкалова Г.С.* Прошлое в настоящем: с ностальгией о реальном или мифическом? // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сборник научных статей / Отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. С.204–224.
3. *Щеглова Т.К.* От редактора: историческая память, устная история (oral history), этнография и культурная антропология // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сборник научных статей / Отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. С. 3–6.

И.А. Грошева

Тюмень, Тюменский филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры»

И.Л. Грошев

*Тюмень, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова*

Л.И. Грошева

*Тюмень, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова*

Гендерные различия в оценках патриотизма

В эпоху постмодернистского общества повсеместное увеличение неопределенности, случайности, влияние внутренней саморефлексии ведет к многовариантности и альтернативным формам развития. Научный интерес вызывает поколение, выросшее в условиях текучей современности (в терминах З. Баумана) и сверхтолерантности. А именно: изучение особенностей социализации современного поколения, поставивших под вопрос целесообразность исторической преемственности и выдвинувших новые направления формирования коллективной памяти [2, с. 40]. Интересен гендерный аспект восприятия исторических событий, понятия «патриотизм». Например, утверждается, что девушки в меньшей степени интересуются историей Великой Отечественной войны, указывается на скептицизм женской части в молодом и среднем поколениях относительно нынешнего поколения мужчин как защитников Родины [1, с. 114].

В статье использована эмпирическая база четвертой волны масштабного научно-исследовательского проекта Российского общества социологов (РОС) «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (N=10065 человек, 2020 г.), имеющего пятнадцатилетнюю историю. Среди принявших участие в опросе ощутимый перевес в сторону женщин – 61%. Вопрос о репрезентативности исследования не ставился.

Следует отметить, что еще в ходе проведения третьей волны исследования РОС в 2015 г. (N=4691) гендерный анализ результатов опроса принципиальных различий в оценках юношей и девушек не выявил [3, с. 210]. Однако имелись некоторые нюансы. Например, девушки реже, чем юноши, «замечали» вещи военных лет, менее склонны оставлять право за патриотами честно и добросовестно трудиться и готовность к самопожертвованию ради интересов страны [3, с. 213].

По результатам четвертой волны исследования оказалось, что девушки в меньшей степени готовы позиционироваться патриотами (15,5% против 19,1% у юношей). В то же самое время среди них оказалось в два раза меньше считавших себя не-патриотами (6,7% против 12,1% у юношей). При составлении портрета патриота-2020 обнаружили следующие различия, свидетельствующие о возросшей социальной активности девушек:

- уважать и знать историю России: женщины – 66,6%, мужчины – 54,8%;
- испытывать гордость за свою страну: женщины – 58,3%, мужчины – 40,9%;
- уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста, инвалидам: женщины – 54,9%, мужчины – 43,1%;
- испытывать чувство ответственности за происходящее в стране: женщины – 54,9%, мужчины – 50,1%;
- быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны: женщины – 38,3%, мужчины – 30,2%;
- не уклоняться от службы в армии: женщины – 19,6%, мужчины – 13,9%;
- принимать участие в общественной и политической жизни страны: женщины – 32,6%, мужчины – 29,7%;
- честно и добросовестно трудиться: женщины – 23,9%, мужчины – 24,1%;
- патриотизм – устаревшее понятие в эпоху открытых границ. Родина там, где тебе комфортно: женщины – 10,4%, мужчины – 16,4%.

Как видно из перечисленного, за юношами остался приоритет в отношении честного и добросовестного труда. Обращает на себя внимание лидерство в тех направлениях, которые в предыдущих исследованиях РОС (2005, 2010 и 2015 гг.) в основном выбирали мужчины: не уклоняться от службы в армии и готовность к самопожертвованию. Девушки, в отличие от юношей, менее склонны считать патриотизм устаревшим понятием.

Больше половины опрошенных девушек (56,5%) высказались, что в случае военного конфликта на фронт ушло бы меньше добровольцев по сравнению с июнем 1941 года. Здесь их ответы полностью солидаризируются с мужскими (56,1%). На открытый вопрос «Почему Вы так считаете?» среди тюменской молодежи (N=205), уверенной в том, что добровольцев было бы меньше, юноши и девушки выдвинули различные аргументы. Для девушек оказалось важным отсутствие у мужчин так наз. мужских качеств, необходимых для защиты. Самым популярным ответом стало указание на то обстоятельство, что нынешние мужчины мало на что способны, не хотят идти в армию. Вот некоторые из них:

- потому что люди, которые сейчас находятся в призывном возрасте, элементарно не идут в армию, пытаются уклониться от службы» (ж., 18 лет);
- «многие из парней даже постоять за себя не могут» (ж., 18 лет);
- «потому что сейчас не армия, а детский сад, и мало где в частях обучают и готовят к войне» (ж., 20 лет);
- «потому что люди бегут за рубеж. Мужской пол похож больше на девушек» (ж., 18 лет).

В связи с этим подтверждается мнение о наличии скептицизма в отношении мужчин, высказанное С.С. Балабановым и З.Х. Саралиевой ещё в 2005 г. Для юношей более значимыми стали так наз. внешние факторы, влияющие на качество выбора:

- «утрачена вера в страну, подорван дух патриотизма. Многие забыли о подвиге граждан СССР» (м., 23 года);
- «глобализация стирает патриотизм. Все понимают, что ядерное оружие не позволит выиграть никому» (м., 18 лет);

- «люди не пойдут умирать за нынешнюю власть» (м., 18 лет).

Последнее высказывание можно прокомментировать в соответствии с выводами Г.С. Широкаловой и О.К. Шиманской о том, что нет желающих умирать за спасение миллиардных состояний олигархов, а цену «вечной славы погибшим» и реальное отношение чиновников к российским инвалидам локальных войн молодежь хорошо знает [4, с. 247].

Часть высказываний выразили общие проблемы общества, поколения, выходящие за рамки гендерных претензий, волнующие и тех, и других:

- «потому что сформировалось общество потребления, люди не стараются брать ответственность за свои поступки» (ж., 27 лет);
- «современная молодежь думает только о себе, интересы страны для них на самом последнем месте» (ж., 18 лет);
- «потому что люди стали относиться к Родине просто как к месту жительства, поколение не готово защищать её» (ж., 18 лет).

В ходе исследования выявились нюансы женского и мужского восприятия понятия «патриотизм», отразившие гендерную трансформацию женского начала из созерцательного, пассивного в деятельное и активное.

Список источников и литературы

1. Балабанов С.С., Саралиева З.Х. Историческая память о Великой Отечественной войне: поколенческий подход // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 112–117.
2. Грошева И.А., Грошев И.Л. Образы прошлого в сознании молодежи: конструирование новой идентичности // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. Т. 1 / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 39–44.

3. Дулина Н.В., Ануфриева Е.В. О гендерных различиях в оценке студенческой молодежью событий Великой Отечественной войны // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 208–213.
4. Широкалова Г.С., Шиманская О.К. Историческая память & патриотизм // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 238–251.

Н.В. Дулина, Е.О. Беликова

Волгоград, Волгоградский государственный университет

Женское и мужское в пространстве исторической памяти Волгограда

В России более тысячи городов (если точно, то на 1 января 2019 г. их было 1117), среди них – малые, средние, крупные города, есть и 16 городов-миллионников. 12 городов-героев, стелы с названиями которых застыли в почетном карауле в Александровском саду у стен Кремля. Почетное звание получили города, которые в годы Великой Отечественной войны прославились героической обороной, а жители проявили массовый героизм и мужество в защите Родины в 1941–1945 гг. Из всех городов героев четыре – Ленинград, Сталинград, Севастополь и Одесса – имеют особый статус: таковыми они названы в приказе Верховного Главнокомандующего 1 мая 1945 г. История свидетельствует, что официально звание города-героя было закреплено значительно позже, а именно в Указе Президиума Верховного Совета СССР об утверждении Положения о почетном звании «Город-герой» от 8 мая 1965 г. Но уже с Победного мая 1945 г. жители этих городов вновь проявили массовый героизм и мужество, чтобы поднять родной город из руин и пепла, ежеминутно и ценою собственной жизни доказывая, что статус жителя города-героя – это не столько право, сколько обязанность соответствовать этому статусу. В жизни Сталинграда (ныне Волгоград) война и события с нею связан-

ные имеют особое значение [3]. Звание города-героя Сталинград получил за героическую оборону города и победу в Сталинградской битве, ознаменовавшей коренной перелом всей войны.

Хранит ли пространство города память о событиях времен Великой Отечественной войны? Есть ли различия в женском и мужском восприятии тех событий? Понимают ли и принимают ли волгоградцы свой город, в котором живут, таким, каким он исторически сложился? Ответы на эти вопросы получим, обратившись к результатам социологического исследования «Сохранение и трансляция региональных ценностей как условие модернизации социокультурного ландшафта современного российского региона», выполненного под руководством авторов. Технические параметры проведенного исследования подробно представлены в [6]. В рамках данной статьи мы не будем обращаться к теоретическим вопросам исторической и культурной памяти, поскольку это сделано ранее [1; 2; 4; 5; 7]. Мы же обозначим основные тенденции, выявленные на основе полученных результатов.

Итак, хранит ли пространство города память о событиях времен Великой Отечественной войны? Да, хранит. Среди главных особенностей Волгоградской области на первое место респонденты ставят ее историю, но женщины упоминают об этом несколько чаще, чем мужчины (52,7% против 47,5%). «Визитной карточкой» Волгоградской области, по мнению респондентов, являются памятные места, посвященные Великой Отечественной войне (так думают 54,4% опрошенных женщин и 47,3% мужчин). И только потом, с большим отрывом в этом перечне появляются зеленые зоны, Волга и Дон, рыбалка и отдых на свежем воздухе, жаркое лето, обилие фруктов и овощей.

Есть ли различия в восприятии исторического прошлого города у мужчин и женщин? Да, есть, отвечая на вопрос, на что волгоградцы обратили бы внимание, если бы им предстояло рассказать о нашем регионе последующим поколениям, 79,5% мужчин рассказали бы о Сталинградской битве; женщины сделали бы это заметно чаще – 87,0%.

Показательным в этом ряду является ответ на вопрос, куда бы

повели своих гостей волгоградцы. Первые строчки ожидаемо занимают памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане (86,6% среди опрошенных женщин указали на это, и 79,5% мужчин), музей-панорама «Сталинградская битва» (83,6% среди женщин, 78,2% – среди мужчин), Центральная набережная Волгограда имени 62-ой Армии (59,7% и 53,5%, соответственно). Она – любимое место прогулок волгоградцев, не только живущих в центральном районе города, но и специально приезжающих сюда из других районов. Также названы Площадь Павших Борцов, Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Сарепта», Солдатское поле – мемориальный комплекс, посвященный павшим воинам 62-ой Армии, и др.

Обратим внимание и на тот факт, что и без гостей, в суеде повседневных дел волгоградцы находят время посетить памятные места города. Перечень этих мест (в части занимающих верхние строчки своеобразного рейтинга популярности мест) повторяет выше обозначенный список. Чаще памятные места города посещают семьями в полном составе (мамы-папы, бабушки-дедушки, дети-внуки...) в дни праздников и памятные для города даты – 2 февраля, 9 Мая.

Ограниченные рамки статьи не позволяют представить все результаты исследования, но вывод о том, что пространство города хранит память о событиях Великой Отечественной войны, позволяет сделать вывод о том, что женщины более чувствительны к прошлому города, к его истории и ее сохранению, чем мужчины. Вывод важен поскольку память, историческая и/или культурная, не живет сама по себе, ей нужен «носитель». Память связана с социальными группами, для которых служит условием самоидентификации, укрепляя в них ощущение единства и собственного своеобразия. Признаемся, что в разрезе возрастных групп, а не по объекту исследования в целом, ситуация выглядит несколько иначе, но это размышления для другой статьи.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 18-411-340011 р_а.

Список источников и литературы

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. *Дулина Н. В., Овчар Н. А.* Волгоград. Град обреченный?.. (К вопросу о необходимости сохранения прошлого для обретения будущего) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2012. Т. 24 (65). № 4. С. 207–213.
4. *Дулина Н.В.* Культурная память студентов современной России (по итогам социологического исследования) // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2015. № 2 (3). С. 45–53.
5. *Нора П.* Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
6. Современный социокультурный ландшафт Волгоградской области: оценка состояния / Ред. Н.О. Белкова, Н.В. Дулина, В.А. Парамонова, О.И. Сгибнева, Е.А. Яновская. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019.
7. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

Р.С. Жаркынбаева

Алма-Ата (Казахстан), Казахский национальный университет им. аль-Фараби

К вопросу о роли и деятельности женсоветов в годы Великой Отечественной войны (на примере Казахстана)

В годы войны женский труд был одним из решающих факторов победы. Особо следует отметить роль женсоветов в достижении сверхрезультатов женщинами во всех сферах производства: в угольном забое, у мартеновских и доменных печей, при ремонте и прокладке железнодорожных путей...

Большое значение в мобилизации женщин имел созданный в республике Отдел по работе среди женщин ЦК КП(б) К, начавший работу с 20 июля 1943 г. [1]. По информации заведующей отделом

по работе среди женщин ЦК КП(б) К. Жангировой от 15 сентября 1944 г., в республике было организовано до 5000 женсоветов, охватывающих более 20 тыс. человек и состоящих из семей в/служащих, активисток-работниц и колхозниц, депутатов советов [2].

Отдел по работе среди женщин ЦК КП(б) К с 1943 г. по 1948 г. возглавляла Р. Жангирова. В личном деле Р. Жангировой имеются две автобиографии, в которых нашла отражение эпоха радикальных преобразований. Она олицетворяла собой «новую советскую женщину», появившуюся накануне войны в результате модернистского проекта большевиков. Ж. Кундакбаева говорит о «субъективности только двух групп женщин – женщин-активисток и представителей творческой интеллигенции» [13, с. 225]. Биография Р. Жангировой как видного деятеля женского движения в Казахстане сходна с биографиями других женщин-активисток той эпохи. Она родилась в 1915 г., член ВЛКСМ с 1931 г., образование – восьмилетка, окончила 3-х месячные курсы Крайкома ВЛКСМ по подготовке КСМ [3]. За активную трудовую деятельность Р. Жангирова в годы войны была награждена «Орденом Отечественной войны второй степени», «Медалью за доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [3].

Выступая на совещании работников по работе среди женщин, Р. Жангирова отмечала разницу между женотделами 1927–1929 гг. и отделами по работе среди женщин в военное время: «Задача женотделов того времени была в поднятии уровня женщин до уровня мужчин, через делегатские собрания. Старались разъяснить женщинам их правовое положение, помочь им добиться фактического равноправия, освободить их от домашнего рабства, помочь им занять подобающее место, как в семье, а также в обществе». Задачей же для отделов по работе среди женщин в военные годы было «создание здорового женского актива вокруг отделов» для того, чтобы поднять «активность остальных масс». Основной актив – «стахановцы, работающие в промышленности и передовики сельского хозяйства» [4].

Каков же был круг обязанностей женотделов и женсоветов? Несмотря на то, что официально отмечалось: «Женсовет не есть

уставная организация как партийная, комсомольская и профсоюзная организации, а поэтому нет разработанных вышестоящими партийными организациями определенных инструкций о работе женсоветов» [5], на женсоветы возлагался широкий спектр задач. К примеру, женотделы «обязаны максимально мобилизовать женщин на разрешение вопросов производственного, хозяйственного и бытового порядка, вопросов воспитания детей, вопросов культурно-воспитательного и политического характера» [6].

Так, только за 1943 г. отделы по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при активном участии женсоветов обследовали 579760 человек, из них 206742 семьи получили помощь. При непосредственном участии женсоветов по республике за 1943 г. было собрано 28 млн рублей, до 500 тыс. пудов продовольствия, до 700 тыс. различных вещей [7].

Женсоветы проводили большую работу по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, выявляли и устраивали детей на патронат, определяли в колхозы, на производство и в детские дома. Отдел по работе среди женщин просил всех включиться в воскресник, который организовывал ЦК ЛКСМ Казахстана 17 октября 1943 г. Средства от воскресника должны были пойти в пользу пострадавших от оккупации детей [7]. Отдел по работе среди женщин поддерживал организацию силами женсоветов вечеров самодеятельности в пользу детей-сирот [7]. Женсоветы должны были также «добиться того, что в каждом колхозе не было ни одной женщины, не выполняющей минимум трудовых» [8].

Задачей женотделов была мобилизация женщин для текущей жизнедеятельности тыла, а круг обязанностей практически дублировал соответствующие государственные органы и службы.

Несмотря на широкий спектр обязанностей, возложенных на женсоветы, даже партийные органы вынуждены были признать, что «женсовет занимается не свойственными ему функциями». Так, женсовет Сталинского райвоенкомата г. Алма-Ата вместо проведения «политико-массовой, воспитательной работы, заботы о нуждах семей военнослужащих и осуществления общего контроля за работой бытовых учреждений и общественного пи-

тания» был превращен в технического исполнителя административно-хозяйственных обязанностей Военторга [9].

В партийных документах отмечалось, что «работники среди женщин, весьма плохо следили за ходом «декретного» строительства и райздравы бесконтрольно проводили эту работу. В результате объекты строились долго и качественно плохо (роддом Чимкентского свинцового завода строился два года, ясли в Актюбинске – два года, ясли № 25 г. Алма-Ата – один год; некоторые здания были настолько некачественно построены, что рушились)» [10].

Повседневной для женсоветов была пропагандистская работа: организация собраний о международном положении страны, текущей ситуации на фронте, обсуждение речей Сталина, Конституции СССР, создание кружков по изучению трудов Сталина. Проводились лекции о роли женщин в тылу, моральном облике советских женщин, школе и семье, взаимосвязи фронта и тыла, стахановском движении. Читались доклады: «О коммунистическом женском дне 8-го марта», «О дне отмены калыма 22 марта», «Женские и детские болезни и борьба с ними» [11]. Наряду с общими для всех республик СССР темами, связанными с системой ценностей и установками советских женщин, были и специфические для республики темы – многоженство, калым и др.

Женсоветы ставили перед женщинами завышенные хозяйственно-производственные и социальные требования, нередко вторгались и в частную жизнь женщин. Разделяем мнение казахстанских исследователей о том, что регламентирование и контроль за жизнью женщин приводил как к положительным (взаимопомощь, обмен трудовым опытом, участие в культурной и просветительской деятельности), так и негативным (контроль над всеми аспектами жизни личности, идеологизация всех событий, происходящих в стране и т.д.) результатам [12, с. 146].

Таким образом, на женсоветы возлагался широкий круг задач, они решали наиболее острые социальные задачи государства. Первоочередной задачей была мобилизация женщин на достижение высоких трудовых результатов. Женсоветы брали

под контроль работу по обеспечению семей фронтовиков, особое внимание уделяли помощи эвакуированным детям, беременным женщинам и кормящим матерям, контролировали ход и качество строительства объектов социальной инфраструктуры.

Статья написана в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) № АР 05133556.

Список источников и литературы

1. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708; Оп. 8. Д. 98, Л. 1–8.
2. АП РК. Ф. 708. Оп. 8. Д. 1582. Л. 17–21.
3. АП РК. Ф. 708. Оп. 69. Д. 954. Л. 14, 59.
4. АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 921. Л. 28–52.
5. АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 920. Л. 15–19.
6. АП РК. Ф. 708. Оп. 8. Д. 1569. Л. 32–33.
7. АП РК. Ф. 708. Оп. 8. Д. 1582. Л. 17–21.
8. АП РК. Ф. 8. Оп. 11. Д. 461. Л. 5–31.
9. АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 965. Л. 124–126.
10. АП РК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 455. Л. 24–24об.
11. АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 927. Л. 59–60.
12. Женщины Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Под ред. З.Г. Сактагановой. Караганда: Изд-во КарГУ, 2016.
13. Кундакбаева Ж. Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана, 1920–1930 годы. Алматы: Қазақ Университеті, 2017.

Е.Е. Кондратьева

*Нижний Новгород, Приволжский филиал
«Российский государственный университет правосудия»*

Н.Е. Кондратьева

*Нижний Новгород, Институт экономики и предпринимательства
«Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»*

Сохранение социальной памяти наследниц и наследников Великой Победы

Согласно Российской социологической энциклопедии, социальная память представляет собой совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом (ретроспективную) с целью сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению [4].

Ссылаясь на работу «Теоретические основы понятия “социальная память”» Ю.А. Папениной [3] и работу «Пространство социальной памяти» исследователя Д.А. Аникина [1], авторы отмечают, что вопросами социальной памяти общества занимались Морис Хальбвакс, Ж. Ле Гофф, Б. Гене, Пьер Нора, П. Хаттон и Алейда Ассман. В настоящее время проблематикой данного вопроса в России занимаются ученые: Ю.Р. Вишнеvский, И.М. Савельев, А.И. Филюшкин, Л.П. Репина, О.Б. Леонтьев, Н.Е. Копосов. По мнению Д.Г. Давлетшиной, «социальная память проявляется в совокупности действий, предпринимаемых субъектом по ценностно-символической реконструкции прошлого в настоящем, что способствует сохранению и передаче социокультурного опыта, вовлечению его в процесс социального и духовного воспроизводства человека» [2, с. 18]. В ноябре 2020 г. Российское общество социологов (РОС) обратилось к студентам всех вузов России и стран СНГ принять участие в опросе «Что мы знаем о Великой Отечественной войне». Такое исследование проводится раз в

пять лет, чтобы проследить, как меняются отношение и память о войне и скорректировать образовательную политику государства. Мы приводим данные по опросу 615 студентов вузов г. Нижний Новгород и Нижегородской области.

По результатам исследования выяснилось, что на вопросы:

1. ПРИБЛИЖАЕТСЯ 75-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ. КАКИЕ МЫСЛИ И ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЕТ У ВАС ЭТА ДАТА?

- 49,6 % опрошенных ответили, что «Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений»;
- 25,5% ответили: «С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы».

3. СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С МНЕНИЕМ, ЧТО «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА БЫЛА ДАВНО, МНЕ ЭТО НЕ ИНТЕРЕСНО»?

- не согласен – 66,2%;

4. ХРАНЯТСЯ ЛИ В ВАШИХ СЕМЬЯХ РЕЛИКВИИ ВОЕННЫХ ЛЕТ?

- Да – 51.5%.

5. КАКИЕ РЕЛИКВИИ ВОЕННЫХ ЛЕТ ХРАНЯТСЯ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ только 3,8% ответили «мемуары/воспоминания/дневники».

6. ЧТО ЗНАЧИТ СЕГОДНЯ БЫТЬ ПАТРИОТОМ РОССИИ?

- испытывать гордость за свою страну – 54.6%;
- испытывать чувство ответственности за происходящее в стране – 52.6%;
- уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста, инвалидам – 48.0%;

7. ВЫ МОЖЕТЕ СЕБЯ НАЗВАТЬ ПАТРИОТОМ?

- Да – 14,3 %
- Скорее да, чем нет – 46,0% [5].

Упомянув о реликвиях, хранящихся в семьях, о цене победы в Великой Отечественной войне, авторы приводят выдержки из мемуаров/воспоминаний Халугина Алексея Федоровича, которые

он посвятил своим детям, внукам и правнукам. В его записях есть ответы на вопросы, поставленные человеком, прожившим долгую жизнь, пережившим войну, послевоенные годы, перестройку, имеющим детей, внуков и правнуков.

«Оглянулся и задумался: велик путь, пройденный мною, а что... осталось после меня? Что осталось на моем жизненном пути, каков он был, что я испытал и увидел, как жил... Об этом я и хочу рассказать своим детям, внукам и правнукам».

Алеша Халугин родился в многодетной белорусской семье из маленького городка Славгорода, недалеко от Гомеля, войну встретил 13-летним мальчиком. В своих воспоминаниях он пишет о своей семье, маме, которая потеряла четырех детей за время войны.

«Шел июнь 1941 года. Почти все жители городка уже знали: вот-вот произойдет что-то страшное... Волновались одинаково и белоруссы и евреи. Войну ждали, все знали о ее неизбежности, но когда это произойдет, сказать никто не мог. Для нашего народа, народа Советского Союза, этот день наступил 22 июня 1941 года, в 4 часа утра».

Далее Алексей Федорович вспоминает о бомбежках, о том, как шла эвакуация в тыл семей, скота, техники. Находясь в эвакуации в Средней Азии, он пишет о человеческой женской чуткости: «Заболела тифом вся семья. Киргизка, узнав об этом, давала нам каждый день кислое молоко и даже лепешки».

Находясь в эвакуации в Саратове, Средней Азии, Сибири, семья Алёши внимательно следила за событиями, происходящими на фронте. 20 февраля 1942 г. старшего брата Мишу призвали в армию, направили в бронетанковое военное училище и вскоре отправили на фронт.

«5 июля 1943 года председатель правления вызвал папу с колхозного стана и передал ему извещение о гибели сына. «Командир танка 249-го танкового полка лейтенант Халугин Михаил Федорович при выполнении боевого задания погиб 4 июля 1943 года и похоронен в селе Туганово. Мама заболела. Она ничего не ест, ничего не говорит».

В сентябре 1944 г., потеряв четырех детей, семья возвратилась в Белоруссию.

Все с нетерпением ждали окончания войны. «9 мая 1945 года мы пришли в школу. Открылась дверь, вместе с учителем вошла директор школы – моя сестра Зина. Она подошла к столу и громко сказала: “Дорогие ребята, занятий сегодня не будет. Кончилась война!”... Класс вмиг опустел. Зина подошла ко мне, села рядом, и мы оба заплакали. Мы не знали, отчего мы плачем – то ли от радости, то ли от пережитого нами, то ли от потерь, которые понесли в этой войне. ...И это нужно понять, ведь не было почти ни одного дома, ни одной семьи, куда не поступило похоронное извещение. Эта горечь обиды особенно всплыла сейчас, когда все кончено, а они не дожили, не дотянули, не вернулись...».

В заключение воспоминаний Алексей Федорович пишет: «Просто я хочу, чтобы мои дети, внуки, правнуки знали, что была такая война 1941–1945 годов, в огне которой закалились характер и мужество каждого человека и народа в целом»

Итоги опроса 2020 г. подтверждают, что с годами память о войне стирается в сознании новых поколений, и очень важно сохранять и передавать последующим поколениям память отцов и дедов.

В заключение авторы отмечают, что понятие «социальная память» дает возможность из многообразия трактовок проанализировать множество различных проявлений социальной памяти в обществе.

Список источников и литературы

1. *Аникин Д.А.* Пространство социальной памяти: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2008.
2. *Давлетшина Д.Г.* Социальная память как основа нравственности человека: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2006.
3. *Папенина Ю.А.* Теоретические основы понятия «социальная память»: журнал Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 2010 г.
4. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. М., 1998.
5. Руководитель исследования Российского общества социологов «От-

ношение студенчества к Великой Отечественной войне» д. филос. н., проф. Ю.Р. Вишнеvский, члены авторского коллектива: д. соц. н., проф. Н.В. Дулина, к. соц. н., доц. Е.Н. Икингрин, с. н. с. ФНИСЦ РАН Е.И. Пронина, д. соц. н., проф. Г.С. Широкалова, к. соц. н., доц. Д.В. Шкурин, 2020 г.

С.Г. Крюков

Ниvный Новгород, НРО «Государственная общественная организация “Комитет ветеранов подразделений особого риска РФ”».

Социальная память о защитницах и защитниках Ленинграда как исследовательская задача современных историков

Уходит в прошлое живая коммуникативная память, вместе с героями тех лет, доказывавших свой патриотизм повседневно и буднично. С ними угасает и семейная историческая память, которая уже «вторична», всегда конкретна, не имеет «панорамности» отражения событий. Насколько официальная политика может восполнить утрату коммуникативной памяти и сформировать систему координат, позволяющую выстраивать картину, адекватную событиям прошлого и ориентирующую на будущее – вопрос далеко не однозначный.

Весной 2020 г. Российское общество социологов провело исследование исторической памяти студентов. На вопросы о Великой Отечественной войне ответило 10065 студентов [5]. Основную информацию респонденты получили от учителей (79% девушек и 73% юношей), из школьных учебников (по 74%), советских (67 и 63%) и современных художественных фильмов (34 и 35%), соответственно. Единство источников обеспечивает близость показателей для обеих демографических групп, но не всегда. Из наиболее известных событий и битв войны назвали блокаду Ленинграда и ее снятие 62,2% девушек и 49,6% юношей. То, что основной источник информации о конкретных событиях – институт образования, подтверждается тем, что среди запомнившихся фильмов на военные темы лишь 3,2% студенток и 2,7%

студентов назвали фильмы о блокаде Ленинграда: «Блокада», «Спасти Ленинград», «Блокада Ленинграда (док)».

Невозможно собрать в музеях все свидетельства той эпохи, переиздать все книги о событиях Великой Отечественной... Меняется оценка событий («Ленинград надо было сдать немцам. Это сохранило бы жизни»), восприятие музейных экспонатов, корректируются экспозиции в соответствии с требованиями новых политических стандартов. Становится, к примеру, неполиткорректным вспоминать роль комсомола в годы Великой Отечественной войны. Приведем ряд фактов. В 2019 г. отмечалось 75-летие снятия блокады Ленинграда, но в многочисленных передачах, публикациях практически не было информации о членстве в комсомоле его героев. Между тем, по инициативе комсомолок Ленинграда возникло движение доноров. Первой сдала кровь для раненых секретарь комитета комсомола завода электрогазовых приборов Губина, примеру которой последовали 6 тысяч комсомолок. Комсомолки формировали санитарные дружины, шли на курсы медсестер, собирали инвентарь для госпиталей, устраивали в них концерты.

Комсомольцы были ядром сформированных осенью 1941 г. пожарных полков, охранявших заводы, Смольный, Эрмитаж, Дворец пионеров, библиотеки Академии наук... На Кировском заводе они были первыми, приступившими к выпуску танков КВ. Осваивали военные специальности, комплектовали системы МПВО, добровольно шли в ПВО и армию. Многие комсомольские организации полным составом ушли на фронт. Школьники, пионеры и комсомольцы Ленинграда собирали металлолом, уголь, кокс, стеклянные банки для заливки их зажигательной смесью «КС»... В изданной в 1988 г. книге М.Е. Скрыбина и И.К. Савченко «Непримиримость. Страницы истории Ленинградского уголовного розыска», приведены свидетельства о роли комсомольцев в обороне Ленинграда, но книги в открытом доступе в интернете нет; вам предлагают ее купить [6]. Будет ли молодежь покупать эти книги? На наш взгляд, литература о подвигах предков должна быть в открытом доступе. Для государства такие минимальные затраты окупятся преемственностью и единством социальной памяти.

Инициаторами массового снайперского движения на Ленинградском фронте были комсомольцы 18-летний белорус Ф.А. Смолячков, до войны рабочий – строитель, боец дивизии народного ополчения [3]; студент Ленинградского горного института, в июле 1941 г. добровольцем вступивший в Красную армию В.Н. Пчелинцев [4] и балтийский моряк И.П. Антонов [1]. Все трое награждены званием Героев Советского Союза. Но на сайтах, рассказывающих об их подвиге, нет информации о том, что они были комсомольцами.

Участник пяти войн, лауреат Сталинской премии, писатель-фронтовик, участвовавший в переходе кораблей Балтийского флота в августе 1941 г. из Таллина в Кронштадт, В.В. Вишневский, в блокадном Ленинграде вел дневник 40 месяцев и 10 дней. Из его дневника 1942 г.: При последней эвакуации некоторые командиры отдавали свой месячный сухой паек семьям, а сами ходили голодные, нервные, молчали, терпели... Но рядом с великим видишь и низкое: спекулятивный рынок. На холоде топчутся люди, что-то меняют, продают. (Хлебом торгуют по пятьсот рублей за килограмм.) Однажды моим близким сказали: «Вишневский по радио выступит, — на неделю зарядку даст». И тут же реплика: «А ну самого бы его на сто двадцать пять граммов посадить. Так ли бы он заговорил?» (Это как раз тогда, когда я свалился от дистрофии.) [2]. И об этой, другой стороне «медали» потомкам надо знать.

Дневники В.В. Вишневского, «рвущие сердце», бесплатно доступны в интернете. Но кто найдет их в безбрежном море без подсказки историка? – вопрос риторический.

Не риторический другой вопрос: какова должна быть позиция обществоведа любой специальности, когда речь идет о социальной памяти? На первый взгляд, ответ прост: значение для официальной истории принадлежности к политической организации СССР, скажем, Героя Советского Союза не велико. Важен сам подвиг. На наш взгляд, такой ответ не верен. Готовность/неготовность к риску основывается на мировоззренческих позициях личности. Методологический выбор на сокрытие идеологической мотивации пове-

дения поколения дедов, означает, в конечном счете, неготовность к признанию очевидного факта, что без идеологии, устремленной в будущее, не может быть патриотизма. Страны, как свидетельствует история, за игнорирование этого факта расплачиваются утратой суверенитета. Поэтому методология объективности исторической памяти - вопрос не теоретический, а практический.

Список источников и литературы

1. *Антонов Иван Петрович* // https://ru.wikipedia.org/wiki/Антонов,_Иван_Петрович (дата обращения: 15 апреля 2020 г.).
2. *Вишневецкий В.В.* Дневники и записи. 4 января 1942 г. // Прожито. <https://prozhito.org/notes?date=%221942-01-01%22&diaries=%5B22%5D> (дата обращения: 15 апреля 2020 г.)
3. *Политыко Т.Ф.* Зачинатель снайперского движения (к 95-летию со дня рождения Героя Советского Союза Ф.А. Смолячкова) // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. Официальный сайт. 10.07.2018 <http://www.warmuseum.by/index.php/yubilyary/761-zachinatel-snajperskogo-dvizheniya-k-95-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-geroia-sovetskogo-soyuza-f-a-smolyachkova> (дата обращения: 15 апреля 2020 г.)
4. *Пчелинцев Владимир Николаевич* // Советские снайперы 1941–1945. <http://airaces.narod.ru/snipers/m1/pchelins.htm> (дата обращения: 15 апреля 2020 г.)
5. Руководитель исследования «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне» д. филос. н., проф. Ю.Р. Вишневецкий, члены авторского коллектива д. соц. н., проф. Н.В. Дулина, к. соц.н., доц. Е.Н. Икингрин, с. н. с. ФНИСЦ РАН Е.И. Пронина, д. соц. н., проф. Г.С. Широкалова, к. соц. н., доц. Д.В. Шкурин.
6. *Скрябин М.Е., Савченко И.К.* Непримируемость: Страницы истории Ленинградского уголовного розыска / М. Е. Скрябин, И. К. Савченко; предисл. М. И. Михайлова. Л.: Лениздат, 1988.

С.П. Пармонова*Пермь, Пермский национальный исследовательский политехнический университет***Историческая память – поколение правнуков о войне**

Историческая память сохраняет культурные коды нации, способствуя идентификации смыслов и значений индивидуального и коллективного «я». Культурные коды транслируют соответствующее понимание символов и образов прошлого на новые поколения, обеспечивая духовную преемственность и консолидацию в социуме [3, с. 29].

Сегодня, когда идет борьба концептов за историческую память, начиная от школьных учебников, СМИ, кинофильмов и заканчивая интернет-пространством, прогнозирование будущего России должно учитывать, в том числе, мониторинг информированности молодого поколения об истории семьи в критические для страны эпохи. В преддверии юбилея Победы нами было проведено качественное социологическое исследование исторической памяти о Великой Отечественной войне среди второкурсников Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ).

Студенты являются уже правнуками поколения Победителей, и социализация большинства проходила без непосредственного общения с прадедами. Коммуникативная память живет 70-80 лет, поэтому естественно, что в семье сохраняется лишь канва событий, и иногда самые яркие эпизоды, связанные с родственниками на фронте и в тылу. Чаще всего респонденты могли написать 2-3 абзаца, причем это в равной степени относится к воспоминаниям девушек и юношей, хотя возможны исключения, если кто-то из родных был профессиональным военным. В качестве примера приведем записи *Гришиной А.* и *Хатункина А.*

Гришина А.: «Мой прадед Дмитрий Николаевич, был ветераном ВОВ. Воевал, в 1941 г. был ранен и вернулся домой. Всю оставшуюся жизнь он проработал лесником. У прадеда был брат Александр Николаевич, который прошел войну врачом. В

1941–1945 гг. работал в госпитале. Врачам приходилось трудно: раненых много, медикаментов не хватало, а медицинских ниток (кетгута) не было вообще. Но замену им хирурги нашли: зашивали раны конским волосом. Александр Николаевич был награжден орденом «Боевой Славы». До конца своих лет он был уважаемым врачом и педагогом медучилища города Воткинска.

Родители моего дедушки - Ермакова Геннадия Федоровича - всю войну проработали на Мотовилихинском машиностроительном заводе в Перми. Им тоже было не легко. Они могли работать сутками, без еды. Оба были награждены медалями «За доблестный труд в годы ВОВ». Я ими горжусь, ведь во мне течет их кровь».

Память сохранила факт награды боевым орденом, но назван он неправильно, так как подобная информация не входит в круг интересов девушек. Запомнился яркий факт: раны зашивали конским волосом. И традиционная характеристика тех лет – работа сутками и голод. В конце текста эмоциональная фраза, явно рассчитанная на реакцию преподавателя. Как справедливо отмечает Г.Б. Юдин, «социологическая ситуация всегда вписана в определенные политические отношения. Информант склонен рассматривать взаимодействие с исследователем как коммуникацию «снизу вверх», коммуникацию с государством при непосредственном общении у респондент как правило ориентируется на систему координат, задаваемую исследователем и ситуацией» [4, с. 57].

Хатункин А. «Мой прапрадед Березин Николай Егорович родился в 1900 году. Жил в Ленинградской области, с началом войны отправил семью в эвакуацию на Урал в Пермь. Сам ушел воевать в партизанский отряд. Был ранен, лежал в госпитале в Москве. Медкомиссия признала его негодным для дальнейшей службы на фронте, но он после госпиталя добровольцем ушел на фронт. Прадед был убит в бою в Белоруссии 25 октября 1943 г., похоронен в деревне Петраки в Витебской области в братской могиле.

Прадед Камин Иван Алексеевич, отправился на фронт в 1942 году, когда ему было 18 лет. Был артиллеристом, командиром орудия – 45-мм противотанковой пушки. Воинское звание

сержант. Он форсировал Днепр, освобождал Румынию, Австрию, Чехословакию, Венгрию. Был награжден боевыми наградами, такими как: «Орден Отечественной войны» второй степени, медаль «За отвагу», «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги», «За победу над Германией».

Прадед Березин Владимир Николаевич родился 1938 г. После окончания Авиационного техникума, служил в Венгрии в радиополку. После службы работал в литейном цехе завода ГСК. Затем он окончил горный институт (ПНИПУ) и прошел путь от рядового рабочего до директора предприятия. В 1991 во время развала СССР сохранил работу завода.

Мой дед Хатункин Юрий Петрович окончил военное училище и дослужился до звания полковник. Воевал в первую чеченскую (1994-1996) и во вторую чеченскую. Когда в 2000 г. ему позвонили в штаб, чтобы сообщить о моем рождении, он находился на передовой. Последнее место службы было в закрытом городе Арзамас-16».

В семейных преданиях о Великой Отечественной войне преобладает «мужской след» в биографиях родственников. И это понятно: согласно архивным данным РГАСПИ в фонде Государственного Комитета Оборона СССР на военную службу было призвано 490 235 женщин, правда здесь не учтены добровольцы и партизаны [2]. Сфера повседневного выживания в тылу – «женский» след истории - работа и сохранение жизни детей, которых в возрасте до 15 лет было в стране 35%! Всего же за время Великой Отечественной войны военную форму в СССР надевало 34,5 млн человек из 196,7 на 1 июня 1941 г., что составляло около 17% граждан [1].

Анализ студенческих рассказов о военной истории семьи позволяет сделать вывод, что уже у следующего поколения историческое сознание будет формироваться не через семейные предания, а официальную версию, содержание которой будет зависеть от политических приоритетов власти.

Список источников и литературы

1. Потери СССР и Германии в ВОВ // <https://topwar.ru/11444-poteri-sssr-i-germanii-v-vov.html>. 18.02.2012
2. Сколько женщин служило в РККА в годы Великой Отечественной? // Яндекс. Дзен. 1.01.2019. <https://zen.yandex.ru/media/ava/skolko-jenscin-slujilo-v-rkka-v-gody-velikoi-otechestvennoi-5de3af59fbe6e-700b04a4d07>
3. Устинкин С.В., Морозова Н.М., Семенов Д.В. Историческая память молодежи как фактор обеспечения стабильности российского государства и общества // Феномен патриотизма в транскультурном коммуникационном поле: материалы международной научно-практической конференции 11–12 марта 2020 г. / Под ред. И.А. Савченко. Н. Новгород: ННГУ, 2020.
4. Юдин Г.Б. Субъект глазами объекта // Социология власти. 2016. Т. 28 (4). С. 57–82.

П.И. Куконков

*Нижний Новгород, Приволжский филиал
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН*

Г.С. Широкалова

*Нижний Новгород, Нижегородская государственная
сельскохозяйственная академия*

Локально-территориальные особенности памяти о Великой Отечественной войне

Спор о том, является ли история наукой или искусством, не случаен, на протяжении жизни одного поколения неоднократно могут меняться приоритеты, акценты, оценки. Ярчайший пример современности – государственная политика по отношению к памяти о Великой Отечественной войне в начале 1990-х годов и в настоящее время [4, с. 100–108]. Потребность в единой самоидентификации россиян как условия сохранения суверенитета страны и ее территориальной целостности заставила правительство обратиться к Победе как консолидирующему фактору. Но вариативность мнений в течение трех десятилетий, сохраняющаяся в СМИ, книгах, учебниках не прошла бесследно [3].

Для подтверждения этого вывода проанализируем результаты всероссийского исследования «Что мы знаем о Великой Отечественной...», проведенного в 2020 г. Российским обществом социологов среди студентов РФ [2].

Естественно, позиции респондентов в определенной степени зависят от таких объективных показателей, как место жительства, хотя все они живут в общем информационном пространстве. Из выборки в 10065 человек выделим тех, чьи родительские семьи проживают в сельских поселениях с числом жителей более 100 человек и городах-миллиониках, чтобы выявить влияние места социализации на сохранение исторической памяти (912 респондентов из сельской местности, 2123 городских).

Стала тривиальной фраза – «война пришла в каждый дом», но за ней боль потерь, смена отчаяния надеждой, и надежды – отчаянием... В 39% семей горожан родные погибли или пропали без вести, у селян – в 46%. Не смогли ответить на вопрос около 23% респондентов. Указали, что их прадедушки были участниками ВОВ, соответственно, 74% горожан и 70% селян, дедушки 13% и 17%, прабабушки 40% и 24%, бабушки – по 7%. Такой высокий процент «воевавших женщин» объяснить иначе, чем историческим забвением, невозможно. Даже если допустить, что фронтовичками названы те, кто был в оккупации, данные все равно завышены. Об утрате семейных связей между потомками больших в середине XX в. семей свидетельствует и недостаточность информации о других родственниках: смогли ответить на вопрос положительно 27% и 29%.

Живая память – главный хранитель семейной истории. Положительный ответ на вопрос «Живы ли члены вашей семьи, воевавшие на фронте, дали 6% горожан и 4% селян, не смогли ответить на вопрос 8% и 6%. В войну многие дети трудились на заводах и полях колхозов, поэтому живых свидетелей того времени среди них больше – 22 и 25%.

В сельской местности до сих пор преобладают частные дома, в которых есть возможности для сохранения реликвий военных лет. Однако отсутствие традиции сбережения исторической памя-

ти сказалося на отношении к вещественным свидетельствам прошлого: в городах они сохранились в каждой второй семье, в селах немногим меньше – у 47%. Растет число безразличных к истории семьи: из горожан не интересовался, есть ли в семье вещи военных лет, каждый шестой, в деревне – каждый седьмой.

Семейные беседы студенты ведут уже не столько с фронтовиками, сколько с их детьми: каждый четвертый. Разговоры на военные темы в семье не столь часты, и это понятно: изъядны памяти, эмоциональная тяжесть воспоминаний, личный кругозор большинства участников ограничивался уровнем рядового солдата/старшины, достаточно быстрое исчерпание информационного запаса у детей и внуков фронтовиков. Родители как источник вторичной информации менее интересны: их называли каждый пятый. Снижение роли членов семьи как информантов повышает значимость внешних источников: с учителями и преподавателями беседуют на военные темы 21% горожан и 29% селян. С друзьями – 14 и 10% соответственно. Насколько адекватна их информация – другой вопрос.

Празднование Дня Победы – повод не только для активизации интереса молодежи к этой теме, но и для исправления определенных деформаций в ее сознании, фиксируемых в ходе исследований последних лет. Ответы на вопрос об отношении к 75-летию юбилею Победы в большей степени отличны, чем те, что были рассмотрены выше. Чаще всего выбирался вариант «Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений» (горожане – 46%, селяне – 62%). На втором месте – «С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы» (27% и 18%). Ответ «Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников» предпочли 17% и 13%. И вновь каждый десятый и каждый восьмой отметили, что «Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи».

Вербальная оценка праздника коррелирует с реальным поведением в День Победы. Смотрят парад Победы по ТВ (на Крас-

ной площади, местный) 54% горожан и 58% селян, собираются за праздничным столом - 14%. По остальным же показателям наблюдается значительное отличие. В праздничных мероприятиях участвуют 25% горожан и 45 % селян, поздравляют ветеранов – 22% и 30%, возлагают цветы к вечному огню – 18% и 35%, самостоятельно или вместе с родными ходят на кладбище, где похоронены родные – участники войны 9% и 13%.

Эмоциональность отношения к Дню Победы, судя по предыдущим ответам, в большей степени выражена у селян. Но это не всегда отражается в вербальных оценках: доля тех, для кого «это праздник со слезами на глазах», составляет у горожан 30%, у селян – 38%, но зато в меньшей степени он связан с памятью о родных, прошедших войну, – 46% и 43%, соответственно. Для каждого десятого в городе этот день – простой выходной, в селе таких – 5%.

Изменение исторической памяти закономерно. Коммуникативная историческая память живет 70-80 лет, пока живо поколение участников. Затем формируется нужный власть предрержащим исторический миф, который определяет скрепы самоидентификации следующих поколений либо с прошлым, либо с настоящим. Уход поколения участников ВОВ прервал важнейшую нить – живую память о фронтовиках. Да и детей войны осталось на всю страну около 13 млн человек. Время разрушает семейную память поколений, формируя публичную память через школьные учебники, кинофильмы, СМИ, расширяет возможности вариативной оценки прошлого. Коммуникативная память все больше заменяется публичной памятью. Вместе с ней уходит сакральность Великой Отечественной войны. Все больше появляется тех, кто готов «похлопать ее по плечу», поставить памятники тем, кто сотрудничал с Гитлером [1].

Список источников и литературы

1. *Ищенко С.* Скандал ко Дню Победы: Дмитрий Киселев предложил ставить памятники поклоннику Гитлера // СвободнаяПресса. 28.04.2020. <https://svpressa.ru/war21/article/263899/>

2. Руководитель исследования – д. филос. н., проф. Ю. Р. Вишневецкий, члены авторского коллектива – д. соц. н., проф. Н.В. Дулина, к. соц. н., доц. Е.Н. Икингрин, с. н. с. ФНИСЦ РАН Е.И. Пронина, д. соц. н., проф. Г.С. Широкалова, к. соц. н., доц. Д.В. Шкурин.
3. *Саралиева З.Х., Кузонков П.И., Широкалова Г.С.* Великая Отечественная в памяти поколений. Н. Новгород: ННГУ, Институт социологии РАН, 2015.
4. *Широкалова Г.С.* Великая Отечественная война. Актуальна ли память? // Socio Time / Социальное время. 2015. № 3. С. 100–108.

И.А. Савченко

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова;
Нижегородская академия МВД России*

«Женское» и «не женское» лица войны в фокусе духовных ориентиров наших современников

Тема «женщины и война» – сложная и неоднозначная. Она долгое время освещалась однобоко, ведь как «мало было женщин на фронте и много в тылу, и как мало было в тылу мужчин и много женщин» [1]. Женщины войны – это и верная жена из стихотворения Константина Симонова «Жди меня» [4, с. 273], и «случайная встреча» из стихотворения того же Симонова, согревшая бойца «теплом неласкового тела» [4, с. 311]. Это труженица тыла, солдат на фронте, летчик, связист, радист, медсестра, повар, и «походно-полевая жена»... В «фильмах про войну» женщин, конечно, меньше, чем мужчин. Но, хотя «у войны не женское лицо», именно Родине-матери воздвигнут величайший памятник на Мамаевом кургане.

Тема женщины на войне несет на себе печать трагизма, боли и несбывшейся надежды. Но в тоже время женщина военного времени – пример невероятной стойкости, жизнелюбия, душевной и физической силы [2].

В контексте исторической памяти и воспоминаний людей роль женщины на войне неотделима от роли мужчины, впрочем,

как тема тыла неотделима от темы фронта. Именно об исторической памяти мы говорим сегодня. Именно на нее ориентированы современные проекты, связанные с Великой Отечественной войной. Так в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова в марте 2020 г. проведена Международная научно-практическая конференция «Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле». Конференция посвящалась 75-й годовщине Победы, в выступлениях анализировались проблемы воспитания патриотизма, молодежного патриотического сознания, судеб России и мира. В пленарном докладе профессор РАН М.М. Рыхтик показал различные аспекты сохранения исторической памяти, предостерег современников от формального, формалистского подхода к памяти о войне, который, к сожалению, не редок. Один пример: в школах Нижнего Новгорода накануне 23 февраля 2020 г. объявляется конкурс «Вклад горьковчан в победу в ВОВ в 1941–1945 гг.». Родителям поясняют, что писать можно только о горьковчанах. Если прадедушка или прабабушка работали не в Горьковской области, они «не считаются», как и фронтовики – «на воевавших» конкурс был в прошлом году. Но ведь за год подросли уже другие правнуки... Накануне 75-летия Победы в рамках культурно-познавательного проекта «Я открываю Нижний Новгород» проводится конкурс школьных работ «Моя семья в истории Нижнего Новгорода». Школьникам поясняют, что это должны быть «семейные истории» именно о горьковчанах, и именно о «трудовой доблести», следовательно, основными героями в нем будут женщины-горьковчанки.

Послевоенное время разбросало советский народ по одной шестой части суши, но об этом не подумали организаторы конкурса. Например, моя прапрабабушка по маме, 1890 гр, осталась вдовой в конце тридцатых годов... Время было такое... В годы войны в Иркутске ей приходилось ходить в лес за хворостом с санями. В какой-то момент позвоночник не выдержал, и она уже никогда не разогнулась. Прожила до 90 лет, так и не распрямившись. У ее дочери, моей прабабушки, пока прадед был на фронте, на за-

воде оторвало руку. Прадед вернулся, ужаснулся и ушел. Потом он приходил, но прабабушка его уже не простила. Так и растила мою бабушку одна. Теперь о бабушке. После войны мужчин было совсем мало, но ей посчастливилось: в 25 лет она все-таки встретила моего деда, который прошел всю войну...

Моей другой бабушке (по отцу) сейчас 90. Все, что она помнит о тех годах – работа и мало еды... Всю войну она работала в колхозе в Новосибирской области.

Таких историй – миллионы по всей стране. Мы храним память о наших дорогих бабушках-прабабушках, о дедах-прадедах. Но ни про мою прапрабабушку, ни про прабабушку, ни даже про бабушек в эссе для конкурсов 2020 года школьникам писать нельзя. Прабабушки/прадедушки моего сына, как и родственники многих других нижегородцев, 75 лет назад не жили в Горьковской области. Что же в приоритете для организаторов – слова «Горький – Нижний Новгород», «галочка» о проведении конкурса или живая историческая память?

Для формалиста это неважно, он склонен к упрощению: в этом году проведем одно мероприятие, в следующем – другое... Кто-то скажет: нужно конкретизировать тематику мероприятия. Про воинов писали в прошлом году, про тыл – в нынешнем. Нужно позиционировать конкретный город, регион. На наш взгляд, важнее помнить, что страна у нас одна, родина у нас общая, как и Победа в Великой Отечественной. Не нужно отделять подвиг в тылу от подвига на войне... Подвиг женщины от подвига мужчины.

Есть примеры проектов, где тема региона не идет вразрез с темой России и Советского Союза, «полно брани» и «тылу» уделяется равное внимание, равно как роли мужчины и роли женщины на пути к Победе. Это творческий проект «Роль личности в Великой Отечественной войне», который организует уже пять лет кафедра психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России. Автор творческой идеи – полковник полиции (ныне – в отставке) Снегирева Людмила Анатольевна. Курсанты и слушатели Нижегородской академии МВД России пишут эссе, в основном о жизни родственников в годы войны.

Сборник эссе включает раздел, в котором повествуется о тружениках тыла, в основном, о женщинах, ковавших победу на заводах, фабриках и колхозных полях. Другой раздел – фронтовые истории; здесь чаще рассказы о прадедах, хотя и о прабабушках тоже. Это трогательные, часто трагичные истории, которые никого не оставляют равнодушным. В последние годы в проекте участвуют слушатели Академии, прибывшие из Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Абхазии. Единение потомков тех, кто 75 лет назад составлял единый советский народ, сегодня особенно важно.

В 2020 году вышел пятый сборник эссе. Этот том носит название «**Вопреки всем невгодам**». По случаю выхода сборника состоялась онлайн-конференция. В ней участвовало более 150 человек из разных регионов России, из стран ближнего зарубежья, даже из стран Африки. Событие вызвало такой резонанс потому, что в его основе была искренность и любовь. Любовь к родине и к миру на Земле. Не региональная «галочка», не «тыл с женщиной» и не «поле боя с мужчиной», а сердечное единение всех людей, которые помнят свое прошлое и хотят о нем рассказать.

Память о войне способна объединить людей, часто очень непохожих друг на друга во взглядах и мнениях. Именно поэтому историческая память и формализм – «вещи несовместные».

Список источников и литературы

1. Будницкий О.В. Мужчины и женщины в Красной армии (1941–1945) // Cahiers du Monde Russe. 2011. Т. 52. № 2–3. С. 405–422.
2. Реброва И.В. Женская повседневность в экстремальной ситуации: по материалам устных и письменных воспоминаний женщин о Великой Отечественной войне // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 605–630.
3. Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В. Историческая память в эмоциональном и исследовательском восприятии // Власть. 2017. № 10. С. 112–122.
4. Симонов К.М. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 5. М.: Художественная литература, 1979.

РАЗДЕЛ 7

ПРОБЛЕМА СМЕНЫ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.

ЖИЗНЬ В ПЛЕНУ: ОСОБЕННОСТИ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПАМЯТИ ПЕРЕЖИВШИХ

О.Г. Агеева

Москва, Институт российской истории РАН

Турецкие посольства в Россию и пленные подданные Османской империи, XVIII век

XVIII век в истории России был отмечен не только русско-турецкими войнами, в ходе которых с двух сторон в плену оказалось значительное число мужчин и женщин, но и активными дипломатическими сношениями двух стран. С 1704 по 1793 г. в Россию неоднократно приезжали посольства блистательной Порты, что порождало особые жизненные коллизии, связанные с легальным и нелегальным возвращением пленных на родину.

Сведения о такого рода перемещениях содержатся в делах фондов № 89 (Сношения России с Турцией) РГАДА и АВПРИ. Обратимся к некоторым из них, но прежде отметим, что захваченные в плен подданные султана, находясь в России, с одной стороны, были людьми несвободными, их местопребывание, содержание и занятия определяли русские власти, с другой – имели особый статус и не могли быть положены в оклад, сделаны крепостными и т.п. Пленные работали на частных лиц или на государство, например, были заняты на строительстве городов, получали жалованье

деньгами и хлебом, по челобитным строили себе дома. При этом пленные годами ожидали возвращения на родину, так как после окончания войн пункт об их возврате мог вписываться в мирный договор. Существовал и иной сценарий жизни пленных в России. При принятии православия (официально добровольного) они становились лично свободными подданными русского монарха, могли поступить на службу государству или к частным лицам, вступить в брак и т.д. Условием такой социализации в новой среде была потеря права вернуться на родину при размене пленных.

Как показывают источники, налаженную так или иначе жизнь пленных мог перечеркнуть приезд в Россию турецких посольств, порождавший подчас неординарные ситуации. Во-первых, прибывшие турецкие дипломаты обращались с частными просьбами к русским властям об освобождении конкретных лиц из числа пленных, и по этикету принимающая сторона должна была отнестись к ним благосклонно. Так, в 1718 г. при прибытии в Петербург к русскому канцлеру посланника Мустафы аги, обсуждавшего русское посредничество при заключении мира с Веной, дипломат подал графу Г.И. Головкину прошение на имя царя об освобождении ряда названных по именам лиц, захваченных в полон под Казыккерменем и Перекопом. Он просил отпустить с ним четырех пленников, находившихся в Петербурге (Мустафа Алев, Абдрахман Редчепов и др.), и пятерых, живших в Белгороде (Омар Искерча, Дучан Газидоюнов и др.); последние по царскому указу должны были быть отданы «на волю» при размене в Киеве в числе 35 турок, но не были туда привезены вовремя. Просьба посланника Мустафы аги была удовлетворена, исключение составил только один турок, которого не нашли из-за неправильно написанного имени [3, л. 41–43, 62–63, 66–66 об].

Иного рода ситуации с пленными, уже без официальных договоренностей, а более точно их незаконное бегство, возникали при приезде торжественных «великих» посольств, завершавших крупные войны. Примером такого рода может служить посольство Эмины Мегмет паши, присланное в Россию в 1740–1742 гг. по мирному Белградскому договору 1739 г. Отсутствие персонального учета

всех прибывших лиц и их значительное количество (несколько сот человек, а по договору – 650) не позволили русской стороне контролировать состав турецких «дипломатов». И это предопределило незаконное включение в посольство лиц, стремившихся бежать в Турцию. Таковыми являлись люди разного социального положения, национальности и вероисповедания, в том числе не подлежащие размену крещеные турецкие пленные. В связи со сложившейся ситуацией Иностранная коллегия дала указание русским приставам и охране следить за посторонними людьми, приходящими на территорию миссии, однако из-за дипломатического иммунитета изымать беглецов из посольства не могла.

Вопрос принятия в посольство разного рода лиц обсуждался 27 июля 1741 г. в беседе кегая (кехья, глава служителей посольства) с вице-канцлером графом А.И. Остерманом и секретарем Иностранной коллегии Хризоскулевым. В ходе нее русские чины указали турецкому дипломату, что посол Оттоманской Порты принимает крещеных в православие турок, из-за чего впредь ему не станут отдавать турок некрещеных, и что «дико, что посол в чужом государстве так поступает, ибо умный человек» и мог бы с Остерманом «по дружбе о всем согласиться» [1, л. 7–8].

На практике же русские власти только наблюдали за пополнением посольства и при завершении дипломатической миссии на основе донесений русских приставов составили экстракт с перечнем бежавших [2, л. 3–67]. По этому документу, подписанному полковником И. Олсуфьевым, к посольству прибилося 78 человек (55 мужчин и 23 женщины).

Среди них российских и малороссийских (православных) было 26 человек (21 мужчина и пять женщин); из крещеных российских инородцев – три башкирца (двое мужчин и женщина), два калмыка и грузинец; из некрещеных российских подданных трое казанских татар, калмык и два бухарца. Что касается крещеных иноземцев, то это были 30 турок, татар и кубанцев (17 мужчин и 13 женщин), 6 персиян (трое мужчин и три женщины) и один «иноземец». Еще двое мужчин и женщина были «без известными» [2, л. 66 об–67].

Среди бежавших пленных, в прошлом турецких подданных, находились люди разных национальностей и возраста. Так, 28 января присоединился к свите посла крещеный кубанец Максим Егоров, «исчезнувший» из дома грузинского царевича Баккара, 14 февраля в Клину грек Юрий Михайлов, взятый в плен после Очакова, 6 марта пленные крещеные турки Иван Борисов и Дмитрий Базаров, служившие при Ярославской и Коломенской канцеляриях и теперь «оставившие» православную веру и содержащиеся при после. 17 сентября в посольство пришел пленный турок из дома полковника Жукова, 29 октября – беглый крещеный турок Василий, 15 лет, из дома Стрешнева и т.д. Не останавливала от бегства пленных и их женитьба. Так, 9 сентября в посольстве появился крещеный турок из дома Зотова Петр Савостьянов, 50 лет, который в России состоял уже в третьем браке и имел сына и трех дочерей [2, л. 8–10 об., 13–13 об., 17 об. –19].

В стремлении бежать на родину от мужчин не отличались и женщины, составлявшие 30% беглых. К примеру, 8 января к посольству пришла крещеная турчанка из Очакова Алена Иванова с сыном, проживавшая в доме гвардейского премьер-майора Воейкова, 21 февраля – турчанка Анна, «приставшая» к людям посольского кега и, по помете в документе, крещенная «в неволю». Примечательно, что при бегстве обе женщины, как и многие мужчины, совершили кражи домашних вещей, то есть усугубили свое преступление [2, л. 3, 10 об. –11].

Таким образом, тяга в родные места, к своим семьям оказалась сильнее внешне благополучной социализации в чужих краях и при первой возможности толкала людей на экстремальный поступок – бегство.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 89. Оп. 89/1. Д. 46а. 1741 г.
2. АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. Д. 144. 1740, 1742 гг.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89. Оп. 1. Д. 5. 1718 г.

Е.В. Боровик

*Владивосток, Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса*

**Проблемы смены среды обитания и
социокультурной адаптации на примере жизни
Варвары Федоровны Духовской,
жены генерал-губернатора Приамурского края**

Варвара Федоровна Духовская, в девичестве Голицына, была дочерью князя Федора Григорьевича Голицына. Она родилась в 1854 г. в Харьковской губернии. Еще в самом юном возрасте, по ее собственным воспоминаниям у нее появилось желание путешествовать и стать частью множества приключений. В дальнейшем так и случилось. Объектом нашего исследования стал переезд Варвары Федоровны, жены генерал-губернатора Приамурского края С.М. Духовского, из европейской части России в Восточную Сибирь.

В.Ф. Духовская оставила после себя подробные воспоминания, которые рассказывают о ее детстве, молодости, путешествиях, замужестве и об одновременно трудном и захватывающем переезде с мужем в Восточную Сибирь, который случится в 1893 г. и продлится целых 5 лет. Эти воспоминания В.Ф. Духовской были изданы в Санкт-Петербурге в 1900 г. и переизданы в 2019 г. под названием «Из моих воспоминаний» [1].

Назначение С.М. Духовского генерал-губернатором Приамурского края стало для него и Варвары Федоровны неожиданностью, но все же неожиданностью приятной. Они собрали сведения о далекой Восточной Сибири и Приамурье у очевидцев и приняли окончательное решение – ехать: «Сведения эти оказались настолько благоприятные, что муж решился написать военному министру свое согласие» [1, с. 373]. Забегая вперед, отметим, что жизнь в городе, который вскоре получит имя Хабаровск, окажется очень трудной.

Адаптация Варвары Федоровны в новых землях и принятие нового уклада жизни, новых правил будут достаточно затяжными и болезненными.

Основная трудность, с которой столкнутся только что назначенный «управляющий» Приамурского края и его жена – это невероятная удаленность восточного края. Их путь «туда» зайдем более двух месяцев (с 5 июня по 16 августа 1893 г.) и будет проходить через Америку и Японию.

К сожалению, удаленность будет не единственной проблемой Восточной Сибири. Этот еще молодой в конце XIX в. край встретит «людей цивилизации» и другими проблемами.

Варвара Федоровна Духовская на протяжении всего времени проживания в Хабаровске очень страдала из-за отсутствия информации: письма могли идти по несколько месяцев, привезенные газеты и новости в них давно не были актуальными, даже книг было очень мало. Опоздания писем приводили к многочисленным печальным и даже курьезным последствиям [1, с. 428].

Дальневосточные города конца XIX в. – это дефицит продуктов, на первый взгляд, совершенно обычных. Например, молочная продукция, которая была крайне дорогой. В своих воспоминаниях В.Ф. Духовская пишет о том, что в новых реалиях даже обычное молоко приходилось доставать необычным путем, например, заказать из другого города, Благовещенска, «двух коров с телятами, так как здешние коровы без телят не доятся» [1, с. 438].

На новом месте не было привычных лошадей, дороги в даже в крупных городах по меркам Дальнего Востока того времени были «убийственными» [1, с. 441]: не мощные, в ямах.

Была и еще одна необычная особенность у этих земель, к которой европейский человек никак не был готов – это, конечно, амурский тигр. Варвара Федоровна отмечает, что она не боялась встретить это животное в черте города, однако передвигаться в экипаже между станциями на пути Хабаровск–Владивосток было крайне опасно [1, с. 427].

Не радовал и климат, влажный, промозглый, с бесконечными туманами, которые начинались в начале лета и заканчивались только к сентябрю. Варвара Федоровна Духовская отмечала, что этот климат в действительности может свести с ума. Душевные болезни обострялись еще и тем, что в дальневосточных городах на тот

момент не была развита сфера отдыха: клубы, собрания, читальни, парки и пр. находились в стадии зарождения. Поэтому местному населению часто заменяли культурные развлечения азартные игры, употребление алкогольных напитков, охота, сплетни и тоска.

Быстрая адаптация затруднялась также тем, что население Хабаровская в конце XIX в. было многонациональным: вместе с русскими переселенцами здесь проживали выходцы из Китая, Кореи, Японии. Эти жители городов не спешили ассимилировать, вели хозяйство и торговлю в рамках своих культурных традиций. К несчастью, многие из представителей других национальностей были опасны. К таким относились хунхузы, китайские бандиты. Они грабили, иногда даже убивали местных жителей. Но в воспоминаниях Варвары Федоровны в большей мере остается то, что наказания за разбой были крайне жестокими. Безапелляционный смертный приговор приводит ее в ужас [1, с. 521].

Варвара Федоровна очень скучала по дому, страдала из-за того, что не могла получать актуальные новости от своей семьи, порой у нее были периоды депрессии, когда она почти не выходила из своей комнаты, много читала и не общалась с окружающими людьми. Тем не менее стоит отдать должное В.Ф. Духовской – она отчаянно боролась с тоской. Ее личным «секретом» адаптации стала общественная работа. Жена генерал-губернатора активно занималась учебными заведениями, стала попечительницей хабаровского женского училища, познакомилась с ученицами, осматривала классы, контролировала процесс постройки новых учебных зданий. Вместе с мужем им удалось получить пособие для учителей, которые до этого работали «безвозмездно» [1, с. 439]. Также Варвара Федоровна участвовала в открытии приюта для детей, психиатрической лечебницы и дома для инвалидов.

Наряду со всей этой общественно важной деятельностью Варвара Федоровна участвует и в культурной жизни Хабаровска: в недавно появившихся драматических кружках, музыкальных обществах и т.д.

Все эти занятия помогают В.Ф. Духовской влиться в новую среду, не скучать по мужу, занятого административной работой и часто уез-

жающего в длительные поездки по дальневосточным населенным пунктам. После года жизни в Хабаровске она отмечала, что это место постепенно становится ей родным. Там не менее домом оно все же не станет: слишком дикой, холодной и некомфортной была эта земля, очень удаленной от цивилизации. Возможно, именно по этой причине Варвара Фёдоровна Духовская испытает облегчение, когда место службы мужа изменится, и они отправятся в Туркестан.

Список источников и литературы

1. *Духовская В. Ф.* Из моих воспоминаний. М.: «Захаров», 2019.

О.Ю. Никонова

Челябинск, Южно-Уральский государственный университет

Женщины и миграция: акушерки, благотворительницы и жены переселенцев на Челябинском переселенческом пункте

Благодаря строительству Великой Сибирской магистрали Челябинск стал «транзитным пространством», объединявшим европейскую и азиатскую части Российской империи. С 1896 г. уездный город превратился в главные «ворота в Сибирь» для переселенцев и ходяков. Именно здесь находился один из крупнейших переселенческих пунктов железной дороги, представленный на переселенческой выставке 1912 г. в Санкт-Петербурге как образцовый. До 1910 г. через пункт прошло более 4 млн чел. – 94% всех крестьян, переселявшихся в Сибирь. Некогда «захолустный городишко» стал местом сосредоточения экономической и социальной активности, важную роль в которой играли женщины. Доклад посвящен различным формам женской социальной активности и конструированию новых гендерных ролей женщин в контексте и в процессе масштабного переселенческого движения (миграции). Исследование сфокусировано на локальном уровне общеимперских событий, что позволяет объединить подходы социальной, гендерной и локальной истории. Источниковой основой работы послужили материалы фондов «Начальника передвижением по Европейской части

и Западной Сибири» (Ф. И-13) Объединенного государственного архива Челябинской области, «Оренбургско-Тургайского управления земледелия и государственных имуществ» (Ф. 126) Государственного архива Оренбургской области.

Железнодорожное строительство и переселенческое движение, особенно с момента начала столыпинской аграрной реформы, принадлежали к важным факторам российской модернизации конца XIX – начала XX в. К социальным признакам и результатам этого процесса ученые, работающие с концептом модернизации, относят формирование новых социальных ролей и их специализацию, складывание системы ценностей «современного» человека, социальную мобилизацию, понимаемую как эрозию старых социальных, психологических и экономических обязательств и появление современных образцов поведения и социализации [4, с. 62–63]. Женщины принадлежат к той категории населения Российской империи, на примере которых модернизационные трансформации можно проследить достаточно четко. Социально-ролевая динамика была характерна для различных сословных групп женщин, однако обусловлена она была различными причинами и мотивацией. В фокусе данного исследования оказались крестьянки, ехавшие в Сибирь в составе семей переселенцев; представительницы мещанского сословия, составлявшие медицинский персонал переселенческого пункта в Челябинске; женщины из состоятельных слоев г. Челябинска, занимавшиеся благотворительностью и помощью мигрантам.

Учет крестьянских переселенцев, который вели служащие Челябинского и Сызранского переселенческих пунктов, а также исследования земских статистиков позволяют оценить половозрастной состав переселенцев. Так, в условиях переселения в годы столыпинской аграрной реформы, на 100 мужчин-переселенцев из Черниговской губернии, например, приходилось в 1906–1911 гг. от 91 до 95 женщин [3, с. 110]. Больше всего среди переселявшихся было женщин трудоспособного возраста – от 18 до 60 лет. Необходимо отметить, что тема крестьянок-переселенок нуждается в изучении как с точки зрения обобщения статисти-

ческих данных, так и из перспективы проблематизации изменяющейся социальной роли жены и работницы в условиях переселенческого транзита. Материалы Челябинского переселенческого пункта позволяют отчасти реконструировать особенности семейных отношений в условиях миграции, охарактеризовать такие аспекты, как болезни переселявшихся крестьянок, особенности оказания медицинской помощи роженицам. Можно отметить, что в условиях переселения женщины оказывались подвержены тем же болезням, что и мужчины – среди них массово фиксировались тиф, оспа, корь, дизентерия и дифтерия [2, л. 10–11, 18, 21, 23 и др.]. Нередко среди переселявшихся оказывались беременные женщины, которые рожали детей в пути или в лечебных бараках переселенческих пунктов. Роженицам уделяли особое внимание, каждая по прибытии проходила осмотр врача вместе с ребенком [2, л. 135–135 об, 143]. Именно болезни или роды оказывались наиболее часто причиной разрыва семейных связей, когда женщина была вынуждена остаться в Челябинске, иногда вместе с младшими детьми, а остальные члены семьи продолжали движение в Сибирь. Оставшись в одиночестве и нередко без средств к существованию, женщины или обращались к помощи оставшихся родственников, или выбирали эмансипационную модель поведения, круто изменяя свою судьбу и оставаясь в Челябинске, создавая новую семью, нанимаясь в работницы.

Наиболее ярко трансформацию социальной роли женщин в условиях модернизационных вызовов можно проследить на примере среднего медицинского персонала переселенческого пункта – фельдшерниц и акушерок. В фондах Челябинского архива сохранился такой интересный вид документов, как переписка (телеграммы) женщин, обучавшихся на курсах фельдшеров и акушерок, с начальником передвижением по Европейской части и Западной Сибири П.П. Архиповым. Он позволяет определить географию и институциональную принадлежность фельдшерских курсов, на которых женщины получали медицинское образование и навыки, персональный состав фельдшерниц и их мотивацию к работе с переселенцами.

Третья группа женщин, демонстрировавших социально-ролевую динамику, – жены челябинской городской элиты, государственных чиновников, купцов и промышленников, вошедшие в состав Челябинского отделения Общества вспомоществования нуждающимся переселенцам [1, л. 93об–94об]. Их социальная активность выразалась в организации приюта для детей-сирот, сборе пожертвований, оказании материальной помощи переселенцам. Эта социальная роль развивалась в контексте уже существовавшей традиции женской благотворительности, характерной для представительниц имперской элиты. Интересным в данном случае является распространение образцов поведения, характерных для столицы и крупных губернских городов, на провинциальное локальное сообщество.

Сравнение трех упомянутых выше групп женского населения, форм и механизмов трансформации их социальных ролей в условиях модернизации позволит расширить научные представления о модернизационных процессах в Российской империи, месте и роли женщин в этих событиях.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 126. Оп. Д. 57.
2. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА-ЧО). Ф. И-13. Оп. 1. Д. 230.
3. *Моисеенко В.М.* Очерки изучения миграции населения России во второй половине XIX – начале XX столетия. М.: ТЕИС, 2008.
4. *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006.

О.И. Секенова*Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН*

**Дневники историка Е.Н. Ошаниной
как исторический источник по повседневности советских
дипломатов в Китае в 1930-е годы**

Интересным документом эпохи, ярко живописующим взаимосвязь личного и профессионального в жизни женщины, является дневник историка и археографа Елены Николаевны Ошаниной (Туликовой) (1911–1982). Дневник велся долгие годы и важен подробным описанием переживаний личного и семейного характера, а также разнообразных эмоциональных привязанностей автора. Особенную ценность дневнику добавляет другой источник: воспоминания подруги Е.Н. Ошаниной, археографа Сарры Владимировны Житомирской, в которых она касается многих личных подробностей жизни историка. Благодаря сопоставлению двух текстов появляется возможность сравнить одни и те же события женской судьбы в дневнике «для личного пользования» и их репрезентацию в откровенных разговорах с близкой подругой. В каждом из этих документов проявляются многие отличительные особенности женского письма [2; 3], но, если С.В. Житомирская создавала мемуарный текст уже в эпоху, свободную от цензуры, то дневник Е.Н. Ошаниной представляет собой один из редких образцов эмоционального письма женщины 1920–1970-х годов, созданный для частного пользования. Одним из интересных сюжетов, описанных и в дневнике, и в мемуарах, является поездка Е.Н. Ошаниной в Китай в качестве супруги дипломата И.М. Ошанина.

В 1932 г. Елена Туликова, молодая девушка из некогда состоятельной семьи, познакомилась с молодым советским дипломатом И.М. Ошаниным. С.В. Житомирская была уверена, что Елена Николаевна после школы-семилетки работала секретаршей и «увела» из семьи своего начальника И.М. Ошанина. Именно эта часть вероятнее всего была домыслена С.В. Житомирской по некоторым намекам Елены Николаевны.: она работала не секретарем, а лаборанткой на фабрике «Союзпушнина», а Илья Михайлович

был племянником ее соседки и знал ее с детства, учил Елену французскому языку. Сама история ухаживаний И.М. Ошанина интересна: в дневнике его интерес к Елене она объясняла тем, что он должен был ехать в Китай на три года с посольством (до 1932 г. дипломатические отношения СССР и Китая были прерваны) и захотел посмотреть театральные премьеры, для чего просил его сопровождать старинную знакомую. И С.В. Житомирская, и Е.Н. Ошанина полагали, что, кроме симпатии, которую к последней испытывал Ошанин, перед ним стояла необходимость отправиться в длительную командировку с женой (если для Сарры Владимировны основной причиной этого был дипломатический протокол, то Елена Николаевна цитировала слова мужа: «очень трудно жить на Дальнем Востоке без жены. А женщине без мужа [4, л.75]» и утверждала, что поначалу он предлагал ей «условный брак» [4, л.52]). Е.Н. Туликова согласилась, и после скоропалительного заключения брака отправилась с мужем в заграничную командировку. С.В. Житомирская, уверенная, что Ошанины жили в Пекине, представляла себе эту поездку как блестящую возможность московской «Золушки» превратиться в «дипломатическую даму», которой прислуживают китайцы, она ест только «удивительные деликатесы» и может купить себе все, что пожелает [1, с. 194–195]. Изначально представления Е.Н. Туликовой и всей ее семьи о жизни за границей были так же стереотипны. Но дневник дает нам другую, более неприглядную картину быта четы Ошаниных: вместо Пекина или не менее статусного Шанхая, Ошанины отправляются в Нанкин («дыра страшная», по определению И.М. Ошанина [4, л. 53]), где жили полгода в гостинице, потом переехали в арендованный дом вместе с другой советской семьей (в распоряжении Ошаниных была одна комната и кабинет для работы). Е.Н. Ошанина писала, что ее всюду «так же преследует безденежье, но в Нанкине и покупать нечего», а «Илья совершенно не переносит моих капризов и недовольств» [4, л. 76]. (Судя по дневнику, возможность купить заграничные товары, бывшие в СССР предметами роскоши, была у Ошаниных только в Шанхае и японском Кобе перед возвращением в СССР). В этих услови-

ях одиночества, безделья, безденежья и нарастающих конфликтов с мужем Елена Николаевна развлекает себя новым романом с советским дипломатом из Шанхая (в дневнике он обозначен как М.), храня его письма. Судя по отрывочной информации из дневника, после одной из встреч с возлюбленным она страдала «болезнью желудка» («Боюсь серьезных неприятностей» [4, л. 77]), которые «ликвидировались 6 мая» [4, л. 78]. Безусловно, речь шла об аборте, для которого пришлось ехать в Шанхай к врачу. Мужчины из окружения Елены Николаевны также ничего не знали о ребенке и не принимали решения в его судьбе. Интересен способ литературного выражения чувств и эмоций в дневнике: во время китайской поездки у Е.Н. Ошаниной появилась привычка передавать в тексте свои переживания сексуального характера, используя знакомые простые английские выражения (например, «with me in the bed», «touch»). Вероятно, русский язык виделся женщине первой половины XX в. абсолютно неподходящим для этого.

Тем не менее разногласия с мужем становились все сильнее. С.В. Житомирская предполагала, что основной причиной конфликта был вопрос о детях: Илья Михайлович хотел ребенка, а Елена Николаевна не желала «портить» привольную бездетную жизнь. Судя по дневниковым записям, причина семейного конфликта гораздо глубже: не только измена жены и ее нежелание иметь детей (еще более объяснимое после аборта), но и тяжелая усталость от постоянного пребывания вместе во враждебной внешней атмосфере чужой страны и культуры. При этом И.М. Ошанин сдерживал конфликт до отбытия в Россию: как только супруги пересекают границу во Владивостоке, они начинают обсуждать, «как в дальнейшем сложится наша жизнь» [4, л. 82]. Острая стадия конфликта (по информации обоих источников) началась у супругов в международном поезде из Владивостока в Москву: Елена Николаевна писала: «Началась кутерьма. 2 ночи разговоров и слез. Днем не верю в то, что слышала своими ушами, а ночью убеждаюсь в правде слышанного... Ночами спали плохо, а днем пили водку, вино и старались веселиться на людях» [4, л. 82]. В итоге Ошанин довез жену до дома ее матери

и прекратил все общение, вернувшись к первой семье. По словам С.В. Житомирской, на память у Е.Н. Ошаниной остался только патефон и чувство вины в произошедшем конфликте. Елена Николаевна тяжело переживала разрыв, с головой ушла в работу и, чтобы отвлечься, поступила на исторический факультет МИФЛИ, впоследствии сделав карьеру профессионального историка.

И дневник, и воспоминания о подруге относятся к тем редким примерам эго-документов, которые содержат скрытые от глаз посторонних людей и будущих читателей дневника частные эмоциональные переживания, а в сравнении помогают историкам выявить разницу между представлениями о повседневной жизни советских дипломатических работников и реальностью.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 19-09-00191

Список источников и литературы

1. *Житомирская С.В.* Просто жизнь. М.: РОССПЭН, 2006.
2. *Пушкарева Н.Л.* Мемуары и автобиографии женщин как исследовательский «полигон» для изучения «женского письма» // Е.Р. Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2012. С. 224–241.
3. *Пушкарева Н.Л.* «Пишите себя!» (Гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С.241–274.
4. Центральный государственный архив города Москвы (ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. Л-125. Оп. 1. Д. 23.

М. Икута

Осака (Япония), Осацкий университет

Неосознанная память о сибирском интернировании женщин

В этом году – 75-летие окончания Второй мировой войны, и исследователи вновь обращаются к военной теме, зачастую пересматривая результаты прежних исследований. Причем заметна тенденция обращаться не к жизни известных героев войны или

политиков, а к жизни простых людей. Это касается и данной работы, которая посвящена японским женщинам, интернированным в Сибирь.

Проблема интернирования японцев в Сибирь более или менее известна. Насчитывается более 2000 мемуаров самих интернированных, существуют литературные произведения и художественные фильмы, основанные на их воспоминаниях. Научные исследования этой проблемы проводились не так активно, но после перестройки, когда был открыт доступ ко многим документам, количество подобных исследований увеличилось. Однако, почти неизвестен тот факт, что среди интернированных японцев были женщины.

До недавнего времени женщины, интернированные в Сибирь, почти не делились своими воспоминаниями. Насколько многочисленны мемуары мужчин-военнопленных, настолько мало мемуаров женщин. Хотя в декабре 1946 г., когда репатрировалась первая группа интернированных и военнопленных, японские газеты писали о них, не исключая женщин. Однако потом японское общественное мнение не обращалось к женщинам-репатриантам. Таким образом, вопрос о женщинах, интернированных в Сибирь, стал забытой страницей истории.

Наш интерес заключается в женщинах в чрезвычайной ситуации. Притом не в женщинах с большим именем, а повседневных днях обыкновенных женщин. Все они жили в Маньчжурии. Некоторый из японских женщин были привлечены там духом «колониальной современности», другие были вдохновлены патриотизмом и присоединились к военной службе в качестве медсестер.

Здесь мы хотим осветить, почему не был осознан факт интернирования женщин в Сибири. При этом хотим обратить внимание на гендерный аспект интернирования. Почему мужской опыт, состоящий из тройных трудностей (голод, холодная погода и тяжелый труд), стал основным повествованием, а женский не осмыслен? В докладе будет обсуждаться эта проблема с точки зрения восприятия Советского Союза японцами, а также гендерной предвзятости.

Л.В. Дерябкина

Краснодар, Кубанский государственный университет

**«Собирая вещи, уезжая навсегда...»: представления
еврейских женщин о вещах первой необходимости
в репатриации (на примере алии 1980–1990-х годов)**

В 1948 г. СССР был первым государством, признавшим Израиль, и одновременно с этим правительство ограничило выезд советских евреев из СССР. Более 2 млн человек оказались невыездыми, подвергались государственной и бытовой дискриминации, были фактически оторваны от иудейской традиции на протяжении второй половины XX в. Безусловно, небольшая часть евреев пыталась сохранить религиозную традицию, некоторые пытались соблюдать кашрут и даже решались посещать синагогу. Однако стигматизация и ассимиляционные тенденции привели к потере и разрыву с иудейской традицией. Но в 1960–1970-е годы ситуация меняется в связи с советской политикой как в отношении Израиля, так и еврейского истеблишмента в целом. Еврейство, сионизм, иудаизм для евреев становятся одной из форм протестных явлений «брежневского застоя». Хотя причины борьбы за выезд и основание к ним среди этнолингвистических еврейских сообществ носили неоднородный характер, всех объединяло желание покинуть Советский Союз. Репатриация 1970-х годов была малочисленной, около 170 тыс. чел. [4, р. 177–178], большая часть из них уехала в США и лишь треть направилась в Израиль. Покинув СССР, они автоматически лишались советского гражданства, права получать пенсию. Выезжавшие оставляли квартиры, при выезде с 1972 г. платили налог на высшее образование [1] и понимали, что их переписка с родственниками и близкими людьми будет под контролем третьих лиц, поэтому письма зачастую носили формальный характер, особенно со стороны оставшихся в Союзе. В некоторых случаях родственники в Израиле не знали, что их родственники решили тоже репатрироваться. Зинаида, жительница Хайфы (82 года), переехала в 1994 г.: «Я говорю дочке, по-

смотри, как мужчина на нашего Олега похож... [выезд сыну был запрещен] а это он! Сын не мог нам написать, что выезжает» [2].

Если же евреи и члены их семей получали право выезда из страны, они сталкивались с трудностями ограничения по вывозу с собой личных вещей. Перечень разрешенных предметов менялся в зависимости от года репатриации или личного приговора служащих, производивших досмотр в аэропортах, на железнодорожных вокзалах. После распада СССР система менялась медленно и вплоть до середины 1990-х годов: это 25 кг на каждого члена семьи, запрет на провоз серебра, ограниченное количество ювелирных украшений, вывоз букинистических изданий был запрещен. Например, в 1994 г. можно было вывозить литературу, изданную не ранее 1947 г., и ряд прочих правил, которые усложняли провоз багажа. Хотя появилась возможность вывозить в отдельном контейнере до 1 т. вещей, что было безусловным послаблением для иммигрантов. В таких условиях порой трудно было сделать выбор в пользу вывоза тех или иных вещей, приходилось оставлять семейные реликвии, фотографии, продавать ценности. Безусловно, традиционно упаковкой чемоданами занимались женщины, которые должны были собрать необходимые вещи, так как именно они отвечали и продолжают отвечать за благоустройство и уют для своих семей.

Но не только ограниченное количество багажа было проблемой для еврейских женщин, особенно в 1970-х годах. Было отсутствие четкого понимания, что ждет их в Израиле, какие вещи им понадобятся в первую очередь, без чего можно прожить первое время. Большая часть евреев не выезжали за границы СССР ни разу в жизни, слабо представляли, что их ждет в принимающей стране. Репатрианты 1980-х годов, так наз. отказники, которым было отказано в получении выездных виз, вели борьбу, подвергаясь дискриминации, давлению со стороны властных структур, антисемитских настроений в обществе. Среди этих групп в 1984 г. зародилось женское движение «отказниц», выступающих за выезд их семей из страны. В итоге многие из них смогли выехать лишь после 1989 г. Они оказались в более выгодном положении, чем их предшественники, так как они регулярно получали письма от друзей и родствен-

ников, активно работал Сохнут, который тоже старался ориентировать потенциальных репатриантов о их возможностях по вывозу вещей. Но опыт предыдущих олим порой приводил к курьезным ситуациям. Например, Татьяна, жительница г. Хайфы (58 лет), репатрировалась в 1994 г.: «Мы везли с собой несколько огромных коробок шариковых ручек. У нас же дети, нам дядя сказал, что нет хороших ручек» [3]. Парадокс алии 1990-х заключался в том, что, уезжая из бывших республик СССР, в связи не только с экономической разрухой, но и повышением уровня антисемитизма, русскоговорящие евреи и члены их семей боялись лишиться привычных вещей. Эдуард, житель г. Хайфы (58 лет), репатрировался в 1994 г. «Все везли книги, очень много книг. Да, еще самовары и матрешки. У нас тоже есть самовар» [3].

Однако после репатриации русскоговорящие евреи столкнулись с тем, что многими собственными вещами они так и не воспользовались, а некоторые раздаривали следующим олим. Самые заметные изменения произошли в одежде. Вышеупомянутая информантка говорит: «Я же в той жизни учительницей была. У меня знаешь, такие платья были, плиссированные пиджачки, юбочки. Я же как советский учитель не могла ходить в джинсах, в кроссовках» [3]. Демократичность израильской моды поразила русскоговорящих репатриантов, но в компактных районах, где преобладает русскоговорящее население, существует многообразная инфраструктура, которая направлена на удовлетворение потребностей жительниц, которые пользуются услугами только «русских» парикмахеров, косметологов и т.п. Например, информант говорит: «Сразу увидишь своего... я первое время так и узнавал, когда иврит еще плохо знал. Смотрю как одет, смело говорю с ним на русском...» [3].

Каждая семья, приехавшая в Израиль, представляла себе быт и возможности страны по-разному. Но чем позже репатрианты обосновывались в стране, тем больше информации у них было от друзей и родственников о том, «без чего нельзя прожить в стране женщине и настоящей хозяйке» [2]: многие везли веники, чугунные сковородки, первые подушки и одеяла, шерстяные носки, бигуди

и плойки, швейные машинки. Но наиболее остро стоял вопрос украшений. Дело в том, что в зависимости от года репатриации менялись и условия допустимой нормы по ввозу золотых украшений, а также не исключен был и коррупционный элемент среди чиновников, осуществлявших досмотр багажа и изъятие «лишних вещей». Советские евреи и те, кто уезжал в первые годы после распада СССР, считали, что есть вероятность потерять возможность приехать в «страну исхода» в гости, к своим друзьям и близким, поэтому вещи, которые брали с собой – это была попытка сохранить связи, особо остро это выражалось в памятных вещах, взятых с собой.

По свидетельству большинства репатриантов, многие предметы быта негодились; их представления о повседневной жизни в Израиле значительно отличались от реального положения дел. Многие вещи наводнили «блошиные» рынки страны, но неизменный признак русской алии – это книги, от журналов по вязанию крючком до многотомного собрания сочинений А.П. Чехова.

Список источников и литературы

1. Ведомости Верховного Совета СССР. № 52. Ст. 519. М. 1972.
2. ПМА 1 от 26.01.2013.
3. ПМА 2 (Skype) от 27.04.2020.
4. *Tolts M. Demography of the Jews in the Former Soviet Union: Yesterday and Today // Jewish Life After the USSR / Eds. Z. Gitelman, M. Glants, M.I. Goldman. Bloomington, IN, 2003.*

О.Г. Овчарова

Москва, Российская государственная специализированная академия искусств

О.В. Китайцева

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Трудовые мигрантки в России: сценарии социальной адаптации и интеграции (на примере г. Москва)

Проблема социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов в России – один из ключевых вопросов в современном со-

диогуманитарном знании, ориентированном на изучение миграционных процессов. Юристы и политологи изучают адаптацию и интеграцию мигрантов как важную составляющую социальной безопасности (как для граждан принимающего государства, так и непосредственно иммигрантов) [1, 2]. Демографы анализируют взаимосвязь социально позитивной интеграции, отсутствие в среде мигрантов девиаций с улучшением демографического положения государства [3]. В настоящем докладе, заявленном как социологический, будут рассмотрены сценарии адаптации и интеграции женщин-мигранток с позиции их социально-демографических характеристик, во многом формирующих установки на понимание своих профессиональных и личностных ролей в российском обществе. Отметим, что выбор в качестве предмета изучения женщин – трудовых мигранток обусловлен спецификой современных миграций – увеличения среди мигрантов ранее малоподвижных социально-демографических групп населения, в частности женщин. И именно женская миграция характерна для постсоветской России [4, с. 424].

Обозначим основные понятия работы. Адаптация понимается как приспособление мигрантов к принимающему сообществу (часто довольно поверхностное), знание и поведение с учетом норм и традиций, принятых местным населением. Интеграция – процесс, при котором мигрантов принимают в обществе в индивидуальном порядке и как группу, при этом мигрант имеет возможность участвовать в экономической, социальной, культурной и гражданской жизни без потери собственной идентичности. Мигранты, в свою очередь, должны уважать нормы принимающей стороны [5, с. 414, 416]. Под профессиональной ролью мы понимаем возможность/невозможность выбора мигрантками сферы деятельности, ориентацию на карьерный рост или увеличение, с течением времени, доходов. Личностная роль в данной работе обозначает социальную включенность мигранток – условия проживания, круг общения (досуг), индивидуальный гендерный статус, забота о здоровье, желание получить гражданство и т.д. В свою очередь, индивидуальный гендерный статус показывает

место женщины в социальной иерархии, которое она занимает по признаку пола относительно других индивидов.

Исследование социальной адаптации и интеграции женщин-трудовых мигранток проводилось на социологическом факультете РГГУ в 2019 г. в рамках проекта «Жизненные сценарии мигрантов». Выводы формулировались на основе проведения 11 глубинных интервью с трудовыми мигрантками из Средней Азии. Респондентки отличались по возрасту (от 25 до 45), образованию (среднее, средне-специальное, повышение квалификации, полученное в России), семейному статусу (в том числе, и наличию детей), роду занятий (работа в сфере услуг, в том числе и занятость в российских семьях, открытие бизнеса в России), географии страны обычного места жительства.

На основе ответов интервьюируемых сформировались следующие сценарии социальной адаптации и интеграции женщин-трудовых мигранток:

1) сценарий успеха: мигрантки имеют легальный правовой статус, выражающийся как в оформлении патента на работу, реализации бизнес-проектов, так и в стремлении получить гражданство; имеют постоянное арендуемое жилье, но стремятся к получению собственного; имеют доступ к инфраструктуре, информации, ресурсам и услугам принимающего государства, а не замыкаются в мигрантском «гетто»; имеют обширный круг общения, перманентно развивают свои профессиональные навыки. Данный сценарий демонстрируют незамужние или разведенные женщины со взрослыми детьми, имеющие одобрение и поддержку своего развития со стороны родственников, обладающие специальным образованием, коммуникабельностью. Страна обычного проживания – Узбекистан;

2) сценарий равнодушия: мигрантки имеют нелегальный правовой статус; занимаются низкоквалифицированным трудом; часто меняют место жительства (проживание, как правило, со своими соотечественниками и не обязательно, родственниками); непонимание необходимости включения в социокультурные правила и нормы принимающего государства; отсутствие готовности к при-

нятию решений, но готовность в любой момент покинуть Россию. Данный сценарий демонстрируют разведенные или замужние женщины в возрасте от 35 и выше, имеющие детей, оставшихся в стране обычного проживания; получившие среднее (или ниже) образование. Страна обычного проживания – Таджикистан, Киргызстан;

3) сценарий амбивалентного развития: мигрантки имеют нелегальный правовой статус; берутся за любую доступную работу; имеют арендуемое жилье (проживание, как правило, с соотечественниками); специально не интересуются ресурсами и услугами принимающего государства. Однако не исключают, что при благоприятных обстоятельствах (улучшение материальных условий) изменят свое поведение на полную интеграцию в то сообщество, через которое получают доступ к необходимым социальным ресурсам. Данный сценарий демонстрируют незамужние или разведенные женщины со средним образованием. Страна обычного проживания – Таджикистан, Туркменистан.

Подробные результаты исследования будут представлены в докладе.

Список источников и литературы

1. *Андриченко Л.В.* Правовые механизмы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 5–18.
2. *Герасимова И.В.* Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. Москва. 2019. Т. 7. № 4. <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2019-10211>.
3. *Китайцева О.В., Овчарова О.Г.* Современная миграция в России (гендерный аспект): социологическая экспертиза // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: материалы XII международной научной конференции: в 2 ч. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. М.: ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. Ч. 1. С. 423–426.
4. *Мукомель В.И.* Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / Отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 411–467.

5. Яковлева Е.Б., Кислова О.Е. Демографическая ситуация в России и проблемы трудовой миграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 5. Вып.1. С. 5–19.

З.В. Анайбан

Москва, Институт востоковедения РАН

Социокультурная адаптация женщин и мужчин в современном обществе (на примере Тувы)

В настоящее время проблема адаптации разных этнических и гендерных групп к современным социокультурным условиям жизни занимает среди исследовательских задач российской этносоциологии свою отдельную нишу. При этом важно учитывать, что в каждом конкретном регионе имеется своя специфика, обусловленная как экономическим положением этих республик, так и разнообразием социокультурных особенностей живущих здесь этносов. В действующем законе Тувы «О культуре» сказано, что «Республика Тыва признает равное достоинство культур, равные права и свободы в области культуры всех проживающих в ней народов и этнических общностей, способствует созданию равных условий для сохранения и развития этих культур» [2, с. 4].

В данной работе исследуются схожести и отличия в адаптационном поведении и адаптационных возможностях мужчин и женщин – жителей Республики Тыва, диктуемых необходимостью приспособления к изменяющейся социокультурной ситуации. При существующем сегодня разнообразии определений термина «социокультурная адаптация» нам наиболее близка точка зрения, трактующая социокультурную адаптацию как процесс и результат активного приспособления этнических групп к условиям другой социокультурной среды. Предполагается, что при успешном завершении адаптации человек достигает соответствия (совместимости) с новой средой, принимая ее ценности, традиции, нормы и стандарты поведения как свои собственные и действуя в соответствии с ними [4, с. 74].

Работа основана на материалах официальной статистики, опубликованных в статистических сборниках Управления федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. При освещении названной темы использованы также результаты проведенного нами не так давно в Туве экспертного опроса (2019 г.). В числе основных задач этого исследования – выявление особенностей социальной адаптации населения к современным социально-экономическим условиям, в том числе изучение отношения и ориентации местных жителей к этнокультурной ситуации. В этой связи мы обратились к тем, кто лучше других, с нашей точки зрения, знает эти вопросы – работникам соответствующих государственных органов, политикам, журналистам, лидерам общественно-политических партий и движений, ученым. Следует отметить, что в данном случае за основу была взята анкета реализованного нами в 2004 г. в Республике Тыва и Республике Хакасия аналогичного исследования, выполненного в рамках проекта «Влияние социально-экономических преобразований в России на изменение положения женщин в семье и обществе (на примере Тувы и Хакасии)».

Итак, в Туве численность женщин, по данным официальной статистики, как и во многих других субъектах Российской Федерации, всегда была чуть больше численности мужчин. Установившееся в 1990-е годы прошлого столетия соотношение между полами, когда удельный вес женщин составлял 50,9%, мужчин – 49,1%, практически сохраняется до сих пор: по данным 2019 г. эта пропорция достигала соответственно 52,1% и 47,9%. При этом доля женщин доминирует как в числе городских, так и сельских жителей. Так, в общей численности горожан процент женщин в настоящее время составляет 53,3%, среди сельчан соответственно 51% [3, с. 37, 39]. Между тем специалисты прогнозируют в данном регионе в будущем некоторое ухудшение диспропорции в соотношении численности женщин и мужчин, которое проецируется, с одной стороны, большей приспособляемостью женщин по сравнению с мужчинами к новой для всех социальной среде оби-

тания, с другой – регистрируемой относительно высокой преждевременной смертностью последних.

Подтверждением тому и результаты наших исследований. По мнению наших экспертов, в Туве женщины, независимо от этнической принадлежности, адаптируются к современной социально-экономической ситуации быстрее и успешнее, нежели мужчины. В этом убеждены 73% из всего числа опрошенных. С точки зрения респондентов, во многом это объясняется более активной жизненной позицией женской половины тувинского общества. Видимо, не случайно, еще по данным упомянутого этносоциологического исследования 2004 г., оценки женщин Тувы своей жизни были намного оптимистичнее и спокойнее, чем, например, женщин Хакасии. Так, 42% тувинских женщин и 53% русских женщин данного региона, соглашаясь с тем, что «жизнь тяжелая», все-таки были убеждены, что приложат «все силы, чтобы она стала лучше» [1, с. 184]. И это, несмотря на те трудности, которые им в большей мере, чем мужчинам, приходилось и приходится испытывать в создавшихся условиях. В частности, не секрет, что по многим объективным и субъективным причинам им гораздо сложнее трудоустроиться. Кроме того, во все времена, особенно в тяжелые периоды нашей истории, все семейно-бытовые проблемы становились, как правило, уделом исключительно женщин.

О степени адаптированности тех или иных групп населения можно судить по данным, характеризующим изменения их ценностных ориентаций и предпочтений, обусловленных сменой социальной среды обитания. Проведенные нами не так давно опросы показали, что значительное число опрошенных постепенно приходит к осознанию того, что улучшение их жизни зависит, в первую очередь, от них самих. Однако, как и прежде, среди них немало тех, кто рассчитывает на поддержку государства. Это свидетельствует, что среди населения все еще живы иждивенческие настроения, надежда на решение жизненных проблем при помощи республиканского руководства. Понятно, что подобные установки не способствует более быстрому и успешному приспособлению населения к современной жизни, включая и ее социокультурную составляющую.

К числу основных факторов, благоприятствующих успешной адаптации к социальной действительности, следует отнести в целом позитивный настрой жителей Тувы к трансформационным процессам. В этой связи нельзя не сказать, что важную роль здесь, несомненно, сыграла религия, поскольку обращение к ней, благодаря ее мировоззренческим установкам, способствует формированию у человека душевного равновесия, выработке взвешенных и аргументированных решений в трудных ситуациях. В известной степени активизация адаптационных процессов в этом регионе обусловлена и наблюдаемой сегодня межэтнической толерантностью, характерной в равной мере и для женщин, и для мужчин, в том числе их толерантным отношением к культуре, языку, религии, национальным традициям живущих в республике разных этнических групп, а также удовлетворенностью отдельными аспектами жизни, являющейся важным показателем адаптации. Так, по данным нашего исследования, жители Тувы продемонстрировали относительно высокую степень удовлетворенности своим положением в обществе, профессиональной подготовкой, образованием. В целом в этих ответах не фиксировались существенные половозрастные различия, разве что в последнем случае показатели женщин были чуть выше.

Среди факторов, ограничивающих адаптационные процессы вообще и существенно влияющих на темпы и масштабы социокультурной адаптации в частности, назовем сохраняющуюся по сей день неблагоприятную социально-экономическую ситуацию, низкий уровень жизни населения, высокий процент безработных. В этом ряду стоит назвать неудовлетворенность населения условиями жизни, среди которых значатся недовольство ими медицинскими услугами, работой транспорта и культурно-бытовых учреждений. При этом наиболее критично настроена женская половина тувинского социума. Численность неудовлетворенных имеющимся культурно-бытовым досугом, например, среди женщин заметно выше, чем среди мужчин (48% и 32% соответственно). Отдельно следует сказать, что, несмотря на известные в данном регионе проблемы, связанные с национально-русским

и русско-национальным билингвизмом, языковую ситуацию в большинстве своем местные жители не относят к числу факторов, затрудняющих адаптацию.

Итак, несмотря на трудности социально-экономического характера, в равной степени и у женщин, и мужчин, проживающих в Республике Тыва, ориентация на социокультурную адаптацию довольно позитивна. Вместе с тем реальные масштабы и степень адаптации жителей республики к современным условиям жизни в целом не столь значительны, хотя у женщин эти показатели все же заметно выше.

Список источников и литературы

1. *Анайбан З.В.* Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ. М., 2005.
2. Закон Республики Тыва «О культуре» (с изменениями на 25 апреля 2018 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. <http://docs.cntd.ru/document/802048824>
3. Статистический ежегодник Республики Тыва 2019 // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. <https://krasstat.gks.ru/folder/45814>
4. *Южанин М.А.* О социально-культурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // СоцИс. 2007. № 5. С. 71–79.

В.А. Липатов

Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ

Уязвимость женщин-инвалидов во время стихийных бедствий

Последние десятилетия свидетельствуют о том, что количество стихийных бедствий (наводнения, ураганы, цунами, смерчи, пожары, засухи, оползни, землетрясения, таяние «вечной мерзлоты» и т.д.) ежегодно возрастает. Увеличивается число погибших и потерпевших, растет экономический ущерб. Лица

с ограниченными возможностями являются уязвимой группой. Их права зачастую не принимаются во внимание, например, во время эвакуации. Женщины-инвалиды особо уязвимы в случае возникновения стихийных бедствий.

Согласно данным Гаагского института глобального правосудия, вероятность летального исхода во время стихийных бедствий у женщин в 14 раз больше, чем у мужчин [8]. Другой проблемой является то, что, как правило, после стихийных бедствий количество домохозяйств, где главой является женщина, возрастает. В 2011 г. в Гаити после землетрясения 42% домохозяйств возглавляли женщины [8]. Женщины после стихийных бедствий также сталкиваются с гендерными проблемами, такими как сексуальное насилие.

Потребности лиц с ограниченными возможностями здоровья чаще всего игнорируются при разработке долгосрочных планов восстановления и реконструкции. Женщины-инвалиды находятся в крайне рискованном состоянии. Их нужды следует принимать во внимание на всех стадиях восстановления и реконструкции. Программы восстановления и реконструкции следует разрабатывать с их активным и непосредственным участием. Это приведет к тому, что потребностям и правам женщин-инвалидов будет обеспечено всестороннее уважение [2].

В России уязвимость женщин-инвалидов иллюстрирует катастрофическое наводнение 2012 г. в г. Крымске Краснодарского края, где основную часть погибших в частном секторе города составили пожилые люди и инвалиды, включая женщин-инвалидов. Данный регион России является очень рискованным, опасные и разрушительные наводнения происходят регулярно. Крайне важно определить способы по снижению рисков для такой слабозащищенной категории, как женщины-инвалиды.

К числу опасных следует также отнести российские регионы, где вследствие изменения климата происходит таяние «вечной мерзлоты», приносящее серьезные социальные и экономические потери. Образ жизни людей в данной местности кардинально меняется. Женщинам-инвалидам крайне сложно адаптироваться к указанным изменениям.

В последние годы в большинстве стран исследования по стихийным бедствиям эволюционировали в междисциплинарную область, учитывающей не только геофизические аспекты стихийных бедствий, но и антропологические, исторические, психологические, социальные, экономические и политические особенности, включая особенности социокультурной адаптации женщин и мужчин в традиционном и современном обществе. Теперь бедствия лучше определять как взаимозависимость между опасностью, сопряженную с риском, и социальной и экономической уязвимостью [7]. Понимание того, что люди влияют на уязвимость к стихийным бедствиям, является причиной того, что для научного исследования природных опасностей становятся более важными методы, которые используют специалисты по изучению женской истории, гендерной антропологии и этнологии.

Однако ситуация в России по сравнению с рядом других стран не столь радужна, потому что есть только пара авторов и незначительное количество публикаций общественных наук по стихийным бедствиям: Б. Порфирьев [5], И. Чеснокова [6], Т. Нестик [4], Н. Мавлянова и В. Липатов [3].

Близко к указанной предметной области находятся исследования, посвященные историческим и современным формам, механизмам и последствиям социально-культурных адаптаций к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям [1]. Подобные междисциплинарные исследования интегрируют специалистов различных отраслей знаний: историков, этнологов, антропологов, лингвистов и др.

Российские университеты также сталкиваются с нехваткой дисциплин, преподаваемых по социально-экономическим аспектам стихийных бедствий. «Вопросы страхования стихийных бедствий» в МГУ им. М.В. Ломоносова является одним из немногих курсов, который преподавался российским студентам в последнее время. Финансовый университет при Правительстве РФ также крайне недолго предлагал студентам-магистрам учебную программу «Экономика стихийных бедствий».

Принимая во внимание крайнюю уязвимость женщин-инвалидов к стихийным бедствиям, адекватная оценка и сокращение су-

ществающего уровня опасности требуют совместной скоординированной работы инженеров, геологов, географов, экономистов, социологов, политологов, психологов, историков, этнологов, антропологов, лингвистов и ученых других направлений, проектных и планирующих организаций, министерств чрезвычайных ситуаций и их подразделений на местах, что позволит выявить районы с наибольшим уровнем риска, а также разработать эффективную систему мер для управления рисками и обеспечения готовности к возможным стихийным бедствиям.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00063 «Инвалидность как социокультурный феномен на постсоветском пространстве»

Список источников и литературы

1. Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
2. Защита инвалидов при стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях // Инвалиды – развитие и права человека для всех. Официальный сайт ООН. https://www.un.org/ru/rights/disabilities/background_1.shtml (дата обращения: 26.04.2020).
3. Мавлянова Н., Липатов В., Юлдашев О. Трансграничные проблемы преодоления стихийных бедствий в международных региональных организациях Евразийского региона // Проблемы прогнозирования. 2018. № 3. С. 122–131.
4. Нестик Т., Журавлев А. Психология глобальных рисков. М.: Институт психологии РАН, 2018.
5. Порфирьев Б. Экономика природных катастроф // Мир новой экономики. 2015. № 4. С. 21–40.
6. Чеснокова И.В. Экономическая оценка и вопросы страхования последствий опасных геологических и геокриологических процессов // Сейсмостойкое строительство. Безопасность сооружений. 2013. № 6. С. 10–14.
7. Collins A., Cramer S., Norlund J., Simms J., Kusenbach M., Tobin G. Shooting at Hurricanes: Disaster (Mis) Perceptions and (Un) Preparedness of Florida Undergraduates. July 2009. University of South Florida,

Tampa. https://www.researchgate.net/publication/228385470_Shooting_at_Hurricanes_Disaster_Mis_Perceptions_and_Un_Preparedness_of_Florida_Undergraduates

8. Zhang T. An Inclusive Approach to Post-Hurricane Matthew Reconstruction in Haiti // The Hague Institute for Global Justice. 21.10.2016. <http://www.thehagueinstituteforglobaljustice.org/latest-insights/latestinsights/commentary/an-inclusive-approach-to-post-hurricane-matthew-reconstruction-in-haiti/>

Л.В. Чхутиашвили

*Москва, Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина*

Почему во время экономического кризиса в первую очередь страдают женщины?

Послевоенный мировой кризис 1957–1958 гг., экономический кризис США 1973 г., Черный понедельник, Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., Российский кризис 1998 г. и мировой кризис, начавшийся в 2008–2010 гг.: ситуации, которые показали, кто в большей мере страдает от экономических кризисов. Безусловно, от их последствий финансово пострадали как мужчины, так и женщины, однако именно женская часть населения стала наиболее уязвима к экономическим потрясениям. Нестабильное положение женщин в послекризисный период объясняется различными факторами и, чтобы увидеть картину целиком, необходимо рассмотреть каждый аспект отдельно.

Во-первых, одно из главных проявлений экономической уязвимости женщин во время и после кризиса – это их более низкая зарплата в сравнении с мужчинами (во всем мире разница между мужской и женской зарплатой составляет около 22%). Если рассматривать данную ситуацию в рамках рынка труда Российской Федерации, то можно увидеть следующее: в 2007–2008 гг. средняя начисленная заработная плата женщин составляла 9521 рубль, мужчин – 14430 рублей. То есть по стране в целом наблюдается, что зарплата женщин примерно в три раза ниже, чем у мужчин [2, с. 251–258].

Во-вторых, женщины часто занимаются неоплачиваемым трудом по уходу за детьми или больными членами семьи, и финансовая поддержка государства (в большинстве случаев) отсутствует частично или полностью. Однако, не признавая важность финансовой поддержки женщин, государство рискует усугубить последствия кризиса для всех слоев населения в долгосрочной перспективе. По заявлению Всемирного Банка, «экономическая политика, ставящая на первое место роль женщин и их интересы по защите благополучия детей, может существенно помочь в смягчении эффектов экономических кризисов». Опыты прошедших экономических кризисов показывают, что женщины, потерявшие работы и/или утратившие финансовую независимость в ходе экономического кризиса, часто становятся жертвами сексуальной эксплуатации, что, в свою очередь, способствует распространению ВИЧ, более частому употреблению алкоголя, наркотических веществ.

В-третьих, вследствие любого экономического кризиса происходит ряд макроэкономических потрясений, оказавших непосредственное влияние на женщин через политику жесткой финансовой экономии, которые вводят как международные организации, так и национальные правительства. Так, меры экономии, принятые в различных странах в ответ на кризис, потребовали снижения расходов на здравоохранение и социальную сферу, что, конечно, в большей степени, отразилось на женской части населения. Во всем мире гендерное неравенство способствует тому, что именно женщины чаще несут ответственность за детей, стариков и больных членов семей, поэтому снижение государственной поддержки приводит к росту доли женского неоплачиваемого труда [1, с. 84–90]. Например, данные о прошлых экономических кризисах показывают, что в попытке сохранить уровень занятости правительства стран часто сокращают бюджетные расходы за счет непродовольственных товаров (лекарства). Такие меры усугубляют нагрузку на домохозяйства, которыми чаще заведуют женщины (так как именно они присматривают за больными членами семьи). Сокращение государственных расходов также приводит к удорожанию образования и медицины, что оказы-

вает прямое негативное воздействие на женщин. Исследования показывают, что в странах, столкнувшихся с экономическим кризисом, где правительство выбирает путь снижения расходов на образование и медицину, возрастает число женщин, которые вынуждены выбрать нестабильные заработки в теневой экономике.

Для женщин во всем мире гораздо выше риск оказаться за чертой бедности из-за повсеместной разницы в доходах мужчин и женщин. Иногда у женщин может быть больше гарантий занятости, их заработные платы несправедливо занижены в сравнении с их коллегами-мужчинами, что делает их более выгодными для нанимателя сотрудниками. Но женщины также более уязвимы в период экономического кризиса, они трудоустроены неофициально или на неполный рабочий день. Стереотип о «мужчине-кормильце» часто приводит к тому, что начальство в первую очередь сохраняет от увольнения работников-мужчин. Женщины же, напротив, первые кандидаты на сокращение или снижение заработной платы.

Таким образом, усугубление гендерного неравенства оказывает долгосрочное негативное влияние на борьбу за социальные и экономические права женщин и экономическую стабильность в целом. Сокращение расходов на социальную сферу и здравоохранение увеличивает объемы неоплачиваемого женского труда и вынуждает девочек бросать школу, чтобы заниматься работой по дому и уходом за близкими. Все это снижает шансы женщин в будущем найти высококвалифицированную и высокооплачиваемую работу (как в теневом секторе экономики, так и при официальном трудоустройстве), женщины теряют необходимые для работы профессиональные навыки.

Вот почему женщинам так важно, на наш взгляд, получать хорошее образование для приобретения жизненной мудрости, развития духовного и нравственного интеллекта [3, с. 76]. Образование помогает человеку понять, кто он, и определить свою роль в мире, а также дает возможность наладить отношения с окружающими. Ведь взаимодействие с окружающими людьми, общение является важным аспектом для формирования личности и понимания самого себя, прежде всего.

Список источников и литературы

1. *Гендина О.А., Минеев В.В.* Проблема гендерного неравенства в современном обществе: роль гендерных стереотипов // Актуальные проблемы философии и социологии. Сборник материалов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием студентов и молодых ученых. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2013. С. 84–90.
2. *Панкова С.В.* Эконометрический анализ гендерного неравенства в заработной плате // Дни науки – 2013 Материалы научной конференции по итогам 2012/2013 учебного года. Сибирский университет потребительской кооперации. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2013. С. 251–258.
3. *Чхутияшвили Л.В.* Онлайн-образование в юридическом университете // Новое в науке и образовании. Тезисы докладов Международной ежегодной научно-практической конференции Еврейского университета / Отв. ред. Ю.Н. Кондракова. М.: ООО «МАКС Пресс», 2019. С. 74–76.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, СЕМЬЯ, РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ

РАЗДЕЛ 8

ЖЕНСКАЯ И МУЖСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕМОРИЗАЦИИ БЫТОВЫХ ПРАКТИК

А.А. Шишкин

Тверь, Тверской государственный университет

Репрезентация женской повседневности в Нидерландах Золотого века

Нидерланды в Золотом веке (конец XVI в. – первая половина XVII в.) во многих отношениях представляли собой уникальную страну. Эта уникальность складывалась из множества факторов. Уже к концу XVI в. Нидерланды, несмотря на скромные размеры и бедность природными ресурсами, были одной из самых богатых территорий Европы, а после освобождения от испанского владычества и вовсе начался взрывной рост экономики. Длительная борьба за независимость создала у нидерландцев сознание единства и собственной уникальности. Можно сказать, у голландцев произошла некая «революция сознания» [2, с. 195], которая на первое место поставила уважение к личности, убежденность в том, человек всего может добиться своими силами, уважение к деньгам, накопленным своим трудом. Сложился идеал гражданина «с незапятнанной

репутацией, незаметно живущего и безупречно выполняющего свои нравственные и религиозные обязанности» [2, с. 35]. Дух свободы (предпринимательства, творчества, выбора) способствовал переоценке отношения к личности человека. Ключевой характеристикой и идеалом, к которому стремились жители республики, была независимость. Все это на удивление органично сочеталось с остатками средневекового корпоративизма.

Разумеется, эта уникальная обстановка не могла не повлиять на повседневную жизнь нидерландского общества в этот период. В первую очередь это, конечно же, отразилось на бюргерстве. Нидерланды были единственной территорией Европы, где городское население превалировало над сельским. Кроме того, именно жизнь горожан чаще всего попадает в поле зрения многочисленных художников того времени. Изобразительные источники являются основой данного исследования. Изобразительный материал этой эпохи отличает не только реализм, массовость, но и своеобразие его содержания: большое количество жанровых произведений, портретов и пейзажей с самыми разнообразными темами. Кроме их высокого художественного уровня, который не является предметом данного исследования, все они являются источником информации о быте, костюме и – отчасти – нравах того времени. Однако, несмотря на высокую степень реализма произведений нидерландских художников, при изучении данных источников существуют трудности. При их исследовании неизбежно приходится иметь дело не с реальной повседневностью, а с ее образом, намеренно или бессознательно создаваемым автором. Причем здесь могут играть роль даже небольшие детали, которые создают художественный эффект, но при этом идут вразрез с жизнью вне полотна. Так, например, Рембрандт, «любивший затейливые наряды», одевает Якоба Трипа, одного из богатейших людей Республики, в мантию, «которую носили разве что раввины» [3, с. 668]. Поэтому одно из ключевых мест в исследовании должен занимать подход имагологии, который позволяет, анализируя полученные из различных источников сведения, выявить общие представления об образах, существующих в национальном сознании или создаваемых автором, и по

возможности отделить образ и стереотипы от реально существующего объекта. Однако в целом реализм и количество произведений искусства, созданных в этот относительно короткий срок, таковы, что позволяют делать обобщения.

В том числе на основе изобразительного материала можно выявить и характерные черты женской повседневности в Нидерландах. Уже Эразм Роттердамский в своих произведениях указывал на духовное главенство женщины в нидерландской семье, что оправдывалось ее трудолюбием и старательностью [1]. Женщина была настоящей хозяйкой дома, и именно домашние труды занимали большую часть времени даже у весьма зажиточных горожанок. На это накладывало свой отпечаток и то, что использование слуг у нидерландцев было гораздо менее распространено, чем в других странах Европы. Горничная чаще всего была одна, пользовалась весьма большой свободой и зачастую была практически частью семьи. Эта вольность в отношении хозяев и слуг часто поражала иностранцев. Удивляла их и чистота, поддерживаемая нидерландскими хозяйками. Отражение этой страсти к чистоте в доме можно найти и в произведениях искусства. Хотя некоторые картины, особенно отдельные полотна Яна Стена, и демонстрируют нам примеры нечистоплотности, это скорее исключения, а может и намеренное искажение действительности для большего художественного эффекта. В целом же можно увидеть довольно яркий контраст между изображением празднеств и интерьеров таверн и обстановкой внутри бюргерского дома. Тягу к чистоте, как и в целом выполнение своих домашних трудов нидерландские женщины, похоже, воспринимали как высшую добродетель и отдавались им с тем максимализмом, который отличал голландцев того времени. Так, например, вдова знаменитого адмирала Рейтера ходила в одиночку каждый день на рынок через весь Амстердам. Подобная простота, порой даже несколько показная, была распространена среди верхушки бюргерства и даже среди аристократии. Так, портрет принцессы Оранской кисти Рембрандта долгое время считался портретом Саскии – жены художника [3, с. 244]. Это говорит о том, что принцессе можно было принять

за богатую горожанку. Лишь некоторая прослойка женской элиты стремилась к эlegantности. Некоторые соперничали со своими друзьями и супругами в науках и искусствах. Особой страстью и показателем образованности были занятия музыкой, что в живописи с наибольшей полнотой отразил Вермеер. Но это была весьма узкая прослойка, хоть и весьма яркая. Наверное, ее наиболее выдающейся представительницей является Анна Мария фон Шурман – поэтесса, художница и ученая, которая даже добилась разрешения посещать университет, хоть на занятиях она и вынуждена была сидеть за специальным занавесом.

Немало женщин, оставшихся одинокими по причине смерти или затянувшегося отсутствия мужей, весьма успешно управляли торговыми домами. Так, вдова упомянутого выше Якоба Трипа, Маргарита де Геер, оставила после смерти весьма внушительное состояние в 215 000 гульденов [3, с. 669]. Эта часть жизни также находила свое отражение в портретах того времени. В целом можно сказать, что прежде всего благодаря своей массовости и реализму произведения нидерландских художников Золотого века дают богатый материал в том числе для исследования женской повседневности того времени.

Список источников и литературы

1. *Зюмтор П.* Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта. М.: Молодая гвардия, 2001.
2. *Лось О.К.* Культурные феномены как отражение ментальности голландцев в период с последней четверти XVI – до конца XVII веков. Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004.
3. *Тилкес О.* Истории страны Рембрандта, М.: Новое литературное обозрение, 2018.

А.Д. Новикова*Москва, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Москва екатерининской эпохи глазами сестры британского посланника Кэтрин Гаррис

15 сентября 1778 г. сестра британского посланника Джеймса Гарриса (посольство 1778–1783 гг.), К. Гаррис, приехала из Санкт-Петербурга в Москву. Этому путешествию англичанка посвятила отдельный дневник, который хранится в Национальном архиве Великобритании (The National Archive), его фотокопии были нам любезно предоставлены Е.Б. Смилянкой. Дневник, посвященный путешествию в первопрестольную, написан на английском языке: его транскрипция и перевод сделаны мной. Источник вводится в научный оборот в России впервые, отчего представляет особую ценность.

Дневники леди Кэтрин Гаррис окрашены личными субъективными наблюдениями за Россией екатерининского времени. Она не рассчитывала на публикацию своих записей, не подстраивала их под вкусы возможных читателей. Про Кэтрин Гертруду Гаррис (Katherine Gertrude Harris) имеется мало информации. Она родилась в 1750 г., и в 1777 г. – на момент приезда в Санкт-Петербург – ей было двадцать семь лет. Благодаря дневникам представляется возможным реконструировать если не всю биографию, то характер и интересы девушки. Кэтрин вела записи простым лаконичным языком, редко используя эпитеты и сложные предложения, что затрудняет понимание эмоционального фона. При этом она интересовалась всем: в ее дневниках можно найти подробные описания интерьера и внешнего облика дворцов, домов, церквей, зарисовки, касающиеся традиций и обычаев русских, характеристики лиц, с которыми ей довелось общаться (нередко дополненные сравнением с литературными персонажами) и многое другое. Автор дневников была очень коммуникабельна: круг ее общения (Кэтрин выписывала имена почти всех, с кем ей приходилось проводить время) состоял из тонкой прослойки

наиболее высокопоставленных российских дворян. Судя по диалогам с русскими, отмеченными в дневниках, общение с ними англичанки происходило на французском языке. Мисс Гаррис была достаточно начитанной, о чем говорят сравнения характеров ее новых знакомых с литературными персонажами.

Целью данного доклада является реконструкция образа Москвы глазами сестры британского посла, для чего предпринимается попытка ответить на следующие вопросы: какое впечатление произвел внешний облик древней столицы и окрестностей; какие вещи ей понравились, а какие нет.

В поездке в древнюю столицу англичанку сопровождали князь А.В. Хованский, его супруга, Е.Н. Хованская, урожденная Зотова, князя М.Я. и А.Я. Хилковы (племянники княгини), Н.И. Бутурлин и многочисленная прислуга. Вольно или невольно, англичанка сравнивает две российских столицы. Первое впечатление, которое произвела первопрестольная и которое осталось неизменным спустя почти два месяца, это огромные размеры города – “immense town”. И действительно, согласно исследованию современного историка В.М. Кабузана, население Санкт-Петербурга к 1781 г. было 319 тыс. человек, а Москвы – почти 786 тыс. [2, с. 151].

Организовывал культурный досуг иностранки в Москве и ближнем Подмосковье граф Н.П. Румянцев: вместе они посещали соборы Кремля и некоторые другие достопримечательности Москвы [3, fol. 20]. Места, которые сумела посетить в Москве мисс Гаррис, позволяют судить о значительном интересе англичанки к прошлому России и к социальным экспериментам «просвещенного правления» Екатерины II. Помимо исторических зданий Кремля и загородных имений, вместе с братьями Румянцевыми К. Гаррис посетила Воспитательный дом (“la maison des enfants trouves”), воплощение воспитательных проектов императрицы и И.И. Бецкого; Павловский госпиталь для больных; монастыри, где действовали больницы для малоимущих и сиротские дома (например, Вознесенский монастырь).

Особенные впечатления от Москвы у Кэтрин Гаррис сложились после посещения вместе с графами Румянцевыми и мадам Ричард

колокольни Ивана Великого в солнечный день 4 октября. Город вызвал восторг у юной леди, и она не пожалела для описания слов восхищения: «мы увидели самые чудесные и восхитительные достопримечательности древнего города Москвы и его окрестностей, какие только можно себе представить. Кажется, невозможным себе представить, чтобы город таких огромных размеров имел настолько необычный и великолепный вид. Большое разнообразие башен и других зданий, но прежде всего огромное количество церквей с их невероятными куполами, некоторые из этих куполов великолепно позолочены и сверкают на солнце. Огромное количество красивых домов, которые вы едва замечаете, находясь внизу, поскольку те скрыты за высокими заборами и рассеяны среди ветхих деревянных зданий, над которыми они теперь возвышаются, но будучи собранными вместе, составляют в целом самую благородную и поразительную панораму города, которую я когда-либо видела. Мне сообщили, что в Москве и ее пригородах насчитывается 1600 церквей [знаменитые Сорок Сороков!]

 [3, fol. 39].

Исходя из описания, Кэтрин была восхищена разнообразием и масштабом пейзажа. Не меньшее удивление вызвало количество блестящих золотых куполов, которые в солнечный день особенно выигрышно смотрелись. Подобное описание первопрестольной встречается и у других иностранцев: Виже-Лебрён, К. Вильмонт, У. Кокса и других. Своеобразие Москвы, не похожей ни на один европейский город, захватывали всех «туристов» восемнадцатого столетия [1, с. 498]. Характерная черта заметки мисс Гаррис – девушкане стремится продемонстрировать свою «просвещенность» и, в отличие от комплиментарного комментария австрийского императора Иосифа II о том, что в Москве дворцы не подавляют хижин, Кэтрин радуется, что этих ветхих хижин с высоты башни не видно. Ей нравятся красивые и богатые дома.

Много записок Кэтрин посвятила загородным особнякам москвичей. Поместья князя Хованского, где она провела больше всего времени, англичанка оценивает снисходительно, поскольку она не ожидала много от провинции. Например, в одном из поместьев в приятном и аккуратном месте девушка отмечает систему

полива (“jets d’eaux”), «какая использовалась в Англии столетие назад» [3, fol. 19 r.]. Мисс Гаррис высоко оценивает садовые комплексы первопрестольной. Например, «мы проезжали мимо Кусково... весьма вероятно, что это место станет самым красивым парком в английском стиле, что я видела. Дом Кайнарджи (хотя и временный) очень опрятен и уютен, как ни один из тех, в которых мне довелось побывать» [3, fol. 46]. Помимо Кусково (имение Шереметевых), Кайнарджи (Троицкого, владение А.П. Румянцева), леди побывала в Петровском (имение Разумовских), Михалково, Новоирусалимском монастыре (современная Истра). Кэтрин отмечает большой штат прислуги как отличительную черту русской усадьбы, причем вывод о количестве слуг она делает исходя из хозяйственных построек [3, fol. 46]. Также ей нравится, что почти у каждого дома были теплицы и оранжереи, где выращивались свежайшие фрукты (сливы, персики, яблоки и др.), даже несмотря на неблагоприятные условия.

Путешествие в первопрестольную значительно пополнило впечатления молодой англичанки о России, в дороге и в Москве ей открылась «другая Россия», и она вызвала у нее неподдельный интерес. В Москве она обзавелась новыми друзьями, которые, казалось ей, могли вольнее высказывать свои мнения, чем в Петербурге. Особенностью российской провинции англичанка выделяет невероятное гостеприимство и любезность в обращении.

В первую очередь, первопрестольная поразила своими размерами. Она сумела оценить воспитательные и лечебные учреждения, родившиеся в правление Екатерины. Прикоснулась к историческим памятникам, внимательно осмотрев палаты и ценности Московского Кремля. Также она посетила множество загородных домов московских вельмож и отметила их стремление к созданию имений в английском стиле.

Таким образом, образ древней столицы весьма отличался от образа Санкт-Петербурга: более искренняя, воспитанная и родовитая публика, более уютные дома и более красивые обширные сады создали приятное впечатление.

Список источников и литературы

1. *Елисеева О.И.* Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М.: Молодая гвардия, 2008.
2. *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990.
3. TNA. Public Record Office (PRO) 30/43 (Lowry Cole Papers). 12.

3.3. Мухина

*Старый Оскол, Старооскольский технологический институт
им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского
технологического университета «МИСиС»*

Социовозрастные группы в традиционном русском и татарском крестьянском социуме пореформенного времени: гендерный аспект

Вторая половина XIX – начало XX в. – эпоха глубоких перемен всех сторон жизни народов Российской империи. Здесь поставлена проблема сопоставительного анализа трансформации статуса женщины в русском и татарском крестьянском социуме. Без исследования вклада женщин в материальную и духовную жизнь невозможно сколько-нибудь полно понять крестьянское общество, а, следовательно, и жизнь страны в рассматриваемый период.

Для решения поставленных задач представляется наиболее адекватной модель социовозрастных групп. Разделение по социовозрастному принципу является универсальным для любого общества, обуславливая различительные признаки в культуре, поведении, семейных ролях, имущественных и личных правах. При наполнении модели социовозрастных групп конкретным этнографическим материалом высвечиваются все стороны крестьянской жизни.

В крестьянском социуме положение как русской, так и татарской женщины определялось такими факторами, как форма семьи (неразделенная или малая), ее экономическое положение, авторитет мужчины в обществе, роль женщины в хозяйственной деятельности, религиозные и семейно-бытовые нормы и др.

В традиционном обществе половозрастные и семейные роли были устоявшимися, их динамика определялась биологическим взрослением и теми переменами, которые в жизни женщины были связаны с подготовкой к замужеству и переходом в статус замужней женщины. Все стороны жизни женщины были в высокой степени стереотипизированы и жестко регламентированы независимо от возраста и статуса. В социальной иерархии крестьянского общества женским социовозрастным группам изначально отводилось более низкое место, чем мужским.

Модернизационные процессы внесли ряд новых, не свойственных ранее черт в выполнении социальных ролей и обязанностей, что, в свою очередь, повлекло статусные перемены в женских социовозрастных группах. Коснемся сначала изменений в русском крестьянском социуме. Наряду с возрастной стратификацией – ребенок, подросток, девушка, женщина молодого и зрелого возраста, старая женщина – женскую часть крестьянской семьи можно было распознать и по тому кругу прав и обязанностей, которые формировали статус и семейные роли: большуха (старшая женщина), сноха, вдова, молодайка (от замужества до рождения первого ребенка), солдатка, старая дева, разведенка и др. Если первый ряд женских статусов был линейным, определялся течением времени, биологическим взрослением, то стратификация социальных и семейных ролей имела куда более сложный характер.

Стержнем всей крестьянской жизни, пронизывавшей все аспекты семейных и общественных отношений, была бинарная оппозиция «взаимодополнительность-иерархичность» мужских и женских ролей. Для всех патриархальных традиционных культур являлось типичным смещение этой оппозиции в сторону «иерархичности», что отражало самосознание сельского социума, традиционную подчиненность женщины мужчине. Женщина входила в отведенную ей социовозрастную группу с жесткими, допускавшими минимальную подвижность канонами [4].

Однако в пореформенный период общий вектор трансформаций в русской деревне был направлен не столько к большей «сво-

боде» женщин всех возрастов, сколько к большему спектру их самореализации. Этот важнейший вывод имеет не абстрактное, а больше практическое значение в контексте дальнейшей истории русских женщин. То, что веками культивировалось как *правильное, ожидаемое* в жизненном цикле женщин, оказалось подверженным эрозии. На смену жесткой иерархичности и практически полному исключению взаимодополнительности гендерных ролей в русском крестьянском обществе начинали приходиться иные отношения, с широким спектром вариаций в судьбе и статусе крестьянки. Такая тенденция сохранялась вплоть до 1917 г.

В татарском сельском социуме прослеживаются четкие параллели с русским крестьянским обществом. Патриархальная татарская семья так же, как и русская, была четко организованной системой с отлаженным механизмом функционирования, с жесткой иерархией и ясно обозначенной регламентацией ролей всех ее членов.

У татар, как и у русских, структурная и функциональная дифференциация имела решающее значение в положении женщины в неразделенной большой семье: жена главы семьи (*олы хатын*), жены сыновей и братьев главы семьи (*киленнар*) [1, с. 12–13]. В каждой социовозрастной группе имелись свои особенности. Так, резко различался статус старшей женщины и снох, статус незамужних женщин и др.

Если жизнь русской крестьянки в целом изучена хотя бы в первом приближении, без региональных различий [3], то положение татарской сельской женщины в указанном аспекте исследовано в значительно меньшей степени. Так, в многотомной фундаментальной «Истории татар» [2] женщине-татарке отведено весьма скромное место, а без должного учета этого фактора история является существенно неполной.

Несмотря на отмеченный выше параллелизм в жизни русского и татарского сельского социумов, между ними в то же время имелись и существенные различия. Уже начальные условия в положении русского и татарского крестьянства в пореформенный период заметно отличались. В Казанской губернии доля помещи-

чьих крестьян среди сельского татарского населения была весьма незначительной, поэтому модернизационные процессы проникали в татарскую сельскую среду менее интенсивно. Если среди русских помещичьих крестьян в период реформ 17,7% отошли от земледельческого труда, то среди татарских – 9,8% [2, с. 208], что имело непосредственную связь с развитием товарно-денежных отношений. Этот период отмечен распространением внутрисемейных разделов, что ослабляло экономическое положение семьи; при этом в русских деревнях община старалась препятствовать таким разделам. В татарских же аулах положение было иное: община старалась не вмешиваться во внутрисемейные дела. У русских и татар имелись отличия и в традиционном быте, в частности, в гигиене и уходе за детьми. Имеются некоторые данные, что в татарских семьях показатель смертности детей был в три раза ниже, чем в русских [3, с. 79].

При всей общности социально-экономических условий все же различия между двумя народами имели место во всех сторонах жизни. Сопоставительный анализ затронутых вопросов мог бы многое дополнить в сложившейся исторической картине, и здесь можно больше поставить вопросов, чем дать ответов. Дело стоит за будущими исследованиями.

Список источников и литературы

1. Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Мухина З.З. Сельская женщина в семейной и общественной жизни. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986.
2. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. VI. Казань, 2013.
3. Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
4. Мухина З.З. Социальные и возрастные группы в традиционном русском крестьянском социуме пореформенного времени: гендерный аспект // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 99–115.

С.Н. Брежнева*Санкт-Петербург,
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина***Сарты и сартянки: гендерный аспект повседневной культуры народов Туркестанского края на рубеже XIX–XX вв.**

Сарты – коренной народ Туркестана, растворившийся среди узбеков и таджиков, а затем и полностью исчезнувший в период национально-территориального размежевания, проведенного советской властью в 1924 г. По своему языку тюркоязычные сарты были определены под «узбекской национальностью». Считается, что в настоящее время они полностью ассимилированы узбеками.

Но в XIX в. сарты составляли треть народов Туркестанского края [5, с. 24]. Согласно утверждению ориенталиста, историка и этнографа Н.П. Остроумова, по Всеобщей переписи населения, проведенной в 1897 г. в Российской империи, сартов было почти миллион человек [7, с. 5]. Русские исследователи уделяли внимание проблеме происхождения этого народа. Например, Н.П. Остроумов в своей книге «Сарты» писал, что это древний оседлый народ Туркестана смешанного происхождения, отличающийся от персов и от тюрков [7, с. 12]. Здесь же он приводит различные точки зрения на происхождение самого слова. Знатоки языков и быта народов Туркестанского края В.П. Наливкин рассматривал сартов как смешанный узбекско-таджикский народ [5, с. 23]. Известный востоковед В.В. Бартольд полагал, что сарты – это отдельный этнос оседлых тюрков, представлявших собой «особую этнографическую единицу» [1, с. 305].

Точка зрения о сартах как о самостоятельной народности имела и своих оппонентов. Так, известный ориенталист А.А. Семенов утверждал, что слово «сарт» никогда не употреблялось коренными жителями в качестве обозначения отдельной народности. Данное название было особенно распространено среди русских, а также использовалось узбеками, таджиками и другими местными

народами. По словам Семенова, казахи называют сартами своих оседлых соплеменников; в свою очередь, оседлые узбеки называют сартами тюркоязычное население некоторых мест Средней Азии (Хивы, Ферганы и других городов), в речи которых много персидских заимствований. Кроме того, иногда узбеки называют сартами тех, кто владеет только одним языком [8, с. 123].

Намеренно оставляя в стороне дискуссию о принадлежности сартов, уделим внимание описанию их повседневной жизни, нашедшей отражение в трудах российских востоковедов рубежа XIX–XX вв., видевших в них, как правило, оседлых жителей Туркестана.

Еще в начале XIX в. редкие путешественники, посещающие по той или иной причине Туркестан, оставили описание основных черт характера сартов. Так, например, русский посол Ф. Назаров назвал ташкентских сартов беспечными и веселыми [4, с. 24]. По результатам посещения Ферганской долины в 1878 г. у выдающегося ученого, путешественника и географа, академика и неперменного секретаря Петербургской академии наук А.Ф. Миддендорфа сложилось впечатление, что сарты отличаются «поэтической мягкостью души» [3, с. 364]. Остроумов, проживший более 50 лет в Туркестане, не разделял точки зрения о привлекательности сартов. Он писал, что нельзя забывать о том, что основой жизни сарта, как любого мусульманина, является шариат [7, с. 63]. Именно религия, по его мнению, влияла на положительные черты сартов. Они чадолюбивы, почтительны к старшим.

Поскольку многоженство разрешено шариатом, сарт в зависимости от своей состоятельности может иметь до четырех жен. Их он может менять без особых затруднений со стороны закона о разводе. Своих жен сарты считают низшими существами. Имущественные права жен ограничены, свидетельские показания одной жены в случае суда не имеют силы. Сарт не любит проводить время в обществе жены из-за опасения поглупеть: «Жена – корова, постоянно быть в ее обществе опасно, сам можешь походить на корову» [7, с. 133].

Жилище сартов разделено на мужскую и женскую половины. На женской половине (*ичкари*) особый двор, куда не имеет пра-

ва проникать ни один мужчина, кроме хозяина дома. Посторонний мужчина может увидеть сартянку лишь случайно. Все жены проживают вместе, что, естественно, негативно сказывается на совместном общежитии, так как редко между ними царит мир и взаимопонимание. Все исследователи отмечают крайнюю негигиеничность жилища, где нет окон и печей. Отапливаются дома при помощи жаровни.

Также раздельно сарты и сартянки отмечают праздники, устраивая особые вечеринки (*джура*). Пирьы очень дорогостоящие, причем разница в зависимости от состоятельности хозяина не должна ощущаться. Поэтому, такие вечеринки очень дорого обходятся беднякам, которые подчас отдают последнее. Такими же затратными являются похороны.

Половое различие детей ощущается с 8-9 лет, когда мальчики и девочки начинают играть раздельно. Девочки играют в куклы собственного приготовления, их учат шитью, очень редко грамоте. Образованных женщин среди сартянок очень мало.

Постепенно девочка сменяет тубетейку на платок. А к 12 годам она переходит на паранджу. Взрослые женщины начинают общаться с ней как с равной. Это период, когда девочку обычно выдают замуж. Жених платит калым только за девушку, он не распространяется на вдову или разведенную женщину. Свадебный обряд сопровождается большой пышностью.

Вопреки представлению о сартянке как о бесправном существе, в «Очерках быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» супругов В.П. и М.В. Наливкиных мы находим свидетельство о свободе разводов, совершавшихся по взаимному согласию [6, с. 229]. Женщина тоже может требовать развода, а после него она может выходить замуж сколько угодно. Детей при разводе делят, но ребенок до 7 лет обязательно остается с матерью.

Среди сартов, несмотря на запрет шариата, существует такое явление, как проституция. Правда, сарты уверяют, что до прихода русских этого явления не существовало. Однако Наливкины описывают случаи, когда при наступлении русских мужья приводили к ним своих жен. Некоторые женщины обращались к русским

властям с просьбой о разводе для того, чтобы заняться проституцией [6, с. 235–238]. Проститутки не закрывают лиц. Содержателями публичных домов являются сами сарты, а проститутками – их жены. Случается, что проститутка выходит замуж.

Проституция открытая (*джаляп*) и тайная (*купия*) ведет к умалению роли такого явления, как увлечение молодыми мальчиками-трансвеститами – *бачи* (*батчи*). Этот феномен был распространен в Туркестане. Генерал Н.С. Лыкошин, 35 лет прослуживший в Туркестанском крае, описывает компании мужчин, которые вместе проводят досуг. Объектом их внимания является милостивый мальчик – бача. Каждый из мужчин (*бачебазы*) по очереди содержит его [2, с. 354]. Больше всего это явление распространено в кишлаках, но встречается и в городах. Интересно описание танца бачи как некрасивого, неграциозного, являвшегося грубой интерпретацией женского танца [2, с. 340].

Об этом явлении пишут все рассматриваемые нами авторы. Увлечение бачами было одной из особенностей субкультуры Туркестана. Случалось, что из-за них происходили убийства на почве ревности. Прибывшие в Туркестан русские решительно выступали против этого порока, призывая истребить «содомию».

Описание жизни сартов русскими исследователями трудно переоценить, в особенности в связи с полным исчезновением этого народа с этнографической карты Центральной Азии.

Список источников и литературы

1. *Бартольд В.В.* О преподавании туземных наречий в Самарканде // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. С. 303–306.
2. *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг.: Т-во В.А. Березовский, 1916.
3. *Миддендорф А.Ф.* Очерки Ферганской долины. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1882.
4. *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского Корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах. СПб.: Печатано при Императорской Академии наук, 1821.

5. *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Электрич. типо-лит. «Турк. Т-ва Печатного Дела», 1913.
6. *Наливкин В.П., Наливкина М.В.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань: Типография Императорского Университета, 1886.
7. *Остроумов Н.П.* Сарты. Этнографические материалы. Общий очерк. Ташкент: Типо-Литография торг. дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1908.
8. *Семенов А.А.* Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М.: Т-во скоропечатни Левенсон А.А., 1903.

З.И. Хасбулатова

*Грозный, Чеченский государственный университет;
Чеченский государственный педагогический университет*

Функции мужчин и женщин в некоторых народных промыслах в чеченском традиционном обществе в XIX – начале XX в.

С глубокой древности население Чечни занималось домашними промыслами, которые являлись важной частью натурального хозяйства, а также показателем художественного вкуса, представлений, особенностей быта чеченцев. Изучение народных промыслов началось еще в XIX в. [1; 2; 4; 6]; в наши дни кавказоведы также занимаются их исследованием [7; 8]. Развитию народных промыслов способствовали малоземелье, относительно невысокая продуктивность животноводства, высокая плотность населения, благоприятные природно-географические условия.

Хозяйственная и семейная жизнь традиционного чеченского общества определялась патриархальными традициями [3]; в семейном и хозяйственном быту обязанности женщин и мужчин были строго распределены. Эта норма соблюдалась и при занятии промыслами.

Многие вещи, необходимые в быту, изготовлялись женщинами. С другой стороны, были виды промыслов (обработка камня, дерева, металла, овчины, заготовка дров, стрижка овец), где совершенно исключалось участие женщины [8, с. 253].

Особое место среди промыслов занимали обработка дерева, кожи и меха, гончарное производство, металлообработка. Большое разнообразие изделий из дерева говорит о наличии подходящего материала и указывает на накопление определенных навыков и знаний у населения. В лесах Чечни имелись ценные породы дерева – орех, чинар, дуб, сосна. Деревообрабатывающим промыслом занимались только мужчины, причем как в чеченских селениях, так и в казачьих станицах. Деревообработка не ограничивалась выделкой посуды. Все хозяйственные орудия, например, плуги, разнообразные бороны, молотильные доски, лопаты и заступы изготавливали из дерева.

Хорошо зная свойства различных пород деревьев, чеченские мастера делили их на «строевые», «мебельные», «оружейные», «музыкальные», «посудные» [5, с. 161]. Уже в период средневековья деревообрабатывающий промысел был у чеченцев специализированным. Распространение на территории края разных видов токарных станков – *чарх* – внесло большие изменения в местный быт и убранство чеченского дома. Мебель часто украшалась богатым орнаментом.

Дерево широко применялось в изготовлении средств передвижения, оружия и т.д. Изготовление музыкальных инструментов и игрушек – чисто мужское занятие – было одним из наиболее специфических промыслов, которым занимались считанные единицы мастеров. Из дерева делали игрушки, а также музыкальные инструменты, которые всегда имелись в доме, в основном для развлечения гостей: балалайка – *дечиг пондар*, зурна – *зурма*, барабан – *вота*, *жиргIа*, свирель – *щедаг*.

Металлообработкой занимались только мужчины. Этот древнейший промысел, а также кузнечество и оружейный промысел широко практиковались у чеченцев. В селах кузни строились на общественных началах, на средства общества содержались и кузнецы [1, с. 137]. Металлические изделия изготавливали методомковки, сварки и литья. В основном чеченские кузнецы специализировались на изготовлении хозяйственных орудий (топоры, лопаты, мотыги, сохи, серпы) и предметов обихода (ножи, нож-

ницы, шилья). Даже покупные металлические изделия переделывались чеченцами на свой лад. В XIX в. этот промысел снабжал инструментами все другие виды домашних промыслов. В горных районах число кузнецов ограничивалось одним-двумя, в равнинных их было не менее пяти. Имелись целые династии высококвалифицированных потомственных кузнецов, например, в селениях Хакмадой, Верхний Туга, Старые Атаги, Джугурты и др.

Оружейный промысел, как и кузнечное дело, был исключительно мужским. Здесь особое место занимало изготовление холодного и огнестрельного оружия. Холодное оружие стало обязательным атрибутом национальной одежды народов Кавказа, в том числе и чеченцев, в связи с этим большое значение придавалось не только его боевым качествам, но и отделке.

Изготовление клинков требовало от мастера значительного опыта и навыков. До нас дошли имена некоторых наиболее искусных чеченских оружейников, изготавливавших сабли, шашки, кинжалы – Мохмад из Джугурты, Мусса из Дарго, Азиз из Шали.

За свою продукцию мастера-оружейники брали плату скотом, продуктами, тканями и др. В XVIII в. за чеченскую кольчугу платили от 10 до 50 быков, за шлем или щит – от 3 до 10 быков, за шашку или кинжал – от 5 до 60 быков.

У чеченцев были развиты промыслы, связанные с обработкой шерсти (выделка кошм и бурок). Обработка шерсти и производство из нее разнообразных изделий включали множество операций, которые считались исключительно обязанностью женщин. Все это требовало большого труда и коллективной взаимопомощи. Войлочные ковры, и сегодня поражающие своим художественным вкусом, были трех видов: для пола, на кровати и для развешивания на стенах. Орнамент был преимущественно растительным. Чеченским коврам была свойственна лаконичность изобразительных средств, чеканность и строгость ритма, контурность условных изображений, большая декоративность.

Хорошо развитым был исключительно женский промысел по изготовлению бурок. Чеченские бурки были широко известны и отличались от бурок других народов Кавказа – дагестанцев, ады-

гов. Их изготавливали не только для удовлетворения потребностей семьи, но и на продажу. Чеченские валяные изделия успешно конкурировали с аналогичными кабардинскими изделиями и даже вытесняли их с рынка. Чечня была одним из главных центров Северного Кавказа по производству и продаже бурок; местные бурки находили спрос даже в Грузии и Дагестане, где имелось собственное производство.

Обзор народных промыслов свидетельствует о четком гендерном делении промыслов в традиционном чеченском обществе и о равном участии в этой сфере хозяйства как мужчин, так и женщин, изделия которых были широко востребованы даже за пределами Чечни.

Список источников и литературы

1. *Вертепов Г.А.* Общинные кузнецы в Чечне // Ежегодник Кавказского горского общества. Пятигорск, 1909. № 2.
2. *Вертепов Г.А.* Очерки кустарных промыслов Терской области. Владикавказ, 1913.
3. *Исарлов Л.* Материалы для истории мусульманского права // Кавказ. 1875. № 59.
4. *Маркграф О.В.* Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа и описание техники производства. М., 1882.
5. *Ольшевский М.Я.* Кавказ: 1841–1866 гг. О происхождении, образе жизни, нравах и обычаях чеченцев. Наш способ ведения с ними войны // Русская старина. СПб., 1893.
6. *Пиралов А.С.* Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа // Кавказский календарь н 1915 г. Тифлис, 1914.
7. *Шавлаева Т.М.* Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – начале XX в. Нальчик, 2009.
8. *Шавлаева Т.М.* Исследователи XIX в. о хозяйственной деятельности чеченцев // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов. Русско-Кавказские отношения: от первых контактов до современного единства. 17 ноября 2015 г., Ростов-на-Дону, 2015.

О.А. Семёнова*Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина***Образованная прислуга в России на рубеже XIX – XX вв.
на примере профессии «садовник»**

Наглые, глупые, неумехи, распущенные, необразованные, грязные, вздорные, вороватые, вечно пытающиеся обдурить хозяев, и еще много отрицательных эпитетов в адрес прислуги (кухарок, лакеев, дворников, извозчиков и официантов) можно встретить, читая хозяйские дневники и воспоминания, художественные произведения и газетные статьи [2, 3, 4, 5, 10]. Но, когда встречаешь заметки о садовниках, получается другой образ. Образ приятного, образованного, возможно интеллигентного, опрятного мужчины в возрасте – «Садовник наш, называемый уменьшительным именем Яша, тогда был уже отцом семейства» [1], «Садовник Александр был очень любознательным самоучкой. Мой отец, сидя в саду, спрашивает идущего мимо Александра с толстой книгой в руках, что он читает. Ответ: «Шопенгауэра, Константин Александрович!» – «Ну и что же?» – спрашивает отец. – «Ничего не понимаю! Но уж очень здорово погибает» [6], «Старый садовник лет 60 или побольше, совсем седой, одетый в крестьянскую рубашку во время работы; но по воскресеньям и в церковь он являлся в хорошем сюртуке из черного сукна, в широкополой шляпе и по большей части в белом жилете и таком же галстуке» [11], «Садовник в Александровском саду... – коренастый мужчина лет пятидесяти» [9].

Такой «портрет» неразрывно связан с тем, что профессии садовника необходимо было обучаться. В России во второй половине XIX в. было четыре основных учебных заведения: Школа садоводства в Москве, Пензенское училище садоводства, Никитское училище садоводства и виноделия, Уманское училище садоводства [7].

В Московскую школу принимали пансионерами (комплект 30 чел.) детей всех сословий от 12 до 16 лет с платой 100 р. в год.

От поступающих в первый класс требовалось уметь писать и читать по-русски и знать четыре правила арифметики. Окончившие курс получали звание садового мастера и подмастерья [7, с. 46].

Никитское училище садоводства и виноделия было создано, чтобы «обучить садовников и виноделов практиков». Сюда тоже принимались мальчики всех сословий, но не моложе 13 лет, только «здорового сложения» и умеющих говорить по-русски. Плата за обучение составляла 125 р. в год. От поступающих на полный курс особой подготовки не требовали, необходимо было предоставить метрическое и медицинское свидетельства. Полный курс обучения был рассчитан на 8 лет. Главный упор в обучении делался на практику. По окончании обучения выпускники получали аттестат по специальности «практический садовод» или «практический винодел» [7, с. 51].

Воспитанниками Уманского училища земледелия и садоводства могли стать молодые люди всех сословий, как русские подданные, так и иностранцы в возрасте от 13 до 17 лет, «здорового телосложения, умеющие читать и писать по-русски, знающие первые 4 правила арифметики». Курс обучения составлял 5 лет, по окончании которого мальчики получали аттестат управителя и садовода [7, с. 52–53].

Пензенское училище садоводства ставило своей целью «обучение практических садовников и огородников с некоторыми теоретическими сведениями», принимало здоровых молодых людей всех сословий от 14 до 18 лет, умеющих читать и писать. Здесь можно было отучиться за 70 р. в год [7, с. 54].

На протяжении всего периода учебы обучающиеся овладевали знаниями по русскому, латинскому и иностранным языкам, Закону Божьему, географии, истории, черчению и рисованию, арифметике, геометрии, геодезии, физике, химии, минералогии, зоологии и сельскому хозяйству [7, с. 53].

Труд таких «ученых» садоводов ценился, и их заработная плата за год могла составлять от 180 р. до 480 р. [8, с. 611]. Хозяева на них смотрели «ни как на наемного, на слугу, а как на родного... здесь я работаю, когда и сколько хочу, читаю, учусь и учу других.

У меня есть смышленные и толковые ученики; у меня садоводству учатся дети» [11 с. 48].

Таким образом, можно сказать, что работа садовника была наиболее престижной по сравнению с другой прислугой, их труд уважали и ценили. Как правило, хороший садовник – мужчина в преклонном возрасте. Однако для того, чтобы достичь «почетного» уровня, нужно было закончить специализированное учебное заведение и много практиковаться.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

Список источников и литературы

1. Бок М. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М.: Центрполиграф, 2007. https://statehistory.ru/books/Mariya-Bok-_Vospominaniya-o-moyem-ottse-P-A--Stolypine/16
2. *Веремко В.А.* Urban Kitchen As a Social Space in the Noble-Intellectual Environment of Russia in the Second Part of the XIX – early XX Centuries // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. № 3. Рр. 1187–1200.
3. *Веремко В.А.* «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 320 – 354.
4. *Веремко В.А., Самарина Л.А.* Мужская прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: от дворни к артели // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2019. № 10 (2). С. 39–45.
5. *Жукова А.Е.* Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: пути и варианты профессиональной подготовки // История повседневности. 2019. № 3 (11). С. 80–91.
6. Записки последнего кирасира / Публ. [и вступ. ст.] А.В. Шахова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. С. 547 – 636. Из содерж.: Мейер Ю. К. Записки белого кирасира. https://runivers.ru/new_htmlreader/?book=5610&chapter=84303 (дата обращения 11.03.2020)
7. *Николаев А.И.* Сборник правил и подробнейших программ для поступления во все учебные заведения в 1871–1872 г. СПб.: Тип. Н.С. Львова, 1872.
8. *Пашкевич В.В.* Плодоводство в России. Материалы и исследова-

- ния. Вып. X. Плодоводство в Саратовской губернии. СПб.: Тип. А.А. Улыбина п/ф. «П.Г. Пожаров», 1908.
9. *Петибридж Р.* Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905–1918. М.: Центрполиграф, 2006. https://statehistory.ru/books/Rodzher--Petibridzh_Russkaya-revoljutsiya-glazami-sovremennikov--Memuary-pobediteley-i-pobezhdennykh--1905-1918/7
10. Семёнова О.А., Семёнов А.М. Положение официантов в России в конце XIX – начале XX в. // XXIII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., 23–24 апр. 2019 г. / Отв. ред. А.А. Беляева. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. Т. I. С. 209 – 212.
11. *Чистяков М.Б.* Блеск и тьма. Старый садовник. СПб., М.: Т-во М.О. Вольф, 1911.

А.М. Семёнов

*Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина*

Трудности прачки-поденщицы в России в конце XIX – начале XX в.

«Тяжелый непосильный труд для прачки-поденщицы. 13-часовое согбенное положение в сырой парной прачечной, над грязной лоханкой, наполненной щелоком и вонючей водой или полоскание белья на речном плоту, при 20 градусном морозе – труд каторжный. И за весь этот каторжный труд... 35,40 копеек в день и какие-то харчи» [5, с. 166], – так может начинаться любая история женщины, работающей прачкой.

Действительно, жизнь прачки была связана с невыносимыми условиями труда, в которых приходилось работать: «сени...под грязной лестницей, стала спускаться вниз, какую-то черную яму, ведущую в подвал. В подвале среди облаков пара, поднимавшегося из лоханки, занимавшее почетное место у плиты...» [3, с. 73–74].

Хронические болезни были вторым их «спутником». Прачки заболели тифом, ревматизмом, сапом от стирки зараженного сапным контактом белья, на руках были экземы от щелока, пота [7] или дешевого мыла. Главным методом лечения, по совету вра-

чей, было «чтобы прачка не мочила себе рук» [2]. Они одними из первых заражались во время эпидемий, так как постоянно контактировали с водой: «Прачка заболела холерой, ежедневно стирала белье в зелено-гнилостных водах Ташани. Прачка эта никуда не выезжала, никто к ней из зараженных местностей не приезжал... Через 5 дней заболевшая скончалась» [6, с. 1641].

Третьим фактором, усугубляющим положение, были жилищные условия: к примеру, снять в Москве ночлежную квартиру без подушки обходилось 3 коп., а с подушкой – 5 коп. И даже эти деньги из-за факторов, перечисленных выше, было тяжело зарабатывать, в любой момент можно было оказаться на улице – «Прачка, женщина лет 30, белокурая, тихая и благородная, но болезненная. Снимала ночлежную квартиру... Каждую ночь она кашляла, тем самым мешая жильцам спать. Она все реже и реже могла ходить на работу – сил не хватало, и потому не могла выплачивать хозяйке. За ней скопился долг 6 гривен и жильцы жаловались на перхоту прачки – хозяйка ей отказала от квартиры. Но выгнать она ее не смогла, “Куда же я пойду? – говорила прачка”. На третий день любовник хозяйки, человек московский и знающий порядки и обхождения, пошел за городом. Городовой... пришел в квартиру и, учтиво приговаривая приличные слова, вывел прачку на улицу» [9, с. 299 – 300].

Выходом из такого положения могли быть алкоголизм или проституция. А.Д. Суздальский в своем докладе «К вопросу о влиянии алкоголизма на частоту поступлений с алкогольными психозами в психиатрические заведения в России» среди женщин-алкоголиков на первое место ставит проституток, на второе – прачек. Объясняет он это тем, что «домашняя работы для женских сил также трудны, как тяжелые работы для мужских сил... а если принять во внимание бесправное положение женщины, ее подчиненность, беременность, роды, период кормления, женские болезни, то женщина имела бы, мне кажется, больше прав прибегать к спиртным напиткам, как средству соматического забвения... В городах по преимуществу пьянствуют..., словом элемент обиженный, униженный и так или иначе лишенный семьи» [4; 8, с. 148–149].

Что касается проституции, то считалось, что «более тяжелый и менее оплачиваемый труд как бы больше толкает к промыслу развратом». Среди проституток были: одной прислугой [наемный работник(-ца), совмещающий(-ая) обязанности кухарки, горничной, лакея, няни, прачки и т.д. в одном домашнем хозяйстве] – 36,5%, прачки – 7,0%, горничные – 5%, кухарки – 4%, поденщицы 2,7%, няньки – 1,7% [11, с. 5]. Первым доказательным критерием была заработная плата: «прислуга получает от 5 до 12 руб. в месяц при хозяйском столе..., прачка по 60 коп. в день, при случайной работе, а в месяц 6 р. на хозяйском столе и 15 р. на всем своем» [11, с. 5]. Второе, это период их «правильного» труда, у прачек он составлял примерно, 3,5 года [10, с. 142]. Третье, продолжительность рабочего дня, который длился с 6 ч. утра и до 8–9 ч. вечера, а то и позже, и стабильность работы [1; 10, с. 142]. Из трудов «Первого всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами» видно, что возраст, в котором данная группа начинала заниматься проституцией, колебался от 13 лет до 25 лет (в среднем 19 лет). Нахождение в этом статусе могло быть как от 2 месяцев, так и до 18 лет. Почти во всех ответах опрошенных были «жалобы на тяжелый изнурительный труд, частое неимение работы и неуверенность за завтрашний день». Большая часть женщин обратились к проституции из-за нужды. Но были случаи, когда действовали уговоры сводней и хозяек заведений, подруг, мужчин и насильная продажа [10, с. 142].

Подводя итог, можно сделать вывод, что низкая зарплата, «каторжные», даже крайне опасные условия труда, тяжелейшие кожные и иные заболевания, отсутствие сопереживания у ответственности накладывали сильный отпечаток на жизнь прачки-поденщицы. Безысходное положение толкало женщин либо на то, чтобы снять накопившееся напряжение и усталость алкоголем, либо на то, чтобы сменить род деятельности – податься в проститутки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

Список источников и литературы

1. *Веретенко В.А.* Городские прачки в России во второй половине XIX – начале XX в.: организация деятельности и условия труда // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Отв. ред. В.В. Карпова. Вып. 11. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020.
2. *Вересаев В.В.* Записки врача. На японской войне, М.: Правда, 1986. https://statehistory.ru/books/V--V--Veresaev_Zapiski-vracha--Na-yaponskoj-vojne-1
3. *Конопницкая М.* Затравленные. Повесть / С польского перевел Ю.О. Якубовский. М.: Тип. торгового дома А. Печковский, П. Буланже и Ко, 1906.
4. К вопросу о влиянии алкоголизма на частоту поступлений с алкогольными психозами в психиатрических заведениях в России. По данным медицинской отчетности управления главного врачебного инспектора. Диссертация на степень доктора медицины А.Э. Суздальского. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1912.
5. *Лейкин Н.А.* Повести и рассказы и драматические сочинения. Прачка поденщица. СПб.: Изд. книга продавца К.Н. Плотникова, 1871. С. 166–183.
6. *Легейда М.* Холера в Зенькове и его уезде // Полтавские епархиальные ведомости. 1910. № 25. С. 1640 – 1644.
7. *Поспелов А.И.* Руководство к изучению кожных болезней для врачей и студентов. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1905.
8. *Суздальский А.Д.* К вопросу о влиянии алкоголизма на частоту поступлений с алкогольными психозами в психиатрические заведения в России. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1912.
9. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 25. Произведения 1880-х годов / Под общ. ред. В.Г. Черткова. М.: РГБ, 2006.
10. Труды первого всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, проходившего в Санкт-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 г. Т. I. СПб.: Тип. СПб. Одиночной тюрьмы, 1911 г.
11. *Федоров А.И.* Позорный промысел. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1901.

Д.В. Давыдов, О.В. Козлова, А.В. Сыченкова

*Казань, Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ*

Сельские женщины в условиях догоняющей модернизации (1860–1930-е годы): проблема изучения

На протяжении длительного периода российское общество оставалось аграрным и патриархальным, поэтому сельские женщины представляли собой значительную часть населения, лишенную собственной истории.

Преобладание в аграрной экономике тяжелого физического труда, который традиционно выполнялся мужчинами, консервировало традиционный образ жизни и подчиненное положение женщин. Отсутствие образования и религиозная картина мира, свойственная им, усугубляли ситуацию.

Процесс женской эмансипации в России связан с процессами модернизации, которая у нас приобрела догоняющий характер. Это наложило отпечаток на характер женской эмансипации, к которой также можно применить характеристику «догоняющая», потому что она в большей мере было обусловлена объективными, внешними для женщин причинами.

Освобождение крестьян от крепостного права, расширение рынка рабочей силы, и, как следствие, увеличение миграционной активности мужского населения обусловили начало первого этапа женской эмансипации, который таким образом начался в 1860-е годы и продолжался в начале XX в.

Женская эмансипация как таковая, включающая в себя предоставление женщинам равных прав в трудовой, общественной и семейной жизни, применительно к сельской женщине проявилась в расширении ее хозяйственных функций, изменении ее роли в семье. В гораздо меньшей степени сюда были включены вопросы политической и общественной активности, доступ к образованию, новые модели поведения, которые были свойственны горожанкам.

На первом этапе эмансипация не носила всеобщего характера, в частности, многие сельские женщины ее не осознавали, поскольку были воспитаны в традиционной культуре подчинения мужчине. Напротив, отсутствие мужей они воспринимали как ненормальную ситуацию, а повышение своей хозяйственной активности рассматривали как временное явление. По мере роста революционного движения в стране, связанного с распространением крестьянских выступлений в начале XX в., мы можем наблюдать окончательную утрату российским обществом основ патриархального быта. Как следствие, мужская власть в семье переставала быть абсолютной.

Начало второго этапа женской эмансипации связано с Первой мировой войной, во время которой сельским женщинам в полной мере пришлось взять на себя выполнение несвойственных ей мужских функций. Одновременно жительницы сельской местности начали включаться в социально-политическую деятельность. События русской революции и Гражданской войны ускорили данный процесс. В этот период особую роль начинает играть политика решения советским государством «женского вопроса», которая была направлена на радикальное изменение общественного положения женщин. Возвращение к нормальной жизни в 1920-х годах, развитие политики НЭПа вновь вернули сельскую женщину в круг ее привычных обязанностей.

Процессы эмансипации получают свое дальнейшее развитие в условиях модернизации экономики конца 1920-х – начала 1930-х годов. С одной стороны, государство усилило свое воздействие, стремясь освободить женщину от «оков семейного быта», что было обусловлено стремлением использовать женское население на производстве. С другой стороны, происходит возвращение к традиционным формам брака и семьи, вопрос о равенстве полов постепенно теряет свой значение. Для женщины это означало наложение новых политических и экономических обязанностей на традиционную женскую роль. Также мы можем наблюдать расхождение идей государства и населения относительно социальной роли женщины. Об этом свидетель-

ствуует низкий процент участия женщин в работе государственных организаций.

Таким образом, грандиозные социальные потрясения, вызванные освобождением крестьянства, войнами и революционными событиями обусловили эмансипацию женщины на селе, хотя общее влияние феминизма и целенаправленная политика советского государства сыграли определенную роль.

Исследования по истории женской эмансипации имеют традиции в отечественной и зарубежной историографии как в изучении конкретно исторических аспектов, так и в области теоретических построений.

В 1975 г., объявленном ООН «Всемирным годом женщины», появился термин «феминология». Под ним стали понимать междисциплинарную отрасль научного знания, изучающую совокупность проблем, которые связаны с социально-экономическим и политическим положением женщины в обществе, эволюцией ее социального статуса и функциональных ролей. Поэтому с 1970-х годов опыт «эмансипации по-советски» становится предметом внимания ученых.

Как справедливо отметила С. Ашвин, положение женщин в советском обществе всегда было объектом противоречивых интерпретаций. С одной стороны, подчеркивалась достаточно прогрессивная социальная политика, которая позволила женщинам достичь высокого образовательного уровня и в полной мере реализовать свое право на труд и независимый заработок. С другой стороны, отмечалось существование вертикальной и горизонтальной сегрегации на рынке труда, незначительное участие женщин в политике и их загруженность домашней работой. [5, с. 122; 8].

Одним из первых исследований женского движения в России стала монография Р. Стайтса, в которой он выделил законодательную, мобилизационную, индустриализационную волны большевистского освобождения и подчеркнул, что главной причиной «термидора» 1930-х годов были патриархальные взгляды лидеров большевиков [19].

Г. Лapidус высказал мнение, что положение женщин в советском обществе, в особенности начиная с 1930-х годов, определялось не его политикой по отношению к ним, а более глобальными процессами, происходившими внутри советского режима [14; 15].

М. Бакли полагала, что в 20-е годы были сделаны серьезные шаги в направлении равенства между полами в области домашнего труда, материнства и сексуальных отношений [9].

В Голдман на основе анализа семейной и репродуктивной политики большевиков пришла к выводу, что большевистская политика 1920-х годов привела к полному освобождению женщин. Этот процесс был ликвидирован в 1930-е годы решением прекратить открытую дискуссию об освобождении женщин и укреплять семью. Процесс эмансипации был деформирован «государственным репрессивным воздействием» [10; 11].

Ряд западных исследователей разрабатывал проблематику государственной политики в отношении женщин, доказывая нереализованность и утопичность коммунистических идеалов равенства полов [13; 17]. В центре внимания оставались политические процессы и особенности развития государства и партийного аппарата, вопросы, касающиеся власти, используемой мужчинами по отношению к женщинам, ее влияния на мысли женщин и их опыт, преимущественно из среды интеллигенции.

Начиная с 1990 г. актуализируются новые исследовательские направления, теоретико-методологические подходы. Важное теоретико-методологическое значение имеют работы Н.П. Пушкаревой [2; 3], которая анализирует проблемы истории повседневности в контексте женской истории. Развитие исследований как отечественных, так и зарубежных, идет по двум направлениям: проблемы исследования изменения социального статуса и ролевых функций женщин в обществе и связанные с этим вопросы самоидентификации и поиск путей самоактуализации и социализации в изменяющемся обществе и исследование «женской истории», т.е. истории, написанной с позиции женского опыта [6; 7].

Отдельным направлением в историографии является круг работ, которые посвящены женщинам национальных меньшинств, женщинам-мусульманкам и т.п. [12]

Проблему изменения социального статуса непосредственно сельской женщины в годы Первой мировой войны затронул Т. Шанин, обратив внимание на активность сельских вдов [18].

Изучение вопросов трансформации статуса городской женщины привело Л. Абрамс к мысли, что в условиях Первой мировой войны «принцип разделения и обособления сфер на частную, женскую и общественную, мужскую, был деформирован», но сельская женщина продолжала жить в своем мире [1].

Интересно мнение К. Воробек о том, что крестьянки не стремились к бунту, поскольку выживание их семей зависело от балансирования отлаженной патриархальной системы [20].

В. Линн в своей монографии, исследуя сопротивление крестьян коллективизации, отдельный раздел посвятила анализу анатомии «бабьего бунта» как культуры сопротивления [16].

Развивая тему, О.А. Сухова приходит к выводу, что в «ритуальной практике крестьянского сопротивления участие женщин рассматривалось как способ стимуляции массовой агрессии и минимализации наступления возможной ответственности [4].

Таким образом, проблема эмансипации сельских женщин продолжает оставаться актуальной.

Список источников и литературы

1. *Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011.
2. Женские и гендерные исследования в истории. Учебное пособие // Под ред. Н.Л. Пушкаревой. Калуга, 2001.
3. *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность, М.: Ладомир, 2002.
4. *Сухова О.А.* Гендерные аспекты крестьянского сопротивления в российской истории XX в.: к постановке проблемы // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 584–588.
5. *Тартаковская И.Н.* Гендерная социология. М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский Простор», 2005.

6. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины (XVIII – начало XX в.). Тамбов: Юлис, 2004.
7. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007.
- Ashwin S. Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. L.: Routledge, 2000.*
8. *Buckley M. Soviet Interpretations of the Woman Question // Soviet Sisterhood: British Feminists on Women in the USSR / Ed. B. Holland. L.: Foth Estate, 1985.*
9. *Goldman W.Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.*
10. *Goldman W.Z. Women, the Family and the New Revolutionary Order in the Soviet Union // Promissory Notes: Women in the Transition to Socialism / Eds. S. Kurks, R. Rapp, M.B. Young. N.Y.: Monthly Review Press, 1989.*
11. *Gradskova Y. Soviet Politics of Emancipation of Ehtnic Minority Woman. N.Y.: Springer, 2019.*
12. *Heitlinger A. Marxism, Feminism and Sex Equality // Women in Eastern Europe and the Soviet Union / Ed. T. Yedlin. N.Y.: Praeger, 1980.*
13. *Lapidus G. Sexual Equality in Soviet Policy: A Developmental Perspective // Women in Russia. Stanford: Stanford University Press. 1977.*
14. *Lapidus G. Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change. L.: Berkeley University Press, 1978.*
15. *Linn V. Peasant Rebels under Stalin – Collectivization and Culture of Peasant Resistance. Oxford: Oxford University Press, 1996.*
16. *McNeal R.H. The Early Decrees of Zhenotdel // Women in Eastern Europe and the Soviet Union / Ed. T. Yedlin. N.Y.: Praeger, 1980.*
17. *Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910–1925. Oxford: The Clarendon Press, 1972.*
18. *Stites R. The Women’s Liberation Movement in Russia Feminism, Nihilism and Bolshevism 1860–1930. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1978.*
19. *Worobiec Ch.D. Victims or Actors? Russian Peasant Women and Patriarchy // Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921 / Eds. E. Kingston-Mann, T. Mixter. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991.*

О.В. Ванюшина

Тверь, Тверской государственный объединенный музей

Прошения как источник изучения мужской и женской повседневности участников революционного движения в условиях административной высылки в Тверскую губернию (конец XIX – начало XX в.)

Особую ценность и важную часть источниковой базы по изучению мужской и женской повседневности лиц, административно высланных в Тверскую губернию, представляют прошения поднадзорных, а также их родственников на имя губернатора, министра внутренних дел, а также главы Департамента полиции, которые сохранились в фондах как центральных, так и местных архивов. Анализ подобных текстов позволяет подробно описать многие стороны повседневной жизни поднадзорных, ознакомиться с процедурой рассмотрения ходатайств. Во многих из них описываются те факты из жизни административно высланных лиц, которые не нашли отражения в иной делопроизводственной документации. Наибольшее количество прошений касалось вопросов назначения пособия от казны, отмене высылки, сокращении срока надзора, переезде в столицы империи с целью продолжения образования или поиска заработка, переезде в другую местность империи, где проживали близкие родственники, что было связано с особенностями правового положения поднадзорных. Даже о временной отлучке в другой уезд поднадзорный вынужден был ходатайствовать перед губернатором.

Прошения – это источник, отличающийся специфическими особенностями содержания, выявления и анализа. В соответствии с общепринятыми правилами написания подобного рода документов, прошения начинались с обращения к адресату, далее указывались сведения о просителе: происхождение, звание, фамилия, имя, отчество. Во вступлении, как правило, автор документа коротко описывал обстоятельства его высылки: кем и когда было принято решение о высылке, в какую местность Тверской

губернии и на какой срок. Данные сведения могут использоваться для составления базы данных по исследуемой теме в случае плохой сохранности официальных документов. Потом излагалась сама просьба. Общепринятым являлось обращение со словами: «осмеливаюсь обратиться к Вашему Превосходительству с просьбой», «покорнейше прошу Ваше Превосходительство». Нередко просители, пытаясь усилить значимость своей проблемы, писали прошение в сострадательной форме. Так, административно высланный из Санкт-Петербурга в Тверь в 1909 г. крестьянин И.И. Воробьев писал: «Припадая к стопам вашего Высокопревосходительства с покорнейшею просьбой по ходатайствовать обо мне о снятии с меня охраны, и разрешении мне права жительства в городе С. Петербурге для пропитания своего семейства. Слезно Прошу ваше Высокопревосходительство избавьте бедных малолетних детей старшей дочери 13 лет, от прошения милостыни» [3, л. 35]. Несмотря на то, что прошения являлись официальными документами, в стиле многих из них прослеживаются элементы разговорной речи, глубоко личные моменты, подробности повседневно-бытового характера, т.е. те факты из жизни административно высланных лиц, которые не нашли отражения в иной делопроизводственной документации. Прошения как исторический источник несут на себе отпечаток не только эпохи, но и личности автора и дают возможность увидеть жизнь высылаемых лиц с другой стороны, глазами самих поднадзорных.

Прошения свидетельствуют о крайне тяжелом материальном положении большинства лиц, административно высланных в Тверскую губернию в конце XIX – начале XX в. В значительной части из них говорится о неимении у поднадзорных средств к существованию, невозможности найти какой-либо заработок в Тверской губернии. Обращает на себя внимание сложность процедуры рассмотрения прошений, бюрократизм и длительность переписки между органами власти по вопросам обращений, что затягивало сроки принятия решений и усложняло и без того тяжелое положение поднадзорных. При принятии решений по ходатайствам поднадзорных власти старались действовать в рамках

закона. Между тем на местном уровне, самом близком к населению, наиболее ярко отражалась зависимость людей от местной администрации, которая нередко играла решающую роль в решении того или иного вопроса. Фактически все просьбы поднадзорных о начислении казенного денежного пособия власти признавали не подлежащими удовлетворению. В большинстве случаев не были удовлетворены и просьбы поднадзорных о прекращении надзора и разрешении переезда в столицы империи. Временные отлучки дозволялись только по уважительным причинам и в случаях удовлетворительного поведения высланного лица.

Особый интерес представляют прошения административно высланных женщин. Женские прошения специально не изучались как «женские тексты», а ведь им присуща определенная специфика, как и в ситуации с женскими ego-документами [4, с. 308–343]. Несмотря на то, что прошения относились к делопроизводственной документации и, соответственно, оформлялись по определенным правилам просительной документации, сам текст просьбы и обращения формулировался просителем в произвольной форме, и именно здесь можно увидеть наиболее очевидные различия мужского и женского письма. Так, женщины чаще отходили от стандартов деловой переписки. Они были более многословны. Прощения женщин более эмоционально насыщены. В них чаще присутствует тема «частного», семейной жизни, детей, дома. Наряду с темой поиска средств существования женщины-просительницы пишут о своих переживаниях, связанных с болезнями близких, судьбой детей, оставшихся на родине. Так, Дарья Муратова, высланная в Тверь из Москвы в 1909 г. по подозрению в переписке с политическими арестованными, вынуждена была оставить в Москве семерых детей на попечение мужа и престарелой матери. Она неоднократно обращалась в МВД с просьбой отменить высылку: «у меня семья, семь человек детей, старуха мать, муж пьет, дети ходят в школу и всю семью содержу сама <...> Должна бросить детей на отца, на которого нельзя положиться, взять же с собой детей не могу в виду того, что они учатся и я еду в совершенно чужой город, где не имею никого

знакомых, и где едва ли скоро получу работу. А потому прошу разрешить мне вернуться в Москву, ибо ни в какой переписке с заключенными я не состояла» [1, л. 12–12 об].

Из следующего прошения Муратовой в Департамент Полиции от 19 января 1911 г. видно, что административно высланная очень переживала за судьбу своей семьи: «Находясь уже более года в совершенно чужом городе, без всяких средств и будучи оторвана от родной семьи, которой я только живу и дышу и за несчастную участь которой я горько страдаю, я не в силах больше выдержать невольную разлуку с ней. К тому же моя старшая дочь, на руках которой осталась моя семья, недавно вышла замуж и оставила родительский дом. С этих пор моя несчастная семья, и без того погибавшая от моей высылки, теперь стала совсем распадаться». Далее Муратова вновь просила отменить высылку и разрешить ей вернуться в Москву. И вновь ходатайство Д. Муратовой было оставлено без последствий [2, л. 20, 33 об].

Таким образом, прошения – это чрезвычайно информативный и ценный источник по истории мужской и женской повседневности административно высланных в Тверскую губернию «политически неблагонадежных» лиц в конце XIX – начале XX в.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Д-5. 1909 г. Д. 1180.
2. ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 9. Ч. 77 л. Б.
3. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 13123.
4. *Пушкарева Н.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007.

А.И. Громова

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

**«Особа, чающая жениха»: какой нам показывает женщину
дореволюционная сатирическая пресса
(по материалам карикатурного журнала «Шут»)**

«Шут» (ранее – «Маляр») – богато иллюстрированный карикатурный журнал, который еженедельно издавался в Санкт-Петербурге с 1897 по 1914 гг. На его страницах велся сатирический и художественно-юмористический обзор основных событий общественной жизни; издание содержало множество фельетонов, сценок и юмористических зарисовок, отражающих современные тенденции в мире литературы, искусства, политики и т.д. Журнал широко освещал светскую жизнь: развлечения, модные веяния, супружеские отношения (по преимуществу адюльтер), светский досуг и т.д.

Частым объектом сатиры в этом издании становилась именно женщина.

На страницах журнала обрисован следующий ее образ: легкомысленное и, безусловно, глупое создание, особа крайне меркантильная («– Богиня, не нахожу слов, чтобы выразить вам свою любовь. – Так выразите ее “цифрами”» [25, с. 15]), думающая исключительно о нарядах (которые, конечно, были необычайно нелепыми и слишком откровенными), увеселениях и кавалерах; главная ее цель до замужества – флирт и поиски жениха, после – измены и трата как можно большего количества денег супруга. В заметке «Женские добродетели» перечислены следующие «достоинства» и основные черты женщины: «Послушание – моде? Терпение – рыться в модных журналах. Сила воли – раза три обойти Гостиный двор. Скромность – перед мужем, относительно своих поклонников. Кротость – при получении денег на хозяйство. Постоянство – в кокетстве. Способность – вывести из себя кого угодно. Талант – повторять чужие слова» [7, с. 15]. Удивительно, как тональность этих характеристик (хотя в существенно

смягченном эпохой прогресса и «осовремененном» виде, конечно) схожа со словами, которыми описывали женщин религиозные проповедники в многочисленных «руководствах» по изобличению «ведьм» и методам их преследования времен расцвета инквизиции [19]. Подобными тезисами оперирует шотландский реформатор Джон Нокс в своем знаменитом трактате «Первый трубный глас против чудовищного правления женщин» 1558 г. (ср.: «Природа, утверждаю я, предписывает им быть слабыми, хрупкими, нетерпеливыми, немощными и глупыми. Опыт же показывает, что они также непостоянны, изменчивы, жестоки, лишены способности давать советы и умения управлять» [30]. Само собой, вышеупомянутые труды были лишены юмористического подтекста, однако близость характеристик, данных женщинам доминиканскими монахами Средневековья и протестантским проповедником XVI в., с приведенными автором заметки о женских добродетелях, жившем на рубеже XIX–XX вв., наталкивает на определенные размышления. *«Женщина до глубокой старости остается женщиной, и очень редко бывает человеком»* [28, с. 10] – эта фраза из юмористического журнала начала XX в. представляет собой излюбленный прием мужчин-авторов – дегуманизация женщины – и отлично вплетается в канву древней многовековой дискуссии о том, является ли женщина человеком.

Девиз же ее – этой «особы, чающей жениха» – можно обозначить как «Все ради брака». По мнению авторов карикатур и заметок, вся женская активность направлена на достижение одной цели – «ловлю жениха» («– Что это вы столько удочек купили? Думаете рыбу ловить? – Нет, женихов»). Исключительно ради этого они:

- занимаются спортом (женщина, записавшись в гимнастический дамский зал, рассуждает: «не знаю, эти курсы гимнастики помогают ли устройству партий или нет; если помогают, буду продолжать, а нет – надо будет предпринять что-нибудь другое» [13, с. 14]; одна дама жалуется собеседнице: «столько времени потратила, простуживалась столько раз, доктора сколько стоили... пока на лыжах выучилась кататься я... <...> да вот мужчины наостря-

ют свои лыжи от меня» [2, с. 2–3]; третья изобретательная дама каталась с будущим мужем на коньках и до тех пор протягивала свою ему свою ногу для подвязки коньков, пока он не попросил ее руки [1, с. 3]; четвертая, напротив, утверждает, что в нынешнем году нет никакой цели кататься на коньках, потому что «все интересные конькобежцы в лыжники перешли» [29, с. 10].

- принимают «ученый» вид («Последняя уловка. Я принимала всякие виды – и... ничего; быть может мой ученый, умный вид заставит хоть кого-нибудь сделать глупость и... жениться на мне» [22, с. 16]. По мнению журналистов, девушки учатся только «для вида» (ради привлечения мужчин), а получение настоящего, серьезного образования может нанести им непоправимый вред. Карикатура в одном из номеров «Шута» демонстрирует женщину в двух разных «состояниях» – до и после поступления на курсы. На рисунке с подписью «До курсов» изображена девушка в модном туалете, пышущая здоровьем, с густыми волосами, уложенными в красивую прическу, веселая и улыбающаяся; «На курсах» – преждевременно состарившаяся, изможденная женщина, неряшливо одетая, увядшая, с изрядно поредевшими волосами и сигаретой в зубах [26, с. 7]. Здесь мы видим, как профанируется желание женщины получить образование, за доступ к которому шла ожесточенная борьба в течение многих десятилетий. Также мы имеем дело со своего рода «архетипическим» сюжетом, глубоко укоренившимся в мифологии о женщинах, созданной (и создаваемой) мужчинами: приобретая знания, женщина теряет красоту.
- участвуют в благотворительных мероприятиях («– Очаровательная Лидия Павловна, почему я не вижу вас ни за одним благотворительным киоском, – неужели ваше сердце очерствело? – Ничуть, но... я замужем уже!» [24, с. 1].
- готовы пуститься в плавание («старые девы Петербурга составляют экспедиции к дикарям... чтобы там цепями

Гименея сдержатъ дикие порывы, если, впрочем, те поддадутся и не скушают своих жен!» [6, с. 6].

- и даже прикинуться сумасшедшими («Пробовала все: пела, играла, танцевала, продавала работы сирот, и... ни одного жениха... Попробую изобразить из себя сумасшедшую, – авось, хоть какой-нибудь декадент влюбится и женится на мне!» [21, с. 6].

Очевидно, женщины мечтают о браке с самого детства. На одном из рисунков изображена следующая сценка: две девочки окружили мальчика, который склонился над тетрадь, и одна говорит другой: «Ах, Лиза, слезай со стула и не мешай Пете заниматься, а то он, пожалуй, на второй год в классе останется и тогда из-за тебя нашу свадьбу еще на год отложить придется!» [23, с. 15].

Часто предметом обсуждения и объектом для сатиры становилась женщина-служащая, женщина, зарабатывающая на жизнь своим трудом. Как демонстрирует нам юмористический журнал, она как работник ни на что не способна. «Барышни-труженицы» (так саркастически характеризует служащих женщин автор одной из заметок) ленивы, глупы, болтливы, постоянно требуют поблажек и особого подхода к себе по сравнению с мужчинами, относятся к своим обязанностям несерьезно, выискивают женихов и флиртуют прямо на рабочем месте, опаздывают и отпрашиваются пораньше из-за того, что накануне танцевали на балу и теперь мучаются головной болью...

Пожалуй, большинство перечисленных выше стереотипов о работающей женщине отражены в зарисовке из постоянной рубрики «Не-дельные наброски». Там приводится разговор двух дам, одна из которых, служащая, жалуется другой: ее угнетает «женский вопрос», потому что в Управе хотят, чтобы женщины не только работали наравне с мужчинами, но и отбывали дежурства так же, как и они. Дама крайне возмущена этим обстоятельством: «И вдруг эти противные мужчины требуют, чтобы я... то есть все мы – перестали быть женщинами. И никакой любезности по отношению нас! Кажется, вполне достаточно и того, что мы несем эту службу, если иногда, правда, и опаздываем, то, уверяю

вас, не более как на какие-нибудь час, два... нет, извольте еще “дежурить”...». Ее собеседница говорит в ответ на жалобы подруги: «Как жаль, что я не управская дама, каждое дежурство я назначала бы свидание моему Жану» [12, с. 14].

В другой сценке дама опечалена тем, что женщин хотят сократить в железнодорожных правлениях; причина же в том, как отвечает ей собеседник (очевидно, мужчина), что они часто «со скоростью курьерского поезда стремятся, вместо дела, чужими руками жар загребать» [4, с. 2].

Работающая незамужняя женщина, не имеющая детей, перестает быть женщиной и представляет из себя некий «средний пол» («На всех железных дорогах, на телефонах, в редакциях, все это работают бесполое существа, нечто среднее между женщиной и мужчиной»). Чудесное же превращение из странного создания, «строчащего бумаги», обратно в женщину, из «счетовода» в «бриллиант» происходит только тогда, когда она влюбляется, выходит замуж и занимает свое настоящее, правильное место – у очага [16, с. 15].

Про возможное введение женской адвокатской практики был сочинен такой стишок: «Слышно, что заведутся у нас женщины-адвокаты, – то-то пойдут на суде дебаты! Кто не знает, что прекрасный пол всякого переболтает, а красавица-адвокат, сказать можно смело, – выиграет всякое дело, – всяких прокуроров за пояс заткнет и присяжных в восторг приведет...» [16, с. 15]. Однако в реальности даже «красота» не помогла сделать путь женщины в юриспруденцию менее долгим и трудным.

Не обошли вниманием авторы фельетонов и женщин, занимающихся литературным трудом. В зарисовке с красноречивым названием «Из записок полоумной» (вообще нужно отметить, что таким эпитетом, как «сумасшедшая», и производными от него женщины нередко награждались на страницах этого журнала) драматургши попадают в дом умалишенных из-за того, что Г. Гнедич дал зарок не ставить пьесы, написанные женщинами – «дамскую белиберду». Из беседы автора сатирической заметки со «шедшими с ума дамами» выясняется, что все это время они

стяжали успех у публики, попросту пользуясь чужой собственностью – путем плагиата и заимствования («крала материалы, темы, вы-ра-же-ния») [27, с. 7]. Можно сделать вывод, что женщина обделена талантом и как творец годится либо на копирование или слепое подражание, либо на то, чтобы воровать плоды чужой работы (надо понимать, мужской) и выдавать их за свои. В другой зарисовке весь смысл женского литературного творчества сведен (опять же) к написанию руководства по поиску мужа («Не понимают, что думают женщины-писательницы; пишут, пишут романы, а ни одна не додумалась еще, чтобы новые усовершенствованные правила для ловли женихов издать» [5, с. 10]. Женщина, занимающаяся литературным творчеством – это, как правило, томная барышня, априори бездарная, пишущая от скуки: «– Ну, роман кончила... теперь остается только придумать, что с ним делать, когда его возвратят из всех редакций» [25, с. 16]; «я бы хотела заняться переводами... – Что?? Но ведь, кажется, ты и так все мое состояние перевела уже на себя» [20, с. 10]. Единственное, в чем авторы журнала готовы признать в женщине талант – это в нанесении косметики, как они это называли – «в реставрации своего лица» («– Мой муж зовет меня бездарностью... Посмотрел бы он, как я художественно реставрирую свое лицо,... о, я уверена, что он признал бы во мне огромный талант!..»). Применяя подобные глаголы («ремонтиться», «реставрироваться» и т.д.), авторы сравнивают женщину с вещью, уподобляя ее машине, картине и скульптуре, тем самым обезличивая и объективируя ее.

Стремление женщин к равноправию авторы карикатур, шаржей и сатирических зарисовок изображали прежде всего как их желание быть равными с мужчинами в мужских «пороках»: например, быть допущенными в мужские клубы и играть там в азартные игры [14, с. 14], а собрания женских организаций виделись ими как «сходка» крикливых, невоздержанных баб, которые только тем и занимаются, что бранят друг друга и дерутся. Женщина может считать себя передовой только в том случае, если она имеет «драться на кулачках» и свистеть – иначе ей просто нечего делать на женском взаимно-благотворительном заседании

(скорее всего, здесь имеется в виду заседание Русского женского взаимно-благотворительного общества или же собирательный образ женских общественных организаций) [3, с. 3]. В подписи к одной из карикатур женское взаимно-благотворительное общество вообще было названо «обществом взаимной перебранки», а на самом рисунке были изображены дамы, ожесточенно дерущиеся друг с другом [9, с. 7]. Общественные деятельницы устраивают драки не только на собраниях – дома они избивают мужей и прислугу. Хотя общеизвестно, что Русское женское взаимно-благотворительное общество, как и другие женские общественные организации, проводило серьезную масштабную работу, занималось широкой просветительской, политической деятельностью, способствовало социальным преобразованиям, экономически помогало неимущим, а его члены выступали за права женщин [см., напр.: 8], в представлении журналистов их активность выглядит следующим образом: на своих заседаниях в свободное от перебранок и физического насилия время дамы обсуждают такие «вопросы необычайной важности», как вред поцелуев, фасон платьев, крючки на юбках, цвет попон для своих собачек и занимаются поисками нового, «интересного» учителя гимнастики [11, с. 14–15]. Приведем еще одно показательное описание собрания подобных организаций: «– В думе было заседание женского благотворительного общества. – И что же, для чего было устроено это заседание? – Странный вопрос... Конечно, для неприятностей, колкостей и ссор... – Почему? – Потому что... это женское общество, мой дружок» [17, с. 6].

Следует отметить, что борьба за равноправие тогда была уже в самом разгаре [см., напр.: 10, 15], и подобные характеристики очень хорошо вписываются в общий концепт, отражают основные стереотипы о феминистках того времени (как в России, так и на Западе). Равноправка, суфражистка, феминистка – всякая женщина, занимающая активную гражданскую позицию и ведущая общественную деятельность – на карикатурах изображалась как уродливая старая дева, агрессивная, злобно потрясающая кулаками [см., напр.: 18].

Информационное и визуальное наполнение сатирического журнала «Шут» можно считать демонстрацией своеобразного ответа общества (прежде всего мужской его части) на женский вопрос. По мере усиления тенденции к самостоятельности женщин, эмансипации росло желание противостоять потере мужской власти над женщинами. Отсюда стремление обесценить любые проявления независимости, дискредитировать все виды активности женщин и представить их пустыми дурочками, весь смысл существования которых сводится к реализации матримониальных планов. Сотрудники журнала были в подавляющем большинстве мужчинами, т.е. здесь мы можем видеть мужской взгляд на женщину. Однако известно, что с журналом долгое время (1890–1914) сотрудничала писательница и журналистка Вера Языкова (в том числе и как редактор), которая скрывалась под псевдонимами *Сер (Сэр) Жак, Бурбон* и т.д. Она вела рубрику «Не-дельные заметки», содержание которой в определенной степени можно интерпретировать как стремление показать в юмористическом ключе состоятельных, праздных дам и их дочерей, поверхностно знакомых с идеями равноправия и неверно их понимающих, однако в ее заметках тем не менее более чем достаточно того, что сейчас назвали бы внутренней мизогинией.

Исследование выполнено в рамках плана НИР ИЭА РАН и гранта РФФИ 19-09-00191.

Список источников и литературы

1. *Би-Бом*. Наши барышни // Шут. 1902. № 47, 23 ноября (6 декабря). С. 3.
2. *Бурбон*. Колокольчики // Шут. 1900. № 5, 29 января (10 февраля). С. 2–3.
3. *Бурбон*. Колокольчики // Шут. 1900. № 9, 26 февраля (10 марта). С. 2–3.
4. *Бурбон*. Колокольчики // Шут. 1900. № 25, 17 (30) июня. С. 2–3.
5. *Кис-ми-квин*. Милое создание // Шут. 1900. № 12, 18 (31) марта. С. 10.
6. *Ме-ке-ке*. Вести и слухи // Шут. 1900. № 9, 26 февраля (10 марта). С. 6.
7. *Он*. Женские добродетели // Шут. 1900. № 24, 10 (23) июня. С. 15.
8. *Патрикеева О.А.* Женские организации России начала XX в.: борьба за политическое равноправие // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4 (3). С. 18–28. <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskie-organizatsii-rossii-nachala-hh-v-borba-za-politicheskoe-ravnopravie>

9. По немножку обо всем // Шут. № 20, 13 (26) мая. С. 7.
10. *Пушкарёва И.М., Пушкарёва Н.Л.* Женское участие в российской политической жизни начала XX в. (Советская и постсоветская историография) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 2 (83). С. 15–34.
11. *Сер Жако.* Дамы на заседании // Шут. 1903. № 51, 20 декабря (2 января 1904 г.). С. 14–15.
12. *Сер Жако.* Не-дельные наброски // Шут. 1900. № 16, 15 (28) апреля. С. 14–15.
13. *Сер Жако.* Не-дельные наброски // Шут. 1903. № 47, 22 ноября (5 декабря). С. 14.
14. *Сер Жако.* Не-дельные наброски // Шут. 1905. № 41, 8 (21) октября. С. 14
15. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004.
16. *Сэр Жако.* Не-дельные наброски // Шут. 1900. № 46, 11 (24) ноября. С. 14–15.
17. *Туз.* Вести и слухи // Шут. 1900. № 1, 1 (13) января. С. 6.
18. *Шнырова О.* Суфражизм в истории и культуре Великобритании. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019.
19. *Шпренгер Я., Инститорис Г.* Молот ведьм. СПб.: Амфора, 2001.
20. Шут. 1900. № 6, 5 (17) февраля. С. 10.
21. Шут. 1900. № 7, 12 (24) февраля. С. 6.
22. Шут. 1900. № 12, 18 (31) марта. С. 16.
23. Шут. 1900. № 16, 15 (28) апреля. С. 15.
24. Шут. 1900. № 20, 13 (26) мая. С. 1 (обложка).
25. Шут. 1902. № 47, 23 ноября (6 декабря). С. 15
26. Шут. 1903. № 38, 20 сентября (3 октября). С. 7.
27. *Я!!!!!!* Из записок полоумной // Шут. 1902. № 16, 20 апреля (3 мая). С. 7.
28. *Я.* Мысли глупого философа // Шут. 1903. № 51, 20 декабря (2 января 1904 г.). С. 10.
29. *№ 13.* Наши барышни // Шут. 1903. № 47, 22 ноября (5 декабря). С. 10.
30. *Кнох J.* Works. Edinburg, 1855. Vol. 4. P. 373–420 / Пер. под ред. Ю.М. Сапрыкина. Текст воспроизведен по изданию: Английская реформация (документы и материалы). М.: МГУ, 1990. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVI/1520-1540/Angl_reformacija/text2.phtml?id=13907

А.Н. Горячева*Москва, Государственный академический университет гуманитарных наук***Трансформация стратегий выживания на примере деревни:
анализируя женские воспоминания**

Исследование находится в рамках такой актуальной проблематики, как роль женщин в проработке стратегий выживания рода в русле направления женской социальной памяти. Тема исследования посвящена сравнению моделей поведения женщин разного поколения: бабушка–мать–дочь. На данном этапе исследования проанализирован один род, живущий в деревне, которая расположена в Брянской области. Источником исследования послужили интереснейшие воспоминания уроженки этой деревни о своей жизни и о жизни своих предков [3]. История их рода показательна как для большинства жителей деревни, переживших трудные времена (период «становления советской власти», «послевоенную разруху», «голодные девяностые»), так и для определенного процента женской части населения страны, которой присуща описываемая модель поведения. Это находит подтверждение как в художественной литературе, так и в мемуарах.

Обратимся к истории изучения вопроса. Российский историк, которого заслуженно называют «пионером создания исторической социологии России», Б.Н. Миронов в своей работе [1, с. 327–336] описывает ментальность российского крестьянства и городского населения; он выделяет схожую манеру поведения, из чего можно сделать вывод, что рассматриваемая модель характерна для нашей страны. Поставленная нами задача заключается в выделении гендерного аспекта через анализ трёх поколений женщин. Для этого необходимо в первую очередь охарактеризовать данную модель поведения. Выделим следующие ее свойства:

1. Сильные родственные связи;
2. Зависимость от мнения окружающих;
3. Максимализм в заготовке продуктов и закупке бытовых вещей; страх голода, заставляющий людей работать в ущерб своему здоровью.

Выделенные свойства могут присутствовать в той или иной степени. Стоит отметить, что данная модель поведения может передаваться из поколения в поколение несмотря на то, что формирующая ее причина исчезла. Передается она, как правило, по материнской линии. Это неудивительно, ведь именно на женщине лежит обязанность ведения хозяйства, воспитании детей как продолжателей рода.

Мы выделили следующие факторы формирования рассматриваемой модели поведения: социальный, психологический, экономический и исторический. Рассмотрим каждый из факторов отдельно на примере трех поколений.

Первое поколение – «бабушки». Они застали трудные времена уже взрослыми и сформировали модель поведения, необходимую для выживания: если не использовать землю полностью, продуктов питания может не хватить на семью и родственников, приехавших из голодного города в деревню; если в роду не будет взаимопомощи, то род не выживет. В сложный исторический период такая модель поведения полностью оправдана; именно поэтому главный формирующий фактор – экономический. Однако, когда ситуация улучшается, модель может остаться. Первая причина этого – психологическая: «лучше будет больше, но, если что случится, то выживем». Вторая, на наш взгляд, кроется в цикличности истории нашей страны: рано или поздно ухудшение экономической или политической ситуации повторяется вновь.

Перейдем ко второму поколению – «матери». Они застали тяжелые времена в раннем возрасте и получили модель поведения вместе с воспитанием. Давление старшего поколения, особенно если это не только близкие родственники, но и дальние, а также соседи, может быть очень велико – это социальный фактор. Поэтому модель не исчезает, а передается следующему поколению – «дочери».

Третье поколение выросло и живет в спокойное время, но по причинам, описанным выше, продолжает использовать модель поведения «матерей» и «бабушек», а также может передать данную модель дальше.

Стоит учитывать и обратную модель поведения при всеобщем благополучии в семье и относительно стабильной ситуации в стране и мире. Это модель жизни «сегодняшним днем», вкладывании денег в удовлетворение сиюминутных желаний; исследование данной проблемы находится на стыке истории и социальной психологии и требует более подробного изучения. Такие «циклические качели поколений» рассматривает российский психолог и педагог Л.В. Петрановская [2]. В своей статье она раскрывает причины этого явления с точки зрения психологии.

В данном докладе мы рассмотрели модель поведения, присущую женщинам и имеющую свою специфику. Проведенный анализ нескольких поколений позволил более детально изучить данную проблему. Это позволило дополнить модель поведения, о которой писал Б.Н. Миронов, и выделить ряд черт, которые характеризуют женщину как в трудный исторический период, так и в спокойное время. Изучение данного вопроса представляет интерес для гендерных исследований и требует дальнейшего изучения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00191.

Список источников и литературы

1. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
2. *Петрановская Л.В.* Травмы поколений // Частный корреспондент. 28.06.2017. http://www.chaskor.ru/article/travmy_pokolenij_39608
3. Alenar. <https://alenar.ru/> (дата обращения: 24.09.2019).

О.С. Суржик

Пушкино, Московский областной архивный центр

Эволюция женского образа в повседневной жизни Московского региона в 1920–1930-е годы

В Московском областном архивном центре хранятся документы низовых профсоюзных, партийных, комсомольских и обще-

ственных организаций Московского региона, представляющих немалый интерес для изучения истории повседневности и гендерной истории. Подавляющее большинство материалов архива не только не публиковалось, но и не введено в научный оборот.

В фондах архива сохранилось немало материалов о тяжелых условиях труда и быта работниц и крестьянок. Так, протокол пленума Щелковского облторфкома 1922 г. содержит жалобы торфяниц на «непосильные уроки ворочки сырого торфа», грубое обращение начальства, недостаток спецодежды, обуви и медикаментов [1]. Среди рукописей статей селькоров профсоюза работников земли и леса («Всеработземлеса»), предназначенных для публикации в периодических изданиях, хранится заметка «Делишки хозяйчиков» [2], в которой повествуется о нарушении хозяевами батрачек условий трудового договора, антисанитарных условиях проживания, грубость, матерщину хозяев, сексуальные домогательства рабочих, поощряемых хозяевами. В докладе о работе среди женщин рассказывалось о распространенной практике зажиточных крестьян жениться на бедных девушках весной, использовать их на сезонных работах и разводиться осенью, чтобы не платить денег за труд. При этом плата работницам по сравнению с работниками была в два раза ниже [3].

В фонде Мосгуботдела профсоюза рабочих пищевой промышленности хранятся фотографии конференций женщин-работниц, различных культурных мероприятий с участием женщин [4]. Для резолюций профсоюзных собраний характерно требование, с одной стороны, выдвигать женщин на ответственные должности, с другой стороны, их «как наиболее отсталых в культурном отношении и наименее активных» рекомендовалось привлекать в фабзавкомы клубы, кружки, отправлять в школы по ликвидации неграмотности [5], на рабфаки и профкурсы, не оставляя вниманием и домашних хозяек, жен рабочих и наемных домашних работниц.

Немалое внимание уделялось «втягиванию» крестьянок и работниц [6] в профсоюзную деятельность путем организации лекций правового и медицинского характера, заступничества за них перед нанимателями и обещанием врачебной помощи молодым

матерям и их детям, а также помощи в «отыскании отцовства», устройстве малышей в ясли [7]. В 1920-е годы требования освобождения женщин от домашнего хозяйства были весьма популярны. Помимо организации яслей, предлагались поочередные дежурства с детьми работниц на дому и в детских комнатах при клубах [8]. Параллельно шла борьба за родовспоможение не на дому, а в больнице и за помещение матерей отдельно от новорожденных [9]. При этом создание детских домов мыслилось как один из способов «полного раскрепощения работниц от домашнего быта» [10]. Кроме того, активистки брали шефство над беспризорниками [11].

Среди работниц немалой популярностью пользовались в 1920-е годы лекции по семейному праву с весьма своеобразными историческими экскурсами в духе своей эпохи. В одном из них утверждалось, что в доисторические времена царил матриархат, дети являлись общими для всех женщин племени, а мужчина там был «как бы гость». Потом женщина превратилась в рабыню, затем, после революции, она получила возможность свободно вступления в брак, «не по расчету, а по любви». Однако, по мнению пролетарского суда, это не означало, что брак можно заключать «направо и налево» [12]. В протоколах зафиксированы и вопросы о том, как мужчине оградить себя от необоснованных претензий в плане установления отцовства, когда он «только поговорил» с работницей.

В 1920 г. в Советской России впервые в мире были разрешены аборт. В протоколах профорганизаций за 1924–1927 гг. нередко встречаются выступления, посвященные абортам и «большой и трудной» борьбе с проституцией и ее причинами, в числе которых назывались тяжелые бытовые условия, возрастающая женская безработица, несознательность, отсталость и падение нравов. Отмечались случаи принудительного сожительства торфяниц с администрацией – «скрытой проституции», что приводило к «хождению по бабкам для производства абортов» и ухудшению здоровья работниц [13]. «Были случаи, когда председатель торфкома приходил вместе с хозяйственником – сдвигали койки вместе и ложились среди 2-3 торфяниц» [14].

Аборт, судя по текстам, воспринимался как нечто вредное для здоровья, не более того. Медицинский аборт оценивался как работа о здоровье женщины и упоминался всегда в противопоставлении с посещением «бабки» [15].

Тематика документов о работе среди женщин в профсоюзных фондах практически полностью совпадает с тематикой журнала «Работница». Если в 1920-е – начале 1930-х годов в вышеназванном издании женщина изображена как неряшливая мужеподобная «баба-мастер» неопределенного возраста, то примерно с 1932 г. ее образ постепенно приобретает все более черт женственности. Помимо статей о медицине и гигиене, появляются заметки о моде. В 1936 г. И.В. Сталин запретил аборт. С этого времени в «Работнице» появляются красочные изображения матерей с младенцами, статьи о многодетных семьях, о строгих наказаниях непутевым отцам.

Одной из приоритетных задач культурно-просветительской деятельности профсоюзов была антирелигиозная пропаганда: сознательному рабочему не нужен Рай Небесный, он должен построить рай земной. Женщина «как наиболее отсталая» настойчиво пребывала в плену «религиозных предрассудков», несмотря на призывы прекратить «верить обману попов и таскать к нему крестить детей» и начать их «октябрить». Документы свидетельствуют о проведении «Комсомольских Рождеств», «Ком-Пасх» с кощунственными переодеваниями, воскресников, постановке антирелигиозных пьес, устройстве танцев в канун праздников, выдачи премий за снятие икон и т.п. Однако атеизм не смог до конца завладеть душой даже самых активных его проповедников. Имело место и завуалированное противостояние богоборчеству, и открытое исповедничество. Так, в протоколах Щелковского профсоюза текстильщиков за 1922–1923 гг. содержатся требования о выдаче зарплаты к Рождеству, о предоставлении рабочим выходных, совпадающих с восьмью важнейшими церковными праздниками [16]. В одном из протоколов 1922 г. отражено решение открыто верующих о пожертвовании церковных ценностей, не имеющих Богослужебного значения в пользу голодающих.

Вся работа среди женщин шла под лозунгом эмансипации и уравнивания в правах с мужчинами. Женский труд активно применялся в мужских профессиях. Однако пренебрежительное и недоверчивое отношение к женщине («баба, и слушать ее нечего») стойко сохранялось не только в среде мужчин, но и в протоколах женских собраний, где предлагалось «подтянуть умственное развитие женщины до мужчины», не смотря на подчеркивание важности роли женщины в производстве и необходимости участвовать в заседаниях наравне с мужчиной. Особенную неприязнь к работницам выражали «алиментщики».

В документах 1927-1931 гг. уже отмечается, что «женщины достигли всего, не отстают ни в чем», показывают лучшие результаты в производстве, лучшую дисциплину, в их работе меньше брака, они нередко «впереди в культурной жизни», работница стала «свободной гражданкой» [17]. Но стала ли женщина счастливой? Разделение права и обязанности всегда ведет к ложному положению вещей. Добровольно или поневоле приняв на себя мужские обязанности, утешаемая иллюзией равных прав и фактически утратив священное право на материнство и полноценное воспитание детей, женщина не избежала ни одной из своих обязанностей. Это во многом дезориентировало и сознание мужчин, фактически получивших право не исполнять своих обязанностей главы семейства. Такое положение вещей, усугубляясь дехристианизацией сознания, постепенно вело к деградации личности, пьянству, безответственности. Это принесло плоды в форме разрушения традиционных форм семьи и брака.

Список источников и литературы

1. Московский областной архивный центр (МОАЦ). Ф.293. Оп.1. Д.575. Л.114.
2. МОАЦ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 601. Л. 33–34.
3. МОАЦ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 804. Л. 77–78.
4. МОАЦ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1, 2, 869, 935.
5. МОАЦ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 2694. Л. 2–3.
6. МОАЦ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5.
7. МОАЦ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 804. Л. 25–40.

8. МОАЦ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 154. Л. 17.
9. МОАЦ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 730. Л. 74об.
10. МОАЦ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 30. Л. 39.
11. МОАЦ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 17. Л. 22.
12. МОАЦ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 730. Л. 42–43.
13. МОАЦ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2197. Л. 253.
14. МОАЦ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 1261. Л. 56.
15. МОАЦ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 465. Л. 72.
16. МОАЦ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 957. Л. 231.
17. МОАЦ. Ф. 286. Оп. 1. Д. 493. Л. 1–2.

Н.Г. Краснодембская, Е.С. Соболева

*Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

Монголистика, фронт и семья в жизни Лидии Леонидовны Викторовой

Расхожее некогда выражение «все в ней дышало достоинством» как нельзя более подходило Лидии Леонидовне Викторовой, нашей старшей коллеге и другу: именно достоинство сквозило в ее осанке (абсолютно прямая спина и при ходьбе, и в сидении), в одежде (неброская, но идеально подобранная и отглаженная), в манере двигаться и говорить (спокойно, без резких поворотов, без порывов и экзальтации). Это был облик подлинно интеллигентной ленинградки: нежелание выделяться, сдержанность в поведении, но постоянная приветливость к окружающим, мгновенная отзывчивость на обращение к ней. Это был образ ученой дамы, выпускницы и сотрудницы ленинградского университета, много знающей и хорошо воспитанной.

Мы, авторы этой небольшой статьи, познакомились с Л.Л. Викторовой, в соответствии с собственным возрастом, немного в разное время – в 60–70 годы XX в. в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого Кунсткамера, где работали в одном отделе. Лидия Леонидовна была к тому времени известной монголисткой, авторитетным востоковедом. В дальнейшем мы, тогда начинаю-

щие этнографы, были свидетелями ее успешной научной работы, иногда участвовали вместе с ней в общих проектах отдела, в конце концов даже подружились с ней, взаимно делились своими научными новостями, поддерживали друг друга. Лидия Леонидовна не чинилась своим возрастом и заслугами: так, наравне с молодыми участвовала в переноске экспонатов и других материалов, когда в 1996 г. в отделе производилась реконструкция экспозиции, посвященной народам Южной Азии. Дух равенства и товарищеской взаимовыручки был присущ ее натуре и, видимо, еще укрепился в тяжелые годы войны и послевоенного времени.

Лидия Леонидовна родилась 17 марта 1921 г. в семье врача в г. Симбирске, но несколько позже ее родители переехали в Ленинград, где она в 1940 г. окончила десятый класс средней школы. Надо сказать, ее родители предполагали, что дочь продолжит семейную традицию и станет врачом, как отец (у нее явно проявлялся интерес к естественным наукам, правда, не меньший – и к гуманитарным дисциплинам). Однако выбор ее был неожиданным для них: в десятом классе в ее школе читал лекцию о монголистике А.В. Бурдуков, и девушка заразилась его страстным интересом к Монголии. Потому и решила пойти учиться в Ленинградский государственный университет на филологический факультет, где в те времена и существовала соответствующая кафедра. Родители удивились, но предоставили дочери свободу и не препятствовали ее намерениям.

Лидия легко поступила в университет, и началась ее новая, совершенно счастливая жизнь: лекции прекрасных преподавателей по интереснейшим предметам. Кроме курса «Введение в монголоведение» студенты изучали старомонгольский язык и его письменность, узнавали об исследователях Монголии и Центральной Азии. С этими предметами их знакомил профессор Сергей Андреевич Козин, талантливейший ученый, который умело соединял фундаментальное изучение языка с его историей и источниковедением. Его же усилиями к началу 40-х годов уже были опубликованы переводы и исследования важнейших памятников литературы и фольклора монгольских народов: таких, как «Гесериада», «Джангариада», а также и первая монгольская ле-

топись, относящаяся к 1240 г. – «Сокровенное сказание». И это было большим везением для юных исследователей: они сразу, с порога, обращаясь к этим памятникам монгольской культуры, могли прикоснуться к ее сути и духовным достижениям. С самого начала студенты изучали и современный разговорный монгольский язык, курс которого читал А.В. Бурдуков, знавший к тому же очень многое про обычаи и нравы монголов (он долго жил в их среде). Атмосфера на кафедре была дружелюбной, сердечной, и сами студенты легко знакомились и подружились.

Но счастье это через год было разбито: началась Великая Отечественная война 1941–1945 гг., и позже Лидия Леонидовна грустно говаривала, что для человека ее поколения, всю жизнь связанного с Ленинградом, эта жизнь навсегда разделилась на две эпохи: радостную «до войны» и трагическую «потом», когда начались военные действия, блокада, эвакуация, служба в армии – фронт, а затем нелегкие послевоенные годы. Многие студенты ушли на фронт, но война уже вошла и в жизнь тех, кто остался. Лидия рыла окопы и траншеи, противотанковые рвы, училась на курсах медсестер и помогала медперсоналу в госпитале: делала перевязки, давала наркоз при операциях, дежурила по ночам. Приходилось участвовать в дежурствах и по городу, следить за порядком во дворах и на улицах, за соблюдением светомаскировки. При этом и занятия в университете, хоть и урывками, но продолжались. Голод, бомбежки, трупы на улицах уже присутствовали в ее жизни.

В феврале 1942 г. вместе с университетом наша героиня, уже заметно истощенная и ослабленная, с матерью была эвакуирована по ладожской «дороге жизни» в г. Саратов. Конечно, и в эвакуации жизнь была непростой, голодной, тревожной. К тому же она заболела туберкулезом, но, сражаясь с таким серьезным недугом, все-таки занятий в университете не бросила. А в 1943 г. – молодость есть молодость – Лидия вышла замуж и последовала за мужем на Украинский фронт. Служила сначала на административной должности, а потом в качестве военного переводчика следственной части штаба 5-й Гвардейской Танковой Армии, в составе которой прошла путь от Харькова до Кировограда через Полтаву. В браке Лидия родила двоих сыновей.

В связи с семейными обстоятельствами и состоянием здоровья Лидия была в 1944 г. демобилизована. Вернулась в Ленинград. Как только пришла победа, она обратилась к мыслям о продолжении образования. В 1945 г. ее кафедра принадлежала уже восточному, недавно открытому факультету. В 1945–1948 гг. она студентка, в 1948–1952 гг. – аспирантка, в 1956–1960 гг. – старший лаборант, секретарь, а с 1956 г. – преподаватель кафедры монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ. В послевоенное время в ее семье не осталось взрослых мужчин: ушел из жизни отец, с мужем она развелась. Теперь она была главой семьи, на ее содержании находились два сына и мать. Давала рецидивы тяжелая болезнь. Но она справлялась.

В науке она сосредоточилась на изучении раннего этапа этногенеза монголов и завершила ее под руководством известного историка и этнографа народов стран Дальнего Востока Николая Васильевича Кюнера. Ее интересы все более склонялись к этнографической монголистике, и в 1960 г. она поступает в штат Ленинградской части института этнографии АН СССР, где она проработала почти сорок лет в должностях от научно-технического до старшего научного сотрудника. Здесь в институте она 20 апреля 1962 г. защитила свою кандидатскую диссертацию. Впереди были новые исследования [1], восемь полевых сезонов в Монголии, где ей очень пригодилось умение ездить верхом (она увлекалась верховой ездой еще в юности, приезжая на Кавказ в гости к тетушке). Она вырастила прекрасных сыновей, старший сын пошел со временем по ее следам – в академическую науку (он изучал психологию). Бурной, сложной, непредсказуемой была жизнь Лидии Леонидовны в молодые годы; действительно, ей приходилось «закаляться как сталь». Впоследствии она стала доброй, любящей бабушкой. Но это уже другая история.

Список источников и литературы

1. *Викторова Л.Л.* Монголы: происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980.

М.В. Васеха

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

«Женское» и «мужское» как составляющие образа Сибири

В данной работе анализируется образ Сибири через самопрезентацию ее жителей в русле социального интеракционизма. Вслед за Э. Гидденсом автор рассматривает модерную идентичность сибиряков, предполагая ее рефлексивный характер – не просто как осознание, но как сознательно направленное действие, что отличает ее от традиционной именно направленностью конструирования [10, с. 133]. Делается попытка рассмотреть образ Сибири через региональную идентичность ее жителей с точки зрения бинарных гендерных ассоциаций – «мужской» и «женской» составляющих и их изменений под влиянием различных факторов.

Вопрос особого символического статуса Сибири и его жителей интересует исследователей уже не первое столетие. На тему специфики сибирской общности впервые серьезно начали размышлять, а потом и заниматься активным социально-политическим конструированием родоначальники сибирского областничества – Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. Это были сибирские интеллигенты, на чье мировоззрение серьезно повлияли ссыльные декабристы и в целом идеи революционной демократии 1850–1860-х годов. Именно областники впервые заговорили о Сибири как особом регионе, где сложился специфический историко-этнографический тип русских. С этого момента изыскания шли в русле поисков особой «сибирской нации» и размышлений об образе и специфике Сибири и «колониального» статуса региона, заданном областниками, вплоть до «гуманитарного» ренессанса 1990-х годов, когда тема «идентичности» стала одной из ключевых в отечественной этнологии. Пожалуй, первыми эту проблематику начали разрабатывать сибирский историк А.В. Ремнев [8] и этнологи М. А. Жигунова и Е.Ф. Фурсова, привлекавшие обширные полевые данные и материалы этносоциологических опросов. Несколько позднее к исследованиям сибирской идентичности при-

соединились философы, социологи, филологи и культурологи, которые осмыслили и переосмыслили ставшие уже типичными темы «колониальности» [5, с. 38–41], «постколониальности» [1, с. 66–79] и «провинциальности» [9, с. 11–31] Сибири. Они анализировали в локальном медиапространстве образ Сибири и «сибиряков» [6, с. 167–180], выявляли в сибирской диалектной речи славянские компоненты и их роль в самоидентификации жителей Сибири [4, с. 90–107], и проч., и проч. Новосибирские социологи А. Анисимова и О. Ечевская [2, с. 11–41] выявляли и проанализировали различные компоненты сибирской идентичности, обращая внимание на то, что сибирская самоидентификация весьма многопланова и в то же время не сформирована окончательно, аморфна, подвержена различным изменениям, в том числе и целенаправленному социальному конструированию. В 2018 г. была защищена докторская диссертация по теме «Конструирование региональной идентичности в современной культуре: на материале Сибирского региона» [3], в которой много внимания уделено теоретическим проблемам региональной идентичности. В диссертации есть важная мысль о том, что существует «опасность отождествления понятий “идентичность” и “имидж” региона» [3, с. 103]; с учетом идеи как разграничения этих понятий, так и их взаимовлияния автор статьи строит дальнейшие размышления о «гендерной» идентификации сибирского региона в воспроизводимых самими сибиряками образах и символах.

Многие исследователи Сибири и сибирской идентичности (в данной работе в анализ не включены коренные малочисленные народы, для которых идентификация «сибиряк» не столь актуальна в сравнении с этнической принадлежностью), фиксировали стереотипы о Сибири от ее жителей, в основном связанные с географическим эгоцентризмом – отдаленность территории Сибири не только от столицы, но и от всего мира в целом (отсюда – уникальность), породившая особый «сибирский дух», который «выковывался» в тяжелых природно-климатических условиях. Даже современные жители крупных сибирских городов в ходе интервьюирования продолжают воспроизводить те стереотипы о сибиряках, которые были характерны для ранних покорителей Сибири и для тех, кто

осваивал регион – самостоятельное преодоление трудностей без расчета на поддержку «из центра», выносливость, неприхотливость, хозяйственная смекалка и т.п. Если посмотреть на этот блок автостереотипов, то качества, приписываемые сибиряками самим себе, в основном связаны с преодолением сложностей в освоении масштабной сибирской территории и скорее относятся к «мужскому» арсеналу – превозмогание себя и захват территории. Даже обращение к более поздним сюжетам, как-то: проявление «сибирского духа», например, переломная роль Сибирских дивизий в ходе Великой Отечественной войны («как сибиряки Москву спасли») или сибирские «великие стройки века» четко указывает на то, что в образе Сибири превалирует «мужская» составляющая.

Упоминание жителя Сибири в женском роде – «сибирячка» – скорее ассоциируется либо с «боевой подругой» сибиряка, оказывающей поддержку освоителю сибирских земель, либо с предприятиями легкой и пищевой промышленности (швейные и кондитерские фабрики, комбинаты питания и проч.). Названы они так были по сложившейся традиции советского нейминга – создания феминитива от катойконима территории/города для предприятий легкой промышленности, поскольку считалось, что основными потребителями и сотрудниками таких организаций были женщины. Важно отметить тот факт, что при употреблении катойконима «сибирячка» в локальной сибирской медийной среде редко встречаются типичные региональные шаблоны на тему «наши девушки самые красивые» (чаще этот шаблон касается материалов о конкурсах красоты и pr-материалов о конкретных красавицах). В то время как, например, воронежские СМИ возмущаются по поводу того, что «так уж получилось, у самых красивых девушек России нет своего определения» [7], намекая на отсутствие катойконима для жительниц Воронежской области. Беглый анализ коммуникационного пространства сибирских медиа скорее указывает на такие прилагательные, употребляемые со словом «сибирячка», как «самостоятельные», «независимые», «сильные» и проч. – качества, традиционно не приписываемые «женскому», а, скорее, являющиеся его антиподом.

Автор придерживается позиции, что идентичность и ассоциирующиеся с ней образы и ценности в современном мире постоянно находятся под воздействием целого ряда факторов, и отмечает начало некоторых изменений в образе Сибири в связи с развитием территориального брендинга и развитием туристической отрасли. Анализ сувенирного рынка показал появление двух тенденций в само/презентации образа Сибири. Первая – усиление сильной «мужской» составляющей – образы агрессивного медведя с надписью «Siberia – stay wild, stay free», «I was in Siberia and survived», «мужских» шуток на тему «fast food» и убегающего от медведя туриста и пр. Вторая тенденция в связи с освоением сибирским рынком ниши всевозможного разнообразия экологически чистых продуктов работает на раскрытие «женской» составляющей образа Сибири. Это выражается в появлении множества как крупных, так и мелких производителей широкого ассортимента «сибирской» косметики (гиганты «Natura Siberica», «Рецепты бабушки Агафьи, секреты сибирской травницы Агафьи Тихоновны Ермаковой»). Последние представляют собой креатив бизнесмена А. Трубникова, создавшего символ на ассоциациях массовой аудитории с Сибирью путем скрещивания образа сибирской старообрядки Агафьи Лыковой и фамилии Ермакова, образованной от имени покорителя Сибири. Список можно продолжить серией «Сибирское здоровье», пищевыми продуктами «дары природы» (эко- и превдоэко сегмента), hand-made вещей (вязаные носки, ушанки и проч.) и одежды/ювелирных изделий с такими элементами сибирского брендинга, как этнические мотивы коренных народов Сибири и пр.

Проведенное исследование показало, что традиционная «мужская» составляющая образа Сибири, характеризующая регион как «дикий» край, требующий «закалки» характера, востребована как на туристическом рынке, так и как форма самопрезентации сибиряков, когда они выезжают за пределы региона. Однако в последние годы в образе Сибирского региона актуализировалась «женская» составляющая благодаря развитию и производству в Сибири продуктов органик- и эко-сегмента, апеллирующих к женским практикам красоты, поддержания здоровья и долголетия.

Подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00028а «Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XVII – первой трети XX в.)».

Список источников и литературы

1. Агапов М.Г., Адаев В.Н., Ганопольский М.Г., Ключева В.П., Лискевич Н.А., Поплавский Р.О. Постколониальность Сибири: региональный синдром // *Философские науки*. 2015. № 8. С. 66–79.
2. Анисимова А., Ечевская О. «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? // *Laboratorium*. 2012. № 4 (3). С. 11–41.
3. Головнева Е.В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре: на материале Сибирского региона. Дисс. ... докт. филос. наук. Екатеринбург, 2018.
4. Демешкина Т.А. Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // *Русин*. 2015. № 3 (41). С. 90–107.
5. Донских О.А. Сибирь: колония или партнер метрополии? // *Могущество Сибири будет прирастать!?* Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т экономики и упр., 2018. Т. 2. С. 38–41.
6. Еришова В.Е. Образ жителя Сибири в медиапространстве Томска и Северска (на материале телевизионных выпусков и радиосообщений) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2016. № 4 (42). С. 167–180.
7. Можно ли женщин из столицы Черноземья называть «воронежанками»? // *Вести Воронеж*. 25.11.2016. https://vestivn.ru/news/2016/11/25/kak-nazvat-zhiteInits-voronezhskoy-oblasti-odnim-slovom_2016-11-25_13-40/
8. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // *Полития*. 2011. № 3 (62). С. 109.
9. Розов Н.С. Сибирская философия перед интеллектуальным вызовом: преодолеть «провинциализм» и «туземство» // *Идеи и идеалы*. 2020 Т. 12. № 1–1. С. 11–31.
10. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991.

О.Д. Фаис

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Мужские и женские традиционные стандарты поведения в сфере повседневности Сицилии в эпоху современности

Сицилия относится к числу наиболее консервативных в культурном отношении регионов Европы, что обуславливает высокую степень сохранности и витальности многих архаичных топосов, традиций, поведенческих и ментальных стандартов и моделей в повседневности, восходящих к глубокой древности, в том числе и в гендерной сфере. Этот факт и «консервирующие свойства» среды отмечал антрополог А. Буттитта: «Если в других странах культурные движения подчиняются механизмам рождения, распространения и спада, ... то в Сицилии новое не прогоняет старое, традиция и инновация сосуществуют, прошлое и настоящее продвигаются вперед на одинаковой скорости бок о бок. С одной стороны, островная культура шагает в ногу со временем, с другой – под кажущейся адаптацией к изменениям таится сохранение таких культурных матриц и идеологических канонов, которые словно принадлежат к другому историческому измерению» [6, с. 6].

Гендерным обортоном культурной повседневности Сицилии является *маскилизм* – этот неологизм был образован автором от итальянского существительного *maschilismo*, или *сознание мужского превосходства*, «раскрыт» в сопоставления его с понятиями *маскулинности* и *мачизма* [1, с. 173] и использован ранее при характеристике социума Сицилии как «левантийской» модели общества, зиждущейся на идее и принципе превосходства мужчин, присущих всему Средиземноморью, включая страны Ближнего Востока и Магриба [8]. Несмотря на то, что существование *маскилизма* как культурно-поведенческой доминанты в Сицилии признается всеми антропологами и в целом специалистами по сицилийской традиционности [7, с. 71], этому феномену было посвящено достаточно мало теоретико-методологических исследований [3, с. 198–201], хотя очень подробно изучались конкретные эмпирические примеры его проявлений [4; 5].

Многолетние полевые исследования автора в Сицилии (2009–2019 гг.) позволили выявить четкую гендерную ролевую диверсификацию во многих сферах локальной повседневности – например, в сфере продаж и покупок продовольствия в регионе, а также в контексте такого исследования – и особенности разделения типов покупок и распределения гендерных ролей в подобных операциях [1, с. 174]. Так, согласно локальным нормам и принципам поведения, разделяемым и истово поддерживаемым в Сицилии представителями обоего пола, «мужчина оперирует за пределами дома, женщина – в стенах жилища» [5, с. 8–9]. В силу этого функция приобретения продовольствия и сегодня традиционно возлагается на мужчину (показательна фраза, ставшая в Сицилии присказкой – лишенная своего первоначального контекста, она превратилась в своего рода формулу «правильного поведения» мужчин и женщин: «Mi maritu mi purtò ‘a tunnina!» («Муж принес мне тушку тунца!»)), тогда как женщина обрела право на «соучастие» в этом процессе лишь в последние годы. Особенно очевидной гегемония мужчин становится в рамках более архаичных коммерческих структур – например, на таких традиционных точках продажи, как так наз. продовольственные «исторические рынки», где все продавцы – мужчины, так же как и покупатели. Уступка делается для мигрантов: «их» женщины допускаются в мужскую вотчину. Также мужчины традиционно преобладают, например, среди покупателей хлеба в булочных и пекарнях, тогда как участие в этом женщин если не табуируется, то не приветствуется, что апеллирует к древнему и особому символизму хлеба в этом регионе, к коннотируемой ритуальности хлеба, а также к превалированию мужчин среди участников ритуально-обрядовой конфессионально обусловленной деятельности (обрядов, шествий, публичных религиозных действий).

Некоторые изменения в поведенческих стандартах при покупке продуктов наблюдаются с момента появления в 80-е – 90-е годы XX в. и распространения в Сицилии «новой» коммерческой структуры – супермаркетов: в них выходят и семейные пары, при этом мужчины сохраняют за собой право приобретения «ос-

вященных традицией» продуктов: мяса, сыра, вина, но считают зазорным заниматься минеральной водой, пивом, стиральным порошком, туалетной бумагой, замороженными овощами, майонезом, полуфабрикатами – второстепенными или «новыми», нетрадиционными для Сицилии пищевыми товарами, а также товарами, относящимися к «домашней» (т.е. женской) сфере.

Объектом особого анализа автора выступал феномен «уличной кухни» в Сицилии – своего рода древнего локального *фаст-фуда* – системы питания, основанной на строго регламентированном наборе определенных блюд, кухни, в которой готовят и продают пищу только мужчины и исключительно для мужчин, тогда как возможность женского потребления и сегодня жестко табуируется: рассматривались исторические истоки и «обоснования» данного явления – реликта древних мужских союзов – архаизм принципов этой кухни, гендерно обусловленный символизм отдельных блюд, входящих в ее меню [2].

В 2019 г. автором проводились полевые исследования, посвященные изучению «принципов» гендерно обусловленного поведения в сфере «промтоварных» покупок в Сицилии, согласно которым, например, одежду, в том числе верхнюю, себе покупает сам мужчина, тогда как женщине локальным кодексом поведения «дозволяется» лишь приобретение ему белья, носков и т.д. Также при этом рассматривались основы мировидения, стоящие за таким поведением, их древние корни и историческая эволюция; также подвергались анализу примеры гендерно детерминированного традиционного поведения сицилийцев, осознанного и бессознательного и в других областях повседневности (домашней; профессионально-производственной; социально обусловленной сфере общения и т.д.).

Пример Сицилии позволяет нам в контексте антропологии современности исследовать эмпирические примеры глубокой архаики и ее реликтов, их эволюции, мутаций и трансформаций в социуме, адаптирующем традиционность к реалиям постмодернистского общества.

Список источников и литературы

1. Фаус О. «Исторические рынки» в Сицилии как форпосты сохранения традиционной культуры // Очерки о европейской идентичности и многокультурности. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 171–258.
2. Фаус О. «Уличная кухня» в Сицилии: культурно-исторические, социальные, гендерные абрисы выживающего феномена // Вестник антропологии. 2020. № 1. С. 115–134.
3. *Barbagli M., Kertzer D.* (a cura di). *Storia della famiglia italiana 1750–1950.* Bologna: Il Mulino, 1992.
4. *Billitteri D.* *Homo Panormitanus, cronaca di un'estinzione impossibile.* Palermo: SIGMA, 2003.
5. *Billitteri D.* *Femina Panormitana, ovvero l'arte del matriarcato occulto.* Palermo: SIGMA, 2003.
6. *Buttita A.* Prefazione // in: Coria G. *Profumi di Sicilia. Il libro della cucina siciliana* Catania: Cavallotto, 2006.
7. *Cusumano A.* *Le forme del lavoro e mestieri tradizionali in Sicilia.* Palermo: Regione Siciliana, 1986.
8. *Ferrarotti F.* *La vocazione interreligiosa e interculturale del Mediterraneo* // *Dialoghi Mediterranei.* Marzo 2020. N. 42. <http://www.istitutoeuroarabo.it/DM/la-vocazione-interreligiosa-e-interculturale-del-mediterraneo/#more-30562>

Л.В. Намруева

Элиста, Калмыцкий научный центр РАН

Изменение трудовых занятий сельских женщин (на примере современных калмычек)

Модернизационные процессы XX в. кардинально трансформировали жизнь калмыков, испокон веков занимавшихся животноводством, кочевавшим по бескрайним степям Юга России и охранявшим южные рубежи российского государства. Социально-экономические, политические преобразования изменили устройство, образ жизни степного народа. Все это привело к разрушению традиционного хозяйственного уклада, изменениям в культурной, ценностно-мотивационной сферах [4, с. 940]. Жизнь калмыков значительно улучшилась, но это достигнуто

ценой постепенной утраты ими своей культурной самобытности и этнической уникальности.

Рассмотрим эти процессы на примере современных калмыцких женщин, используя труды историков и наблюдения автора.

В течение многих веков скотоводство играло ведущую роль в жизни калмыков. Основные трудовые занятия связаны с выращиванием скота, приготовлением мясной и молочной пищи, обработкой сырья животного происхождения. Историк У.Э. Эрдниев, описывая материальную культуру калмыков, отмечал, что «калмыки знали различные способы сохранения мяса от порчи и заготовки его впрок. В жаркий период года мясо сушили на солнце, предварительно немного подержав в соленой воде. Зимой коптили его, вывешивая у дымохода на верхнем круге кибитки. Разрезанное на куски мясо солили, смешивали с мелко нарезанным чесноком, лавровым листом, гвоздикой и помещали в овечий рубец. “Мешочек” этот завязывался и вывешивался на харачи. Таким образом, мясо подвергалось копчению, что также обеспечивало сохранение его питательной ценности» [6, с. 292]. Многие калмычки, родившиеся в середине 1960-х годов и позже, понятия не имеют об этих этапах приготовления мясной пищи впрок, наверняка и не пробовали такие изделия. Автор этих строк весной 2020 г. встретила женщину, а ей было под 70 лет, которая с восхищением вспоминала вкус и аромат этого блюда. Она рассказала, как, будучи в Москве на заработках, узнав, что у знакомой тувинки есть такое сушеное мясо, решила обязательно его отведать. Окружающие молодухи не могли понять восторга своей землячки, с удовольствием поедающей непонятные куски.

В прошлом женщины выполняли тяжелую домашнюю работу, они обрабатывали шерсть, кожу, шкуры, меха, шили одежду. Но, к сожалению, с изменением образа жизни исчезли и перечисленные трудовые навыки. Те, кому сейчас за 50 лет, еще видели, как их мамы и ээджи (бабушки) занимались обработкой шерсти. В недалеком прошлом «калмычки с малолетства владели традиционными навыками сучения шерстяных ниток, прядения и ткачества. Они пряли овечью и верблюжью шерсть на ручном веретене. Ма-

стерицами делались маленькие мотки, шерсть наматывалась на указательный палец левой руки, а правой, подкручивая веретено, сучили нитку, сматывая в большие клубки» [2, с. 37]. Автора статьи в детстве бабушка приобщала к некоторым видам этой работы: например, прясть, работать с веретеном.

В начале 1990-х, когда в стране царил хаос, многим владельцам небольших семейных хозяйств пришлось забивать домашнюю скотину. В условиях, когда перестали действовать заготовительные конторы, в подворьях оставалось много шкур, шерсти. В это время моя мама, Намруева Анна Александровна, выйдя на пенсию, решила вспомнить, как обрабатывали овечью шкуру в ее далеком детстве. В летнее-осеннее время, когда было много молока, она занималась дублением кожи. Обычно шкуру посыпали солью с добавлением песка или глины, потом очищали скребками. Заливали творожной массой и сушили. Затем снимали отработанный слой, мяли шкуру и вновь заливали молочным продуктом. Эту процедуру моя неугомонная мама повторяла несколько раз. Я не помню, что было дальше, какое применение нашли эти шкуры. Но в памяти остался образ мамы, которая не сидела ни минуты, постоянно была занята какой-то работой, на ней держался весь дом и все хозяйство.

Огромное количество шерсти в 1990-е годы пропадало в каждой семье, имевшей небольшое количество овец. И здесь моя деятельная, рачительная мама решила вспомнить, как готовили в прошлом шерстяные одеяла. Она шерсть промывала, высушивала, очищала от сора, теребила, пушила, распределяла ровным слоем на красивой хлопчатобумажной ткани, потом сшивала. Все эти бесконечные операции она прodelывала вручную. А какое бесчисленное количество шерстяных изделий (носки, следки, жилетки, гетры, варежки, шарфы, шапки, платки) были связаны мамой! Она постоянно в свободные минуты сидела со спицами. Даже идя в гости, брала с собой сумочку с вязанием. С тех пор прошло более четверти века, а одеяла эти до сих пор нас согревают, «излечивают» от простуды, ведь они созданы мамиными руками. А шерстяные гольфы, связанные моей дочери красивыми нитками, храню на память о маме.

Традиционными занятиями у женщин-калмычек являлось шитье, вязание. Но, к сожалению, они тоже постепенно исчезают. Если в прошлом каждая калмычка занималась швейным делом (кройкой, шитьем, вышиванием и т.д.), то в настоящее время малое количество женщин может похвастать этими умениями. Во время командировки в 2017 г. узнала, что в одном из райцентров женщины вынуждены ездить в соседний райцентр, чтобы ушить пальто, подшить брюки. Оказалось, что в крупном селе не осталось людей, умеющих выполнять то, что умела в прежние времена каждая калмычка. Такое качество как «особая склонность к шитью», отмеченная Э.П. Бакаевой [1, с. 65], уступила унификации одежды, тяге к готовой фабричной продукции. Хотя, безусловно, есть истинные любители, мастера швейного дела. Но в прежние времена способности к шитью были широко распространены.

Историк П.И. Небольсин в 1852 г. описал такое важное трудовое занятие калмыков-кочевников, как процесс доения животных и приготовления различных молочных напитков и продуктов: «Главную заботу хозяйки в продолжение лета составляет доение овец и коров по 2 раза в сутки, а кобылиц и еще чаще, раз 8 в сутки и больше... Эта часть домашнего хозяйства требует весьма продолжительного времени, и главной хозяйке семьи помогают и все женщины, меньшие снохи и дочери, иногда у семьи бывает до полусотни дойных кобылиц, столько же коров и около двухсот овец: весьма естественно, что уход за ними требует много рук и беспокойства» [цит. по: 3, с. 84]. В 1970–1980-е годы в хозяйстве каждой сельской семьи были коровы. В нашей родительской семье всегда было четыре и более дойных коров, т.к. семья была большой, коровы были нашими кормилицами. Сельские дети активно приобщались к труду. Мы поили, кормили, пасли телят, отгоняли и удерживали их во время доения коров, ухаживали за скотиной, а зимой выгоняли домашних животных на поселковый пруд. Старшие дети учились доить, процеживать молоко, разливать их по банкам.

Современные девушки, молодые женщины до 30 лет в большинстве своем не знают, с какой стороны следует подходить к корове, не умеют доить корову, сепарировать молоко, сбивать по-

лученную сметану в масло, из обрат, обезжиренного после сепарирования молока, варить творог. Эти трудовые навыки могут выполнять, на наш взгляд, те, кто старше по возрасту или те, кто имеет подворье, где выращивают домашнюю скотину. Молоко, молочные продукты всегда охотно раскупались сельчанами, не имеющими своего хозяйства.

Согласно разделяемому нами мнению М.-З.О. Османова, «общая тенденция современной культуры к унификации, идущая как от культурных взаимодействий, так и от модернизации, промышленного происхождения многих элементов культуры, орудий труда, их стандартизации, приводит к еще большему стиранию специфических этнических свойств» [5, с. 128]. Аналогичная ситуация сложилась в производственной, жизнеобеспечивающей, соционормативной и познавательной областях. Достаточно взглянуть на современное жилище, пищу современных сельчан, которые, утрачивая этническую самобытность, стали стандартными и универсальными. Постепенно теряются навыки сельскохозяйственного труда (уход и содержание домашних животных, прежде всего коров, овец).

В результате тех процессов, которые переживает республика, как, впрочем, и вся страна, изменяется не только социальный статус селян, а прежде всего их сознание, поведение, трудовые занятия. Те, кто покинул родные просторы в поисках работы и лучшей судьбы, и те, кто остался на своей земле, отдалились от всего того, что составляло этническую культуру калмыков. А ведь самоидентификация с устойчивой, веками складывающейся этнокультурной общностью выступает опорой, защитой, особенно необходимой в условиях социальных и культурных изменений. Мы считаем, что модернизация этнических общностей должна происходить без радикальной смены социокультурных основ. Сочетание технологического прогресса с сохранением элементов традиционной этнической культуры, не мешающих развитию, должно способствовать поступательному продвижению вперед.

Исследование проведено при поддержке мегагранта КалмНЦ РАН «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира».

Список источников и литературы

1. *Бакаева Э.П.* Скотоводческие традиции и этническое предпринимательство в Калмыкии: некоторые вопросы // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3. С. 55–75.
2. *Батырева С.Г.* Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX–начала XX вв. Элиста: АО «Джангар», 2006.
3. *Батыров В.В.* Скотоводство // Калмыки / Отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. С. 77–98.
4. *Намруева Л.В.* Мозаика современной жизни сельского населения Калмыкии (по итогам качественных исследований 2019 г.) // Oriental Studies. 2019. № 5. С. 938–944.
5. *Османов М.-З.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху: закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестанского науч. центра. М.: Наука, 2002.
6. *Эрдниева У.Э., Максимов К.Н.* Калмыки: историко-этнографические очерки. 4-е изд, перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007.

РАЗДЕЛ 9

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ.

АБОРТЫ В ДИСКУССИЯХ О ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЯХ В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

С.В. Омелянчук

Владимир, МБОУ «Садовая средняя школа»

Репродуктивное поведение в древнерусской семье

Одним из проявлений репродуктивного поведения в обществе является представление о ценности детей для родителей и семьи, которое формируется под влиянием экономических, религиозных, политических и социально-культурных факторов.

В древних обществах в условиях низкой производительности труда и сильной зависимости от природно-климатических факторов для обеспечения нормального функционирования коллектива существовала одобряемая обществом практика регулирования численности членов общины путем умерщвления лишних младенцев, прежде всего женского пола. Как указывал известный чешский славист Л. Нидерле, «этот обычай с полной достоверностью засвидетельствован у балтийских славян, поморян и лютичей, где матери душили новорожденных детей женского пола, если их было много в семье, чтобы можно было лучше заботиться об остальных» [1, с. 201]. О существовании подобной практики у чехов указывает З.М. Черниловский [9, с. 24].

Наши источники того времени не дают прямых свидетельств о том, что родители могли убивать своих детей при рождении.

Только в одном трактате – «Слове Григория Богослова» – упоминается об убийствах младенцев, практиковавшихся в Тавриде [древнее название Крыма], «таверьская деторезанья», которые приписывали славянам [1, с. 201]. Однако по мнению В.И. Сергеевича, «молчание наших источников в виду распространенности этого обычая у других народов и свидетельства иностранных писателей о том, что он практиковался у некоторых славян – не может служить доказательством, что такого обычая у русских славян вовсе не было» [8, с. 297].

После принятия христианства борьбу за изменение репродуктивного поведения в древнерусском обществе возглавила церковь. Согласно христианскому учению, рождение ребенка является величайшим благом для семьи – «сладка есть беседа родившему дети своих». Рождение дочери стало считаться «честью дому» [3, с. 93]. Поощряя «многочадие», церковь брала под свою защиту детей, в том числе и еще не рожденных, уделяя особое внимание борьбе с абортами. Уже Церковный Устав князя Владимира среди преступлений, относящихся к компетенции церковного суда, называет аборт («девка детя повържетъ») [6, с. 149].

В Византии наказание за подобное деяние было суровым. Согласно Эклоге женщина, прерывавшая свою беременность, приговаривалась к телесному наказанию и изгнанию: «Если жена вступила в связь и забеременела и принимает меры против своей беременности, чтобы вытравить плод, а будет она высечена и изгнана» [10, с. 71]. Аналогичная мера наказания за это преступление предусматривалась и в получившем распространении на Руси византийском сборнике права «Книги законные»: «Аще ли жена непраздна боудеть, и наветоеть своемуу чревоу, еже потеряти зачатое, бьема поточена да боудеть» [2, с. 75].

Но, согласно Требникам XIV–XV вв., древнерусское законодательство в этих вопросах было более мягким. Священники, подчеркивая, что «всяка жена скажающа в себе отроча, душегубица наречется» [3, с. 94], все же назначали таким женщинам наказание за совершение аборта в зависимости от срока беременности: «аще зарод еще» – 5 лет епитимии, «аще образ есть» – 7 лет, «аще живое» –

15 лет [4, с. 309]. При этом женщины, потерявшие ребенка в результате тяжелого физического труда во время полевых работ («аже жены делаюче что любо страдоу, и вережаются и изметають»), от наказания освобождались: «Аже не зелеемь вережають, нетоу за то опитемья», – указывал новгородский епископ Нифонт [7, стб. 58].

Отец также нес ответственность за сохранение ребенка: если муж «риняся пьянь на женоу свою, вередить въ неи дetyа», на него налагалась епитимия [7, стб. 60]. Иногда выкидыш мог стать результатом излишне рьяного исполнения церковных обрядов. Чтобы избежать подобных эксцессов, епископ Илья рекомендовал приходским священникам: «Егда жена носит в утробе, не велите ей кланятся на коленях, ни рукою до земли, ни (даже) в великий пост: от того бо вережаются и изметають младенца» [5, с. 185].

Преступлением новгородский епископ Нифонт считал гибель младенца, произошедшую во время сна родителей, когда те «оу себе кладоуть дети спяче, и оугнетають». При этом священником учитывалось то, в каком состоянии находились в данный момент отец и мать новорожденного: «аже терезви, то легъчае; али пьяни, то оубийство есть» [7, стб. 58]. Как указывает Б.А. Романов, на Руси смерть некрещеного ребенка, наступившая «небрежением родитель», считалась преступлением, каравшимся трехлетним постом «за душегубье» [5, с. 54].

Умышленное убийство младенца рассматривалось отдельно. «Книги законные» требовали наказывать убийц новорожденных смертью: «Младенца оубивый казни душегоубнеи подлежить...» [2, с. 65]. Древнерусское законодательство и в этом случае было более мягким. Согласно ст. 6 Пространной редакции Церковного Устава князя Ярослава, если «женка без своего мужа или при мужи дитяти добудеть, да погубить, или в свиньи ввержить, или утопить», то ее отправляли в «дом церковный» [6, с. 190]. Дополнительной мерой наказания для таких женщин, по заповедям митрополита Григория, являлся трехлетний пост [5, с. 185].

Таким образом, то внимание, которое уделяла церковь борьбе с абортами, проблеме сохранения жизни новорожденных детей, а также установленные ею наказания за эти преступления свидетельствуют о том, что произвол родителей по отношению к детям

в древнерусских семьях сохранялся длительное время даже после принятия христианства. Однако под влиянием христианства ситуация начала меняться в лучшую сторону.

Список источников и литературы

1. *Нидерле Л.* Славянские древности. М.: Алетейа, 2000.
2. *Павлов А.* «Книги законныя» содержащие в себе в древне-русском переводе законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. СПб.: Типография императорской академии наук, 1885.
3. *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. Москва: Мысль, 1989.
4. *Пушкарева Н.Л.* Мать и материнство на Руси (X–XVII вв.) // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 1996. С. 305–341.
5. *Романов Б. А.* Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки. М.; Л.: Наука, 1966.
6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1: Законодательство древней Руси.
7. Русская историческая библиотека. Памятники древнерусского канонического права. СПб.: Типография императорской академии наук, 1880. Ч. 1: (памятники XI–XV вв.). Т. 6., 930 стб.
8. *Сергеевич В.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1894.
9. *Черниловский З.М.* Русская Правда в свете других славянских судебныхников // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии: сб. науч. тр. / Отв. ред. Г.В. Швеков. М.: РИО ВЮЗИ, 1984. С. 3–35.
10. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Пер., вступ. ст. и коммент. Е.Э. Липшиц. М.: Наука, 1965.

Л.В. Голубева

Санкт-Петербург, Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры

«Сколотные» и «любоделанные»: об отношении к внебрачным детям в севернорусской деревне

В докладе речь пойдет об изменении отношения к внебрачным детям в период с конца XIX в. до 1980-х годов в севернорусской

деревне. Мы предполагаем, что такой временной промежуток дает возможность проследить взаимосвязь между изменениями в традиционной крестьянской семье, связанными с историческими процессами, происходящими в России, и отношением к материнству без супружества.

В записях Тенишевского архива, сделанных на территории Вологодского уезда, зафиксированы истории о женщинах, которые родили детей вне брака. На территории Архангельской области, где свое влияние имела старообрядческая традиция, на добрачную связь молодежи, могли смотреть сквозь пальцы [1, с. 113]. Тем не менее, номинация таких детей, так или иначе, указывала на их происхождение: *сколотны*, *сколотыши* (от глагола «сколотить»), *заугольниками* (указание на место зачатия), *найденыши* (то есть не известно, откуда взялся) и так далее [3].

Корреспонденты описывают достаточно незавидные судьбы как незамужних матерей, так и их детей [5, с. 219; 6, с. 277]. В традиционной крестьянской семье *опозоренную* девку с младенцем, рожденным вне брака, не могли принять в дом ее собственные родители и родители отца ребенка: «Если (девка) нагуляла ребенка, то по голове не погладят, ругали. Это был раньше позор. И с ребенком замуж уже не брали. Из дома девка-то. Парень паневской напыхался над ей и ее обрядил. И она тоже родила. Дак под веником ребнок лежал у порога, под веником. Батько-то не пушал. Она у порога и родила. Дак он на пчеку-то не пушал» [7, ФА СПбГУ Бел26-200].

Это было связано с их неопределенным статусом в семье и в сообществе в целом. Крестьяне с трудом принимали в семью лишнего ребенка, так как это явление было не столько социальной проблемой, сколько влияло на хозяйственный строй [2, с. 455].

Решение о том, как поступить с беременной, порой принималось не в семье, а на общем сходе [6, с. 103]. Это лишь подчеркивает важность ситуации для всего коллектива, а не только для женщины и ее семьи. Решения могли быть различными: от отселения беременной с будущим младенцем до усыновления его бездетной парой. Однако при развитии любого сценария мать и

ребенок чаще всего подвергались нападкам со стороны членов своей семьи и других жителей деревни.

Негативное отношение к незаконнорожденным поддерживается и следующим поколением, что легко заметить в интервью с женщинами, рожденными в начале XX в. С трансформацией структуры традиционной большой крестьянской семьи и имущественных прав, начавшихся в 1920-е годы и далее продолжавшейся в 1930–1940-х годах, [4, с. 82–94], меняется и отношения к внебрачным детям. В интервью с женщинами, которые родили своих детей в послевоенные годы, заметно, как изменилось и отношение к внебрачным детям, поскольку в деревне после раскулачивания и войны практически не было мужчин. Женщина с внебрачным ребенком спокойно могла остаться в родной семье, чаще всего с собственной матерью. Явление внебрачных детей, безусловно, не становится нормативным, но на уровне дискурса теперь оно не будет осуждаться. Речь женщин, переживших или родившихся в войну, также перестраивается: резко негативные определения “сколотные дети”, “выблядки” теперь все чаще заменяются на более нейтральные наименования внебрачных детей – “богодажденные” и “любоделанные”. Например, в записях интервью от женщин, рожденных в 1930-х годах, можно услышать такое мнение:

<<И <А откуда сколотные эти дети?>

Любо-нажитых! Сколотные уж не называли, да...

<Дразнили их?>

Все равно раньше, стары-те скажут: “Сколотный он ведь!” Только что стары-те скажут. Сейчас-то, бат, и не называют» [8, ЭА РП DТхt13-028_Arch-Lesh_13-07-09].

Другими словами, женщины («стары скажут») дореволюционного поколения, сохраняя опыт своих родителей, длят прежнее, чаще негативное отношение к внебрачным детям, а последующие поколения принимают это как определенную норму.

Материалом для нашего исследования послужили записи интервью, сделанные на территории Вологодской и Архангельской областей (Фольклорный архив СПбГУ и открытый электронный архив “Российская повседневность»). При анализе учитывался

опыт нескольких поколений. Самое старшее поколение собеседниц – это женщины, рожденные в конце XIX — начале XX в. Большая часть рассказов, относящихся к этому времени, – это воспоминания об опыте матерей, которые записаны от женщин 1920-х, 1930-х г.р. Ко второму поколению относятся информантки, рожденные в 1917–1930 годах. Это поколение, чей жизненный мир соединял опыт предыдущего поколения, жившего старым укладом, и нового, советского поколения. И наконец, мы будем описывать истории женщин, рожденных в 1930–1950-е годы. В историях, часто биографических, проявляется особая лояльность и отсутствие моральной оценки к ситуации рождения детей без брака и признание нового формата семьи.

Для сравнения мы также обращаемся к этнографическим описаниям конца XIX – начала XX в., которые затрагивают наши территории. Прежде всего, это сборник материалов «Этнографического бюро» князя Тенишева, в котором представлены материалы по Вологодской губернии.

Список источников и литературы

1. *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1983.
2. *Кириченко О.В.* Идеалы и паллиативы в русской традиции и культуре. СПб.: Алетейя, 2018.
3. *Коконова А.Б.* Сколотари и беззаконники: внебрачные дети в севернорусской народной культуре в свете семантических оппозиций // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып.12. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 291–300.
4. *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины., М.: НЛЮ, 2017. С. 82–94.
5. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». Т. 5. Ч. 3. СПб.: Деловая полиграфия, 2007.
6. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». Т. 5. Ч. 1. СПб.: Деловая полиграфия, 2007.
7. Фольклорный архив СПбГУ.
8. Электронный архив «Российская повседневность». daytodaydata.ru

О.И. Лисицына*Тверь, Тверской государственный университет***Женская телесность и материнство в России конца XIX в.
сквозь призму медицинской периодики**

С середины XIX в. в европейских странах происходит интенсивное развитие медицинской науки, а также завершается процесс выделения акушерства и гинекологии в самостоятельные клинические научные дисциплины [3, с. 158]. Однако гинекология в данный период по-прежнему испытывает сильное влияние акушерства и независимо от него фактически не развивается, что, с одной стороны, достаточно красноречиво демонстрирует отношение к женщине и женской «роли» в викторианских буржуазных обществах [4, с. 97], а с другой – очевидно, свидетельствуют о том, какие именно медицинские услуги в области данных клинических дисциплин оказывались пациенткам чаще других.

К последней четверти XIX в. аналогичные тенденции в полной мере проявляются и в Российской империи, затрагивая, в первую очередь, крупнейшие города, в которых возникают первые акушерско-гинекологические общества. При них начинают функционировать собственные печатные органы, в частности, «Журнал акушерства и женских болезней», старейший в России, издаваемый Санкт-Петербургским акушерско-гинекологическим обществом, и журнал «Акушерка», издаваемый в Варшаве. Несмотря на то, что упомянутые медицинские периодические издания позиционировали себя как «общедоступные», не только они оставались уделом абсолютного меньшинства, но и медицинские услуги в области акушерства и гинекологии проникали в повседневную жизнь россиянок конца XIX в. крайне медленно и отнюдь не повсеместно.

Проблема определения предметной области гинекологии остро стояла в данный период и перед российским медицинским сообществом, вызывая полемику, отражавшую все те изменения, которые наметились в положении и восприятии женщины в меняющемся обществе. Несмотря на то, что термин «гинеко-

логия» еще лишь входит в обиход [1, с. 1], чаще подменяясь понятием «лечение женских болезней», а женские половые органы по-прежнему именуется «детородными частями» [7, с. 230], виднейшие акушеры-гинекологи теоретизируют на предмет содержания данной дисциплины.

Особый интерес представляет трактовка, которую дал профессор акушерства и женских болезней, директор Варшавского повивального Института Н.В. Ястребов, определив гинекологию как «науку о женщине» и в качестве ее главной задачи назвав «соблюдение интересов женщины» [5, с. 15], что звучит весьма обнадеживающе, однако вслед за этим он задаёт весьма симптоматичный вопрос о том, «что есть женщина», в первую очередь: «индивидуум» или «производительница» [5, с. 15; 22]?

Такая постановка вопроса в статье об оперативном вмешательстве отнюдь не случайна, если принять в расчет уровень развития хирургии, который, несмотря на упомянутый выше научный прогресс в данной области, на практике зачастую продолжал оставаться весьма низким. Во-первых, несмотря на рост числа больниц и родильных домов, где женщины разных сословий могли получить квалифицированную медицинскую помощь, отношение общества к вмешательству врачей-мужчин в столь табуированную сферу женской телесности оставалось крайне настороженным, в связи с чем обращение к врачу зачастую происходило лишь тогда, когда положение больной становилось критическим – и врачебная помощь часто просто запаздывала. Во-вторых, заметный рост количества медицинских учреждений не всегда подкреплялся качеством оказываемых там медицинских услуг, а главное – наличием необходимого оборудования и условий для проведения оперативного вмешательства [2, с. 422–423]. Поэтому, как видим, вопрос о «сути» женщины и о ее «предназначении» на страницах медицинской периодики был отнюдь не абстрактным и не праздным, а фактически означал расстановку приоритетов при выборе между спасением жизни матери или спасением жизни младенца.

О том, что зачастую проблема такого выбора действительно стояла крайне остро в реалиях дореволюционной врачебной

практики, свидетельствуют широкое распространение так наз. послеродовой, или родильной, горячки [8, с. 156], вызываемой заражением в процессе родов, что зачастую было связано со недостаточным уровнем знаний о дезинфекции и антисептики – в том числе и в профессиональном медицинском сообществе.

В связи с этим и самая, пожалуй, распространенная в современном акушерстве операция – кесарево сечение – являлась настолько опасной для женщины царской России, что смертность наступала примерно в 70–80% случаев, в связи с чем она долгое время имела лишь два показания к проведению: «слишком узкий таз роженицы и ее смерть» [3, с. 161]. Такую опасность «кесарское сечение» представляло ввиду больших проблем не только с дезинфекцией, но и со способами заживления ран: вплоть до середины XIX в. после хирургического вмешательства зашивалась только кожа, а не внутренние ткани, что неизбежно вело к заражению и смерти пациентки. К концу века такая практика была изжита, но успех любой лапаротомии по-прежнему зависел от умения наложить «маточный шов» и правильно обеззаразить инструменты и нити [6, с. 71]. Столь же рискованным оставалось и любое другое оперативное вмешательство, поэтому, ведя речь о хирургических операциях над беременными, нужно иметь в виду, что они предпринимались в качестве самой крайней меры, в то время как «простые» роды могли происходить и вовсе без постороннего (по крайней мере – врачебного) вмешательства.

С этим же связано и известное недоверие к врачам, вытеснявшееся из сознания крайне медленно и параллельно с дальнейшим совершенствованием средств, методов и условий медицинского вмешательства. Лишь к последнему десятилетию XIX в. вмешательство врачей-профессионалов в процесс деторождения становится все более распространенным явлением. Кроме того, постепенно в орбиту врачебного «надзора» начинают попадать представительницы всех, а отнюдь не только имущих слоев населения. Однако расширение врачебной практики не только в области акушерства, но в гинекологии происходит крайне медленно, ведь к медицинскому вмешательству по-прежнему, прибегают

лишь в случае «крайней нужды» для женщины, а таковой в массовом сознании по-прежнему признается только ее «детородная» функция. Поэтому можно сказать, что проблема признания ценности женщины не только как матери, но и как личности в данный период не решается, а лишь выносится на повестку дня.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ): проект № 16-01-00136 «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ»

Список источников и литературы

1. *Массен В.Н.* Гинекология на парижской всемирной выставке 1889 г. // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. № 10.
2. Медицинский отчет по С.-Петербургскому родовспомогательному Заведению за 1888 год // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. № 6. С. 422–423.
3. *Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л.* От повивального искусства к акушерской науке: анализ акушерской литературы, изданной в России в 1760–1860 гг. // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2017. Т. 16. № 3. С. 151–164.
4. *Фуко М.* Воля к знанию (История сексуальности, Т. I) // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
5. *Ястребов Н.В.* К вопросу об удалении двухсторонних паровариальных кист // Журнал акушерства и женских болезней. 1887. Т. 1. № 1.
6. *Müller C.J.* Случай кесарского сечения // Журнал акушерства и женских болезней. 1890. Т. 4. № 1.
7. *Nardmann.* Случай повреждения половых частей маленькой девочки // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. Т. 3. № 3.
8. *Peter.* О послеродовой горячке // Журнал акушерства и женских болезней. 1890. № 2.

Н.А. Мицюк*Смоленск, Смоленский государственный медицинский университет***От «плодоизгнания» к аборту: медиализация практик контроля рождаемости в России в XIX в. – 1920-х годах**

Советская Россия оказалась первой в мире страной, легализовавшей аборт в 1920 г. Столетний юбилей этого нормативного акта заставляет заново рассмотреть историю российской социальной политики регулирования деторождения. Анализ современных российских исторических исследований по теме ограничения рождаемости демонстрирует доминирование описательности и консервативности подходов: предметом этнографов выступают традиционные практики абортирования в крестьянской среде [1, 2, 6], историки медицины делают упор на развитие научного акушерства, историки повседневности редко привлекают новые исторические источники [3]. Новаторскими выглядят исследования зарубежных историков, которые под влиянием подходов феминистской антропологии, гендерной истории ставят новые исследовательские вопросы относительно истории репродуктивной политики и контроля над рождаемостью [12, 15, 16].

Цель представленного исследования состоит в изучении путей формирования биополитической модели контроля аборт в России, сложившейся к 1920 г. Актуальными явились подходы феминистской антропологии и гендерной истории, нацеленные на пересмотр исторического материала относительно потерь и приобретений для женщины. Концептуальными рамками исследования связаны с теорией биовласти и биополитики [8], а также теории социального контроля и медиализации [11, 13]. Сущность фуколдианской теории биополитики состоит в том, что с развитием научного медицинского знания, активно внедрявшего в повседневную жизнь представления о нормах и патологиях, государство, наравне с другими социальными институтами (право, судебная система, религия), стало использовать медицину в качестве средства управления, подавления и дисциплинирования

тела. За внешней рамкой заботы может скрываться целый механизм вмешательства и контроля частной жизни человека.

В основе исследования три группы источников: статистические данные (медицинские отчеты, данные судебной и полицейской хроники), экспертные дискурсы (медицинский, юридический), эго-документы. Новаторскими явились отчеты частных клиник, врачебные описания, карты родильных отделений, извлеченные из архивов ЦГИА СПб, ЦХД ЦГАМ, а также автодокументальные источники. Актуальными методами явились дискурсивный анализ, гендерная экспертиза статистических источников, сравнительно-исторический анализ.

Основные результаты исследования. На пути к легализации аборта можно выделить ряд важных этапов, в каждом из которых доминировала определенная модель контроля рождаемости. До начала Нового времени «плодоизгнание» в России порицалось моральными и религиозными нормами, с XVII в. оно стало уголовно наказуемым деянием. С развитием государственных институтов, обществ буржуазного типа, урбанизации усиливался властный контроль над телом человека [8]. В России этот процесс был обусловлен не столько развитием капиталистических отношений, сколько проявлением с XVII в. абсолютистских тенденций, имперской политикой, основанной на завоевании и присоединении новых территорий. Государство стало осуществлять контроль над репродуктивным поведением населения. Одна из первых попыток контроля репродуктивного поведения населения состояла в введении уголовного наказания за «плодоизгнание». Однако новая модель контроля репродуктивного поведения населения оказывалась малоэффективной, что подтверждает анализ судебных статистических материалов, а также изучение юридического дискурса. Суровый уголовный закон на практике оказывался малоприменим.

В 1880-х годах в связи с буржуазным развитием, процессами урбанизации, женской эмансипацией существенно возросло число криминальных абортёв, а также число выкидышей и мертворождений, фиксируемых в судебных и медицинских докумен-

тах. Данный процесс в России начался на 40–50 лет позже, чем в США [10]. Врачи подчеркивали, что за 65 лет число выкидышей возросло в России в 49 раз [7, с. 15]. Тенденция роста числа криминальных абортотворцев была характерна не только для столичных, но и для провинциальных городов [5]. Происходила легитимация практики прерывания беременности в условиях ее законодательного запрета. Осознание неэффективности уголовных санкций против роста абортотворцев сделали актуальным вопрос об их легализации. С конца XIX в. абортотворцам был придан статус медико-социальной проблемы, в связи с медиализацией самой практики и появлением движения за декриминализацию абортотворцев. «Политика абортотворцев» [14] стала приобретать биополитическое измерение.

Анализ политики рождаемости в России, США, Англии показывает существенные отличия в экспертных дискурсах. В то время, как с 1880-х годов медицинское сообщество западных стран заняло жесткую антиабортную позицию, выступая за усиление уголовного преследования [12, р. 340; 15, р. 11–13; 16, р. 30–38], в России оформилось либеральное крыло врачей, выступавших за декриминализацию абортотворцев. Искусственное прерывание беременности стало квалифицироваться прежде всего как медицинская операция [4].

В отношении контроля над рождаемостью российские врачи одними из первых обосновали новую модель – биополитическую, придав абортотворцу статус прежде всего медицинской проблемы. Это разбивает тезис зарубежных теоретиков о том, что биополитическая модель контроля характеризовала прежде всего западные общества [11], а в России был недостаточно сформирован биополитический дискурс [12, р. 338–340]. Принципиальная разница с вовлечением абортотворцев в сферу биополитического контроля в России состояла в том, что в США, Англии обсуждение легализации абортотворцев взяли на себя не врачи, а представительницы феминистского сообщества, вовлеченные в так наз. абортотворческие войны [9, р. 46], противостоя тенденциозной мужской экспертной позиции.

Итак, декриминализация абортотворцев отражала интересы государства (в части контроля над репродуктивным поведением че-

ловека) и врачей (рост их авторитета). До фактической легализации аборт в 1920 г. они стали выполняться вполне легально в родильных отделениях по так наз. медицинским показаниям. В развернувшейся дискуссии 1900–1910-х годов сложились очертания биополитической модели контроля рождаемости. После революционных событий 1917 г. и утверждения власти Советов была сделана ставка на утверждение модели биополитического контроля рождаемости. Принятое в 1920 г. решение о легализации абортов стало логическим завершением дискуссии о контроле над рождаемостью, развернувшейся с конца XIX в.

При поддержке РФФИ, проект № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18-21 век)».

Список источников и литературы

1. *Безгин В.Б.* Детоубийство и плодоизгнание в русской деревне // *Право и политика.* 2010. № 5. С. 972–977.
2. *Васеха М.В.* Политика охраны материнства и младенчества 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // *Женщина в российском обществе* // 2019. № 2. С. 107–119.
3. *Лебина Н.Б.* Абортмахиры в подполье: аборт в дореволюционной России и СССР: история, нравственные аспекты проблемы // *Родина.* 1999. № 1. С. 47–51.
4. *Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л.* У истоков медиализации: основы российской социальной политики в сфере репродуктивного здоровья (1760–1860 гг.) // *Журнал исследований социальной политики.* 2017. № 4. С. 515–530.
5. *Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л., Остапенко В.М.* Зарождение профессионального родовспоможения в Смоленской губернии в XIX в. – начале XX в. // *История медицины.* 2017. № 4. С. 420–436.
6. *Мухина З.З.* Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре Европейской России (вторая половина XIX – 30-е гг. XX в.) // *Этнографическое обозрение.* 2012. № 3. С. 147–160.
7. *Рейдлик А.А.* Война и охрана материнства и младенчества. Пг., 1916.
8. *Фуко М.* Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
9. *Alesha E.D.* Opposition and Intimidation: The Abortion Wars and Strate-

- gies of Political Harassment. Ann Arbor: University of Michigan, 2007.
10. *Brodie J.F.* Contraception and Abortion in Nineteenth-Century America. N.Y.: Cornell University Press, 1997.
 11. *Conrad P.* The Medicalization of Society on the Transformation of Human Conditions into Treatable Disorders. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007.
 12. *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. L.: Cornell University Press, 1992.
 13. *Freidson E.* Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge. N.Y.: Dodd, Mead Gabe, 1970.
 14. *Rabinow P., Rose N.* Biopower Today // *BioSocieties*. 2006. № 1. P. 195–217.
 15. *Reagan L.J.* When Abortion Was a Crime: Women, Medicine, and Law in the United States. Los Angeles: University of California Press.
 16. *Weingarten K.* Abortion in the Imagination: Before Life and Choice, 1880–1940. New Brunswick: Rutgers University Press.

А.А. Савчук

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

Интимная и семейная жизнь советского студенчества по данным половых обследований 1920-х годов

Интерес к семейной и интимной жизни студенчества возник еще в начале XX в., так как студенты были одной из самых динамично развивающихся и культурно развитых социальных страт. Эта среда была особенно восприимчивой к новым социальным идеям и довольно мобильной, именно в ней апробировались многие формы семейного общежития, о которых дискутировали в рамках так наз. полового вопроса – сложного комплекса понятий, включавшего в себя разные формы брака, репродуктивное поведение (в частности, методы контроля рождаемости), внебрачные связи, развод и связи с проститутками.

Было отмечено, что интенсификация проблемы пола, присущая душевной настроенности постреволюционной эпохи, вызывалась в том числе и политической подоплекой. Сексуальная революция яви-

лась своеобразным психофизиологическим компенсатором морального ущерба от несбывшихся социально-политических «вожделений», связанных с революцией [3, с. 85]. После революции 1917 г., в особенности после введения новых кодексов о браке и семье 1918 и 1926 гг., интерес к интимным отношениям в студенческой среде резко возрос: необходимо было понять, как повлияли изменения в брачной политике молодого государства на отношения между полами в самой открытой новым веяниям среде. Практика анкетирования студентов и рабфаковцев относительно их интимной жизни становится вполне обыденной. (В 1922 г. И. Гельман опросил 1214 студентов и 338 студенток, в 1924 г. по инициативе Государственного института социальной гигиены было анкетировано 354 студента и 284 студентки, в 1927 г. Д.И. Ласс провел анкетирование 1801 студента и 527 студенток, в том же году Гуревич анкетировал 1104 студента и 205 студенток [1; 4, с. 17; 5, с. 44; 2, с. 40] и т.д.).

В половых анкетах 1920-х годов затрагивались проблемы разных форм брака, развод, внебрачные связи, средний возраст начала половой жизни, пользование проституцией, репродуктивное поведение (основной упор делался на проблему абортов). Отличительной чертой всех анкетирований был количественный и процентный перекоп в сторону мужской аудитории, вызванный малым количеством студенток в вузах (так, например, у Гельмана (1922 г.) это соотношение – 77,9% к 22,1%, у Ласса (1928) – 77,4% к 22,6%) [4, с. 18], а также довольно большой процент молодых людей в возрасте до 25 лет (79,5% – у Гельмана, 72% – у Ласса) [4, с. 20] от общего числа опрошенных.

В первую очередь тех, кто проводил анкетирование, интересовал возраст вступления студентов в дебютную интимную связь. Большинство мужчин вступили в первую связь в возрасте 16-18 лет (от 51,1 до 55%), большинство женщин – в возрасте 19-21 года (от 31,2 до 43,8%) [2, с. 42], при этом у мужчин на первом месте в качестве первой партнерши стояла случайная знакомая (от 50,1 до 65,9%), у женщин – муж/жених (от 33 до 54,9%). На втором месте у мужчин стояла проститутка (от 9 до 28,4%), у женщин – сожитель (от 22,5 до 31,9%), третье место у мужчин занимала жена/невеста (от 3,7

до 22,6 %), у женщин – случайный знакомый (от 11,3 до 18%) [2, с. 42]. Согласно данным Д.И. Ласса (1927 г.), основными причинами вступления в дебютную связь у мужчин были физиологическая потребность (31,5%), любопытство (19,4%) и любовное влечение (13,6%). У женщин, наоборот, любовное влечение стояло на первом месте (47,3%), на втором – любопытство (20,2%), на третьем – потребность (13,3%) [4, с. 107].

По данным И. Гельмана (1922 г.), из опрошенных им студентов семейных был 21%, студенток – 31%, общее же число составляло 23% [1]. Данные анкетного обследования студентов I МГУ (будущего МГУ им. В.М. Ломоносова) и II МГУ (будущего Московского педагогического государственного университета) 1924 г. выявили средний возраст вступления в брак у обоих полов – 19-22 года. Средняя продолжительность брачной жизни у мужчин составляла 5,8 лет, у женщин – 4,4 года. Отмечался большой процент незарегистрированных браков и большая прочность браков, заключенных до революции [5, с. 80]. Основными причинами, по которым студенты не спешили вступать в брак, были материальная неустроенность и нежелание терять свободу и независимость, а также невозможность найти идеологически зрелого партнера и страх забеременеть. Некоторые признавали, что отказываются от брака, так как он стесняет их разгульную половую жизнь [1]. Однако большинство студентов выбрало постоянную связь с одним лицом: 76,9% студентов и 90% студенток, согласно исследованию Д.И. Ласса (1927 г.), так как именно такие отношения могли дать эмоциональную стабильность. За постоянную связь с несколькими лицами выступило 15,9% студентов и только 3,7% студенток [4, с. 210]. Что касается проституции, то после революции проституцией пользовалось достаточно большое число студентов: 47% опрошенных Гельманом и 43,6% по данным опроса студентов I и II МГУ [1; 5, с. 82]. Пользующиеся проституцией в основном объясняли это тем, что им некогда строить отношения с девушками из-за высокой занятости или нет средств жениться, а потребность в сексе есть. Для подавляющего большинства встречи с проститутками были нерегулярны.

Таким образом, можно видеть, что студенческая молодежь, воспринимая идеи новых отношений, не стремилась вступать в брак, что можно объяснить материальной неустроенностью и нежеланием связывать себя. В то же время процент молодых людей, выступавших за связь с несколькими партнерами, был невелик. В семейно-брачном поведении молодого советского студенчества сохранялась идея моногамного, долгого союза, характерная для предшествующего периода, однако его основным мотивом становятся душевный комфорт и любовь, которых можно достичь лишь с одним партнером.

Список источников и литературы

1. *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи. 1925 год // FEDY. <http://www.fedy-diary.ru/?p=3431> (дата обращения 13.10.2009).
2. *Голод С.И.* Что было пороками, стало нравами. М.: Ладомир, 2005.
3. *Иванов А.Е.* «Половой вопрос», брак, семья в бытовом сознании и поступках российских студентов (1880-е гг. – начало XX в.) // *Российская история.* 2010. № 6. С. 84–97.
4. *Ласс Д.И.* Современное студенчество (быт, половая жизнь). М.-Л.: Молодая гвардия, 1928.
5. Опыт подхода к изучению проблемы пола (семья, брак, воспитание). Из работ Гос. института социальной гигиены // *Социальная гигиена.* 1925. Сб. № 6. С. 36–111.

М.А. Графова

*Москва, Научный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

«Наши дети – наша смена, каждый выкидыш – измена»: риторика эпохи и гендерные стереотипы в репродуктивной сфере в эпоху НЭПа. Опыт прочтения агитационной и партийной литературы

В области частной жизни есть важнейшие вопросы, от ответа на которые часто зависит судьба человека. В традиционном обществе выбор партнера и принятие решений в области репродукции

обычно происходит в соответствии с социокультурными рамками, воспринимаемыми как данность. Преимущество отдается сексу в браке, этот институт на свой несовершенный лад защищает тех, кто женат и замужем. Вне брака половые связи рискованны и чаще предосудительны и для мужчины, и для женщины. То же касается и деторождения – каждая беременность по умолчанию мыслится приводящей к рождению ребенка, предпочтительно – конечно, в браке; прерывание беременности, как бы широко оно фактически ни было распространено – вне закона, а совершившие аборт стигматизируются, а то и подлежат уголовному наказанию.

А как быть, если привычные социальные и культурные нормы демонтированы или по крайней мере подвергаются сомнению, а новые еще не сложились? Именно такой была ситуация в советском обществе в 1920-е годы. Привычные ответы были часто неприменимы к новой действительности, а предлагаемые новой жизнью и новой идеологией – неприемлемы или мало реализуемы. По крайней мере, для безыдейного большинства, которое сохраняло приверженность многим традициям прошлой жизни, а в Комсомол или Партию если и вступало, то в основном ради общих карьерных соображений (мужчины) или поисков хорошего жениха (девушки).

Но существовала и категория населения, которая властью мыслилась как непосредственная аудитория для «партийной» литературы, способная воспринять заложенную в ней идеологическую программу, в том числе в области репродуктивного поведения и семьи.

Наша задача состоит в том, чтобы постараться сформулировать властный и партийный запрос эпохи НЭПа: как с этой точки зрения должна была вести себя женщина, столкнувшись с необходимостью принять решение о сохранении или прерывании беременности, как должна строиться семья «нового» типа, кто несет ответственность за воспитание ребенка в почти неизбежно тяжелых бытовых условиях?

Источниками являются партийная пресса и идеологически ориентированная литература. Какие критерии могут быть выде-

лены, чтобы отличить такого рода источники? Во-первых, в случае прессы это очевидно выделенная целевая аудитория, например, «Комсомольская правда» – газета для партийной молодежи. Герои литературы, которую мы определяем как «идеологически ориентированную» – обычно тоже комсомольцы или члены Партии. Жизнь этих героев подчинена реализации партийных установок, дурные поступки обсуждаются и осуждаются коллективом, беды и несчастья преодолеваются с его же помощью.

В партийном подходе к аборту еще в работах Ленина была выражена некоторая двойственность: с одной стороны, запрет на него и наказание, безусловно, надо отменить, с другой – откуда возьмутся новые строители коммунизма? Которых, и это еще одна грань проблемы, надо кому-то кормить (желательно – не государству рабочих и крестьян).

В статье 1925 года, написанной партийным идеологом и опубликованной в партийной газете, прослеживается характерный хаос в понимании полового вопроса, семьи и проблем деторождения: с одной стороны, разврат и аборт, оправдываемые нехваткой времени и общественным активизмом, и раннее вступление в половую жизнь – это плохо, но и аскетизм – это тоже в принципе плохо, как и буржуазная семья, хотя от семьи как таковой в переходный период отказываться нельзя, но она, семья, должна стать какой-то иной, лишенной эгоистических устремлений и цементированной интересами коллектива. В общем, молодым людям надо думать о том, что они – участники величайших событий истории и отдавать приоритет целям революции, но при этом помнить, что государство рабочих и крестьян может на данном этапе прокормить только один процент рождающихся младенцев... [11, с. 4]

Первый и важнейший вопрос, встающий перед героями (точнее, обычно героинями) наших источников, естественно, о том, сохранять ли беременность, обычно нежеланную или неожиданную. Вообще в условиях разрушения традиционного брака и последствий Гражданской войны возрастает число беременностей у женщин, в браке не состоящих. Да и сам новый брак является очень относительной гарантией стабильности положения бе-

ременной женщины. Ей предоставлено право на аборт (хотя он бесплатный, а для совершения его в нормальных медицинских условиях необходимо прохождение комиссии). Но предоставление женщине репродуктивной свободы даже в столь спорном и опасном варианте, как аборт, угрожает с точки зрения Советской власти воспроизводству населения, тем более что условия жизни и труда значительной части населения превращают родительство в подвиг. В перспективе 30-х годов это приведет к запрету аборта, но в 20-х женщин еще просто агитируют:

Коли так – долой аборт.
 Для Коммуны пионера
 Воспитаем – первый сорт
 Дети – матери отрада,
 Честь – стране рабочей всей.
 Нам детей побольше надо.
 Наш призыв – «Даешь детей» [6, с. 31]

Но что делать, если беременность нежеланная? Суммируя опыт прочтения «партийной» литературы, можно констатировать следующее:

1. **Право на аборт не предполагает его одобрения:** Женщина имеет пока неоспариваемое право на аборт. Само право любой женщины на качественный аборт в больничной обстановке есть завоевание Революции (в довольно диковинной пьесе переведенной с немецкого языка пьесе «§ 218» речь идет о том, что женщины из рабочей среды в условиях запрета на аборт вынуждены калечить свое здоровье у нелегальных акушерок и сидеть в тюрьме, в то время, как женщины из семей с достатком имеют возможность без огласки и с комфортом провести ту же операцию у хорошего врача) [1]. Но ситуации, в который он бы одобрялся или хотя бы признавался разумным решением, практически не встречаются. Это вынужденная и не афишируемая мера, ответственность за которую берет на себя женщина. Коллектив не одобряет планируемого аборта и может прямо отказать в помощи: «– Это мы и будем каждой давать [девушка, которой негде жить, обращается в комсомольскую ячейку с просьбой помочь с деньгами на аборт. – М.Г.], это что же у нас будет? Одна за другой аборт нач-

нут делать. А рожать кто будет? Пушкин рожать будет?» [8, с. 93].

2. **Контрацепции как будто нет (хотя на самом деле она была):** Какая бы то ни была рефлексия на тему доступной и эффективной контрацепции почти отсутствует. Впрочем, официальная позиция советской медицины и сводилась в лучшем случае к тому, что контрацепция в качестве вынужденной меры должна быть доступна семейным женщинам, имеющим уже достаточное количество детей и находящимся в тяжелых бытовых условиях, *только* по их запросу, а не предлагаться врачом [напр.: 7, с. 56].

3. **«На казаку следа не остается»:** если аборт сделан неудачно, то ответственность за его последствия лежит на женщине. Типовая ситуация из партийной и агитационной литературы – комсомолец-активист, передовик производства, меняет партнерш или предлагает девушкам сексуальную связь без обязательств, приклеивая им ярлык «мещанок», если они не соглашаются на секс или протестуют против навязанных им аборт. Но главная вина такого активиста – совсем не сломанная жизнь и разрушенное здоровье девушки, а то, что он пользовался своим партийным авторитетом, чтобы соблазнить ее или принудить к аборту, и клал таким образом «пятно на комсомол, на партию» [5, с. 209], нанося им репутационный ущерб.

4. **Надо во чтобы то ни стало рожать будущих строителей того коммунистического здания, фундамент которого закладывается сегодня:** в идеале женщина с незапланированной беременностью должна родить ребенка, даже с угрозой своему здоровью (например, в случае туберкулеза), и воспитывать, мужественно преодолевая трудности, с надеждой на помощь коллектива, которая в партийной литературе, конечно, всегда приходит. Чрезвычайно информативна в этом смысле повесть М.Ф. Щелкановой «Рядовые», в которой содержится целый ряд выразительных ролевых моделей предпочтительного с идеологической точки зрения репродуктивного поведения: даже дети у образцово ведущих себя матерей-комсомолок носят «правильные», новые имена, например, Спартак [12, с. 35]. Любопытно, что это совсем не мешает партийным газетам публиковать реальные истории

комсомолок, погибших по причине аборта, сделанного из-за предательства партнера и окружающей враждебности к незамужней матери: единственная комсомолка в деревне, на которую и так за это косо смотрят, умирает из-за варварских попыток аборта, а ее партнер, тоже комсомолец, как ни в чем не бывало продолжает соблазнять девушек, его, в реальности, а не идеологической прозе, общественное осуждение совершенно не касается [10, с. 1].

5. Все по-коммунистически равны, но дети – проблема матери: Участие в воспитании ребенка отца желательно, но не обязательно. Если мужчина, настаивавший на аборте, бросает беременную женщину, а потом, одумавшись, возвращается – его принимают [2, с. 29], но надо уметь обойтись и без него. Муж-комсомолец из повести «Рядовые» вообще живет в общежитии один, потому что он студент и напряженно учится, времени на семью у него нет, юная жена с младенцем должна выживать без его помощи, финансовой и бытовой [12, с. 32]. Муж Наташи Коробовой из одноименного рассказа даже относится с пониманием к ее проблемам: она работает, у нее грудной младенец с «правильным» именем Кима, здоровье подорвано очередным абортом, но отношения их начинают расстраиваться, она теряет привлекательность, не может развиваться и участвовать в общественной жизни. В конечном счете и быт, и ребенок, и женские болезни из-за аборта – ее ответственность [3, с. 28–39]. В принципе, никаких действенных механизмов, которые могут удержать мужчину в семье и заставить его содержать детей (если он этого не хочет), не существует.

6. Одна надежда на рабочий класс и коллектив: собственно, главный источник поддержки молодой женщины, беременной или брошенной с ребенком, это коллектив. «Новая» семья пропагандируется и одобряется («Здоровая любовь здоровых людей – участников общественной жизни – естественным образом приводит к прочным, длительным отношениям и требует создания новой, коммунистической семьи» [4, с. 58]); в теории. Но никаких гарантий стабильности этого идеологически выдержанного счастья женщина не получает, только надежду на «великую товарищескую любовь всего рабочего класса» [9, с. 5].

Список источников и литературы

1. § 218, или под угрозой тюремного заключения за аборт (без автора) // Пер. Т. Глебовой. М.: ГИЗ, 1924.
2. *Божинская Н.* Свободная любовь. М.; Л.: Государственное издательство, 1927.
3. *Вигилянский Н.* Комсомольцы. М.; Л.: Московский рабочий, 1927.
4. *Кетлинская В., Слепков В.* Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). М.; Л.: Молодая Гвардия, 1929.
5. *Кетлинская В.* Натка Мичурина. Л.: Прибой, 1929.
6. *Кочетков А.С., Лапин К.В.* На охрану материнства и младенчества вставай! (живая газета). М.: Издание Мосздравотдела, 1927.
7. *Леви М.Ф.* Противозачаточные средства как мера борьбы с абортом (С 19 рис.). М.: Издание Мосздравотдела, 1927.
8. *Огнев Н.* Дневник Кости Рябцева. М.; Л.: Государственное издательство, 1927.
9. *Огнев Н.* «Манька Гузикова» // Комсомольская правда. 25.09.1925. С. 5.
10. *Охременко В.* Лучинка // Комсомольская правда. 11.12.1925. С. 1.
11. *Смидович С.* Молодежь и любовь // Комсомольская Правда. 15.08.1925. С. 4.
12. *Щелканова М.Ф.* Рядовые. М.; Л.: БРиК ГИЗ, 1926.

Н.А. Араловец

Москва, Институт российской истории РАН

Медицинское обслуживание беременных женщин в РСФСР в 1970-е годы

В 1970-е годы в РСФСР беременные женщины наблюдались в *районных консультациях*. Большинство беременных женщин (более 70%) поступали под наблюдение консультаций со сроком беременности до 3-х месяцев. Небольшое их число поступало под наблюдение консультаций с поздним сроком беременности – свыше 7 месяцев. В 1979 г. в городские и сельские консультации РСФСР поступили под наблюдение женщины со сроками беременности: до 12 недель – 72,4% (от общего числа поступивших беременных женщин под наблюдения консультации), 28 недель и более – 2,3%.

Беременные женщины рожали, главным образом, в установленный консультацией срок. Важно отметить, что число *преждевременных родов* и *сделанных аборт* (самопроизвольных и по медицинским показаниям) не было значительным. В 1973 г. в *городах* из числа беременных женщин, состоявших под наблюдением консультации в районе обслуживания, закончили беременность *родами в срок* – 89,6%, *преждевременными родами* – 4,4%, сделали *аборт* – 6,0%; в *сельских местностях* соответственно – 91,3%, 3,4%, 5,3%; в РСФСР в целом – 90,0%, 4,2%, 5,8%. В 1975 г. большинство женщин закончили беременность *родами в срок*: в *городах* – 84,8%, в сельских местностях – 90,6%, в РСФСР в целом – 86,0%. В 1979 г. в РСФСР женщины, закончившие беременность *родами в срок*, составляли 87,8%.

Большая часть беременных женщин осматривалась *терапевтами*. Данные статистики показали, что их численность повышалась. Женщины, не посещавшие врача в дородовом периоде, составляли небольшое число. В 1973 г. в *городах* из числа женщин, закончивших беременность, осмотренные *терапевтами* составляли 96,9%, в *сельских местностях* – 92,2%, в РСФСР в целом – 95,8%; в 1975 г. соответственно – 97,8%, 95,5%, 97,3%. Кроме того, беременные женщины, как правило, обследовались на резуса принадлежность и на реакцию Вассермана (метод диагностики *сифилиса* немецкого иммунолога Вассермана).

Беременные женщины в основном имели *дородовый отпуск*, посещали консультацию, получали *дородовый патронаж*, в ходе которого медицинские работники, обычно средний медицинский персонал консультировали, обучали, поддерживали и готовили будущих матерей и членов их семей к рождению здорового ребенка. В РСФСР новорожденные дети (т.е. дети на первом году жизни), матери которых находились на *дородовом патронаже*, составляли в 1973 г. – 88,7%, в 1975 г. – 93,6%.

Женщины, как правило, рожали в *стационарах*. В 1970-е годы в РСФСР родовспоможение в стационаре имело свои особенности. Медики при родовспоможении применяли *психопрофилактику*.

тическую подготовку рожениц. В 1973 г. такие роды в городских стационарах составляли 48,1% (от общего числа принятых родов); в городских и сельских стационарах – 51,2%; в 1975 г. – 45,4% и 48,3%. В отдельных случаях при родовспоможении применялись и *психопрофилактическая подготовка, и медикаментозное обезболивание* соответственно – 30,9% и 28,3%, 34,8% и 32,5%. В 1979 г. в учреждениях родовспоможения РСФСР родов с *психопрофилактической подготовкой рожениц* было у городских жителей – 40,1% (от общего числа принятых родов), у сельских – 49,9%; с *медикаментозным обезболиванием* соответственно – 14,1% и 14,6%; с *психопрофилактической подготовкой и медикаментозным обезболиванием* – 42,8% и 29,2% [1, с. 188; 5, л. 37–37об.; 6, л. 42–42об., 73–73об.; 11, л. 5–5об. (подсчеты автора);]

Особые трудности в стационарах вызывали *роды с осложнениями* (аномалии родовой деятельности, акушерские травмы и т.д.), возникающие, главным образом, во время родов и родоразрешения. Вместе с тем *родов с осложнениями* (сепсис, инфекции молочной железы, внезапные осложнения во время беременности и в послеродовом периоде), встречающихся в послеродовом периоде, было численно немного [11, л. 6].

Беременные женщины в отдельных случаях рожали *дома*. Такие роды в большинстве случаев принимал средний медицинский персонал – *фельдшера и акушеры фельдшерско-акушерских пунктов*. Они не только принимали роды на дому, но и госпитализировали родильниц, осуществляли вакцинацию новорожденных против туберкулеза и т.д. [3, л. 28об.; 8, л. 2-2об., 9, л. 26–27; 10, л. 3об.].

Следует отметить, что в РСФСР отмечалось снижение числа умерших *беременных женщин, рожениц и родильниц*. В городских и сельских врачебных и фельдшерских лечебных учреждениях системы Министерства здравоохранения – на 1000 родов умерло *беременных женщин, рожениц и родильниц* в РСФСР в 1965 г. – 0,62, в 1975 г. – 0,36.

Однако *роженицы* (рожающая женщина) и *родильницы* (недавно родившая женщина) чаще, чем *беременные женщины*, умирали от *кровотечения, сепсиса* во время родов и в послеродовом

периоде, а также от заболеваний, не зависевших от беременности и родов, например, от болезней *сердечно-сосудистой системы* [4, л. 1–2об; 6, л. 43, 74; 7, л. 20об, 22–22об].

В 1970-е годы сокращалось число *абортов*. В РСФСР – на 1000 женщин фертильного возраста было абортов в 1973 г. – 107,9, в 1975 г. – 105,3. Однако в эти годы в РСФСР *аборты* сохраняли широкое распространение.

Вместе с тем повышались показатели *недоношенности* младенцев, родившихся живыми. В городских и сельских врачебных и фельдшерских лечебных учреждениях системы Министерства здравоохранения число родившихся недоношенными к числу родившихся живыми составляло в РСФСР в 1965 г. – 4,9%, в 1979 г. – 5,2% (у городских жителей – 5,5%, у сельских – 4,4%. [1, с. 178, 183, 184; 11, л. 6 (подсчеты автора)].

Важно отметить, что в СССР особое внимание уделялось многодетным матерям. В 1975 г. матери при рождении третьего ребенка получали единовременное пособие. Женщины получали также пособие по беременности и родам на предметы ухода и кормления ребенка. Выплачивались пособия на детей из малообеспеченных семей. Кроме того, матерям, родившим и воспитавшим десять детей, присваивалось почетное звание «Мать-героиня» и вручался орден «Мать-героиня». Многодетные матери награждались орденами и медалями: родившие и воспитавшие семь, восемь и девять детей – орденом «Материнская слава», родившие и воспитавшие пять, шесть детей – «Медалью материнства». [2, с. 209–211].

В 1970-е годы качество медицинского обслуживания беременных женщин, принимаемые меры социально-демографического характера, несмотря на имевшиеся недостатки, способствовали увеличению уровня рождаемости населения. В РСФСР на 1000 человек населения родилось младенцев: в 1970 г. – 14,6, в 1980 г. – 15,9 [12, с. 105].

Список источников и литературы

1. Здоровье населения и развитие здравоохранения в 1975 году: [стат. сб.]. М.: [б. и.], 1976.

2. Здравоохранение и социальное обеспечение в СССР: стат. сб. М.: ЦСУ СССР, 1976.
3. Российский статистический архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1827.
4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1828.
5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1834.
6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 56. Д. 2011.
7. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 56. Д. 2015.
8. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 56. Д. 2019.
9. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 62. Д. 1760.
10. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 62. Д. 1761.
11. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 62. Д. 1765.
12. Российский статистический ежегодник, 2001: стат. сб. М.: Госкомстат, 2001.

Н.Н. Мелихова

*Казань, Казанский национальный
исследовательский технологический университет*

Материнство: от «вовлеченного» к «дистанцированному» выполнению родительских функций

Возникновение материнства как социального института принято связывать с переходом от традиционного к индустриальному обществу, что повлекло за собой разрушение патриархального уклада жизни. Патриархальная семья не выдержала процесса индивидуализации и сменилась малодетной нуклеарной семьей, которая своим существованием обязана, с одной стороны, контрацептивам, а с другой – все большему вовлечению женщин в процесс общественного производства. Материнство стало восприниматься как отдельный социальный институт, став заметным явлением именно при сопряжении с другими социальными ролями женщины. Не менее важное значение имело изменение статуса ребенка в общественной жизни и всего процесса социализации. Таким образом, материнство потеряло свою однозначность как естественная функция женщины, дав начало дискуссиям о

праве женщины на «репродуктивный выбор», но одновременно стали четче оформляться социальные ожидания, предъявляемые к роли матери. Несмотря на появление исследований материнства как научного направления только в середине XX в., интерес к самому явлению возник еще на начальных этапах процесса индивидуализации, в конце XVIII – начале XIX в.

Проводя параллель с двумя существующими подходами к анализу семьи как малой группы и как социального института, мы решили схематично обобщить наметившиеся тенденции и выделить две парадигмы в субъективном восприятии и реализации феномена материнства: 1) эмоционально нагруженное «осознанное» материнство; 2) материнство как социальная роль, форма служения обществу. На наш взгляд, первая предполагает практически полную вовлеченность женщины в процесс ухода и воспитания, вторая – оставляет достаточно большой простор для исполнения женщиной других социальных ролей. Логично, что вторая позиция была ярко представлена в советский период: женщина-мать выступала предметом общественного поклонения, но женщина-труженица была востребована еще больше. Поэтому тяжелую ношу советских матерей частично разделяло государство. Нас интересует вопрос: почему сегодня вновь набирает популярность вторая парадигма, которую мы назовем парадигмой совместного «материнствования» (воспользуемся вариантом перевода английского *mothering*, который представлен в книге А. Шадринной [4], для подчеркивания субъективного аспекта феномена).

Необходимо отметить, что не только советские матери участвовали в реализации модели совместного «материнствования», когда материнские полномочия частично делегируются обществу, государству или социальному окружению. Историки отмечают, что у российских дворянок во второй половине XIX в. наблюдается изменение репродуктивного и семейного поведения. Н.А. Мицюк пишет, что на полвека позже, чем в западноевропейских странах, в России произошел переход от «безразличного» к «осознанному» материнству, и этот процесс сопровождался «гаммой эмоциональных переживаний» [2, с. 21]. Однако нас инте-

ресует именно предшествующий тип – «безразличное» материнство: «В дворянских семьях мать и дети были разделены нормами этикета. Высокую значимость имели не детско-родительские, а родовые отношения между большими дворянскими семьями, в которых женщина играла связующую роль... Родители в дворянских семьях конца XVII–XVIII вв. уделяли мало внимания своим детям – с самого раннего детства их отдавали на попечительство кормилицам, крепостным нянькам и дядькам» [1]. Таким образом, в привилегированных слоях общества, где женщина и раньше в силу социального и экономического статуса была наделена множеством ролей, практиковалось совместное «материнствование», хотя в эмоционально-личностном ракурсе это дистанцирование обретало форму «безразличия».

Именно вторая парадигма как наиболее приемлемая выдвигается в ходе современных дискуссий о материнстве и «материнствовании», инициированных прежде всего феминистскими исследованиями, но теперь широко обсуждаемыми не только в научных кругах [4]. Критике стала подвергаться детоцентристская идеология, вынуждающая женщину видеть смысл своего существования в том, чтобы стать «хорошей матерью», одновременно взвалив на себя «вину» за «недостаточно» хорошее исполнение этой роли. Многие женщины не согласны посвятить себя ребенку, уходу за ним в ущерб своей карьере, просто работе и индивидуальным потребностям. Можно было бы соотнести эти дискуссии только с феминистским дискурсом и успокоиться тем, что не все являются борцами с идеологией патриархата. Однако демографическая статистика упрямо свидетельствует о существенных сдвигах в семейно-брачном поведении в сторону снижения значимости зарегистрированного брака, роста разводов и сожительства, увеличения брачного возраста и возраста матерей первенцев. Исследователи также отмечают, что «в настоящее время приоритеты современной семьи сдвигаются в сторону обеспечения равных возможностей для самореализации всех ее членов, при этом родительство перестает быть единственным центральным элементом семейной системы» [1].

Таким образом, если статистика снабжает нас фактами, свидетельствующими об «отложенном взрослении» молодого поколения, то дискуссии о парадигмах материнства демонстрирует варианты артикуляции этого поведения. Молодые (и уже даже 30-летние) выбирают внесемейные ценности – собственное здоровье, достижение материального благополучия, карьерного успеха, тем самым частично делегируя материнские, родительские функции государству, обществу, социальной инфраструктуре. Молодые супруги с грудными младенцами стали для нас обычными пассажирами даже при трансатлантических перелетах. Маленький ребенок – не повод отказать себе в путешествии, если современная инфраструктура, медицина, финансовые ресурсы это позволяют. Следовательно, если совместное «материнствование» в советское время было решением проблемы нехватки трудовых ресурсов для социалистического строительства, а принятое в дворянских семьях материнство выступало как часть «множественного опекунства» [3, с. 18], то популярность современного варианта совместного «материнствования» вызвана процессами долгого взросления молодого поколения в условиях технологически продвинутой цивилизации.

Список источников и литературы

1. Бурина Е.А., Кудинова А.Е. Особенности современной российской семьи в условиях социально-исторических изменений института родительства // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8 (1). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-1-6>
2. Мицюк Н.А. Типы российских дворянок начала XX в. По отношению к собственной фертильности и материнству //Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 17–28.
3. Лисицына О.И. Воспитание будущих «жен» и «матерей» в российской дворянской семье конца XVIII – первой половине XIX века // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 3. С. 17–34.
4. Шадрина А. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Т.А. Гурко

Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Стили жизни современных городских и сельских матерей и отцов

Жизненный стиль определяется как способ жизни, как то, что обычно делает отдельный человек или определенная группа людей [3]. Многие российские и зарубежные исследования выявили, что жизненные стили родителей транслируются детям [1, с. 96], что и актуализирует их изучение.

Эмпирической основой для описания стилей жизни родителей стала база данных Федеральной службы государственной статистики – Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ-2018 гг.) [2]. Сформирована подвыборка городских и сельских родителей в возрасте 30–44 лет, опрошенных в 2018 г. Стили жизни верифицировались через имеющиеся в базе данных КОУЖ индикаторы досуга, занятий спортом, потребления алкоголя и курения, а также удовлетворенности специальностью, работой и заработной платой.

Проведенный анализ выявил различия стилей жизни по полу родителей, а также между городскими и сельскими жителями.

В сельской местности меньше отцов и матерей занимаются спортом, нежели в городах. Понятно, что у сельских жителей больше физической нагрузки в сравнении с городскими. Меньше сельских родителей (44%), нежели городских (52%), совершали туристические поездки по РФ и за пределы РФ (4% и 13% соответственно). В сельской местности меньше отцов и матерей бывают в кино, театрах, музеях, но ненамного меньше их посещают рестораны и кафе, бывают на концертах, были на спортивном мероприятии. Вопреки гипотезе, меньше сельских жителей (75% отцов и 56% матерей) в сравнении с городскими (82% отцов и 67% матерей) употребляют алкоголь и меньше их курят. Наибольшее число родителей, употребляющих спиртные напитки, в городах-миллионщиках.

Практически равная доля работающих не по специальности (около 40%), вполне удовлетворенных профессией (65%) и заработной платой (40%) и в городе, и на селе. Лишь на селе больше отцов работают в режиме гибкого графика, скорее всего не по месту жительства.

По данным 2018 г. примерно одинаковая доля городских отцов и матерей (около 50%) совершали туристические поездки по РФ и еще 13% за пределы РФ, были в ресторане, кафе (66%), в кино (58%). Работают не по специальности чуть больше городских матерей (47%), различий по удовлетворенности профессией и заработной платой практически нет. В режиме неполного рабочего дня и гибкого графика работают лишь около 3% отцов и матерей.

В четыре раза больше городских отцов (13%), нежели матерей, занимаются в спортивных секциях и в два раза больше (32%) играми на открытом воздухе (футбол, хоккей и т.д.). В два раза больше городских матерей (18%), чем отцов, занимаются фитнесом, плаванием.

Городские отцы чаще (82%), нежели матери (67%), в 2018 г. употребляли алкоголь. Не курят и не курили только 32% городских отцов и 75% городских матерей. В сфере досуга различия также значительны. Примерно в два раза больше городских матерей (31%), нежели отцов, были на концерте, посещали религиозные учреждения (28%), были в театре (27%), в музее, на выставке (21%). Несколько больше городских отцов (35%), нежели матерей (20%) были на спортивном мероприятии. С чем связаны различия стилей жизни матерей и отцов? Вероятно, также, как и различие стилей жизни мужчин и женщин с семейной и внесемейной социализацией и распространенностью гендерных стереотипов. В городах и в сельской местности различия/сходства стилей жизни отцов и матерей согласно нашему анализу данных КОУЖ выражены в равной мере.

Список источников и литературы

1. Гурко Т.А. Жизненные стили российских родителей: динамика, региональные, возрастные и профессиональные особенности // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 2. С. 94–109. <https://>

doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5859

2. Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ) проводится Федеральной службой государственной статистики с интервалами в несколько лет. В 2018 г. выборка составила около 60 тыс. домохозяйств. Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ–2011, 2018) // Федеральная служба государственной статистики. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/itog_inspect1.htm (дата обращения: 18.03.2020)
3. Lifestyle // Cambridge dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/lifestyle>

А.А. Давыдова

*Казань, Казанский национальный
исследовательский технологический университет*

Особенности эмоционального состояния женщин в современной российской семье на рубеже 2020 года (на примере Республики Татарстан)

Вопрос эмоционального состояния женщины достаточно важен в рамках развития современного общества, поскольку в настоящее время женщина все чаще занимает многие ключевые позиции как на работе, так и в семье, кроме того, исследование касается детско-родительских отношений, в том числе и воспитания в современной семье.

Согласно данным Татарстанстата, количество зарегистрированных семей год от года уменьшается. Так, если в 2010 г. было заключено 31435 актов о регистрации брака, в 2015 г. – 30571 акт, а в 2019 г. – 24167 актов. При этом количество разводов уменьшается незначительно: в 2010 г. количество разводов составило 13960 актов, в 2015 г. – 13450 актов, в 2019 г. – 13316 актов. Как свидетельствуют органы ЗАГС РТ, большинство семей распадаются, не просуществовав и 10 лет, а наиболее кризисным периодом для молодой семьи являются первые 5 лет совместной жизни, именно на этот период времени приходится большее количество всех случаев расторжения брака. Следует отметить,

что при таком незначительном уменьшении количества разводов количество семей с несовершеннолетними детьми при расторжении брака увеличивается, в сравнении с 2015 г. на 21%. При этом количество несовершеннолетних детей также год от года увеличивается в сравнении с 2015 г. на 25%. [6, 7]

Даже сохраняя семейно-брачные отношения, родителям не всегда удается правильно воздействовать на своих детей и обеспечить им благополучное созревание, хотя именно воспитание непосредственно влияет на все сферы психического развития ребенка. Следует учитывать факт того, что именно с периодом беременности и материнства, который является наиболее уязвимым для психики женщины, связаны особенности эмоционального состояния женщин, в том числе тревожности и депрессивности. Вообще, согласно принятым в обществе стереотипам женщины склонны к тревожности куда больше, чем мужчины. В возрасте до года никаких существенных различий по страхам и тревожности между младенцами мужского и женского пола не обнаруживается, девочки начинают учиться бояться чаще всего с возраста трех-четырёх лет, при этом количество этих сформированных страхов будет зависеть от того, насколько тревожно относятся к ребенку родители.

В настоящее время данная тема актуальна, поскольку стабилизация эмоционального состояния женщины, в том числе коррекция тревожности и депрессивности, является частым запросом в практической психологии и психотерапии. Кроме того, именно тревожность является серьезным риск-фактором для развития психосоматических отклонений, нередко служит причиной возникновения стрессовых состояний, порой ведущих к депрессиям; кроме того, от уровня тревожности зависят эффективность и производительность труда на рабочем месте [2].

Все вышеперечисленное предопределило цель исследования, которая заключается в исследовании особенностей эмоционального состояния женщин, а именно тревожности и депрессивности, в зависимости от опыта семейно-брачных и родительско-детских отношений, а также ряда социальных факторов, таких как возраст, образование, место проживания и доход.

Эмпирическое исследование проводилось в мае–июне 2019 г. в сети Internet путем размещения опроса «Эмоциональное состояние женщины». В целях обеспечения полной анонимности опрашиваемых женщин исследование проводилось с помощью Google-форм. В исследовании приняли участие 90 женщин в возрасте от 18 лет.

Проведение данного исследования включало в себя использование следующих методик по выявлению тревожности: «Склонность к немотивированной тревожности» В. Бойко [1], «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» HADS, «Шкала ситуативной и личностной тревожности» опросника Спилбергера-Ханина [4, 5], а также методики Е.С. Шефера и Р.К. Белла (*Parental Attitude Research Instrument. – PARI*) [3], которая позволяет оценить специфику внутрисемейных отношений, особенности организации семейной жизни и проч., поскольку анализ литературы показал, что на формирование тревожности оказывает влияние семейные и родительно-детские отношения.

Полученные результаты по методике В. Бойко демонстрируют, что из всех женщин с различным опытом семейных отношений к немотивированной тревожности более склонны замужние женщины. А также следует отметить, что женщин с необоснованной тревожностью, которая стала бы уже неотъемлемой чертой поведения, по методике В. Бойко в выборке не выявлено, что доказывает, что в выборке участвуют психологически здоровые и адекватные женщины.

По шкале HADS A тревожность в норме почти у 70% женщин, умеренно выше у 20%, значительно выше – у 10% женщин.

А по шкале HADS-D у 82,22% опрошенных женщин суммарный показатель по шкале депрессии (средний результат равен 3,8 балла) также в норме, у 13,3% женщин – субклинически выраженная депрессия, у 4,44% женщин – клинически выраженная депрессия. Следует заметить, что среди женщин с клинически выраженной депрессией преобладают многодетные матери (75%), и отсутствуют бездетные женщины и женщины, которые не были замужем.

Далее проводилась диагностика женщин по шкале Спилбергера-Ханина, согласно результатам которой женщин с низкой ситуативной тревожностью в данной выборке крайне мало, всего – около 2% женщин, с умеренной – более 53%, с высокой ситуативной – более 48% женщин. При этом анализ показателей личностной тревожности женщин выявил, что в данной выборке женщин с низкой личностной тревожностью нет, с умеренной – 40% и 60% женщин высокотрехотные. Следует обратить внимание на тот факт, что личностная тревожность всегда выше ситуативной, подтверждает предположение о том, что уровень личностной тревожности более значим, что подтверждает проведенный t-тест (уровень значимости 0,01).

Диагностика по методике PARI выявила, что средние значения по большинству шкал находятся в диапазоне средней степени выраженности. При этом проведенный посредством «Пакета анализа» в MS EXCEL корреляционный анализ, выявил тесные связи между уровнем тревожности и опытом семейных, родительско-детских отношений, количеством детей, уровнем дохода. Кроме того, посредством t-теста Стьюдента были выявлены значимые различия по склонности к немотивированной тревожности между группой замужних женщин и незамужних, в том числе разведенных.

Подводя итог, можно заключить, что современный подход к феномену тревожности основывается на том, что тревожность – не только негативная черта личности, а также свойство, которое во многом обуславливает поведение человека. Для каждого человека характерен свой оптимальный уровень тревожности, так наз. полезная тревожность, которая является необходимым условием развития личности. Безусловно, каждая женщина не раз испытывала состояние тревоги, но далеко не всегда это является поводом для обращения за консультацией к психологу или к психотерапевту. Рекомендация женщинам с высоким уровнем тревожности – формирование чувства уверенности и успеха, кроме того им необходимо смещение акцента с внешней требовательности, категоричности, высокой значимости в постановке задач на содержательное осмысление деятельности и научении разбивать

большие задачи на более мелкие. При этом женщинам с низким уровнем тревожности, наоборот, требуется пробуждение активности и вовлеченности, подчеркивание мотивационных компонентов деятельности, возбуждение заинтересованности, формирование чувства ответственности в решении тех или иных задач.

Результаты данного исследования могут быть использованы при консультировании женщин по вопросам стабилизации эмоционального состояния, коррекции тревожности, депрессивности, в семейном консультировании, а также для повышения эффективности и трудоспособности в рабочем коллективе.

Список источников и литературы

1. *Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1996.
2. *Менделевич В.Д.* Медицинская психология. Учебник. Ростов н/Д: Феникс, 2016.
3. *Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2011.
4. *Стилбергер Ч.Д.* Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги // Тревога и тревожность. СПб.: Питер, 2001. С. 88–103.
5. *Ханин Ю.Л.* Краткое руководство к применению шкалы личностной и реактивной тревожности. Ленинград: ЛНИИФК, 1976.
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. www.tatstat.gks.ru
7. Управления записи актов гражданского состояния кабинета министров Республики Татарстан. www.zags.tatarstan.ru

Е.С. Бурмистрова

*Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

Проблема аборт в риторике французского «Национального фронта»

Традиционно «Национальный фронт» был мужской партией для мужчин. Жан-Мари Ле Пен придерживался четких позиций в

отношении женщин: для него они были прежде всего хранительницами очага и матерями. Проблема абортыв вызывала у него однозначную реакцию: вместе с католическими силами он всячески противостоял абортам, называя их «антифранцузским геноцидом» [3, р. 112]. В своей позиции Жан-Мари был не одинок: его поддерживала «дочерняя» женская организация «Национального фронта» – «Национальный круг европейских женщин» (*CNFE, Cercle National des femmes d'Europe*), основанная в 1985 г. и являвшаяся образцом «традиционного» взгляда на гендерные вопросы, которым отличалось руководство партией 1980–1990-х годов.

На современном этапе под руководством Марин Ле Пен «Национальному фронту» удалось стать третьей по значению партией во французской политической жизни и переместиться с ее обочины в самый центр. Марин Ле Пен, возглавившая партию в 2011 г., взяла курс на модернизацию и «дедemonизацию» партии, что также нашло отражение в риторике «Национального фронта» по женскому вопросу.

В официальной программе партии, «144 президентских обещаниях», женский вопрос освещен достаточно скудно: слово «женщина» упоминается в программе всего лишь дважды, и всего три пункта из 144 касаются проблем, связанных с ней. Вопросу репродуктивных прав женщин посвящен 87 пункт программы, согласно которому необходимо поддерживать запрет суррогатного материнства и сделать так, чтобы искусственное оплодотворение было крайней медицинской мерой в борьбе с бесплодием [2, р. 13]. Проблема абортыв, которым «Национальный фронт» противостоял ранее, не поднимается ни в этом пункте, ни во всей программе в целом.

Несмотря на то, что официально проблема абортыв не освещается в партийных документах «Национального фронта», Марин Ле Пен не раз заявляла о том, что она полностью поддерживает право женщин на аборт. При этом важно отметить, что если в начале своей политической карьеры Марин Ле Пен выступала за то, чтобы вывести абортыв из списка операций, покрываемых государственной страховкой, то постепенно ее позиция эволюциониро-

вала до «абсолютной поддержки полностью компенсируемых государством» аборт [1]. Интересным штрихом к такому изменению позиции по поводу абортов стал самороспуск «Национального круга европейских женщин», открыто раскритиковавшего излишне прагматичные позиции Марин Ле Пен в отношении абортов.

Критику подобной позиции поддерживала и племянница Марин, Марион Марешаль-Ле Пен, которая являлась до своего выхода из партии в 2017 г. одним из ярких представителей либерально-консервативного крыла партии, тесно связанного с консервативными католиками. Считалось, что Марион – самый молодой депутат за историю Национального собрания, представлявшая в нем партию 2012–2017 гг. – в будущем сменит свою тетю на посту лидера «Национального фронта». Крайне религиозная католичка, придерживающаяся консервативных позиций, активно высказывалась и по женскому вопросу. Так, в одной из своих речей в Национальном собрании она критиковала французских феминисток, заявляя, что их понимание феминизма устарело и они «в политическом плане являются динозаврами, думающими, что на дворе все еще май 1968 года. Женщины во Франции имеют право голоса, право работать или не работать, выходить замуж и разводиться, использовать средства контрацепции и имеют право на аборт, если они того пожелают» [4].

Марион активно выступает против абортов, продолжая линию своего деда. Близкие к ней представители «Национального фронта» даже подбирают метафоры вполне в духе 1980-х годов. Так, например, Эмерик Шопрад, представлявший партию в Европарламенте, говорил об абортах, как об «оружии массового поражения, направленном против населения Европы» [5].

Таким образом, в праворадикальном «Национальном фронте» существует раскол по вопросу о праве женщины на аборт. С одной стороны, значительная часть организации призывает придерживаться традиционно консервативных позиций в отношении абортов, что позволит организации сохранить традиционный электорат. С другой стороны, лидер организации открыто заявляет о том, что лично она ничего против абортов не имеет, что позво-

ляет сформулировать более открытый к реалиям современного мира образ. При этом Марин Ле Пен отказывается, как уже было отмечено выше, включать тему аборт в свою официальную программу, а значит окончательной точки зрения в программе «Национального фронта» по этому вопросу не сформулировано.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 18-411-590010 «Традиционные ценности и глобализация в современном мире: Северная Америка, Западная и Восточная Европа».

Список источников и литературы

1. *De Boni M.* VG: Marion Maréchal-Le Pen recadrée par sa tante // Le Figaro. 05.12.2016. URL: <https://www.lefigaro.fr/elections/presidentielles/2016/12/05/35003-20161205ARTFIG00223-ivg-marion-marechal-le-pen-recadree-par-sa-tante.php>
2. *Le Pen M.* Les 144 engagements présidentiels // Rassemblement National. <https://rassemblementnational.fr/pdf/144-engagements.pdf> (дата обращения: 01.06.2020)
3. *Marcus J.* The National Front and French Politics: The Resistible Rise of Jean-Marie Le Pen. N.Y.: Macmillan Press. 1995.
4. Marion Maréchal Le Pen Explains Why Feminists Are Hypocrites // YouTube. 31.01.2017. <https://www.youtube.com/watch?v=cmhFLUesQB8>
5. Un eurodéputé FN s'en prend à l'avortement et au «poison LGBT» // BFM TV. 13.03.2015. <http://www.bfmtv.com/politique/un-eurodeupte-fn-s-en-prend-a-l-avortement-et-au-poison-lgbt-868904.html>

Д.Б. Вершинина

*Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

Проблема аборт в дискуссиях об ирландской национальной идентичности: от традиции к модерну

В мае 2018 г. Ирландия привлекла внимание мировых СМИ референдумом о легализации аборт по желанию женщин, к тому моменту оставаясь одной из немногих европейских стран, в которых женское репродуктивное поведение жестко контроли-

ровалось государством. Триумфальная для Ирландии, много десятилетий остававшейся в Западной Европе “последним бастионом” католицизма и католического социального учения, победа сторонников репродуктивной свободы была воспринята во всем мире как свидетельство серьезной эволюции, которую проделало ирландское общество. Правые же силы, в том числе за пределами страны, оценивали референдум как значимый рубеж в борьбе за сохранение традиционных ирландских ценностей (под которыми прежде всего понимаются ценности семейные): неслучайно именно эта кампания позволила активизироваться и громко заявить о себе крупнейшей на сегодня ирландской праворадикальной партии – Национальной партии во главе с Дж. Барреттом, которая проводила масштабную кампанию против легализации аборт под названием «Abortion Never» [3].

Ирландская национальная идентичность действительно претерпела существенные изменения за период, прошедший с середины XX до начала XXI в., и в центре этих изменений оказались вопросы веры, семьи и сексуальности. Важно выявить факторы, определившие данную эволюцию и объясняющие, как из патриархальной сельской страны Ирландия превратилась в динамично секуляризирующееся общество и государство.

Теоретической моделью, помогающей объяснить эту трансформацию Ирландии, является концепция американского социолога Р. Инглхарта, в соответствии с которой в современном обществе происходит неизбежная смена традиционных ценностей, связанных с семьей, патриархальной властью, в том числе государственной, ценностями рационально-секулярными, в ходе которого ослабляется влияние институтов государства и церкви на индивидуальный выбор гражданина [2]. Ирландия действительно представляет интересный кейс, в котором за последние 40 лет произошло драматическое снижение авторитета Католической церкви, хотя католическая вера осталась значимой компонентой национальной идентичности ирландца и ирландки.

Представляется, что точкой отсчета для модернизации ирландского общества в вопросах репродуктивного поведения женщин

стало активное лоббирование Ирландской католической церковью Восьмой поправки к Конституции, которая была принята в 1983 г. – момент, когда, с одной стороны, в стране, как и в других государствах Запада, происходит консервативный откат (*backlash*), а с другой – как раз формируется женское движение, которое ориентируется на опыт соседней Великобритании. В результате принятия Восьмой поправки, согласно которой жизнь плода уравнивалась с жизнью матери с точки зрения их ценности, медицинская система страны оказалась в заложниках противоречивой формулировки, и обыденной вещью для Ирландии стали ситуации, когда доктора не предпринимали усилий для спасения женской жизни, оказавшейся под угрозой из-за продолжения беременности.

Ирландская прогрессивная общественность критиковала формулировку поправки как ограничивающую права женщин еще в 1980–1990-е годы, однако высокий уровень религиозности ирландцев сделал процесс размывания традиционных ценностей более длительным, чем в других странах. Это может быть объяснено и тем, что процесс нациестроительства происходил в Ирландии существенно позднее, чем в других странах, и был во второй половине XIX – первой половине XX в. напрямую связан с католицизмом (в нем ирландцы видели противовес навязываемому Британией англиканству) и с католическим социальным учением, отраженным в конституции Ирландии 1937 г. [1, с. 98].

1990-е годы можно считать моментом, когда позиции церкви начинают ослабевать в Ирландии в связи с различными скандалами сексуального характера, что в начале XXI в. лишает веру ирландцев ее институциональной основы. Оставаясь одним из наиболее религиозных обществ (согласно данным переписи населения 2016 г., 78% ирландцев считают себя католиками [4]), Ирландия тем не менее превращает веру в индивидуальный выбор граждан, а ирландская национальная идентичность, с момента ирландского возрождения XIX в. напрямую связываемая с Католической церковью, перестает ставить веру во главу угла. Характерно, что и сама Католическая церковь в условиях ее дискредитации скандалами дистанцируется от участия в та-

ких общественных дискуссиях, как кампания, предшествовавшая референдуму о легализации аборт. Впрочем, устранение церкви высвобождает пространство для правых радикалов, которые играют на поле традиционных ценностей, однако (пока) в силу целого ряда факторов (среди них не очень высокий уровень иммиграции, исторически сильные позиции левых радикалов и др.) являются маргинальной политической силой и не получают значимую общественную поддержку.

Таким образом, тот факт, что вопрос о репродуктивной свободе и праве женщины на аборт по собственному желанию оказался в центре дискуссий о модернизирующейся национальной идентичности ирландцев, позволяет сделать вывод о том, что противостояние традиционных и секулярно-рациональных ценностей ярче всего выражается в дискуссиях об автономности индивида от институтов.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 18-411-590010 «Традиционные ценности и глобализация в современном мире: Северная Америка, Западная и Восточная Европа».

Список источников и литературы

1. *Вершинина Д.Б., Тимофеева О.В.* Женский вопрос в католической стране: траектории гендерной политики в Ирландии и Польше конца XX – начала XXI века (на примере вопроса об абортах) // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3. С. 95–108.
2. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Нов. изд-во, 2011.
3. «Abortion Never» Launch, Dublin, Feb 2018 (Full Speech) // YouTube. 20.02.2018. <https://www.youtube.com/watch?v=g7A0vWUkxXg>
4. Census of Population 2016 – Profile 8 Irish Travellers, Ethnicity and Religion // Central Statistics Office. Census 2016 Results. <https://www.cso.ie/en/csolatestnews/presspages/2017/census2016profile8-irishtravellersethnicityandreligion/>

О.В. Тимофеева*Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

Свобода совести врача в решении вопроса об абортах в современной Польше

Проблема абортот крайне актуальна для Польши – государства с глубокими католическими традициями [1]. Аборты в Польше за-прещены с 1993 г. убежденным католиком Л. Валенсой. Действующий сегодня закон от 1993 г. [10] называют компромиссным, в нем представлены позиции сторонников и противников абортот. Аборты в стране легальны лишь если беременность угрожает жизни и здоровью матери, если известно о тяжких повреждениях плода либо о неизлечимых болезнях, угрожающих его жизни, если беременность стала результатом преступления, что делает его одним из самых жестких в Европе.

Особенностью репродуктивного права в Польше является так наз. оговорка совести (*klausula sumienia*) – правовое регулирование, позволяющее врачу даже в ситуации легального аборта отказать его проводить, если это противоречит его идеологической или религиозной позиции [9, Art. 39]. «Оговорка совести» призвана учесть и свободу совести врача, и гарантии получения женщиной медицинской помощи. Польская «Федерация на благо женщин и планирования семьи» именно с применением врачами «оговорки совести» связывает уменьшение количества абортот по причине угрозы жизни или здоровью женщины на 60% (22 случая в 2017 г. против 55 в 2016 г.), т.к., не желая получать отказ от врача по причине его религиозных убеждений, женщины выезжают для процедуры аборта за границы Польши [5]. Медицинские учреждения и врачи, которые нарушают права женщин на аборт во имя «оговорки совести» и отказывают в медицинской процедуре или умножают барьеры на пути к ее получению, затягивая исследования до момента, когда законные сроки осуществления

аборта уже будут упущены, создают репрессивную действительность для женщины в реализации права на аборт.

Применение оговорки стало правовым, публицистическим, политическим полем битвы. Ряд юристов, аффилированных с костелом, говорит, что отказываясь проводить аборт, врач даже не обязан ссылаться на указанную оговорку, т.к. он не должен самостоятельно разрешать конфликт между правом на жизнь и необходимостью выполнять профессиональные обязанности [3]. Комитет биоэтики при Президиуме Польской академии наук полагает, что врач не может «прикрываться» свободой совести, в особенности при информировании пациентки, выдаче направлений на исследования, выдаче рецептов на средства контрацепции, но может отказаться осуществлять вмешательство [7].

Польская «Международная амнистия» заявляет по вопросу применения «оговорки совести», что власти обязаны ввести, например, обязанность указать иного врача и место, где не обращаются к «оговорке совести» в своей практике [6]. На этом решении и настаивают польские сторонники права женщины на выбор – публикация информации о врачах и медицинских организациях, применяющих «оговорку совести». В 2019 г. противники правящей и традиционалистски настроенной «Права и справедливости» (ПиС), подписывают декларацию по женскому вопросу, где обязуются бороться и за упорядочение использования «оговорки совести» [2]. Однако существует решение Конституционного Суда о том, что такое принуждение врача неконституционно [11].

Тем не менее ситуация в обществе меняется. С 2018 г. частная медицинская фирма «Medicover» на своем сайте и портале для пациентов обозначает врачей, ссылающихся на «оговорку совести». Организация говорит, что ей важно, чтобы несмотря на то, что у них работают несколько десятков медиков, апеллирующих к свободе совести, важно дать потенциальным пациенткам всю информацию для осознанного выбора врача [8]. Прорыв в ситуации с «оговоркой совести» в Польше совершает бизнес, частная медицина, а не политические силы.

Но серьезные перемены в вопросе с применением «оговорки совести» врачами могут произойти и политическим путем. 15 апреля 2020 г. польский Сейм не отклонил законопроект про-лайф «Останови аборт», направленный на исключении из действующего «Устава о планировании семьи» пункта о медицинских проблемах плода, однако направил его в подкомиссию, что дает надежду на его «заморозку» [4].

Сегодня сложный правовой аспект на пути решения женского вопроса в Польше разрешается усилиями общественных организаций, не самых многочисленных политических сил и даже бизнеса, но не основного политического оппонента правящей партии. В польском правовом поле свобода совести врача, а значит позиция про-лайф, по-прежнему важнее права женщины на выбор, но мы наблюдаем осторожное движение и в ином направлении.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 18-411-590010 «Традиционные ценности и глобализация в современном мире: Северная Америка, Западная и Восточная Европа».

Список источников и литературы

1. *Вершинина Д.Б., Тимофеева О.В.* Женский вопрос в католической стране: траектории гендерной политики в Ирландии и Польше конца XX – начала XXI века (на примере вопроса об абортах) // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3. С. 95–108.
2. Deklaracja styczniowa 26 stycznia 2019 // Platforma obywatelska. <https://platforma.org/aktualnosci/deklaracja-styczniowa> (дата обращения: 01.05.2020).
3. *Galazka M.* Odmowa przerwania ciąży a klauzula sumienia lekarza // Studia z prawa wyznaniowego. 2013. Т. 16. S. 23–42.
4. Głosowanie nad projektem Godek – omówienie wyników // Federacja na rzecz Kobiet i Planowania Rodziny. 23.04.2020. https://federa.org.pl/glosowanie_projekt_godek/
5. Najnowsze dane o legalnej aborcji w 2017 roku // Federacja na Rzecz Kobiet i Planowania Rodziny w Polsce. <http://federa.org.pl/dane2017/> (дата обращения: 01.05.2020)
6. Pytania i odpowiedzi dotyczące aborcji, streszczające międzynarodowe standardy praw człowieka i stanowisko // Amnesty International. <https://amnesty.org.pl/aborcja-pytania-i-odpowiedzi/> (дата обращения: 01.05.2020)

7. Stanowisko Komitetu Bioetyki przy Prezydium Polskiej Akademii Nauk nr 4/2013 w sprawie tzw. Klauzuli sumienia // Komitet Bioetyki przy Prezydium Polskiej Akademii Nauk Stanowisko KB nr 4/2013 12 listopada 2013. <http://www.bioetyka.pan.pl/images/stories/Pliki/Stnowisko%20KB%20nr%204-2013.pdf>
8. «Ten lekarz ma sumienie» – Medicover wskazuje lekarzy, którzy podpisali klauzulę sumienia // ISBzdrowie. 11 czerwca 2018. <https://www.isbzdrowie.pl/2018/06/ten-lekarz-ma-sumienie-medicover-wskazuje-lekarzy-ktorzy-podpisali-klauzule-sumienia/>
9. Ustawa z dnia 5 grudnia 1996 r. o zawodach lekarza i lekarza dentystry. Dziennik Ustaw. 1997 nr 28 poz. 152 // ISAP. Internetowy System Actow Prawnych. <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19970280152> (дата обращения: 01.05.2020)
10. Ustawa z dnia 7 stycznia 1993 r. o planowaniu rodziny, ochronie płodu ludzkiego i warunkach dopuszczalności przerywania ciąży. Dziennik Ustaw. 1993 nr 17 poz. 78 // ISAP. Internetowy System Actow Prawnych. <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19930170078> (дата обращения: 01.05.2020)
11. Wyrok Trybunału Konstytucyjnego o sygn. K 12/14. Wolters Kluwer. <https://sip.lex.pl/orzeczenia-i-pisma-urzedowe/orzeczenia-sadow/k-12-14-wyrok-trybunalu-konstytucyjnego-521903112> (дата обращения: 01.05.2020)

Научное издание

**Женское и мужское в традиционной и современной
культуре: сохранение, фиксация, понимание**

Материалы XIII международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории и
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Часть 1

Тексты статей печатаются в авторской редакции

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Ответственный редактор Н.Л. Пушкарева
Составитель А.И. Громова

Дизайн обложки
Е.В. Орлова
Компьютерная верстка
Н.А. Белова

Подписано к печати 11.08.2020. Формат 60x84/16
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 500 экз. Заказ № 168

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, 32а